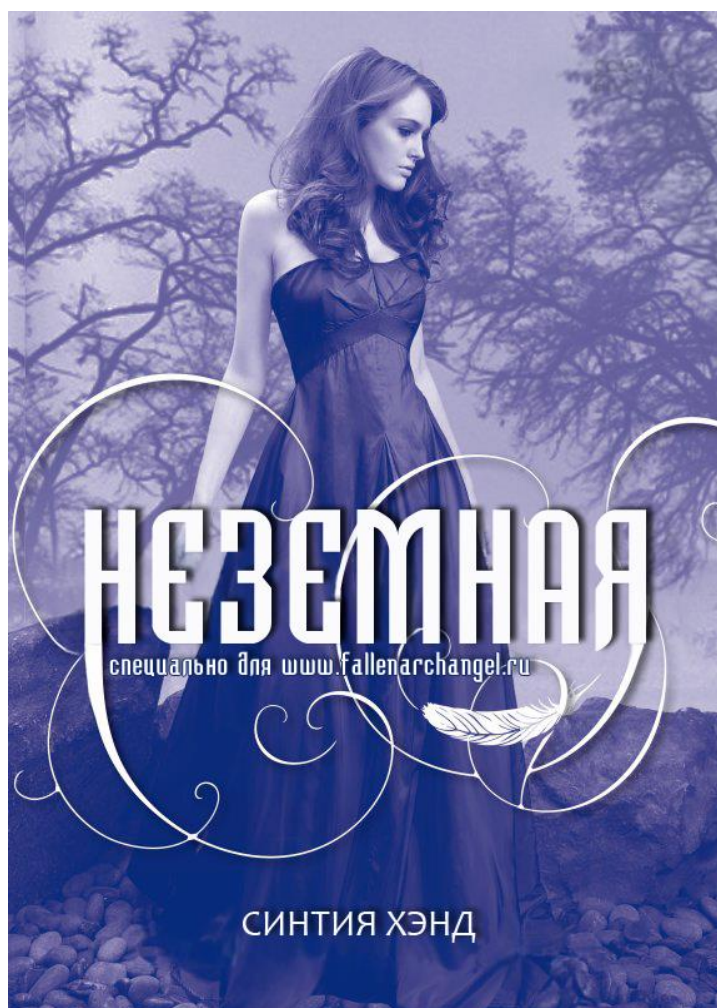

Синтия Хэнд
«Неземная»
Неземная - 1

АННОТАЦИЯ:

В самом начале был мальчик, стоящий среди деревьев...

Клара Гарднер совсем недавно узнала, что она – наполовину ангел. Ангельская кровь, текущая в венах девушки, не только делает её более умной, сильной и быстрой по сравнению с обычными людьми, но она же и наградила девушку предназначением, ради которого та и была послана на землю. Ко всему прочему выясняется, что выполнить данное предназначение не так-то просто, как кажется.

Постоянные видения всепоглощающего лесного пожара и очаровательного незнакомца приводят Клару в новую школу, находящуюся в новом городе. Когда она встречает Кристиана (который, как оказалось, и есть тот очаровательный незнакомец), кажется, все встает на свои места, а может и не на свои? Ведь существует еще один парень по имени Такер, который затрагивает отнюдь не ангельскую сторону Клары.

Пытаясь найти свой путь в этом мире, который она больше не понимает, девушка сталкивается с невиданными опасностями и выбором - который, как она думала, ей никогда не придется делать - между честностью и обманом, любовью и обязательством, добром и злом. Когда огонь ее видений, наконец, загорится, будет ли Клара готова столкнуться лицом к лицу со своей судьбой?

«Неземная» - это сказка о любви и судьбе, о борьбе между следованием правилам и зовом твоего сердца.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЛОГ	2
ГЛАВА 1. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ	3
ГЛАВА 2. ВПЕРЕД НА ДЖЕКСОН ХОЛ!	9
ГЛАВА 3. Я ПЕРЕЖИВАЮ ЭПИДЕМИЮ ЧЕРНОЙ ЧУМЫ	16
ГЛАВА 4. РАЗМАХ КРЫЛЬЕВ	25
ГЛАВА 5. БОЗО	31
ГЛАВА 6. ЛЫЖИ – Я ИДУ!	41
ГЛАВА 7. СОВМЕСТНЫЙ ПОЛЕТ	47
ГЛАВА 8. МОЙ УРОВЕНЬ – СИНИЙ КВАДРАТ	57
ГЛАВА 9. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЕВА!	62
ГЛАВА 10. УРОК ПОЛЕТА	72
ГЛАВА 11. АЙДАХО-ФОЛС	78
ГЛАВА 12. ЗАТКНИСЬ И ТАНЦУЙ!	85
ГЛАВА 13. ДИНЬ-ДИНЬ	95
ГЛАВА 14. ПРЫЖОК С ДЕРЕВА	103
ГЛАВА 15. НА ПРОГУЛКУ С ТАКЕРОМ	109
ГЛАВА 16. МЕДВЕЖИЙ РЕПЕЛЛЕНТ	120
ГЛАВА 17. ЗОВИ МЕНЯ ПРОСТО АНГЕЛ	128
ГЛАВА 18. МОЯ ПРЕДНАЗНАЧЕННАЯ ЖИЗНЬ	136
ГЛАВА 19. ВЕЛЬВЕТОВАЯ КУРТКА	143
ГЛАВА 20. АДСКАЯ БОЛЬ	146
ГЛАВА 21. ДЫМ ЗАСТИЛАЕТ ГЛАЗА	152
ГЛАВА 22. ПАДАЛ ДОЖДЬ	156

ПРОЛОГ

(Переводчик: unearthlybooks; Редактор: [unreal])

*В то время были на земле исполины, особенно же с того времени,
как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим,
и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди.
Бытие 6:4*

Все началось с незнакомца, стоящего среди деревьев. Он был примерно моего возраста, как раз в том коротком промежутке взросления, когда мальчик уже не ребенок, но ещё и не мужчина. Ему, наверное, было лет семнадцать. Я не могу отчетливо объяснить, откуда это знала. Мне виден был только его затылок, темные, выющиеся от влажности у шеи, волосы. Вокруг ощущался удушливый жар, такой яростный, что, казалось, он вытягивал жизнь из всего вокруг. Небеса на востоке были окрашены в странный оранжевый цвет, а воздух заполнен тяжелым запахом гари. На мгновение, меня охватила такая печаль, что у меня перехватило дыхание. Не знаю почему. Я шагнула к незнакомцу и уже была готова позвать его, но поняла, что не знаю его имени. Под ногой хрустнула ветка, и он, кажется, услышал меня. Поворачивается. Ещё секунда и я увижу его лицо.

Потом видение оборвалось. Исчезло, стоило только мне моргнуть.

ГЛАВА 1. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

(Переводчик: **unearthlybooks**; Редактор: **[unreal]**)

В первый раз, а если быть совсем уж точной, то шестого ноября я проснулась в 2 часа ночи с ощущением звона в ушах, словно крошечные светлячки отчаянно бились у меня в голове. Пахло дымом. Я встала и обошла комнату за комнатой, удостоверюсь, что пожара нигде нет. Но все было в порядке, все спокойно спали. В любом случае, запах был больше похож на запах костра, более резкий, древесный. Я отнесла случившееся на счет обычных странностей, которые в моей жизни были не так уж нередки. Снова попыталась заснуть, но не смогла, поэтому спустилась вниз. И вот, когда я уже налила себе стакан воды из под крана, без всякого предупреждения я снова оказалась среди лесного пожара. И это вовсе не было похоже на сон. Я оказалась там во плоти. Видение длилось недолго, прошло где-то около тридцати секунд, и вот я опять стояла на кухне в луже воды, потому что стакан, который я держала, упал на пол.

Я тут же побежала будить маму. Сидя на кровати, я старалась успокоиться и снова вспомнить все, что видела, а помнила не так много – пожар, парень.

- Думаю, если бы видение обрушилось на тебя целиком, для тебя было бы слишком, поэтому ты помнишь лишь отрывки, - сказала мама.

- А ты так же получила свое предназначение?

- Так получают его большинство из нас, - ответила она, ловко уклоняясь от ответа на мой вопрос.

Она не рассказывает мне о своем предназначении. Предназначение – одна из запретных тем. Меня это обижает, потому что мы близки, мы всегда были по-настоящему близки, но этой, достаточно большой частью её жизни мама со мной никогда не делилась.

- Расскажи мне о деревьях в твоём видении, - попросила она. - Как они выглядели?

- Сосны, кажется, там были иголки, а не листья.

Она задумчиво кивнула, будто эта деталь была очень важна, но я-то думала совершенно не о деревьях, а о парне.

- Жаль, что я не увидела его лица.

- Увидишь.

- Интересно, я должна защитить его, да?

Мне нравилась мысль о том, что я буду его спасительницей. У всех, кто родился полу-ангелом есть различного рода предназначения: некоторые – посланники, некоторые – свидетели, кто-то обладает даром успокаивать, кто-то просто должен совершить что-то, чтобы стали возможны свершения других, но хранитель – это даже звучит круто. И сразу чувствуется ангельское предназначение.

- Не могу поверить, что ты уже достаточно взрослая, чтобы иметь свое предназначение, чувствую себя такой старухой, - со вздохом сказала мама.

- Но тебе, и правда, уже много лет.

С этим она спорить не могла, ведь ей уже сто с лишним лет, хотя выглядит она не старше сорока. Я же чувствовала себя как раз той, кем и являлась: бестолковой (хотя и не совсем обычной) шестнадцатилетней девчонкой, которой каждое утро надо идти в школу. Мне казалось, что во мне совершенно нет ангельской крови. Глядя на свою красивую, эффектную мать, я знала, что каким бы ни было её предназначение, она выполняет его умело, смело и с юмором.

- Как ты думаешь... - протянула я после почти минутной паузы, мне было нелегко задать этот вопрос, потому что не хотелось выглядеть перед ней абсолютной трусихой. – Как ты думаешь, я могу умереть, сгорев в огне?

- Клара!

- Нет, ну, правда!

- Ну что ты такое говоришь?

- Когда я стояла там, рядом с ним, я чувствовала такую печаль. Не знаю, почему.

Мама обняла меня и притянула к себе так, что я смогла слышать сильный и размеренный ритм её сердца.

- Может быть, эта печаль – признак того, что я умру, - прошептала я.

Она обняла меня ещё крепче и тихо сказала:

- Мы редко умираем.

- Но это случается!

- Мы вместе разберемся, в чем дело, - она прижала меня ещё ближе и нежным движением убрала мне волосы с лица, как она это обычно делала, когда в детстве мне снились кошмары. – А теперь тебе надо отдохнуть.

Меня окружило её привычное тепло, мама всегда была такой теплой, словно только что грелась в солнечном свете, даже если на дворе была ночь. Я вдохнула её запах: розовая вода и ваниль – старомодный аромат, вдыхая который я чувствовала себя в безопасности. Закрыв глаза, я снова видела этого юношу. Он стоял и ждал. Ждал меня. И мне почему-то казалось, что это важнее ощущения печали или возможности умереть страшной смертью в огне. Ведь он ждал меня.

Я проснулась от звука дождя и мягкого серого света, проникающего сквозь жалюзи. Маму я нашла на кухне, уже собравшуюся на работу, но с ещё влажными после душа волосами. Она выкладывала яичницу со сковороды на тарелку, что-то напевала и казалась счастливой.

- Доброе утро, - поприветствовала её я.

Она обернулась, и, отложив лопатку, подошла, чтобы обнять. В её улыбке светилась та же гордость, как в тот день, когда я выиграла конкурс на знание орфографии в третьем классе: словно она была очень горда мной, но никогда и не ожидала от меня меньшего.

- Как ты сегодня? Держишься?

- Да, все в порядке.

- А что происходит? – это в дверях показался мой братец Джеффри.

Я повернулась и посмотрела на него. Тот стоял, прислонившись к дверному косяку, как всегда ещё помятый от сна и сердитый, душ он тоже явно ещё не принимал. Жаворонком Джеффри не был никогда. А сейчас он пристально смотрел на нас. На секунду в его взгляде промелькнул страх, словно он ждал от нас неприятных новостей, что-нибудь вроде смерти знакомого.

- Твоя сестра получила предназначение, - мама снова улыбнулась, но уже не так широко, как прежде. Этакая осторожная улыбка.

Он оглядел меня с ног до головы, словно искал во мне какое-нибудь проявление божественности.

- У тебя было видение?

- Ага! Лесной пожар. – Я закрыла глаза и снова увидела склон, покрытый соснами, оранжевое небо и за всем этим клубы дыма. – И парень.

- Откуда ты знаешь, что это был не сон?

- Потому что я не спала.

- Ну и что это значит? – поинтересовался Джеффри. Информация об ангелах была ему внове. Он все ещё был том возрасте, когда сверхъестественное кажется интригующим и увлекательным, и в этом я ему завидовала.

- Не знаю, - честно призналась я. – Это как раз мне и предстоит выяснить.

Следующее видение настигло меня через два дня. Я уже пробежала половину круга в спортзале школы Маунтин-Вью¹, когда внезапно меня поглотила другая реальность. Весь знакомый мир – Калифорния, Маунтин-Вью, спортзал - просто испарились. Я снова была в лесу и ощущала в воздухе вкус пожара. На этот раз я увидела языки пламени, вздымающиеся над склоном.

А потом я почти врзлась в девушку из группы поддержки.

- Смотри, куда прешь, идиотина! - зашипела она.

Я отклонилась в сторону, чтобы дать дорогу. Тяжело дыша, я оперлась на кучу складных стульев и попыталась вернуть видение. Но это было все равно, что пытаться вернуть сон после того, как уже полностью проснулся. Видение ушло безвозвратно.

Черт! Никто раньше не называл меня идиотинкой, а это знаете ли производная от идиота. Ничего в этом хорошего.

¹ **Маунтин-Вью** - небольшой город в округе Санта-Клара штата Калифорния, США, который получил название благодаря видам на горы Санта-Круз. Город расположен в Силиконовой долине США, мировом центре высоких технологий.

- Не останавливаемся! – крикнула миссис Шварц, наша учительница физкультуры. – Нам нужны точные данные о том, насколько быстро вы можете пробежать мило. Клара, я к тебе обращаюсь!

В прошлой жизни она точно была сержантом строевой подготовки. Снова послышался её крик:

- Если ты не справишься с дистанцией меньше, чем за десять минут, то придется бежать опять на следующей неделе!

Мне ничего не оставалось, кроме как снова бежать, стараясь сосредоточиться на насущной проблеме и ускориться, стараясь нагнать упущенное время. Но мысли мои вновь и вновь возвращались к видению. Очертания деревьев, лесная земля, усыпанная камнями и хвоей под ногами. Парень, стоящий ко мне спиной, наблюдающий за приближением пожара. Ощущение отчаянно колотящегося сердца.

- Последний круг, Клара, - крикнула миссис Шварц.

И я вновь ускорила.

Даже не закрывая глаз, я видела его образ, словно пожар выжег его на сетчатке. Почему он там? Удивится ли он, увидев меня? Голова моя кишела вопросами, но самым главным из них был один – кто он?

В этот момент я с невероятной скоростью пронеслась мимо миссис Шварц.

- Отлично, Клара! – крикнула она, а минутой позже воскликнула. – Быть такого не может!

Уже замедлившись, я подошла к ней, чтобы узнать свое время.

- Я успела меньше, чем за 10 минут?

- Я засекала время в 5-48, - кажется, она, и правда, была шокирована. Выглядела она так, как словно с ней тоже приключилось видение. И в этом видении я вступала в школьную легкоатлетическую команду.

Упс. Я не концентрировалась, не сдерживала себя. И если об этом узнает мама, то мне здорово влетит. Я пожала плечами:

- Должно быть, с часами что-то не в порядке, - хоть какое-то объяснение и я надеялась, что она купится на него, хотя это и означало, что мне придется пробежать дурацкую дистанцию ещё раз на следующей неделе.

- Да, - кивнула рассеянно миссис Шварц. – Наверное, я неправильно запустила секундомер.

Вечером, когда мама вернулась домой, я как раз развалилась на диване и смотрела повторы «Я люблю Люси».

- Что, все так плохо?

- Это запасной вариант на тот случай, если не могу найти «Прикосновение ангела», - сарказм из меня так и сочился.

Мама вытащила из пакета и поставила на стол банку мороженого «Чабби-Хабби», нет, она будто мои мысли читает:

- Ты просто богиня!

- Ну, не совсем.

Она вынула из того же пакета книгу: «Деревья Америки. Пособие для идентификации в полевых условиях».

- А вдруг мое дерево не из Северной Америки?

- Ну, по крайней мере, начнем поиск.

Положив книгу на кухонный стол, мы вместе склонились над ней в поисках дерева, похожее на то, что было в видении. Если бы кто-то взглянул на нас в этот момент, то увидел бы просто мать, помогающую дочери с домашним заданием, а не никак не пару полу ангелов, занимающихся сбором информации для миссии небес.

- Вот оно, - я, наконец, указала на изображения дерева и довольная собой, откинулась на спинку стула. – Красная сосна.

- Изогнутые желтоватые иглы, растущие парами, - зачитала мама из книги. – На деревьях были коричневые овальные шишки?

- Да я как-то на шишки не засматривалась, мам. Деревья похожи, ветки у них начинались чуть выше по стволу, мне кажется, но они определенно похожи, - ложка с мороженым мешала мне ответить внятно.

- Ну, хорошо, - мама снова вернулась к книге. – Кажется, здесь говорится, что красная сосна растет исключительно в Скалистых горах, а так же на северо-западном побережье США и Канады.

Индейцы любили делать из стволов красной сосны основные опоры для своих вигвамов. В общем-то, от краснокожих сосна и получила свое название. И, - продолжила она, - здесь сказано, что шишкам, для того, чтобы раскрыться и выбросить семена, нужна очень высокая температура, например, такая как во время лесного пожара.

Я усмехнулась:

- Все это та-а-ак познавательно, - хотя, мысль, что какое-то дерево может расти только на выгоревшем пепелище, показалась мне странно увлекательной. Было в ней нечто судьбоносное.

- Прекрасно, теперь мы примерно знаем, где всё случится, - отметила мама. – Теперь осталось только сузить круг поисков.

- А потом? – я рассматривала изображение дерева, неожиданно представив ветви, объятые пламенем.

- Потом поедem туда.

- Поедем? Ты имеешь ввиду, переедем из Калифорнии?

- Да, - просто ответила мама и, кажется, была абсолютно серьезна.

Я нервно сглотнула:

- Но как же школа? Мои друзья? Твоя работа?

- Ну, пойдешь в новую школу и там, я думаю, заведешь новых друзей. А я буду искать новую работу или найду способ работать дома.

- А как же Джеффри?

Она тихонько рассмеялась и погладила меня по руке, словно это был самый глупый вопрос, что я могла задать:

- Конечно же, Джеффри тоже поедет.

- О, да. Он будет просто в восторге, - я подумала о Джеффри с его бесконечным парадом друзей, бейсбольных матчей, соревнований по борьбе, футбольных встреч и прочего. У нас с Джеффри здесь имелась собственная насыщенная жизнь. В этот момент я в первый раз я поняла, что получила намного больше, чем рассчитывала. Мое предназначение изменит всё.

Мама закрыла книгу и взглянула на меня через кухонный стол, в её взгляде было что-то торжественное:

- Это очень важно, Клара. Видение, твое предназначение – для этого ты была рождена.

- Знаю, просто не думала, что нам придется переезжать.

Я посмотрела в окно и увидела двор, в котором выросла, играя; старые качели, которые мама все никак не могла собраться и снять; розовые кусты вдоль забора, которые росли здесь, сколько я себя помнила. А вдалеке, за забором, едва различимые, виднелись горы, всегда служившие своеобразной границей моего мира. Если бы я прислушалась, то услышала бы привычное гремящее электрички, пересекающей бульвар Шорлайн и музыку из парка Грейт Америка – ведь он всего в двух милях. Я и подумать не могла, что мы когда-нибудь переедем отсюда.

Мама сочувствующе улыбнулась:

- А ты думала, что просто сможешь слетать туда на выходные, исполнить свое предназначение и прилететь обратно?

- Ну, наверное, да, - я смущенно отвела взгляд. – Когда ты скажешь о переезде Джеффри?

- Я думаю, это подождет, пока мы не разберемся, куда же мы, собственно, переезжаем.

- А можно я буду присутствовать, когда ты ему скажешь? Я запасусь попкорном.

- Когда-нибудь настанет и очередь Джеффри, - сказала мама, и глаза её наполнились грустью, всегда появляющейся от мысли, что мы взрослеем слишком быстро. – Когда он получит свое предназначение, тебе придется пройти через то же самое.

- И нам снова придется переехать?

- Мы поедem туда, куда поведет нас его предназначение.

- Безумие какое-то, - я покачала головой. – Это все немножко пахнет сумасшествием, тебе так не кажется?

- Неисповедимы пути ангельские, Клара, - она ухватила мою ложку и зачерпнула из коробки мороженое. Затем улыбнулась, на моих глазах снова превращаясь в веселую, озорную маму, которую я всегда знала. – Неисповедимы пути.

Следующие две недели видение повторялось раз в два-три дня. Только что я занималась своими делами и вдруг, бах, и я уже фактически в копии плаката «Берегите лес от пожара!». Видение настигало меня, где только можно и нельзя: на пути в школу, в душе, за обедом. Иногда ко мне приходили только ощущения, без картинок: жар, запах дыма.

Друзья, конечно же, заметили, что я выпадаю из реальности и дали мне прозвище Кадет, как в этом дурацком шоу «Космические кадеты». Ну, что ж, могло быть и хуже. Заметили и учителя. Но я исправно делала домашние задания, и мне не слишком доставалось за то, что каракули в моих тетрадях все меньше и меньше напоминали конспекты.

Если бы несколько лет назад вы заглянули бы в мой дневник, пушистый и розовый с изображением Китти на обложке и золотым замочком, на который я запирала его от загребущих лап Джеффри, вы увидели бы бессвязные записи совершенно обычной девочки. Корявенькие цветочки и принцессы, записи о школе и погоде, о фильмах, что мне нравились, о музыке, под которую мне хотелось танцевать, о мечте получить роль Феи Драже в Щелкунчике, о том, как Джереми Моррис послал одного из своих друзей спросить, не хочу ли я быть его подружкой и я, конечно же, сказала «нет», потому что с какой стати я буду встречаться с трусом, который не осмеливается меня спросить об этом сам?

А потом я начала вести дневник ангела. Перекидная тетрадка с обложкой цвета полуночного неба с изображением безмятежной женщины-ангела, до странности похожей на маму, рыжеволосой с золотыми крыльями, стоящей на фоне серебряной луны и звезд, с нимбом вокруг головы. В нем было записано все, что мама мне рассказывала об ангелах и полу-ангелах, каждый факт или кусочек информации, который мне удавалось из неё вытянуть. Там же я делала записи о всех проведенных мной экспериментах. Однажды, например, я порезала запястье, чтобы посмотреть пойдет ли у меня кровь (крови была уйма) и тщательно записала, сколько времени ушло, чтобы исцелиться (где-то около 24 часов от пореза до полного исчезновения тонкого розового шрама). Или о том случае, когда я заговорила с мужчиной в аэропорту Сан-Франциско на суахили (представляете, как удивились мы оба?), или что я могу сделать в балетной студии 25 гран жете назад и вперед и даже не запыхаюсь. Как раз в то время мама начала со мной серьезные разговоры о том, чтобы сдерживать свои силы, хотя бы при людях. Именно тогда я начала осознавать себя не просто как Клару-девочку, а как Клару-полу-ангела, сверхъестественную Клару.

Теперь же в моем дневнике (простом черном молескине) я делала записи исключительно по своему предназначению: рисунки, пометки, детали видения, особенно если они касались загадочного юноши. Он постоянно присутствовал где-то на периферии моего сознания, за исключением, конечно, тех странных моментов, когда в видениях ему доставалась центральная роль.

Я все лучше узнавала его через свое духовное зрение. Знала очертания его плеч, взъерошенные волосы, теплого темно-коричневого оттенка, достаточно длинные, чтобы закрывать уши и касавшиеся воротника, когда я видела его со спины. Руки он всегда держал в карманах куртки из черного, чуть пушистого материала – может, шерсть? Стоя, он переносил весь свой вес на одну ногу, словно собирался уйти. Выглядел худым, но сильным. Когда он начинал поворачиваться, мне становилось видна линия его щеки, в этот момент сердце мое всегда начинало биться чаще, а дыхание перехватывало. Интересно, что он обо мне подумает?

Мне хотелось быть волнующей. Когда я явлюсь ему в лесу, когда он, наконец, обернется и увидит меня, хотелось бы выглядеть хотя бы отчасти ангелом, быть такой же светящейся и легкой, как мама. Нет, я знаю, что выгляжу неплохо. Все полу-ангелы достаточно привлекательны. У меня хорошая кожа, а губы естественно розовые, поэтому я никогда не пользуюсь ничем, кроме блеска. У меня красивые коленки. Ну, мне об этом говорили, но я слишком высокая и тощая, и это не гибкая фигура супермодели, а скорее ближе к «суповому набору». А глаза у меня, хотя и становятся при разном освещении то цвета грозового неба, то голубыми с золотистыми крапинками, слишком велики для моего лица.

Лучшее во мне – волосы. Яркое золото с отблесками рыжины, длинные и волнистые. Когда я иду, они развеваются за мной, как шлейф. Но и с ними тоже проблема – уж очень они непослушные и вечно спутываются, цепляются за что попало: молнии, ручки у машин, еду. Зачесать их или заплетать косу не помогает. Словно они живое существо, рвущееся на свободу. Иногда мне удается их победить и уложить аккуратными локонами у лица, но спустя несколько часов, прическа все равно растрепывается. С моими волосами слово «неуправляемый» поднимается на совершенно новый уровень значения.

С моей дурной удачей, мне ни за что не удастся вовремя спасти парня в лесу, потому что я точно зацеплюсь волосами за сучок за милую или две от нужного места.

- Клара, твой телефон звонит! – крикнула из кухни мама. Я подпрыгнула от неожиданности. Передо мной на столе лежал дневник. На раскрытой странице был тщательный набросок юноши: его затылок, шея, взъерошенные волосы, едва видимое очертание щеки и ресниц. Не помню, чтобы я рисовала.

- Слышу, - закричала я ей в ответ. Затем закрыла дневник и сунула его под тетрадь по алгебре, а потом сбежала по лестнице вниз. В доме пахло выпечкой. Завтра День Благодарения и мама во всю пекла пироги. На ней был перепачканный мукой старомодный передник времен 50х (который она приобрела как раз в 50х, хотя в то время и не была домохозяйкой). Мама протянула мне телефон.

- Это твой отец.

Я подняла брови в немом вопросе.

- Не знаю, - ответила она, отдала мне телефон и вышла из комнаты.

- Привет, пап, - выдохнула я в трубку.

- Привет, - и пауза. Как обычно. Три слова и у нас заканчиваются темы для разговора.

- Что случилось?

И снова пауза на несколько секунд. Я вздохнула. Годами я репетировала речь о том, как я зла на него за то, что он бросил маму. Когда они расстались, мне было три года. Я не помню их ссор. Все, что осталось в моей памяти от того времени, когда они были вместе – лишь несколько кратких воспоминаний. День рождения. Полдень на пляже. Вот папа бреется, стоя у раковины. А затем, ужасный день, когда он уехал. Я стояла рядом с мамой, которая держала на руках Джеффри и плакала, глядя вслед его машине. За это я не могу его простить. Не могу простить ещё за очень многое. За то, что сбежал от нас на другой конец страны. За то, что не звонил. За то, что не знал, что говорить, когда все-таки звонил. Но больше всего – за то выражение лица, что появляется у мамы, когда она слышит его имя.

То, что произошло между ними, мама обсуждает с не меньшей неохотой, чем свое предназначение. Но вот что я знаю: моя мама настолько близка к образу идеальной женщины, насколько это только возможно в этом мире. Она, между прочим, тоже полу-ангел, хотя мой отец и не знает об этом. Она красива, умна, у неё есть чувство юмора. Она просто волшебная, а он бросил её. Всех нас бросил.

И поэтому в моих глазах папа всегда был полнейшим дураком. Наконец, он сказал:

- Я просто хотел узнать, что у тебя все в порядке.

- А почему, собственно, что-то должно быть не в порядке?

Он кашлянул:

- Ну, я знаю, подростком быть нелегко. Школа. Парни.

А вот сейчас разговор перешел из категории необычных в разряд очень странных.

- Ну, да, - сказала я. – Иногда бывает нелегко.

- Мама говорит, с отметками у тебя все хорошо.

- Ты разговаривал с мамой?

Опять пауза.

- Ну и как там жизнь в Большом яблоке²? – спросила я, чтобы увести разговор подальше от себя.

- Как обычно. Яркие огни. Большой город. Вчера в Центральном парке видел Дерек Джетера³.

Ужасная жизнь.

Да, он может быть и очаровательным. Мне всегда хотелось разозлиться на него, сказать, чтобы не утруждал себя попытками наладить со мной отношения, но у меня никогда не получалось. Последний раз я видела его в то лето, когда мне исполнилось четырнадцать. Всю дорогу я практиковалась в своей фирменной речи под названием «Я тебя ненавижу!»: в аэропорту, в самолете, на выходе из самолета, в зале прибытия. А потом я увидела, что папа ждет меня у багажной ленты, и вдруг стала дико счастливой, бросилась к нему в объятия и стала рассказывать, как дико скучала.

- Я вот думаю, почему бы тебе и Джеффри не приехать ко мне в Нью-Йорк на эти выходные.

Мне было прямо смешно, он не мог выбрать более неудачного момента:

- Я была бы рада, но у меня тут, типа, происходит кое-что важное.

² «Большое яблоко» - самое известное прозвище Нью-Йорка.

³ Дерек Джетер - знаменитый бейсбольный игрок.

Ну, например, мы тут пытаемся определить, где случится лесной пожар. Который, кстати, является одной из причин моего рождения здесь, на Земле. Но я и за тысячу лет не смогу всего этого отцу объяснить.

Он молчал.

- Мне жаль, - сказала я и удивилась от того, что мне было действительно жаль. – Если что-нибудь изменится, я обязательно дам тебе знать.

- А ещё мама мне сказала, что ты сдала экзамен на курсах вождения, - кажется, он старался сменить тему.

- Да, я прошла экзамен, выполнила параллельную парковку и все такое. Мне 16. Я авто-совершеннолетняя. Только вот мама не дает мне водить машину.

- Ну, может быть, пришло время нам подумать о собственной машине?

У меня просто челюсть отвисла. Мой папочка полон сюрпризов.

И тут я снова почувствовала запах дыма.

Наверное, в этот раз пожар был дальше от меня. Я не видела огня, не видела загадочного незнакомца. Порыв сухого ветра ударил мне в спину, растрепав волосы, собранные в хвост. Я закашлялась и отвернулась, от чего волосы упали на лицо. И тут я увидела серебристый пикап. Я стояла всего в нескольких шагах от того места, где он был припаркован, на кузове серебряными буквами было написано «Аваланш». Большой пикап с коротким крытым кузовом. Каким-то образом я знала, что это машина того самого парня из видения.

«Посмотри на номера», - сказала я самой себе, - «сконцентрируйся на этом».

Номер был довольно красочный, почти весь синий: небо в облаках. С правой стороны изображены горы с плоскими вершинами, которые выглядели смутно знакомыми. Слева – силуэт ковбоя, сидящего верхом на лошади, вставшей на дыбы, и поднявшего в воздух руку со шляпой. Я видела такой раньше, только не могла вспомнить, какому штату он принадлежит. Затем я постаралась рассмотреть цифры на номерах. Но сначала смогла разглядеть только крупные цифры на левой стороне номеров - 22, а затем и остальные четыре знака с другой стороны от ковбоя: 99СХ.

Казалось, я должна быть безумно счастлива, безмерно рада, что мне так легко достался столь важный кусок информации, но видение все продолжалось. Я повернулась и быстро пошла от грузовика в заросли деревьев. По земле стелился дым, где-то рядом раздался хруст, будто сломалась ветка. А потом, как и всегда, я снова увидела моего незнакомца, стоящего ко мне спиной. Внезапно взвившийся огонь полыхнул над горами. Опасность была столько очевидна и близка. Печаль поглотила меня стремительно, словно кто-то опустил занавес. Перехватило горло. Мне хотелось позвать его по имени, и я шагнула к нему...

- Клара! С тобой все в порядке? – раздался голос отца.

Я снова оказалась в реальном мире. Облокотившись на холодильник, я смотрела, как кружится колибри у кормушки, повешенной на окне мамой, наблюдала за мельтешением его крылышек. Птичка стремительно подлетала к кормушке, хватала кусочек и столь же стремительно отлетала назад.

- Клара? – в его голосе звучала тревога.

Все ещё в ошеломлении, я поднесла трубку к уху.

- Пап, думаю, я лучше тебе перезвоню.

ГЛАВА 2. ВПЕРЕД НА ДЖЕКсон ХОЛ!

(Переводчик: **unearthlybooks**; Редактор: **[unreal]**)

Дорога в Вайоминг пестрела знаками. Большинство из них, конечно же, предупреждали об опасности: Осторожно, олени!; Осторожно, Камнепад!; Водитель грузовика, проверь тормоза!; следите за сообщениями о закрытии дорог!; осторожно, лоси! (следующие 2 мили); опасность схода лавины!; запрет парковки и остановки. Всю дорогу от Калифорнии я ехала следом за мамой на своей машине, а Джеффри сидел на пассажирском сидении и старался не психовать по поводу того, в какое дикое и опасное (как услужливо сообщали знаки) место мы направляемся. В настоящий момент я ехала по дороге через лес из красных сосен. Картина более чем сюрреалистичная. Нас то и дело обгоняли машины, мелькали автомобильные номера Вайоминга с судьбоносным числом 22 на левой стороне. Именно из-за него мы забрались так далеко, спустя шесть недель, проведенных в стремительных

сборах, хлопотах о продаже дома, быстрых прощаниях с друзьями и соседями, которых мы знали всю жизнь. Мы собрали вещи и отправились туда, где никто из нас не знал ни единой души: округ Титон, Вайоминг, согласно Google, его номер был как раз 22, население – около 20000 человек. А это где-то 5 человек на милю. Из-за меня мы переезжаем почти что в джунгли.

Никогда не видела столько снега. Просто пугающе. Моей новой «Приус» (спасибо дорогому папочке) приходилось совсем несладко на заснеженных дорогах, но назад пути не было. Парень на заправке заверил нас, что перевал абсолютно безопасен, ну, пока шторма нет, конечно. Все, что я могла сделать, это вцепиться в руль и попытаться не обращать внимания на обрывы горных склонов по краю дороги.

Появился знак «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ВАЙОМИНГ».

- Эй, мы приехали, - сказала я Джеффри.

Он не ответил. Сгорбился на пассажирском сидении, а из iPoda раздавалась агрессивная громкая музыка. Чем больше мы удалялись от Калифорнии, где остались его спортивные секции и друзья, тем угрюмее он становился. После двух дней в пути, это порядком надоело. Я схватилась за провод наушников и выдернула их из одного уха.

- Ну что? – он прожигал меня взглядом.

- Мы в Вайоминге, тупица! Почти приехали.

- Ура, блин, ура, - пробормотал он и сунул наушник обратно.

Что ж, ему придется некоторое время меня ненавидеть.

Джеффри был достаточно добродушным подростком, пока не узнал, про всю эту ангельскую ерунду, но я его очень понимаю. Вот ты счастливый четырнадцатилетний подросток, у которого получается все, за что бы ты ни брался, популярный, веселый, а потом бац! и ты чудак с крыльями. К этому надо привыкнуть. А с тех пор, как он узнал, что я получила небольшую миссию с небес, прошел едва ли месяц. И теперь мы трясемся по дороге в город под названием Чертзнаеткудавил, штат Вайоминг, в январе, как раз в середине школьного года.

Когда мама объявила, что мы переезжаем, он, сжав кулаки, словно хотел кого-то ударить, заорал:

-Я никуда не поеду!

- Поедешь, - спокойно ответила мама. – И я не удивлюсь, если твое предназначение тоже будет связано с Вайомингом.

- Мне плевать! – он повернулся и посмотрел на меня с такой злобой, что я до сих пор вздрагиваю каждый раз, вспоминая этот взгляд.

Мама раскопала о Вайоминге всю информацию, которая только была. Она несколько раз ездила туда и обратно, подыскивая дом, записывая нас в новую школу, улаживая все вопросы по своему переводу с постоянной работы в «Apple» в Калифорнии, на должность, которая позволяла ей работать дома, когда мы переедем. Как заведенная, она щебетала о прекрасных видах, которыми мы будем теперь наслаждаться каждый день, свежем воздухе, девственной природе, погоде, о том, как же нам понравится снег зимой.

Поэтому-то Джеффри и ехал со мной. Он был просто не в состоянии выносить мамину постоянную болтовню о том, как же нам там все понравится. На первой же заправке он вылез из её машины, прихватив свой рюкзак, и залез в мою без всяких объяснений. Думаю, он решил, что на какое-то время он будет ненавидеть меня чуть меньше, чем её.

Я снова вытащила наушник.

- Эй, я всего этого не хотела. Если поможет, то мне очень жаль.

- Пофигу.

У меня зазвонил сотовый. Я выудила его из кармана и быстро отдала Джеффри. Тот ошарашено посмотрел на меня.

- Ты можешь ответить? Я машину веду, - сладко пропела я.

Он вздохнул, открыл телефон и приложил к уху.

- Ага. В порядке. Ага, - и закрыл телефон.

- Она говорит, что мы скоро подъедем к Титонскому посту. Хочет, чтобы там мы остановились на обочине.

И как по команде в этот момент из-за поворота показалась долина, где мы будем жить, окаймленная низкими холмами и, вдалеке, сине-белыми зубцами гор. Вид был потрясающий, словно сошел с открытки или картинки в календаре. Мама свернула с дороги к импровизированной обзорной площадке, и я тоже осторожно притормозила около неё. Она стремительно выскочила из машины.

- Думаю, она хочет, чтобы мы тоже вышли, - сказала я Джеффри.

Но мой братец продолжал угрюмо пялиться на приборную панель. Я открыла дверь и вышла, вдыхая прохладный горный воздух. Это как в морозилку залезть. Натянув на голову капюшон своей внезапно из теплой ставшей такой неуютной толстовки и сунула руки в карманы. Мама подошла к окну со стороны Джеффри и постучала в стекло.

- Вылезай из машины, - сказала она тем тоном, который сразу давал понять, что предстоит серьезное дело. Махнув рукой в направлении обрыва, она направилась к деревянному указателю в виде мультяшного ковбоя, указывающего на долину. ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, НЕЗНАКОМЕЦ! – гласила надпись. – ЭТО ДЖЕКСОН ХОЛ. ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ СТАРОГО ЗАПАДА. На берегах поблескивающей серебром реки теснились здания. Джексон, наш новый дом.

- А там дальше Титонский Национальный парк и Йеллоустоун, - махнула мама в сторону горизонта. – Надо будет проехать туда весной, всё посмотреть.

Джеффри подошел к нам. На нем не было куртки, только джинсы и футболка, но, кажется, ему не было холодно. Наверное, слишком зол, чтобы мерзнуть. Он осматривал окрестности, но лицо его не выражало абсолютно ничего. На солнце набежало облачко, и долину накрыла тень. Сразу стало холоднее градусов на десять. Внезапно меня обуяло сильное волнение, будто вот уже сейчас, когда мы официально прибыли в Вайоминг, деревья тут же вспыхнут пламенем и мне нужно будет исполнить мое предназначение прямо здесь и сейчас. Впереди меня ждало так многое.

- Не волнуйся, - мама положила руку мне на плечо и тихонько сжала. – Это твое место, Клара.

- Я знаю, - попыталась я выдавить из себя улыбку.

- А тебе, - подошла она к Джеффри, - понравится спортивная жизнь. Здесь тебе и горные лыжи, и водные лыжи, и скалолазание, и всякие другие экстремальные виды спорта. Я разрешаю тебе полностью уйти во все это с головой.

- Ну, может быть, - промямлил братец.

- Отлично, - мама просияла, явно довольная, быстренько сфотографировала нас и снова направилась к машине. – А теперь, поехали.

Мы снова поехали друг за другом вниз по горному серпантину дороги. На глаза мне попался ещё один знак. Он гласил: ОСТОРОЖНО. ВПЕРЕДИ КРУТОЙ ПОВОРОТ. Как символично.

Прямо перед Джексоном мы повернули на Спринг Галч Роуд, которая вывела нас на длинную петляющую дорогу, въехать на которую можно было, только введя код в терминал больших железных ворот. Как раз тогда у меня и появилось первое подозрение, что наша скромная обитель будет довольно роскошной. Вторым звоночком стали огромные бревенчатые дома, мелькавшие между деревьями. Мама свернула на явно недавно проложенное ответвление дороги, по краям которого высились красные сосны и березы с осинами, и я следовала за ней, пока мы не выехали на опушку, где возвышался наш новый дом.

- Ух, ты! – я вытаращилась на дом через лобовое стекло. – Джеффри, смотри!

Дом был построен из бревен и речного камня, а на крыше плотным одеялом лежал снег, словно на пряничном домике, образ которого довершался висящими по краям крыши сосульками. Он был больше, чем наш дом в Калифорнии, но как-то уютнее что ли, с длинной крытой верандой и огромными окнами, из которых наверняка открывался умопомрачительный вид на заснеженную гряду гор.

- Добро пожаловать домой! – мама оперлась на машину, совершенно очевидно наслаждаясь восторгом на наших лицах, появившимся как только мы вышли из машины на подъездную дорожку. Она была настолько довольна, что ей удалось найти такой потрясающий дом, что она чуть ли не пела:

- Ближайший сосед живет за милую отсюда. Лес вокруг дома полностью принадлежит нам.

Ветер качнул деревья, и снег стал осыпаться сквозь ветки, отчего наш дом стал ещё больше напоминать сувенирный хрустальный шар на чьей-то каминной полке. Воздух здесь был как будто теплее и тишина стояла полнейшая. Я вдруг стала абсолютно уверена, что все будет хорошо.

Мне вдруг подумалось, что я дома. Здесь мы были в безопасности, и это было прекрасно, после стольких недель неуверенности, когда не было ничего, кроме видений и печали, неопределенности переезда и огорчения, что мы оставляем привычный мир позади, невероятности всего происходящего. Теперь я, наконец-то, вполне могла представить, что буду счастливо жить здесь, в Вайоминге, а не только видеть себя постоянно входящей непонятно где в огонь.

Я взглянула на маму. Она буквально светилась, и все ярче и ярче с каждой секундой, отчетливо слышался низкий вибрирующий гул её небесной радости. Ещё пара секунд и станут видны крылья.

Джеффри кашлянул. Он к таким спектаклям ещё не совсем привык.

- Мам, от тебя сияние идет.

Её свечение слегка затуманилось. Я поспешила ей на помощь:

- Да кому какое дело? Вокруг никого нет, и мы можем быть самими собой.

- Точно, - тихо ответила она. – А на заднем дворе можно будет практиковаться в полетах.

Я взглянула на неё в смятении. Всего пару раз мама пыталась научить меня летать и оба раза стали настоящим бедствием. На самом деле, я практически отбросила идею полетов как таковую и смирилась с тем, что буду полу-ангелом, прикованным к земле, птицей без крыльев, как страус, например, ну, или, в здешнем климате, как пингвин.

- Возможно, тебе понадобится летать, - сказала она несколько отстраненно, а потом добавила для Джеффри, - тебе тоже стоит попробовать, мне кажется, у тебя врожденный талант.

Я почувствовала, что краснею. Ну, конечно, у Джеффри врожденный талант, а я даже от земли оторваться не могу.

- Я хочу посмотреть свою комнату, - сказала я и сбежала под защиту стен дома.

В полдень мы в первый раз очутились на широкой главной улице города Джексона, Вайоминг – Бродвей Авеню. Оказывается, здесь даже в декабре полно туристов. Дилижансы и конные повозки проносились мимо каждый пару минут, разбавляя непрерывающийся поток машин. Но я, естественно, искала среди них лишь один единственный серебристый пикап: таинственный «Аваланш» с номером 99СХ.

- Кто бы мог подумать, что здесь столько машин! – отметила я, смотря на проезжающие машины.

- А что бы ты сделала, если бы увидела его прямо сейчас? – спросила мама. На голову она надела соломенную ковбойскую шляпу, которая просто покорила её в первой же сувенирной лавке, которую мы посетили. Ковбойская шляпа. Лично мне показалась, что мама принимает идею погружения в жизнь на Старом Западе слишком буквально.

- Она точно в обморок упадет, - Джеффри часто-часто заморгал и стал обмахиваться, а потом сделал вид, что отключился и рухнул на маму. Оба засмеялись. Он уже купил себе футболку со сноубордистом и раздумывал над приобретением настоящего профессионального сноуборда, который увидел в витрине магазина. Его настроение значительно улучшилось с того момента, как мы добрались до дома и он увидел, что на самом деле все не так плохо. Теперь он снова вел себя как старый добрый Джеффри, который улыбается, поддразнивает и умеет отвечать не только односложно.

- Вы двое просто невыносимы, - я закатила глаза. Пробежав чуть вперед, я заметила на другой стороне улицы вход в парк- огромные ворота из лосиных рогов.

- Давайте пойдем сюда, - позвала я маму и Джеффри. Перебежав дорогу на желтый свет, мы на минуту задержались под аркой, разглядывая переплетения рогов, которые всё равно отдаленно напоминали кости. Небо над городом потемнело и подул холодный ветер.

- Я чую запах жареного мяса, - протянул Джеффри.

- Да ты просто огромный ходячий желудок.

- Эй, ну что я могу поделать, если метаболизм у меня быстрее, чем у других людей? Как насчет поесть вон там? – он показал вверх по улице, где стояло множество людей, дожидаясь своей очереди, чтобы попасть в бар «Ковбой на миллион долларов».

- Ну конечно, я и пива вам куплю, - сказала мама.

- Правда?

- Нет.

Пока они пререкались друг с другом, я застыла в непреодолимом желании запечатлеть этот момент, чтобы потом я смогла обернуться и вспомнить, что все началось именно сейчас. Предназначение Клары. Часть первая. От этой мысли душа моя переполнилась эмоциями. Новое начало, для нас всех.

- Простите, мэм, не сфотографируете нас? – окликнула я женщину, проходящую мимо. Она кивнула и взяла у мамы камеру. Мы встали под аркой, мама в центре, а мы с Джеффри около неё, все улыбнулись. Женщина попыталась сделать фото, но ничего не вышло, и мама отошла, чтобы показать ей, как обращаться со вспышкой.

Снова вышло солнце. Внезапно мои чувства обострились до невероятного уровня и все вокруг замедлилось и воспринималось словно по частям: голоса людей, отблеск их зубов во время разговора, шум двигателей, чуть слышный скрип тормозов останавливающихся на красный свет машин. Мое сердце билось медленно и громко, как огромный гулкий гонг. Я чувствовала, как входит и выходит из легких воздух. До меня долетали запахи конского навоза и каменной соли, моего собственного лавандового шампуня и ванильного аромата духов мамы, мужской запах дезодоранта Джеффри и даже слабый отзвук запаха разложения, исходивший от рогов, из которых сделана арка над нами. Слышалась классическую музыку, доносившаяся из-за стеклянных дверей галереи искусств, лай собаки вдалеке, где-то рядом плакал ребенок. Это было слишком, мне казалось, что я сейчас взорвусь от такого объема информации. Слишком ярко. На дерево, растущее в парке за нашими спинами, щебеча и ероша от холода перышки, села маленькая темная птичка. Как я вообще могла её увидеть, если мы стоим к парку спиной? Но я чувствовала, как маленькие темные глазки смотрят на меня, а головка поворачивается туда и сюда, наблюдая, пока, наконец, она не сорвалась с ветки в небеса и не исчезла в солнечном свете, словно облачко дыма.

- Клара!- Джеффри шептал мне прямо в ухо. – Эй!

Я спустилась обратно на землю. Джексон Хол. Джеффри. Мама. Женщина с камерой. И все они смотрят на меня.

- Что случилось? – я все не могла прийти в себя и найти связь с реальностью, будто часть меня ещё парила в небе с той птицей.

- Твои волосы. Они, типа...светятся, - прошептал Джеффри и смущенно бросил взгляд в сторону.

Я взглянула вниз и нервно сглотнула. Светятся –не то слово. Мои волосы стали переливающимся серебристо-золотым буйством цвета и света, они горели ярким пламенем. Сверкали, словно зеркало на солнце. Я провела рукой по теплым сверкающим прядям и мое сердце, которое несколько мгновений назад билось невозможно медленно, застучало до боли быстро. Что со мной происходит?

- Мама? – слабо протянула я, глядя в её расширившиеся голубые глаза. Она с совершенно спокойным выражением лица повернулась к стоящей рядом женщине.

- Прекрасный день сегодня, не правда ли? – зашебетала она. – Знаете, что говорят – если вам не нравится погода в Вайоминге, подождите десять минут.

Дама рассеянно кивнула, пялясь на мои сверхъестественно светящиеся волосы, словно стараясь понять, в чем суть фокуса. Мама подошла ко мне и быстрым движением скрутила волосы, словно кусок веревки, сунула их за воротник толстовки и натянула мне на голову капюшон.

- Просто успокойся, - прошептала она, а затем снова встала между мной и Джеффри. – Окей, теперь мы готовы.

Женщина несколько раз моргнула и потрясла головой, стараясь прояснить её. Теперь, когда мои волосы были закрыты, ей, должно быть казалось, что все в порядке и не произошло ничего необычного, а все странности просто игра воображения. Она подняла камеру.

- Скажите «сы-ыр».

Я постаралась улыбнуться как можно шире.

Для обеда мы выбрали «Пироги и пицца Маунтин Хай», потому что так было проще и ближе всего. Пока Джеффри терзал ножом свой заказ, мы молча выбирали пиццу для себя. Я чувствовала себя так, словно меня поймали за чем-то постыдным и ужасным. Капюшон с головы я не снимала даже в машине по дороге домой. По приезду мама сразу отправилась в кабинет и закрыла дверь, а мы с Джеффри от нечего делать зависли у телевизора, но братец все время посматривал на меня, словно я вот-вот сгорю в адском пламени.

- Черт, может, ты перестанешь уже таращиться? – воскликнула я, наконец. – Меня это из себя выводит.

- Это было странно, ну, тогда. Что ты сделала?

- Я ничего не делала. Все случилось само собой.

В дверях появилась мама в пальто:

- Мне нужно уйти. Пожалуйста, не выходите из дома, пока я не вернусь, - и прежде чем мы смогли что-то сказать, вышла.

- Отлично, - пробормотал Джеффри.

Я бросила ему пульт и поднялась наверх, к себе в комнату. Мне ещё многое нужно было распаковать, но мои мысли то и дело возвращались к мгновениям под аркой, когда весь мир старался забраться ко мне в голову. И мои волосы – они казались совсем не человеческими! А выражение лица той пожилой женщины, когда она посмотрела на меня: сначала недоуменное, смущенное, потом слегка испуганное, словно я была каким-то пришельцем, которому полагалось жить в лаборатории, чтобы ученые изучали мои сияющие волосы под микроскопом. Словно я была уродом!

Должно быть, я заснула. Потому что в следующий момент, я увидела маму, стоящую в дверях спальни. Она бросила мне на кровать коробку краски для волос. Я прочитала:

- Плавающий закат? Ты шутишь? Рыжий?

- Нет, золотисто-каштановый, как у меня.

- Но почему? – запротестовала я.

- Давай разберемся с твоими волосами, а потом поговорим.

- И в первый свой день в школе я буду такого цвета! – поскуливала я, сидя со старым полотенцем на плечах, пока мама втирала краску мне в волосы.

- Пойми, мне нравятся твои волосы и я бы никогда не попросила тебя о чем-то подобном, если бы это не было важно, - она отступила на несколько шагов и оценивающе взглянула на мою голову, не пропустила ли какой-нибудь участок. – Ну, вот. Готово. Теперь нам остается подождать, пока покрасятся волосы.

- Окей. А теперь ты мне все объяснишь, правда?

Секунд пять она нервно на меня смотрела, а затем села на край ванны и положила руки себе на колени.

- То, что случилось сегодня – нормально, - это вступление напомнило, как она рассказывала мне про месячные и секс, объясняя точно, рационально и обстоятельно, словно подобные речи она готовила для меня заранее многие годы.

- Хм, с какого боку нормально-то?

- Ладно, не нормально для людей, но нормально для нас. Когда твои способности начинают расти, ангельская половина начинает проявляться более наглядно.

- Моя ангельская половина. Прекрасно. Как будто и без этого мне жизнь-малина.

- Ничего плохого в этом нет. Ты научишься себя контролировать.

- Научусь контролировать свои волосы?

Мама рассмеялась:

- Да, в конечном итоге, ты научишься прятать свое сияние, приглушать так, чтобы люди не могли его увидеть. Но сейчас лучший выход – покрасить волосы.

И тут до меня дошло, что мама всегда носила шляпы: на пляже, в парке, почти всегда на людях. В гардеробе у неё были дюжины шляп, платков, шарфиков, но я все время думала, что она просто несколько старомодна.

- Так с тобой такое тоже происходит?

Мама повернулась к двери и слегка улыбнулась:

- Входи, Джеффри.

Джеффри просочился в ванну из моей комнаты, где точно подслушивал. Но чувство вины недолго отражалось на его лице, сменившись яростным любопытством:

- У меня тоже так будет? Ну, эта штука с волосами.

- Да, - ответила мама. – Такое случается с большинством из нас. Со мной, если я не ошибаюсь, это впервые случилось в июле 1908 года. Я сидела на скамейке в парке и читала, а потом, БАМ! – она подняла кулак к голове и изобразила взрыв, резко разжав пальцы.

Я нетерпеливо наклонилась к ней:

- И все словно замедлилось, и ты могла слышать и видеть то, что видеть и слышать невозможно?

Мама повернулась и посмотрела на меня. Глаза у неё были синие-синие, словно небо после наступления сумерек, оттененные крошечными светлыми точками, словно светившимися изнутри. И в них я не видела своего отражения, что меня сильно беспокоило.

- Для тебя это выглядело так, словно время замедлилось?

Я кивнула.

Мама задумчиво хмыкнула и взяла меня за руку:

- Бедное дитя, неудивительно, что ты так взволнована.

- А что ты делала, когда такое происходило с тобой? – поинтересовался Джеффри.

- Надевала шляпу, в те дни, знаете ли, молодые леди не выходили из дому без шляпки. А когда это стало не модно, к счастью, уже изобрели краску для волос. Я была брюнеткой почти двадцать лет! – она поморщилась. – Мне не шло.

- Но что это такое? Почему это случилось?

Она немного помолчала, словно взвешивая каждое слово:

- Это часть нашей славы небесной, которая пробивается наружу, - казалось, ей было несколько неудобно, словно она не знала, стоит ли доверять нам такую информацию. – Ну, на сегодня хватит. Если это случится снова, когда ты будешь на людях, лучше води себя как ни в чем не бывало. В большинстве случаев, люди сами убедят себя в том, что они не видели ничего необычного, что это была игра света или фокус. А для тебя, Джеффри, будет недурно почаще носить головной убор, для твоей же безопасности.

- Ладно, - усмехнулся Джеффри. Он и так только что не спал в бейсболках с символикой команды «Гигантов».

- Давайте постараемся не привлекать излишнего внимания, - продолжила мама, демонстративно глядя на Джеффри, подразумевая его безумную тягу быть первым во всем: футболе, бейсболе - этакая звезда школы. – Не высовывайтесь.

Джеффри явно напрягся:

- Да не проблема. В январе ведь уже все равно некуда пойти. Отбор в команду по борьбе был в ноябре, а бейсбольные тренировки начнутся не раньше весны.

- Может, это и к лучшему. У тебя будет больше времени, чтобы приспособиться к жизни здесь, до того, как ты выберешь себе дополнительные занятия.

- Ну да, к лучшему, - Джеффри помрачнел на глазах и удалился к себе, на прощание хлопнув дверью.

- Так, краска легла, - проверила мама. – А теперь давай смоем.

Волосы стали оранжевыми, как свежеччищенная морковка, и я всерьез раздумывала над тем, чтобы обрить голову.

- Завтра мы все исправим, - мама с трудом сдерживала смех. – Первым же делом, клянусь.

- Спокойной ночи, - я захлопнула дверь прямо у неё перед носом, бросилась на кровать и разрыдалась. Да, теперь-то я точно произведу впечатление на своего Таинственного Незнакомца, у которого великолепные волнистые каштановые волосы.

Успокоившись, я легла в кровать и стала слушать завывания ветра за окном. Лес за домом казался огромным и темным. Я будто физически могла ощутить горы далеко за домом, их величие и массивность. Я не могу контролировать то, что происходит со мной сейчас, я меняюсь, и возврата к прошлому нет.

Видение поглотило меня уже знакомым теплым вихрем, размывая очертания спальни и переноса меня в гущу дымного леса. Воздух был настолько горячим, сухим и тяжелым, что дышать было невозможно. Я снова увидела «Аваланш», припаркованный у дороги. Неосознанно, я повернулась к

холмам, в ту сторону, где, как я уже знала, найду незнакомого юношу. Я шла и чувствовала нарастающую с каждым шагом печаль, глубокую скорбь, словно раздирающую мое сердце. Глаза наполнились бесполезными слезами, я моргнула, чтобы избавиться от них, а затем продолжила идти, намереваясь найти своего знакомого. И когда, наконец, увидела, то остановилась на мгновение и посмотрела на него. Образ моего знакомого, стоящего здесь в неведении о том, что свершится, наполнил мое сердце болью напополам с нетерпеливой тоской.

Я уже здесь.

ГЛАВА 3. Я ПЕРЕЖИВАЮ ЭПИДЕМИЮ ЧЕРНОЙ ЧУМЫ

(переводчик: unearthlybooks; редактор: [unreal])

Первое, что попало мне на глаза, когда я въезжала на парковку школы Джексон Хол Хай – это большой серебристый пикап, припаркованный в дальнем конце парковки. Я повернулась, чтобы посмотреть на номера.

- А ну стоять! – заорал Джеффри, потому что я чуть не врезалась задом в другой пикап – голубой, старый и обшарпанный. – Научись водить уже!

- Прости, - я, извиняясь, махнула парню в голубом пикапе, но он, продолжая орать из окна машины что-то, что я совершенно точно не хотела бы услышать, сорвался с места, взвизгнув колесами, и выехал с парковки. Я осторожно припарковала Приус на свободном месте и несколько минут сидела в машине, стараясь прийти в себя. Джексон Хол Хай гораздо больше походила на курортный отель, а не на школу: огромное здание из темного кирпича, обрамленное рядом огромных деревянных опор, похожих на колонны, но в несколько деревенском стиле. Как и все остальное в нашем новом городе, здание словно сошло с почтовой открытки: сверкающие окна и удачно посаженные деревья с белыми стволами, которые были прекрасны даже без листьев, что уж и говорить про вздымающиеся вдалеке горы, мелькавшие в просветах меж деревьями. Даже пушистые белые облака в небе, казалось, были размещены в соответствии с тщательно выверенной схемой.

- Увидимся позже, - сказал Джеффри, выскакивая из машины. Схватив свой рюкзак, он направился к школе с таким важным видом, словно был тут полноправным хозяином. Несколько девочек на парковке проводили его взглядом. Мой брат непринужденно улыбнулся и они тут же начали шептаться и хихикать, словом, все пошло так же, как и в нашей предыдущей школе.

- Значит, не высовываемся, да? – пробормотала я ему вслед, нанесла ещё один слой леска для губ и оглядела себя в зеркало заднего вида, всё досадуя на унизительный цвет волос. Несмотря на всевозможные усилия с моей и маминой стороны, мои волосы остались оранжевыми. Было перепробовано все, что можно. Волосы перекрашивали раз пять, даже попытались сделать из меня брюнетку, но цвет неизменно становился ужасающе-ядовито оранжевым. Просто жестокая кармическая шутка какая-то.

- Ты не всегда сможешь рассчитывать только на внешность, Клара, - сказала мне мама после неудачной попытки номер пять. Ну, кто бы говорил. Что-то я не видела, чтобы она когда-либо выглядела хуже, чем на оценку «фоскошно».

- Я никогда не рассчитывала на внешность, мам.

- Мне так не кажется, - показалось или она произнесла это неподобающе весело? - Ты, конечно, не тщеславна, но все же. Ты всегда знала, что глядя на Клару Гарднер, учащиеся Маунтин Хай видят прелестную блондинку.

- Да, а теперь я вовсе не прелестная и не блондинка! – я была абсолютно несчастна. Может быть я и перегибала палку, но волосы были просто невыносимо оранжевыми.

Мама взяла меня за подбородок и подняла мое лицо вверх:

- Волосы у тебя могут быть даже зелеными, но это нисколько не умаляет твоей красоты.

- Ты моя мать и обязана утешать меня.

- Давай-ка вспомним, что ты здесь не для того, чтобы стать королевой красоты. Ты здесь из-за своего предназначения. Может быть, проблемы с волосами означают, что для тебя все будет не так легко, как в Калифорнии. На все есть причина.

- Да, и я надеюсь, что это очень веская причина.

- Ну, по крайней мере, краска скроет сияние и тебе не надо будет все время прикрывать волосы.

- Я так за себя рада.

- Постарайся использовать эту ситуацию, Клара.

И вот я здесь, использую ситуацию, будто у меня выбор есть. Я вылезла из машины и пробралась на дальнюю часть парковки, чтобы осмотреть серебристый пикап. На кузове сзади красовалась надпись – «Аваланш». Номерной знак – 99СХ.

Он здесь. Я даже забыла, как дышать. Он. И правда. Здесь.

Теперь не оставалось ничего другого, как пойти в школу с этими безумными, неуправляемыми, невыносимо ярко оранжевыми волосами. Я немного понаблюдала за потоком учащихся, группками входивших в школу. Ученики смеялись, разговаривали и дурачились. Все они были абсолютно мне не знакомы. Все, за исключением одного, хотя он меня тоже не знает. Руки внезапно стали холодными и влажными, а в животе стали порхать миллионы бабочек. Никогда в жизни я не нервничала сильнее.

«У тебя все получится, Клара», - подумала я. – «По сравнению с твоим предназначением, школа – это раз плюнуть».

Я распрямила плечи, постаралась принять такой же важный вид, как и Джеффри, и направилась к двери.

Моей первой ошибкой, как я поняла практически сразу же, было подумать, что за всем этим великолепным дизайном, скрывается школа, похожая на все остальные. Боже, почему я всегда ошибаюсь. Изнутри она оказалась такой же прекрасной, как и снаружи. Практически во всех классах были высокие потолки и окна во всю стену, из которых открывался вид на горы. Кафетерий же представлял собой нечто среднее между рестораном лыжного курорта и музеем искусств. Повсюду, даже в самых укромных уголках, висели картины, фрески, коллажи. Даже запах отличался: здесь пахло сосной, мелом и дорогими духами. Бетонная коробка моей прошлой школы казалась в сравнении с этой разве что тюрьмой.

Ещё мне показалось, что по ошибке я попала в страну красивых людей. Знаете, иногда по телевизору показывают фото знаменитостей в старших классах, и человек на них выглядит абсолютно нормально, ничем не отличается от остальных. И ты думаешь, что случилось? Почему сейчас Дженнифер Гарнер выглядит так чертовски сексуально? Я вам вот что скажу – случились деньги. На человека свалились с небес косметические процедуры, дорогие стрижки, дизайнерские шмотки и персональный тренер. И практически у всех учащихся Джексон Хай за версту был виден этот звездный лоск, за исключением тех, которые выглядели настоящими ковбоями: шляпы, жемчужные пуговицы на клетчатых ковбойских рубашках, иногда даже слишком обтягивающие джинсы и потертые сапоги.

Плюс, расписание – просто фантастика. Например, можно посещать класс Искусства, если хотите научиться рисовать, но можно ещё отправиться в класс углубленного изучения Искусств, который откроет вам дорогу в оживленную жизнь мира искусств Джексон Хол. Ещё в расписании значилась Электротехника, где учили, как отремонтировать мотоцикл, вездеход или снегоход. Тут преподавали, как начать свой собственный бизнес, спроектировать дом мечты, развить мастерство французской кухни или как пройти начальную подготовку для работы инженером. В Джексон Хай – весь мир у ваших ног! К такому надо привыкнуть.

Я думала, что остальные ребята будут взволнованы моим появлением, ну, или им, по крайней мере, хотя бы будет любопытно. В конце концов, я новенькая из Калифорнии, может быть, у меня, жительницы большого города, полно мудрости, которую я жажду передать местным адептам. Снова мимо. По большому счету, меня игнорировали. После трех уроков (Тригонометрия, Французский и Химия), где никто даже не удосужился сказать «Как дела?», я была готова заскочить в машину и уехать обратно в Калифорнию, где я всех знала целую вечность, а они знали меня, где в этот самый момент с моими друзьями я могла бы обсуждать планы на выходные и сравнивать расписание, где я была красивой и популярной. Туда, где жизнь была обычной. Но потом я увидела его.

Мой незнакомец стоял около моего шкафчика ко мне спиной. Когда я узнала его плечи, его причёску, посадку головы, по всему телу прокатилась волна электричества. На мгновение мне показалось, что у меня снова видение, вот я вижу его стоящим в черном шерстяном жакете среди деревьев, и одновременно по-настоящему здесь, в коридоре, будто видение – это лишь тонкая вуаль, брошенная на реальность.

Я шагнула к нему и хотела позвать, а потом вспомнила, что все ещё не знаю его имени. Как и в видении, он словно услышал меня и начал поворачиваться, мое сердце пропустило удар, потому что в

этот раз я не проснулась и увидела его лицо. Его губы, изогнутые в полуулыбке, потому что как раз в этот момент он шутил с приятелем. Незнакомец поднял глаза, наши взгляды встретились и коридор вокруг растаял. Теперь остались только он и я, в лесу. Позади него бушевал пожар, пламя несло прямо на нас с горного склона быстрее, чем это могло происходить в реальности. «Я должна спасти его,» - подумала я и потеряла сознание. Очнувшись я на полу рядом с девушкой с длинными золотисто-каштановыми волосами. Её рука лежала у меня на лбу, а сама она что-то говорила тихим ласковым голосом, словно пыталась успокоить маленького ребенка.

- Что произошло? – я оглянулась вокруг в поисках моего знакомого, но он исчез. Что-то твердое упиралось мне в спину, и я поняла, что лежу на собственном учебнике химии.

- Ты упала, - сказала девушка, а то я и сама не поняла. – У тебя эпилепсия или что-то типа того? Мне кажется, у тебя был припадок.

Со всех сторон на меня смотрели люди, и я почувствовала, что краснею.

- Я в порядке, - я попыталась сесть.

- Осторожнее, - девушка встала и наклонилась, чтобы помочь мне. Я взяла её за руку и позволила поднять меня.

- Я такая растяпа, - протянула я, словно это все объясняло.

- Она в порядке, идите на занятия, - сказала моя новая знакомая другим ученикам, которые все ещё топтались вокруг, глаза. – Ты сегодня завтракала?

- Что?

- Может, у тебя просто сахар понижен, - она обняла меня и потянула вниз по коридору. – Как тебя зовут?

- Клара.

- Венди, - представилась она в ответ.

- Куда мы идем?

- К медсестре.

- Не надо, - возразила я, убрала её руку, пытаясь выпрямиться и улыбнуться. – Я, правда, в порядке.

Прозвенел звонок, и коридор внезапно опустел. Из-за угла выскочила пухленькая светловолосая женщина в голубом костюме медсестры, а за ней парень. Мой парень.

- Ну вот, снова, - воскликнула Венди, когда, пошатнувшись, я опять ухватилась за неё.

- Кристиан! - скомандовала медсестра, направляясь ко мне.

Кристиан. Вот как его зовут.

Он подхватил меня на руки и понес. Я обняла его за плечи и мои пальцы почти касались того места, где его волосы касались шеи, при этом его запах: смесь туалетного мыла и какого-то чудесного терпкого одеколона – обернулся вокруг меня теплым облаком. Я посмотрела вверх и встретила с ним взглядом, глаза у него были зелеными с золотистыми крапинками.

- Привет, - сказал он.

«Господи, помоги мне!» - взмолилась я, когда он улыбнулся. – «Это для меня уже слишком».

- Привет, - пробормотала я, краснея до самых кончиков моих очень-оранжевых волос.

- Держись за меня, - велел Кристиан, неся меня по коридору. Поверх его плеча, я увидела, что Венди поглядела нам вслед, а потом она повернула и направилась по своим делам.

Наконец, мы дошли до медкабинета, где Кристиан осторожно положил меня на кушетку, а я из всех сил старалась не глазеть на него с открытым ртом.

- Спасибо, - заикаясь, пробормотала я.

- Не за что, - он улыбнулся снова, и я очень обрадовалась, что сижу. – Ты довольно легкая.

Мой бедный мозг отчаянно пытался сфокусироваться на смысле его слов, но тщетно.

- Спасибо, - ещё раз выдала я слабым голосом.

- Да, спасибо вам, мистер Прескотт, - поддакнула медсестра. – А теперь идите на урок, пожалуйста.

Кристиан Прескотт. Его зовут Кристиан Прескотт.

- Увидимся, - просто сказал он и вышел за дверь.

Я помахала ему вслед, чувствуя себя полной идиоткой.

- А теперь... - начала произносить медсестра, обращаясь ко мне.

- О, нет. Я, правда, в порядке.

Кажется, я её не убедила.

- Со мной настолько все в порядке, что я готова скакать до потолка, - я не могла стереть глупую улыбку с лица.

Из-за этого происшествия я опоздала на Литературу. Ученики уже составили стулья в круг. Учитель, пожилой мужчина с короткой белой бородой сделал мне знак зайти.

- Возьмите себе стул. Мисс Гарднер, я полагаю.

- Да, - ответила я. Казалось, все смотрели только на меня, пока я брала стул в конце класса и тащила его к общему кругу. Венди, девушка, которая помогла мне в коридоре, тоже была тут. Она подвинула свой стул, чтобы освободить мне место.

- Меня зовут мистер Фиббс, - сказал учитель. - Мы как раз начали одно упражнение, которое будет для вас очень полезно. Каждый должен назвать три уникальных факта о себе. Мы остановились на Шоне, который утверждает, что у него самый крутой сноуборд в округе Титон, - мистер Фиббс поднял кустистые брови, - что очень горячо оспаривает Джейсон.

- Да, моя «Розовая Леди» просто великолепна, - похвастался парень, по-видимому, тот самый Шон.

- Что ж, никто не спорит, что факт уникален, - сказал мистер Фиббс, покашляв, - а теперь мы переходим к Кей. И, да, ваше имя, пожалуйста, для новенькой.

Все взгляды устремились к хрупкой брюнетке с карими глазами. Она улыбнулась, словно для неё естественно было находиться в центре внимания.

- Меня зовут Кей Паттерсон. У моих родителей самая старая кондитерская в Джексоне. Я тысячу раз встречала Харрисона Форда, - добавила она в качестве второго факта. - Он говорит, что наши сладости –самые лучшие. А ещё Харрисон говорит, что я похожа на Кэрри Фишер из «Звездных войн».

«Кажется, она тщеславна», - подумала я. - «Хотя, если одеть её в белый халат и прилепить к голове с двух сторон плюшки с корицей, она вполне сойдет за принцессу Лею». Несомненно, Кей очень привлекательна: красавица с персиковой кожей и каштановыми волосами, которые падали локонами на плечи. Они так блестели, что казались ненастоящими.

- И ещё я встречаюсь с Кристианом Прескоттом, - поставила она финальную точку.

Мне она теперь заочно не нравилась.

Мне она теперь заочно не нравилась.

- Очень хорошо, Кей, - похвалил её мистер Фиббс.

Следующей была Венди. Она отчаянно краснела, очевидно, ужасаясь идее говорить о себе перед всем классом.

- Меня зовут Венди Эвери, - начала она, вздрогнув, - у моей семьи ранчо за Вилсоном. Я не знаю, что ещё сказать. Хочу быть ветеринаром, что неудивительно, потому что я люблю лошадей. Я с шести лет сама шью себе одежду.

- Спасибо, Венди, - сказал мистер Фиббс. Она откинулась на спинку стула со вздохом очевидного облегчения. Кей, сидевшая рядом прикрыла рот ладошкой, сдерживая зевоту. Этаким жест настоящей леди, отчего она стала мне нравится ещё меньше.

Тишина.

«О, черт,» - поняла я. - «Кажется, они ждут меня».

Все мысли вмиг вылетели прочь из головы. Вместо этого я начала думать о том, что я НЕ могу им сказать. Вроде того, что я могу бегло разговаривать на любом языке Земли. У меня есть крылья, которые появляются по моему желанию, и вообще-то, я теоретически умею летать, но у меня это не получается. Я натуральная блондинка. У меня абсолютное чувство направления, что, наверное, должно помочь в полетах, но пока не знаю точно. Ах, да, я здесь, потому что мне судьбой предназначено спасти парня Кей.

Я прочистила горло:

- Итак, меня зовут Клара Гарднер, и я переехала из Калифорнии.

Другие ученики захихикали, а один парень поднял руку.

- Это один из фактов мистера Ловетта, - пояснил мистер Фиббс. - Вот только вас не было, когда он это говорил. Скоро вам станет известно, что здесь достаточно много учеников, кто перебрался из Золотого Штата.

- Ну что ж, тогда попробую снова. Я переехала из Калифорнии около недели назад, потому что прослышала про дивные здешние сласти.

Весь засмеялись, даже Кей, которая чувствовала себя польщенной. Я неожиданно представила себя комиком, произносящим монолог. Но все лучше, чем если все станут говорить, что ты та рыжая идиотина, которая грохнулась в обморок посреди коридора после третьего урока. Шутить, так шутить.

- Меня до странности любят птицы, - продолжала я, - куда бы я ни пошла, их вокруг собирается целая стая.

Это правда. Думаю, это потому что они чувствуют, что я тоже крылатая, хотя на самом деле, мои крылья - невидимы.

- Анжела, ты хочешь что-то сказать? – обратился вдруг к кому-то мистер Фиббс.

Я пораженно посмотрела направо, а девушка с волосами цвета воронова крыла, в фиолетовой тунике и леггинсах поспешно опустила руку.

- Нет, я просто потягиваюсь, - непринужденно сказала она, глядя на меня янтарными глазами. – Но про птиц мне понравилось. Это забавно.

Но на сей раз никто не смеялся. Все смотрели на меня. Я сглотнула.

- Так, ещё один факт, да? – продолжила я немного отчаянно. – Моя мама программист, а отец профессор физики в Университете Нью-Йорка, что, наверное, означает, что с математикой у меня должно быть все хорошо.

Я изобразила гримасу отчаяния. Конечно, я соврала, что не разбираюсь в математике. Вполне разбираюсь. Математика – это язык, и моя мама, к примеру, даже не притрагиваясь, может понять, что именно компьютеры говорят друг другу. Наверное, поэтому она и влюбилась в моего отца, который напоминает ходячий калькулятор, даже и без капли ангельской крови. Джеффри и мне математика всегда давалась до смешного просто. Этот факт веселья тоже не вызвал, кроме сочувственного смешка от Венди. Что ж, комик из меня, кажется, негодный.

Последней в списке была девочка, которая столь внимательно смотрела на меня, когда я рассказала про птиц. Она представилась Анжелой Зебрино. Убрав длинную челку за ухо, Анжела быстро перечислила свои три факта.

- Моя мама – владелица «Розовой подвязки». Я никогда не знала своего отца, и я - поэт.

Снова эта странная тишина. Она оглядела всех, словно ожидала, что кто-то бросит ей вызов. Никто не хотел встречаться с ней взглядом.

- Отлично, - сказал мистер Фиббс, прочищая горло, внимательно глядя в свои записи. – Теперь мы все знаем друг друга немного лучше. Но как людям действительно узнать друг друга? Что отличает нас от остальных шести с половиной миллиардов людей на планете? Может быть, это мозг, который как компьютер запрограммирован для каждого на свой набор программ, воспоминаний, привычек, генетически заданной внешности? А может быть, нас различают по делам? Какими были бы ваши три факта, если бы я попросил вас назвать три самых важных поступка в вашей жизни?

Перед моим внутренним взором промелькнуло пламя.

- Этой весной мы посвятим много времени обсуждению того, что значит быть уникальным, - продолжил мистер Фиббс, встал и, прихрамывая, подошел к небольшому столику в дальней части комнаты, где взял стопку книг и начал раздавать их.

- И наша первая книга в этом семестре, Франкенштейн!

- Оно живое!!! – тут же заорал парень со сноубордом, подняв книгу вверх, словно ожидая удара молнии. Кей Паттерсон закатила глаза.

- О, да вы уже общаетесь с духом доктора Франкенштейна? – мистер Фиббс повернулся к доске взял черный маркер и написал имя Мэри Шелли и год – 1817. – Этот роман был написан женщиной не намного старше вас, и отражает идею борьбы науки и природы.

Он начал лекцию про Жана-Жака Руссо и влияние его идей на искусство и литературу во время написания романа, а я старалась не пялиться на Кей Паттерсон и все думала, что же за девушка сумела зацепить такого парня, как Кристиан. А потом задумалась, что он из себя представляет как человек, ведь я ничего не знала о нем, кроме того, как выглядит его затылок и что он спасает девушек, вырубившихся посреди коридора.

Осознав, что я упорно грызу ластик на конце карандаша, я его отложила.

- Мэри Шелли хотела показать, что же истинно делает нас человеком, - подвел итог мистер Фиббс. Он посмотрел на меня так, словно прекрасно знал, что я совершенно не слушала его последние десять минут, а потом отвернулся. – Как раз это мы и собираемся выяснить! – он взял книгу и тут же прозвенел звонок.

- В обед можешь сесть со мной, - предложила Венди, когда мы вышли из класса. – Ты берешь еду из дома или планировала посидеть где-нибудь?

- Нет, думала, куплю что-нибудь здесь.

- Ну, кажется сегодня у нас тут в меню курица в кляре.

Я поморщилась.

- Ну, конечно, всегда можно купить пиццу или бутерброд с арахисовым маслом. Да и столовая тоже есть.

- Ммм, здоровая еда.

Я протолкалась через толпу, добыла себе еды и устремилась за Венди к её столику, где сидела компания почти одинаковых на вид девиц, выжидающе рассматривающих меня. Венди назвала их по именам: Линдси, Эмма и Одри. Они показались вполне дружелюбными. Не звезды, конечно, все в джинсах и футболках, с косичками и хвостиками, без особого макияжа, но милые. Нормальные.

- Вы, что, группа? – спросила я, присаживаясь.

Венди засмеялась:

- Мы себя называем Невидимками.

- О.. – протянула я, точно не зная, шутит она или нет и что отвечать.

- Мы не фрики и не ботаники, - сказала Линдси или Эмма, или Одри, я их ещё не различала. – Мы, ну ты понимаешь, невидимые.

- Невидимые для..?

- Те, кто популярен, - пояснила Венди. – Они нас не видят.

Отлично. Невидимки – это как раз для меня.

На другом конце кафетерия я увидела Джеффри, сидящего за столом с группой парней в спортивных куртках. Миниатюрная блондиночка, сидящая рядом, взирала на него с обожанием. Джеффри что-то сказал и все засмеялись. Невероятно. Ещё и день не прошел, а он уже Мистер Популяризм.

Кто-то поставил стул рядом со мной, я обернулась и увидела Кристиана. Несколько мгновений я видела только его зеленые глаза. Кажется, для него я не такая уж и невидимая.

- Так ты, говорят, из Калифорнии, - начал он.

- Да, - я изо всех сил старалась поскорее прожевать и проглотить кусок бутерброда с арахисовым маслом. В зале стало потише, а девочки-невидимки потрясенно смотрели на Кристиана широко открытыми глазами, словно никогда раньше вообще его не видели вблизи. Кажется, вест зал смотрел на нас с таким хищным любопытством.

Я отхлебнула молока и выдала ему ослепительную улыбку, очень надеясь, что кусочки еды не застряли у меня меж зубов.

- Мы переехали из Маунтин-Вью – это на юге Сан-Франциско.

- А я родился в Лос-Анжелесе. Мы жили там пока мне не исполнилось пять лет, хотя я помню очень немного.

- Прикольно, - мой мозг лихорадочно искал подходящий ответ, чтобы выразить как прекрасно, что у нас так много общего. Но я не нашла ничего подходящего по случаю. НИЧЕГО. Единственное, что мне удалось – это выдавить из себя манерное хихиканье. Хихикание – представляете?!

- Меня зовут Кристиан, - мягко сказал он, - у меня не было раньше возможности представиться.

- Я Клара, - я хотела пожать ему руку, и этот жест, по-видимому, показался ему очаровательным. Он взял меня за руку и в этот момент мое видение и реальность слились воедино. Он улыбнулся восхитительной, лукавой улыбкой, такой настоящей. Рукопожатие его было теплым, уверенным и крепким. У меня опять закружилась голова.

- Приятно познакомиться, Клара, - сказал он, пожав мне руку.

- Полностью согласна.

Он снова улыбнулся. Сексуальный – не то слово. Он был сумасшедшее красив во всем: нарочито небрежные волны темных волос; четкие линии бровей, которые делали выражение его лица слегка серьезным, даже если он улыбался; глаза, которые, как я уже заметила, становились в зависимости от

освещения то изумрудными, то светло-карими; мягкие линии лица; изгиб полных губ. Я разглядывала его всего-то десять минут и уже не могла оторвать взгляда от его губ.

- Спасибо за то, что помог мне.

- Да абсолютно не за что.

- Ты готов идти? – подошла Кей и определенно собственническим жестом положила руку ему на шею, пробежав пальцами по волосам. Выражение её лица было настолько равнодушным, словно его закрепляющим лаком сбрызнули - мне абсолютно все равно, с кем там болтает мой парень. Кристиан повернулся, чтобы посмотреть на неё и практически уткнулся лицом к ней в грудь. На шее у неё висел медальон в виде половины сердца с выгравированными инициалами К.П. Он улыбнулся и очарование развеялось.

- Да, один момент. Кей, это...

- Клара Гарднер, - кивнула она. – Мы вместе на Английской литературе. Переехала из Калифорнии. Не любит птиц. Не сильна в математике.

- Да, если кратко, то это я.

- Что? – смущенно спросил Кристиан. – Я что-то пропустил?

- Ничего. Просто глупое упражнение, которое мы делали на занятии у Фиббса. Если мы не хотим опоздать на следующий урок, нам лучше пойти, - сказала она и повернулась ко мне, чтобы сверкнуть безупречной улыбкой. Ставлю что угодно, она когда-то носила брекеты. – Мы хотим успеть на обед в один отличный китайский ресторанчик в миле отсюда. Сходи как-нибудь с друзьями.

- Мне нравится китайская кухня, - ответила я, и они ушли.

- Ух ты, - произнесла Венди, которая сидела рядом со мной и на протяжении всего разговора не издавала ни звука. – Кажется, здесь кто-то отчаянно флиртовал.

- По-моему, у меня был повод, - ответила я слегка рассеянно.

- Ну, думаю, найдется немало девушек, которые хотели бы иметь повод в лице Кристиана Прескотта, - сказала она и другие девушки захихикали.

- Первый год я мечтала, что он пригласит меня на выпускной, где я буду королевой, - вздохнула одна из них, кажется, Эмма, и тут же стремительно покраснела. – Но теперь с такими мечтами покончено.

- Я ставлю что угодно, Кристиан будет королем на выпускном, - Венди почесала кончик носа. – А Кей будет королевой. Я бы на твоей месте к ней спиной не поворачивалась.

- Что, она настолько опасна?

Венди рассмеялась, а потом передернула плечами:

- Мы с ней были близкими друзьями в начальной школе, ночевали друг у друга, устраивали чаепития для кукол и все такое, а потом мы повзрослели и это было... - она печально покачала головой. – Она, конечно, избалована. Но если ты получишь узнать её, то не так уж и плоха. Может быть по-настоящему милой. Но дорогу ей переходить не советую.

Я была вполне уверена, что УЖЕ перешла дорогу Кей Патерсон. Я чувствовала это по тому, насколько дружелюбной и милой она старалась быть со мной, но под этой маской отчетливо чувствовалось презрение.

Я оглядела кафетерий и увидела темноволосую девушку с Литературы, Анжелу Зебрино. Она сидела одна, читая толстую книгу в черной обложке, обед стоял перед ней нетронутым. Анжела подняла взгляд и еле заметно кивнула мне, словно сообщая, что заметила меня. Несколько секунд мы смотрели друг другу прямо в глаза, а потом я отвернулась, а она вернулась к чтению книги.

- Кто эта девушка? – спросила я Венди, кивнув в сторону Анжелы.

- Анжела? Она не изгой, нет. Но ей будто нравится быть в одиночестве. Мне кажется она слишком серьезная. Сосредоточенная. И всегда была такой.

- А что такое «Розовая подвязка»? Звучит словно...ну ты понимаешь...такое место... ты меня поняла, да?

- Бордель? – рассмеялась Венди.

- Ну да, - ответила я, слегка смутившись.

- Это рестотеатр в городе, - пояснила Венди, все ещё смеясь. – Показывают ковбойские мелодрамы, пару мюзиклов.

- А! – до меня, наконец, дошло. – Мне показалось странным, что она рассказала о том, что её мама владеет борделем, а она никогда не знала своего отца. Немного слишком, если ты меня понимаешь.

Теперь смеялись уже все. Я снова посмотрела на Анжелу, но она теперь повернулась и я не могла видеть её лица.

- Она кажется милой, - я дала задний ход.

Венди кивнула.

- Она, и правда, милая. Мой брат был влюблен в неё некоторое время.

- У тебя есть брат?

Она фыркнула, словно очень хотела бы дать другой ответ.

- Да, мы близнецы, кстати. Он настоящая заноза.

- О, мне знакомо это чувство, - сказала я, глядя на Джеффри в окружении новых друзей.

- Вспомнишь его, он и всплывет, - протянула Венди, хватая за рукав проходящего мимо парня.

- Эй, - возмутился он, - ты чего?

- Ничего. Я просто рассказывала новенькой о своем потрясающем брате, а ты тут как тут! – она выдала ему настолько ослепительную улыбку, что сразу становилось ясно, что ничего такого она в виду не имела.

- Узрите Такера Эвери, - сказала она ко мне, показывая на брата.

Брат был похож на неё практически во всем: те же голубые глаза, загар, золотисто-каштановые волосы, только короткие и подстриженные ежиком, а ещё он был выше как минимум сантиметров на тридцать. Несомненно, он был из группы любителей ковбойской моды, но одевался в приглушенные тона: на нем была серая футболка, джинсы и ковбойские ботинки. Настоящий красавец, но совершенно не похож на Кристиана, менее утонченный, более загорелый и мускулистый, с упрямым подбородком. Он выглядел так, словно всю жизнь работал под открытым небом.

- Это Клара, - представила меня Венди.

- Ты та самая девица на «Приусе», которая сегодня утром чуть не протаранила мой пикап, - утвердительно сказал он.

- О, мне очень жаль.

Брат Венди оглядел меня с головы до ног, и я почувствовала, что краснею, кажется, уже в сотый раз за день.

- Из Калифорнии, да? – слово Калифорния звучала в его устах, как оскорбление.

- Такер, - дернула его за рукав Венди, предупреждая.

- Думаю, я не смогла бы нанести большого вреда твоей машине, даже если бы в неё врезалась, – резко ответила я, - зад все равно уже проржавел.

Глава у Венди полезли на лоб, похоже, она заволновалась.

Такер презрительно усмехнулся:

- Посмотрим, как этот ржавый зад будет вытаскивать «Приус» из снежного заноса в следующую бурю.

- Такер! У тебя, по-моему, встреча по родео или что-то типа того? – воскликнула Венди.

Я постаралась придумать остроумный ответ по поводу того, какую гигантскую сумму денег я сэкономлю на топливе для «Приус» по сравнению с его газопоглотителем на колесах, но нужные слова как-то не находились.

- Это ведь ты хотела поболтать, - заметил Такер Венди.

- Я не думала, что ты станешь вести себя как свинья.

- Отлично, - он самодовольно усмехнулся. – Пока Морковка, - он смотрел прямо на мои волосы.

– Ой, прости, Клара.

Я покраснела, как помидор.

- И тебе того же, Ржавый зад, - ответила я на колкость, но он уже спешил прочь.

Превосходно. Я в этой школе меньше, чем пять часов, и уже нажила себе двух врагов самым фактом своего существования.

- Ведь говорила, что он заноза, - посочувствовала мне Венди.

- По-моему, это явное преуменьшение, - ответила я, и мы обе засмеялись.

Первой, кого я увидела, зайдя на следующий урок, была Анжела Зебрино. Она сидела в первом ряду, склонившись над тетрадью. Я села на несколько рядов подальше, и стала осматривать класс и портреты английских монархов, развешанные по стенам. На большом столе в передней части класса красовалась модель Тауэра из палочек от мороженого и Стоунхендж из папье-маше. В одном углу комнаты стоял манекен в кольчуге, в другом – широкая деревянная доска с тремя отверстиями – настоящие колодки. Кажется, будет интересно.

Постепенно собирались другие ученики. Когда прозвенел звонок, из задней комнаты появился учитель: костлявый парень с длинными волосами, забранными в хвост, и в огромных очках, но с учетом одежды (сорочка с галстуком, черные джинсы и ковбойские сапоги), он казался довольно симпатичным.

- Привет, меня зовут мистер Эриксон. Добро пожаловать на весенний семестр Британской истории, - сказал он и, схватив со стола банку, встряхнул бумажки внутри неё, - думаю, сначала мы разделимся. В этой банке десять бумажек со словом «крестьянин», если вы вытянете её, то вы, фактически, раб. Три бумажки со словом «церковник», если вам попадется такая, то вы - духовное лицо: священник или монашка.

Он посмотрел в дальний конец класса, где в дверь проскользнул ещё один ученик.

- Кристиан, рад, что ты к нам присоединился.

Мне понадобились все мои силы, чтобы не обернуться.

- Простите, - услышала я, - этого больше не повторится.

- Если повторится, проведешь десять минут в колодках.

- Этого, определенно, больше не повторится.

- Отлично, - продолжил мистер Эриксон. – Так, на чем я остановился? Ах, да. На пяти бумажках написано «лорд» или «леди». Если вы вытянули такую, поздравляю, вы владеете землей, а так же, возможно, одним или двумя крестьянами. На трех написано «рыцарь» - ну, это понятно. И на одной, только на одной единственной написано «король», если вы вытянете такую – будете всеми нами править.

Он передал банку Анжеле.

- Я буду королевой, - провозгласила она.

- Увидим, - ответил мистер Эриксон.

Анжела вытащила бумажку из банки и прочитала, её улыбка погасла – «Леди».

- Я бы не расстраивался по этому поводу, - утешил её учитель. – У вас будет относительно хорошая жизнь.

- Ну да, только если я хочу, чтобы меня продали самому богатому из тех мужчин, что захочет на мне жениться.

- Тушэ, - признал учитель. – Прошу всех любить и жаловать, леди Анжела.

Он обходил комнату, называя учеников по именам.

- Хмм, рыжие волосы, - отметил он, дойдя до меня. – Возможно, ты ведьма.

Кто-то позади издал смешок. Я бросила взгляд через плечо и увидела невыносимого братца Венди, Такера, который сидел прямо позади меня. На лице его играла дьявольская усмешка.

Я вытащила бумажку – Церковник.

- Очень хорошо, сестра Клара. А теперь вы, мистер Эвери.

- Рыцарь, - прочитал он, явно довольный собой.

- Сэр Такер.

Роль короля досталась парню по имени Брейди, которого я не знала, но, судя по мускулам и по тому, что принял свою роль, как нечто заслуженное, а не случайную удачу, он был футбольным игроком.

Кристиан оставался последним.

Ах, - с фальшивой скорбью протянул он. – Я - крестьянин.

После этого, мистер Эриксон прошелся по классу с игральными костями, чтобы определить, кто из нас переживет эпидемию Черной чумы. Шансы на доброе здоровье у крестьян и церковников, ухаживающих за больными, были невелики, но каким-то чудом я выжила. За это мистер Эриксон дал мне бейдж, на котором было написано – Я пережила Черную чуму. Что ж, мама будет мной гордиться.

Кристиану не повезло, он получил карточку с черепом и скрещенными костями, на которой было написано – Я умер во время Черной чумы. Мистер Эриксон зафиксировал его смерть в своей тетради, где отмечал ход наших жизней. Он заверил нас, что настоящие правила жизни и смерти,

конечно же, работают не так, как в этом упражнении. И все же, я не могла не увидеть в скоропостижной кончине Кристиана дурной знак.

Когда мы вернулись домой, мама ждала нас у входной двери.

- Расскажи мне все, - скомандовала она, как только я перешагнула через порог. – Я хочу все знать. Он ходит в ту же школу? Ты видела его?

- О да, она его видела, - ответил Джеффри, не позволив мне даже слова сказать. – Увидела и отключилась прямо посреди коридора. Вся школа теперь об этом болтает.

Глаза у мамы стали очень большими. Она повернулась ко мне, а я пожалала плечами.

- Я же говорил, что она в обморок грохнется, - повторил Джеффри.

- Ты гений, - мама потянулась, чтобы потрепать его по волосам, но Джеффри увернулся от её руки и проворчал:

- Я ещё и очень быстрый.

- Я приготовила для вас на кухне жареную картошку с солью, - сказала мама.

- Что произошло? - спросила она, когда Джеффри удалился набивать желудок.

- Да, вобщем-то, как и сказал Джеффри. Просто вырубилась прямо перед всеми.

- Ох, дорогая, - мама сочувствующе посмотрела на меня.

- Когда я очнулась, мне помогла одна девушка, с которой я, кажется, подружилась, а потом... - я сглотнула. – Он вернулся с медсестрой и отнес меня в медицинский кабинет.

У неё челюсть отвисла от удивления. Никогда не видела её столь удивленной:

- Он отнес тебя?

- Да, как рыцарь прекрасную даму.

Она рассмеялась, а я выдохнула.

- Ты уже рассказала ей, как его зовут? – раздался голос Джеффри из кухни.

- Да заткнись ты, - отозвалась я.

- Его зовут Кристиан, - продолжал Джеффри. – Наш ангелочек Клара будет спасать парня по имени Кристиан⁴, представляешь?

- Да, в этом есть некоторая ирония, - мама мягко улыбнулась мне. – Зато теперь ты знаешь, как его зовут.

- Да, - я не могла не улыбнуться в ответ. – Теперь знаю.

- Теперь все происходит на самом деле, и скоро все кусочки паззла сложатся воедино, - теперь она выглядела более серьезной. – Ты готова к этому, детка?

Я думала об этом неделями, многие годы знала, что когда-нибудь мое время наступит. Но готова ли я?

- Думаю, да, - ответила я.

Надеюсь.

ГЛАВА 4. РАЗМАХ КРЫЛЬЕВ

(Переводчик: lialilia, Редактор: [unreal])

Мне было четырнадцать, когда мама рассказала мне об ангелах. Однажды за завтраком она объявила, что отпросила меня из школы на сегодняшний день и что мы отправляемся на пикник, только я и она. Мы высадили Джеффри у школы и проехали почти тридцать километров от нашего дома в Маунтин-Вью до «Большого Бассейна Секвойи»⁵, расположенного в горах, вблизи океана. Мама припарковалась, перебрала рюкзак через плечо и, сказав «Кто последний, тот тугодум», направилась напрямик по мощеной тропинке. Мне пришлось практически бежать, чтобы не отстать от нее.

⁴ **Christian** – христианин (англ) - кажется, ирония в этом :)

⁵ «**Большой Бассейн Секвойи**» - старейший государственный парк в США (создан в 1902 году), расположенный в Санта-Крус-Каунти, около 36 км к северо-западу от Санта-Крус, штат Калифорния.

- Некоторые мамы водят своих дочерей прокалывать уши, - крикнула я ей. На тропинке кроме нас никого не было. Туман перемещался между деревьев. Они были почти двадцать футов (6 м 10 см – прим. редактора) в диаметре и такие высокие, что не получалось разглядеть, где они заканчиваются, и только сквозь небольшие просветы между ветвями лучи света падали на землю.

- Куда мы идем? - спросила я, запыхавшись.

- «Баззадс Руст»⁶ - сказала мама через плечо. Будто это что-то объясняет.

Мы брели мимо заброшенных площадок для кемпинга, шлепали через ручьи, подныривали под громадные покрытые мхом стволы деревьев, упавшие поперек дороги. Мама молчала. Это не был обычный совместный день матери и дочери, как если бы она свозила меня на «Рыбацкую Пристань»⁷ или в «Таинственный Дом Винчестеров»⁸, или в «Икею». Спокойствие леса нарушало только наше дыхание и шарканье наших ног по тропинке; тишина была такой тяжелой и удушливой, что мне хотелось закричать, только бы нарушить ее.

Мама не заговаривала, пока мы не достигли большой скалы, выступающей из земли подобно каменному персту, указывающему в небо. Чтобы добраться до вершины, предстояло карабкаться почти двадцать футов по отвесной поверхности, что мама и проделала быстро, легко и не оглядываясь назад.

- Мам, подожди!- прокричала я, и стала подниматься следом за ней. Я никогда не забиралась выше, чем на гимнастическую стенку в спортивном зале. Ее туфли смахнули несколько булыжников вниз по склону, и вот она исчезла на вершине.

- Мама! - крикнула я.

Она взглянула вниз, на меня.

- Ты можешь сделать это, Клара, - сказала она. - Поверь мне, это того стоит.

У меня и выбора-то не было. Я подтянулась и ухватилась за край утеса, продолжая подъем, уговаривая себя не смотреть вниз, где прямо подо мной скала обрывалась. Затем я достигла вершины. Запыхавшаяся, я встала рядом с мамой.

- Вау, - сказала я, осмотревшись вокруг.

- Необыкновенно, правда?

Под нами простиралась долина, полная сосен, окаймленная вдали горами. Это было одно из тех мест на вершине мира, откуда ты можешь видеть на мили вокруг в любом направлении. Я закрыла глаза и раскинула руки, позволяя ветру течь сквозь меня, ощущая воздух - опьяняющее сочетание ароматов деревьев, мха, растущей зелени с легкой примесью грязи, родниковой воды и чистого кислорода. Орел плавно описывал круг над лесом. Я могла легко представить каково это, скользить в воздухе, когда ничто не разделяет тебя и бесконечное синее небо кроме облаков.

- Присаживайся, - сказала мама. Я открыла глаза и увидела ее, сидящую на валуне. Она похлопала рядом с собой. Я села. Мама порылась в рюкзаке, нашла бутылку с водой, открыла и сделала глубокий глоток, затем передала ее мне. Я взяла бутылку и отпила, наблюдая за ней. Она была рассеяна, взгляд далекий, затерянный в собственных мыслях.

- У меня проблемы? - спросила я.

Она начала говорить, но потом нервно рассмеялась.

- Нет, милая, - сказала она. - Просто мне нужно сказать тебе кое-что важное.

В моей голове сразу возникло множество вещей, о которых она могла сейчас сказать мне.

- Я шла к этому моменту достаточно давно, - начала она.

- Ты встретила парня, - предположила я. Это казалось волне вероятным.

- О чем ты говоришь? - спросила мама.

Мама редко встречалась с кем-то, даже не смотря на то, что все, кто знакомился с ней, мгновенно попадали под ее очарование, а каждый мужчина в комнате провожал ее взглядом. Она любила говорить, что слишком занята для серьезных отношений, чересчур озабочена своей работой программиста в «Apple» и тем, что является матерью-одиночкой. Я думала, что она еще не забыла отца. Но может быть, у нее был тайный поклонник, о котором она собиралась рассказать мне сейчас. Может быть, через пару месяцев я буду стоять в розовом платье с цветами в волосах и смотреть, как она

⁶ **Баззадс Руст** – неприсоединенная область округа Колберт, штат Алабама, США.

⁷ **«Рыбацкая пристань»** - портовый район на северо-востоке Сан-Франциско, одна из главных туристических достопримечательностей города.

⁸ **«Таинственный Дом Винчестеров»** - дом номер 525 на Винчестер-бульваре в городе Сан-Хосе, штат Калифорния, США. Имеет интересную и мистическую историю. В настоящий момент дом открыт для посещения туристов.

выходит замуж за парня, которого мне придется называть отцом. С некоторыми из моих друзей такое случилось.

- Ты привела меня сюда, чтобы сказать, что встречаешься с парнем, что любишь его и хочешь выйти замуж или типа того, - сказала я быстро, не глядя на нее, потому что не хотела, чтобы она заметила, насколько неприятна мне эта идея.

- Клара Гарднер...

- Честно, я буду не против...

- Это очень мило, Клара, но речь не об этом», сказала она. - Я привела тебя сюда, потому что думаю, что ты достаточно взрослая, чтобы узнать правду.

- Окей, - ответила я с тревогой. Все это прозвучало очень значительно. - Какую правду?

Она глубоко вздохнула, выдохнула, затем прислонилась ко мне.

- Когда мне было столько же, сколько тебе сейчас, я жила в Сан-Франциско с бабушкой, - начала она.

Я немного знала об этом. Ее отец ушел, когда она еще не родилась, а мать умерла, давая ей жизнь. Я всегда думала, что это похоже на сказку, будто мама осиротевшая, трагическая героиня одной из моих книг.

- Мы жили в большом белом доме на Мейсон-стрит, - сказала она.

- Почему ты не брала меня туда? - Мы часто бывали в Сан-Франциско, как минимум два или три раза в год, и она никогда ничего не рассказывала о доме на Мейсон-Стрит.

- Он сгорел много лет назад, - сказала она. - Сейчас на этом месте сувенирный магазин, я думаю. В любом случае, однажды утром я проснулась от того, что наш дом сильно трясся. Мне пришлось ухватиться за столбик кровати, чтобы не вывалиться из нее.

- Землетрясение, - предположила я. Я росла в Калифорнии и пару раз становилась свидетельницей землетрясений, ни одно из них не длилось дольше нескольких минут и не причинило серьезного вреда, но все равно было страшно.

Мама кивнула. - Я слышала, как посуда падает с полок в серванте, а по всему дому разбиваются окна. Затем раздался сильный треск. Стена моей комнаты подалась вперед, и кирпичи из каминной кладки завалили мою кровать.

Я смотрела на нее в ужасе.

- Не знаю, сколько я там пролежала, - сказала мама через минуту. - Когда я снова открыла глаза, то увидела фигуру мужчины, стоящего передо мной. Он нагнулся и сказал: «Будь спокойна, дитя». Потом он взял меня на руки, и кирпичи соскользнули с моего тела, будто ничего не весили. Он поднес меня к окну. Через разбитое стекло я могла видеть, как люди выбегают из своих домов на улицу. А потом случилось что-то странное, и я очутилась где-то в другом месте. Оно напоминало мою комнату, но чем-то отличалось, будто здесь жил кто-то другой, и не было никаких разрушений, словно и не произошло землетрясения. Снаружи, за окном было так много света, так ярко, что больно было смотреть.

- А что было дальше?

- Мужчина поставил меня на пол. Я была потрясена, что могу стоять. Моя ночная рубашка была испачкана, и голова кружилась, но за исключением этого со мной все было хорошо.

«Спасибо», - сказала я ему. Я не знала, что еще добавить. У него были золотистые волосы, которые блестели на свету, как ни что, виденное мною ранее. И он был высоким, самым высоким из всех знакомых мне людей, и очень симпатичным.

Она улыбнулась воспоминаниям. Я потеряла свои руки, покрывшиеся гусиной кожей. Я пыталась представить этого высокого симпатичного парня с сияющими светлыми волосами, словно он был кем-то вроде Брэда Питта, явившегося, чтобы спасти мою маму. Я нахмурилась. Мысли оставили тяжелое чувство, и я не могла понять почему.

- Он сказал: «Добро пожаловать, Маргарет», - произнесла мама.

- Откуда он знал твое имя?

- Мне и самой было интересно. Я спросила его. Он сказал, что был другом моего отца, что они служили вместе. И что он наблюдал за мной с момента моего рождения.

- Ух ты. Прямо как твой личный ангел-хранитель.

- Точно. Как мой ангел-хранитель, - сказала мама, кивнув. - Но он, конечно, не назвал себя так.

Я ждала, когда она продолжит.

- Он и был им, Клара. Хочу, чтобы ты поняла. Он был ангелом.

- Ну конечно, – сказала я. - С крыльями и так далее, наверняка.

- Я не видела его крыльев в тот раз, но да.

Она выглядела убийственно серьезной.

- Оу..., - сказала я. Я представила ангелов с церковных витражей, с нимбами и в пурпурных рясках, с большими золотистыми крыльями, развивающимися за спинами. - И что случилось дальше?

Еще более странным этот разговор уже не станет, подумала я.

Но он стал.

- Он сказал, что я особенная, - сказала она.

- В каком смысле?

- Сказал, что мой отец был ангелом, а мама смертной, а я Демидиус, что означает ангел наполовину.

Я рассмеялась. Просто не смогла удержаться. - Подожди, ты разыгрываешь меня, так?

- Нет, - она смотрела на меня непреклонно. - Это не шутка, Клара. Это правда.

Я устала на нее. Проблема была в том, что я доверяла ей. Больше, чем кому-либо другому. Насколько я знала, до сегодняшнего дня она никогда не лгала мне, даже в тех мелочах, которые многие родители говорят своим детям, чтобы заставить их вести себя хорошо, или верить в зубную фею, и тому подобное. Она была моей мамой, конечно, но также и моим лучшим другом. Звучит избито, но это правда. И сейчас она рассказывала мне что-то безумное, невозможное, и смотрела на меня так, будто все зависело от моей реакции.

- То есть ты говоришь, что ты на половину ангел, - медленно проговорила я.

- Да.

- Мам, ну перестань, - я хотела, чтобы она рассмеялась вместе со мной и сказала, что вся эта ангельская чушь – лишь фантазии, которые у нее были, как в «Волшебнике страны Оз»⁹, когда Дороти просыпается и понимает, что все ее приключения были не более чем красочной галлюцинацией, случившейся от удара по голове. - Ладно, и что потом?

- Он вернул меня на Землю. Помог найти бабушку, которая к тому моменту была уверена, что я погибла. И когда начался пожар, помог нам эвакуироваться в Парк «Золотые ворота». Он пробыл с нами три дня, и после я не видела его много лет.

Я молчала, обеспокоенная деталями ее рассказа. Год назад наш класс отправился в музей, потому что там открыли выставку, посвященную великому землетрясению в Сан-Франциско. Мы рассматривали фотографии разрушенных зданий, покореженных машин, сброшенных с дорог, чернеющих скелетов сгоревших домов. Слушали старые аудиозаписи людей, бывших там, их резких дрожащих голосов, когда они описывали трагедию.

Все делали из этой поездки нечто особенное, потому что в тот год была сотая годовщина со дня землетрясения.

- Ты сказала, что был пожар? - спросила я.

- Ужасный пожар. Дом моей бабушки сгорел дотла.

- И когда это случилось?

- В апреле, - ответила она. – В апреле 1906 года.

Я чувствовала себя так, будто меня сейчас стошнит. - И тогда получается, что тебе, погоди... 110 лет?

- 116 в этом году.

- Я не верю тебе, - запинаясь, сказала я.

- Я понимаю, что это непросто.

Я встала. Мама потянулась к моей руке, но я отдернула ее. Обида промелькнула в ее глазах. Она тоже встала, отступила на шаг назад, давая мне немного пространства, слегка кивнула, словно понимала, через что я сейчас прохожу. Будто знала, что разрушила все.

Я чувствовала, что мне не хватает воздуха.

Она сошла с ума. Только это все и объясняло. Моя мама, которая была близка к званию лучшей мамы мира, моя собственная версия «Девочки Гилмор»¹⁰, та, из-за кого мне завидовали друзья,

⁹ «Волшебник из Страны Оз» - детская книга американского писателя Лаймена Фрэнка Баума, которая вышла в свет в 1900 году.

¹⁰ «Девочки Гилмор» - американский комедийно-драматический телесериал, созданный Эми Шерман-Паладино.

женщина с золотисто-каштановыми волосами, свежей кожей и хлестким чувством юмора на самом деле оказалась безумным лунатиком.

- Что ты делаешь? Зачем рассказываешь мне все это? - спросила я, смаргивая выступившие от злости слезы.

- Потому, что ты должна знать, что ты тоже особенная.

Я уставилась на нее в изумлении.

- Я особенная, - повторила я. - Потому, что если ты полу-ангел, то я, погоди, четверть-ангел?

- Ангелы на четверть называются Квортариусами.

- Я хочу пойти домой, сейчас, - глухо сказала я. Мне нужно позвонить отцу. Маме, кажется, нужна помощь.

- Я тоже не поверила бы в это сразу, - сказала она. - Не без доказательств.

Сначала я подумала, что солнце вышло из-за облаков, освещая уступ, на котором мы стояли, но потом поняла, что этот свет был сильнее обычного. Я повернулась и прикрыла глаза при виде мамы, излучающей сияние. Это было все равно, что смотреть на солнце, такое яркое, что глаза заслезилась. Затем свет чуть потускнел, и я увидела, что у нее есть крылья, - огромные снежно-белые крылья, распахнутые позади нее.

Это наш предмет гордости, - сказала мама, и я поняла ее, хотя она говорила не на английском, а на странном языке, напоминающем две ноты, сыгранные на один такт, таком странном и чужом, что заставлял волосы на затылке встать дыбом.

- Мама, - сказала я беспомощно.

Ее крылья разомкнулись, словно нагнетая воздух, и опустились вниз. Звук, производимый ими, напоминал чуть слышное сердцебиение. Мои волосы отбросило назад порывом ветра. Она поднималась над землей, медленно, невозможно грациозно и легко, по-прежнему озаряя светом все вокруг.

Затем она внезапно преодолела уровень вершин деревьев и, пронесшись через всю долину, превратилась в едва заметное пятнышко на горизонте. Я осталась одна, ошеломленная происходящим, на пустой безмолвной скале, на которой стало еще темнее от того, что мама не могла осветить ее своим сиянием.

- Мам! - позвала я.

Я увидела, как она возвращается назад, описывая круг, скользя уже медленнее на этот раз. Она показалась как раз там, где обрывалась скала, и парила, заставляя воздух слегка колыхаться.

- Кажется, я верю тебе, - сказала я.

Ее глаза сверкнули.

Почему-то я не могла сдержать слез.

- Милая, - сказала она. - Все будет хорошо.

- Ты ангел, пробормотала я сквозь слезы. - А это значит, что я...

- Что ты тоже ангел, - закончила она.

Той ночью я стояла посреди своей спальни, закрыв входную дверь и желая, чтобы мои крылья показались. Мама уверяла, что я смогу вызвать их, со временем, и даже использовать их для полета. Я не могла представить такое. Это было слишком дико. Я встала напротив большого зеркала в своей майке и белье и подумала о моделях-ангелах из рекламы «Victoria's Secret» с их крыльями, сексуально извивающихся вдоль тела. Крылья не появились. Я захотела рассмеяться, такой странной казалась вся эта идея - я с крыльями, вздымающимися прямо из плеч, я ангел.

То, что мама была полу-ангелом, имело смысл - конечно, в той степени, в которой вообще то, что твоя мама является сверхъестественным существом может иметь смысл. Она всегда казалась мне необыкновенно красивой. В отличие от меня с моими задумчивостью и упрямством, вспышками гнева, сарказмом, она была грациозной и уравновешенной. Почти раздражающе совершенной. Я не могла назвать ни одного ее недостатка.

Если конечно не считать того, что она врала мне всю мою жизнь, говорила я себе с горечью. Неужели нет правила, запрещающего ангелам врать?

Только на самом деле она и не врала. Ни разу она не сказала мне: - Знаешь что? Ты ничем не отличаешься от других людей. - Она всегда говорила мне прямо противоположное. Говорила, что я особенная. Я просто никогда не верила ей до сегодняшнего дня.

- Ты во многом лучше, чем другие люди, - сказала она мне, пока мы стояли на вершине «Базадс Руст». - Сильнее, быстрее, умнее. Разве ты не замечала?

- У...нет, - быстро ответила я.

Но это было не правдой. Я всегда чувствовала, что отличаюсь от других людей. У мамы было видео, на котором я уже в семь месяцев умела ходить. К трем годам я научилась читать. Я быстрее всех в классе освоила таблицу умножения и запомнила все пятьдесят штатов, и все в этом духе. Плюс я всегда была хороша в физических упражнениях. Я была быстрой и ловкой. Могла высоко прыгать и далеко бросать. Все хотели заполучить меня в свою команду на физкультуре.

Но я вовсе не была уникалом или кем-то вроде того. Ни в чем я не была исключительной. Не играла в гольф как Тайгер Вудс, будучи малышкой, не писала собственные симфонии в пять лет, не играла в шахматы. В основном, все давалось мне чуть легче, чем остальным детям. Я и правда замечала это, но никогда не размышляла на эту тему. Думала, что действительно превосхожу других во многих вещах, но только потому, что не сижу часами перед телевизором, смотря всякий мусор. Или потому, что моя мама была одним из тех родителей, который заставляет своего ребенка тренироваться, учиться и читать книги.

Сейчас я не знала, что думать. Все полетело кувырком.

Мама улыбнулась. - Часто мы делаем лишь того, чего от нас ждут, - сказала она. - Хотя способны на гораздо большее.

При мысли об этом у меня так закружилась голова, что пришлось сесть. И мама начала говорить снова, объясняя самые основы. Крылья: поняла. Сильнее, быстрее, умнее: поняла. Способная на гораздо большее. Что-то про другие языки. А еще было несколько правил: Не говорить Джеффри – он еще недостаточно взрослый. Не говорить людям – они не поверят, и даже если поверят, не смогут принять это. У меня до сих пор в ушах звенит от того, как она сказала «людям», будто к нам это слово не имеет никакого отношения. Потом она рассказала о предназначении и о том, что скоро я получу свое. Это очень важно, сказала она, но объяснить это непросто. А затем мама просто замолчала и перестала отвечать на мои вопросы. Есть вещи, сказала она, которым я научусь со временем, которые придут с опытом. Пока мне не обязательно знать про них.

- Почему ты не рассказывала мне раньше? - спросила я у нее.

- Потому что хотела, чтобы ты жила нормальной жизнью, столько, сколько возможно», - ответила она. «Хотела, чтобы ты была обычной девочкой.

Сейчас я уже никогда не стану обычной. Это было понятно.

Я глядела на мое отражение в зеркале. - Окей, - сказала я. - Покажите мне...крылья!

Ничего.

- Быстрее летящей пули! - выкрикнула я отражению, приняв лучшую из моих супергеройских поз. Затем улыбка исчезла с лица моего отражения, и по другую сторону зеркала осталась лишь девушка, скептически смотрящая на меня.

- Ну, давайте, - попросила я, раскидывая руки. Я направила плечи вперед, закрыла глаза и стала усиленно думать о крыльях. Представляла, как они появляются из меня, прорезают кожу, простираются передо мной, как было у мамы на скале. Я открыла глаза.

Все еще никаких крыльев.

Я вздохнула и плюхнулась на кровать. Выключила лампу. На потолке моей спальни были приклеены светящиеся в темноте звездочки, и сейчас это казалась таким глупым, ребяческим. Я взглянула на часы. Была полночь. Завтра в школу. Мне нужно будет сдать тест по произношению, который я пропустила, и это казалось таким странным.

- Квортариус, - вспомнила я странное слово, которым мама называла четверть-ангелов.

Квортариус. Клара – квортариус.

Я думала, о странном языке, на котором говорила мама. Ангельский, сказала она. Такой сверхъестественный и прекрасный, как музыкальные ноты.

- Покажи мне мои крылья, - прошептала я.

На этот раз мой голос прозвучал странно, будто мои слова отдавались эхом, высоким и низким одновременно. Я задохнулась.

Я могла говорить на этом языке.

И потом под собой я ощутила крылья, чуть приподнимающие меня вверх, одно сложенное под другим. Они простирались до самых пят, переливаясь белым даже в темноте.

- Вот черт! - вскрикнула я, а потом прихлопнула рот обеими ладонями.

Очень медленно, боясь, что крылья снова исчезнут, я поднялась с кровати и включила свет. Затем встала перед зеркалом и в первый раз взглянула на свои крылья. Они были настоящими – настоящие крылья с настоящими перьями, тяжелые, покалывающие, являющиеся абсолютным доказательством того, что случившееся ранее с моей мамой не было шуткой. Они были такими красивыми, что у меня в груди что-то сжималось при взгляде на них.

Осторожно я прикоснулась к ним. Они были теплые, живые. Я могла двигать ими, как оказалось, так же как могла двигать собственными руками. Будто они и правда были частью меня, еще одной парой конечностей, о которых я не подозревала всю мою жизнь. Я предположила, что размах моих крыльев не меньше 10 - 12 футов¹¹, но точно сказать было нельзя. Полностью крылья даже не помещались в зеркале.

Размах крыльев, подумала я, тряся головой. У меня есть размах крыльев. Это просто безумие какое-то.

Я осмотрела перья. Некоторые из них были очень длинными, гладкими и остроконечными, другие мягче, более округлые. Самые короткие, те, что располагались ближе всего к моему телу, там, где крылья соединялись с плечами, были маленькими и пушистыми. Я ухватила одно из них и потянула, пока она не оторвалось, что оказалось так больно, что слезы навернулись на глаза. Я смотрела на перышко на своей ладони, стараясь принять тот факт, что оно мое. Мгновение оно лежало на моей ладони, а затем медленно стало исчезать, словно испаряться, пока не пропало полностью.

У меня есть крылья. У меня есть перья. Во мне течет кровь ангелов.

Что случится дальше, спрашивала я себя. Я научусь летать? Буду сидеть на облаке и бренчать на арфе? Стану получать послания от Бога? Страх шевельнулся у меня внутри. Нашу семью сложно было назвать религиозной, но я всегда верила в Бога. Но есть большая разница между верой и осознанием того, что Бог существует и что у него есть планы относительно моего будущего. Это было странно, по меньшей мере. Мое понимание вселенной и моего места в ней перевернулось с ног на голову меньше, чем за 24 часа.

Я не знала, как заставить крылья снова исчезнуть, так что просто сложила их за спиной так плотно, как смогла, и легла на кровать, изогнув руки так, чтобы чувствовать крылья под ними. В доме было тихо. Казалось, что все люди на земле спят. Все осталось по-прежнему, но я изменилась. Все, что я могла сделать этой ночью, это лежать здесь с удивительным и пугающим знанием, ощущать перья под собой, до тех пор, пока не усну.

ГЛАВА 5. БОЗО

(Переводчик: lissa, Inmanejable; Редактор: [unreal])

У нас с Кристианом есть только один совместный урок, поэтому привлечь его внимания - не такая уж и легкая задача. Каждый день я пытаюсь занять такое место на Истории Британии так, чтобы появился хоть маленький шанс, что он будет сидеть рядом со мной. И до сих пор в течение двух недель, звезды выстраиваются в линию в точности три раза, и он садиться за стол, следующий за моим. Я улыбаюсь и говорю: «Привет». Он улыбается в ответ и тоже здоровается. На мгновение непреодолимая сила, кажется, соединяет нас как магниты, но потом он открывает свою тетрадь, или проверяет свой сотовый телефон, который прячет под столом, тем самым показывая, что болтовня о том, какая у нас хорошая погода, закончена.

В тот короткий момент наших встреч словно один из магнитов щелкает вокруг и отдергивает его от меня. Он не груб или что-либо в этом роде; он просто не заинтересован в том, чтобы узнать меня. А почему он должен? Он понятия не имеет о будущем, которое ждет нас.

Вот так, в течение часа каждый день я тайно наблюдаю за ним, пытаюсь запомнить все, что могу, не уверенная, что именно из всего этого могло бы быть когда-нибудь полезным для меня. Ему нравится носить застегивающиеся на пуговицы костюмные рубашки с рукавами, небрежно закатанными до локтя, и подобного стиля джинсы марки «Севен» в слегка отличающихся оттенках черного или синего.

¹¹ Примерно 3м 5см – 3м 65 см

Он использует тетрадки, сделанные из вторичной бумаги, и пишет зеленой шариковой ручкой. Кристиан почти всегда знает правильный ответ на вопрос, который задает ему мистер Эриксон, а если тот не отвечает, то он подшучивает над этим, будто Кристиан не только умен, но к тому же скромный и очень забавный. Кристиан любит «Алтоиды»¹². Очень часто он лезет в свой задний карман за маленькой серебряной коробочкой с мятными конфетками и засовывает их в рот. Мне, это говорит о том, что он надеется быть поцелованным. Для этого Кей каждый день встречает его возле класса.

Увидев, как новая девочка глазела на её парня в первый день в кафетерии, она никогда больше не оставляла его без присмотра.

Вот и получается, что все, имевшееся у меня - это несколько драгоценных минут перед уроком, и чтобы я не делала или не говорила до последнего времени - ничто не вызывало в Кристиане существенной ответной реакции.

Но завтра «День Футболки». Мне нужно принарядится в такую, которая бы провоцировала на разговор.

- Не парься по этому поводу, - сказала Венди, когда я продемонстрировала ей несколько футболок.

Подогнув под себя ноги, она уселась на полу возле окна в моей комнате, изображая загадочную подругу, помогающую сделать важный модный выбор.

- Как насчет той, что с изображением группы? - спросила я.

Я протягиваю черную футболку из тура "Dixie Chicks"¹³

- Только не она.

Я беру в руки свою любимую - травянисто-зеленую с изображением Элвиса, приобретенную мной в Грейсленде несколько лет назад. Молодой, мечтательный Элвис склонился над своей гитарой.

Венди уклончиво хмыкнула.

Я схватила ярко-розовую футболку с надписью: "Все любят калифорнийских девчонок".

Эта может иметь шансы на победу, поскольку намекает на то, что у нас с Кристианом есть нечто общее. Но с моими оранжевыми волосами смотреться она будет не очень.

Венди же потешается:

- Боюсь, мой брат собирается надеть футболку, говорящую: "Возвращайся в Калифорнию"

- Поганец. В любом случае, что он имеет против калифорнийцев?

Она пожимает плечами.

- Это длинная история. В основном, все из-за того, что когда-то мой дед владел ранчо «Ленивые собаки», а теперь оно принадлежит некому богатому калифорнийцу. Мои родители только управляют им для него, и для Такера - это повод побушевать. И потом, ты оскорбила «Блубэлл».

- «Блубэлл»?

- В этих местах, ты без страшных последствий не можешь непочтительно отзываться о мужском грузовике.

Я смеюсь.

- Что ж, он должен преодолеть себя. Вчера на уроке Британской истории он пытался сжечь меня на костре. Представь, вот я обдумываю свое задание, делаю пометки, как хорошая маленькая девочка, а тут Такер внезапно поднимает руку и обвиняет меня в том, что я ведьма.

- Очень похоже на Такера. - признает Венди.

- Все проголосовали за это.

Я едва не лишилась своей монашеской жизни. Очевидно, я должна отплатить тем же.

Кристиан, помнится, к счастью проголосовал против моего сожжения. Конечно, его голос был не столь важен, потому что он крепостной.

Но все же, он даже в теории не хотел видеть меня мертвой.

Это что-то да значит.

- Ты же в курсе, что это будет лишь подстрекать его, верно? - сказала Венди.

- А я могу справиться с твоим братом. Кроме того есть что-то вроде поощрения для студентов, которые продержались целый семестр. И я - оставшаяся в живых.

¹² «Алтоиды» - леденцы для улучшения дыхания.

¹³ **Dixie Chicks** (произносится: Дикси Чикс) — женское кантри-трио, которое было создано в Далласе, штат Техас, в 1989 году

Настала очередь Венди рассмеяться.

- Да, ну, это же Такер.

- Я не могу поверить, что вы вышли из одной матки.

Она улыбнулась.

- Бывают момент, когда я тоже не могу в это поверить, - произнесла она, - но он хороший парень. Просто временами хорошо это скрывает.

Она пристально смотрит из окна, её щеки порозовели.

Разве я обидела её? После всего этого разговора, о том, сколько неприятностей причиняет Такер, она действительно волнуется за него?

Думаю, смогу понять почему. Я могу смеяться над Джеффри сколько хочу, но если кто-то ещё оскорбит моего младшего братишку, им лучше поостеречься.

- Ну, так что, Элвис? На этом мои варианты закончились.

- Конечно, - она облокотилась на стену и заложила руки за голову, словно разговор её вымотал.

- На самом деле всем всё равно.

- Да, хорошо, ты-то была здесь всегда, - напоминаю я ей. - Ты принята, а я чувствую, что если сделаю одно неверное движение, то испытаю все преимущества от преследователей разъярённой толпы на себе.

- О, пожалуйста. Ты будешь принята. Я же приняла тебя, не так ли?

Она приняла.

Через две недели я всё ещё ела за столом Невидимок.

До сих пор я различала две основные группы в средней школе Джексон Хола: Имущие - симпатичные люди, состоявшие из богатого Джексон Холерса, родителям которых принадлежат рестораны, картинные галереи и отели; и меньшие по численности и менее заметные Неимущие - те, чьи родители работают на богатого Джексон Холерса.

Чтобы увидеть между ними различие, нужно только сравнить Кей, во всём её причёсанном совершенстве и ногтями с французским маникюром, и Венди, которая, хотя, бесспорно, симпатична, обычно заплетает свои с солнечными прядями волосы в простую длинную косу, а её ногти покрашены лаком и коротко подрезаны.

Так, и куда вписываюсь я?

Я быстро выяснила, что наш большой дом с видом на горы означает, что у нас есть большие деньги. Деньги, которые мама никогда не упоминала в Калифорнии.

Получается, мы состоятельные, но мама воспитала нас без любой идеи богатства.

В конце концов, она пережила Великую Депрессию, настаивает, чтобы Джеффри и я сохраняли часть всего нашего аванса каждую неделю, заставляет нас съесть каждый кусочек еды на наших тарелках, штопает наши носки и заштопывает прорехи в нашей одежде и устанавливает терморегулятор пониже, потому что мы всегда можем надеть другой свитер.

- Да, ты приняла меня, но я всё ещё пытаюсь понять почему, - говорю я Венди.

- Я думала, ты должна быть фриком. Или это или ты пытаешься обратить меня в вашу тайную религию поклонения лошадям.

- Чёрт тебя подери, - театралью произнесла она. - Ты сорвала мой коварный план.

-Я знала это!

Мне нравится Венди. Она причудливая и добрая, и просто хороший человек. И она спасла меня от ярлыков "фрик" или "одиночка", а так же от жала моих отсутствующих друзей в Кали.

Когда я звоню им, то мне кажется, что нам уже не о чем говорить, я постоянно оказываюсь не в курсе. Очевидно, они продолжают жить дальше уже без меня.

Но я не могу думать о том, что у меня есть, а чего у меня нет.

Мои реальные проблемы не связаны с тем, чтобы быть богатым или бедным, но вместо этого с фактом, что большинство учеников школы Джексон Хола знают друг друга, начиная с детского сада.

Они создали свой круг общения много лет назад.

Даже, несмотря на то, что я хочу придерживаться более скромной толпы, Кристиан - один из имущих, так что это та группа, где я должна быть.

Но есть препятствия. Огромные, вопиющие препятствия.

Первое из которых обед. Популярная группа обычно ест за пределами кампуса.

Конечно. Если у тебя есть деньги, и машина, останешься ли ты в кампусе обедать куриным стейком? Я думаю, нет. У меня есть деньги, и машина, но в первую учебную неделю я выжала 180 на обледенелой дороге по пути в школу. Джеффри сказал, что это даже лучше, чем «Шесть флагов»¹⁴, особенно когда нас слегка закрутило в середине трассы.

Теперь мы ездим на автобусе, и это означает, что я не могу обедать за пределами кампуса, если кто-нибудь не подвезёт меня, а люди вовсе не выстраиваются в очередь с предложениями.

Это приводит меня к препятствию №2: очевидно, я стеснительна, потому что вокруг много людей, которые не обращают много внимания на меня.

Я никогда не замечала это в Калифорнии. Я никогда не нуждалась в том, чтобы быть коммуникабельной в своей старой школе; мои друзья там имели естественное стремление ко мне.

Здесь совсем другая история, в основном, из-за третьего препятствия: Кей Паттерсон.

Трудно завести много друзей, когда самая популярная девочка в школе презирает тебя.

На следующее утро Джеффри блуждает по кухне одетый в футболку "Если бы идиоты могли бы летать, это место было бы похоже на аэропорт". Я знаю, что все в школе посчитают это забавным и никто не обидится, потому что они любят его. Такие вещи всегда давались ему легко.

- Эй, есть желание сегодня сесть за руль? - спрашивает он.

- Я не хочу идти до автобусной остановки. Сегодня очень холодно.

- Есть ли желание умереть сегодня?

- Конечно. Мне нравится рисковать своей жизнью.

Я бросаю ему рогалик, и он ловит его в воздухе. Я смотрю на закрытую дверь в кабинет мамы. Он улыбается с надеждой.

- Хорошо, - говорю ему. - Я пойду, разогрею машину.

- Смотри, - он говорит, пока мы медленно пробираемся вниз по длинной дороге в школу.

- Ты можешь справиться с этой движущейся-по-снегу вещью. Довольно скоро ты станешь профи.

Он подозрительно хорош.

- Хорошо, что произошло? - я спрашиваю. - Что тебе нужно?

- Я вошёл в команду по борьбе.

- И как ты сделал это, если пробы были в ноябре?

Он пожимает плечами, как будто это пустяковое дело.

- Я бросил вызов лучшему борцу на матче и выиграл. Это небольшая школа. Они нуждаются в соперниках.

- Мама знает?

- Я сказал ей, что я в команде. Она не была в восторге, но она не может же запретить нам все школьные развлечения, правильно? Я устал от этого "мы лучше спрячемся, или кто-то выяснит, что мы другие". Я имею в виду, что если я выиграю состязание, люди будут говорить, вот тот парень, он очень хороший боец, он, наверное, ангел.

- Да, - я тревожно соглашаюсь.

Но мама не такой человек, что составляет правила просто потому, что хочет. Должна быть причина её осторожности.

- Дело в том, что мне нужно ездить на тренировки, - говорит он, пока я неловко перестраиваюсь.

- Как всем из них.

На минуту он затих, только печка согревает ноги.

- Когда? - спросила я наконец.

Я приготовилась к плохим новостям.

- Полшестого.

- Ха.

- Ну, давай.

¹⁴ «Шесть флагов» (англ. Six Flags) — один из самых крупных в мире операторов парков развлечений. Владеет 21 парком развлечений, аквапарками, семейными развлекательными центрами в Северной Америке. Компания была основана в Техасе в 1961 году. Название символизирует флаги шести стран управлявших Техасом за его историю (Испания, Франция, Мексика, Республика Техас, Конфедеративные Штаты Америки и Соединённые Штаты Америки).

- Получается, мама повезёт тебя.

- Она сказала, что если я буду настаивать на участие в команде, то я должен сам добираться туда.

Возьми на себя ответственность за меня.

- Удачи с этим, - я засмеялась.

- Пожалуйста. Это только на несколько недель. Потом моему приятелю Дарвину исполнится шестнадцать, и он будет подвозить меня.

- Я уверена, маме это понравится.

- Давай, Клэр. Ты должна мне, - говорит он тихо.

Я должна ему. Это из-за меня его жизнь перевернулась с ног на голову. Не то, чтобы он очень страдает.

- Я не должна прогибаться под тебя, - говорю я, - но... ладно. Шесть недель максимум, потом ты должен найти другую машину.

Он выглядит по-настоящему счастливым. Мы на пути к восстановлению, он и я, как раньше.

Погашение долга, так это вроде называется?

Шесть недель ранним утром не кажется такой уж большой платой за прекращение ненависти по отношению ко мне.

- Хотя, есть одно условие, - я говорю ему.

- Что?

Я вставляю свой диск Келли Кларксон.

- Мы будем слушать мою музыку.

Венди одета в футболку с надписью: "Лошадь съела моё домашнее задание".

- Ты - изумительна - шепчу я, поскольку мы проскальзываем на наши места для оказания почестей английскому языку.

Прямо сейчас её поклонник, Джейсон Ловетт, смотрит в нашу сторону с другого конца помещения.

- Не поворачивайся! Очаровательный Принц осматривает тебя.

- Заткнись.

- Я надеюсь, он умеет ездить на лошади, потому что закат вы должны встречать верхом вместе.

Звонок и мистер Фиббс спешит к передней части аудитории.

- Десять дополнительных баллов первому студенту, который сможет правильно определить цитату на моей футболке, - объявляет он.

Он встаёт прямо и распрямляет плечи, чтоб мы смогли прочитать слова на его груди.

Мы все наклонились вперёд, читая мелкий шрифт: *"Если наука учит нас чему-нибудь, то она учит принимать наши неудачи, а также успехи, со спокойным достоинством и изяществом"*.

Передышка. Мы только на прошлой неделе закончили книгу.

Я смотрю вокруг, но не вижу поднятых рук. Венди старается не смотреть в глаза мистеру Фиббсу, так что он ее не называет.

Джейсон Ловетт пытается поймать взгляд Венди. Анжела Зербино, которая обычно рассчитывает на то, что кто-то не выдержит и скажет правильный ответ, строчит что-то в своей тетради, вероятно, составляет какую-то эпическую поэму о несправедливости жизни.

Кто-то в конце класса сморкается, а какая-то девушка начинает стучать по столу своими ногтями, о никто ничего не говорит.

- Неужели совсем никто? - спрашивает удрученно мистер Фиббс. Он прошел через все трудности, чтобы сделать рубашку, и никто из его Прекрасных студентов английского¹⁵ не может определить отрывок из книги, которую они только что изучали.

Да пошли они. Я поднимаю руку.

- Мисс Гарднер, - говорит мистер Фиббс, сияя.

- Да, это из «Франкенштейна», не так ли? Ирония в том, что это цитата доктора Франкенштейна, которую он произносит в момент перед тем, как пытается задушить монстра, которого создал.

¹⁵ Фраза употреблена с иронией, и чтобы подчеркнуть это, она написана с большой буквы.

Вот вам и достоинство.

- Да, это довольно ироничная цитата, - смеется мистер Фиббс. Он записывает мои десять дополнительных очков. Я стараюсь выглядеть возбужденной этим.

Венди передает мне записку. Я, пользуясь моментом, осторожно разворачиваю ее.

Написано «Выскачка. Угадай, кого нет сегодня?» Она нарисовала смайлик на полях. Я вновь оглядела класс. Затем я поняла, что никто не пытается проделать дырку в моей голове.

Кэй здесь нет.

Я улыбаюсь. Этот день собирается стать прекрасным.

- Я принесла брошюру про ветеринарную стажировку, о которой я тебе говорила, - говорит Венди мне, как только прозвенел звонок на ланч. Она следует за мной, как только я улизнула в коридор, торопясь вниз по лестнице до своего шкафчика.

Ей приходится бежать, чтобы не отставать.

- Эй, ты оголодала, или что? - она смеется, когда я вожусь с замком на моем шкафчике. - Нам приготовили сегодня суп из фрикаделей.

Это и запеченный картофель лучшее из меню всего года.

- Что? - я отвлеклась, ища в море лиц знакомые зеленые глаза.

- Как бы то ни было, стажировка в Монтане. Это удивительно, на самом деле.

Там. Кристиана стоит у своего шкафчика. Кей нигде не видно. Он надевает пиджак - черная шерсть! - и берет ключи.

В животе пробежали мурашки возбуждения.

- Думаю, сегодняшний обед я пропущу, - быстро говорю я, хватая куртку.

Рот Венди от неожиданности раскрылся, образовав букву О.

- Ты уезжаешь?

- Да. Джеффри заставил возить его в течение пары следующих недель.

- Круто, - говорит она. Мы могли бы сходить в «Бубба». Такер работал там, так что они всегда дают мне скидку. Там хорошая еда, поверь мне. Позволь, мне взять свое пальто.

Кристиан уходит. У меня не так много времени.

- На самом деле, Вен, у меня прием у врача, - говорю я, пошатываясь и надеясь, что она не спросит что за доктор.

- О, - говорит она. Могу сказать, что она не уверена, верит ли мне.

- Да, и я не хочу опоздать. - Он почти у двери. Я закрыла шкафчик и повернулась к Венди, стараясь не смотреть ей в глаза.

Я ужасный лгун, но для вины сейчас нет времени. В конце концов, это связано с моим назначением.

- Увидимся после школы, хорошо? Мне нужно идти.

Затем я практически бегу к выходу.

Я следую за «Аваланш» Кристиана, держа пару машин между нами, так чтоб не казалось, что я за ним слежу.

Он едет в «Пицца Хат» в нескольких кварталах от школы. Кристиан выходит из машины с парнем, в котором я едва признаю парня из своего класса английского.

Я планирую свой поход. Притворюсь, что просто случайно наткнулась на них.

- О, эй, - я репетирую перед зеркалом заднего вида, изображая удивление. - Вы, ребята, тоже сюда пришли? Не возражаете, если я присоединюсь к вам?

И тогда он посмотрит на меня своими зелеными глазами и скажет «Да» своим голосом с хрипотцой, и встанет, чтобы освободить мне место, а стул сохранит тепло его тела.

У меня развяжется язык, и я скажу, что-то действительно остроумное.

И он, наконец, узнает какая я на самом деле.

Это не самый удачный план, но это лучшее, что я смогла придумать за такой короткий срок.

Место было заполнено. Я нашла Кристиана сзади, сидящего за круглым столом с другими пятью людьми. Там определенно нет места для меня.

И нет никакого образа, что я могу случайно блуждать здесь без моих трогательно-очевидных намерений. Снова провал.

Я нашла крошечный столик в переднем углу напротив холла и выбрала такой стул, чтобы Кристиан и его приятели не увидели моего лица. Хотя я не уверена, что они узнают мои дикие оранжевые волосы, даже если они подарят мне больше чем просто поверхностный взгляд.

Мне нужно придумать новый план

Пока я жду, что кто-нибудь примет мой заказ, Кристиан и двое других парней вскакивают и бегут к холлу, как мальчишки на перемену.

Они собираются играть в пинбол. Кристиан в центре. Я смотрю, как он опирается на автомат, как играет, как его брови хмурятся, когда он сконцентрировался, а руки быстро перемещаются.

Он одет в темно-синюю футболку с длинными рукавами, которая гласит: «КАКОЙ ТВОЙ ЗНАК?» белыми буквами, то есть на груди белая полоса, под которой черный бриллиант, синий квадрат и зеленый круг.

Я понятия не имею, что это значит.

- О, Боже. - Другие ребята смеются как кучка пещерных людей, когда Кристиан позволяет мячу проскользнуть мимо лопастей, но не один, а два, три раза.

Пинбол явно не самая сильная его сторона.

- Чувак, что с тобой сегодня? - спрашивает парень из моего класса по английскому, Шон, так кажется, его зовут, у него нездоровая одержимость своим сноубордом.

- Это твоя игра, парень. Где твои молниеносные рефлексy?

Кристиан не отвечает примерно с минуту - он все еще играет. Затем стонет и отворачивается от автомата.

- Эй, у меня так много на тарелке, - говорит он.

- Да, сделай куриный суп для бедной Кей, - дразнит другой парень.

Кристиан качает головой.

- Вы посмешище, женщины любят суп. Больше, чем цветы. Поверьте мне.

Я пытаюсь проявить мужество, чтобы поговорить с ним. В Калифорнии это довольно известный факт, что я хороша в пинболе. Я буду той крутой курицей, которая победит в видеоигре.

Это лучше, чем появится у его стола, как побитый щенок. Это смой шанс.

- Эй, - говорит Шон, когда я встаю, чтобы идти туда. - Разве это не Бозо?

Кто?

- Что? - говорит Кристиан. - Кто такая Бозо?

- Ты знаешь, новая девушка. Она из Кали.

Как грустно, что это займет не больше минуты, чтобы понять, что он говорит обо мне.

Иногда отстойно иметь сверхъестественно хороший слух.

- Она смотрит только на тебя, чувак, - говорит Шон.

Я быстро отвожу взгляд. Имя давит, как жидкий цемент животу. Бозо. Другими словами клоун. Я никогда не смогу снова показать лицо (или волосы) на публике за всю свою жизнь.

Да только хиты продолжают пребывать.

- У нее большие глаза, не так ли? Как у совы, - сказал другой парень. - Эй, может она преследует тебя, Прескотт. Я имею в виду, она горячая, не так ли?

Шон засмеялся.

- Чувак. Горячая Бозо. Лучшее прозвище навсегда.

Я знаю, что он не пытается придирается к моему лицу, он разумно предполагает, что я его не слышу с противоположной стороны в шумном ресторане.

Но я слышу его слова, как будто он говорит в микрофон. Вспышки сильного жара проходят от моей головы до кончиков пальцев ног. Мой желудок замутило.

Я должна быстро выбраться оттуда, потому что чем дольше я стою, тем больше я уверена, что случится одна вещь: или меня вырвет, или я расплачусь.

И я предпочла бы умереть, чем сделать что-то из этого перед Кристианом Прескоттом.

- Бросьте, ребята, - бормочет Кристиан. - Уверен, она просто пришла сюда пообедать.

Да, да. Это так. И сейчас я уйду.

История Британии, тридцать минут спустя.

Я уселась за стол, расположенный как можно дальше от двери. Я стараюсь не думать о Бозо.

Я бы хотела, что толстовка скрыла мои клоунские волосы.

Мистер Эриксон сидит на краю стола в своей непропорциональной черной футболке и читает «Chicks dig historians».

- Перед тем, как мы начнем, я хочу разбить вас в пары для специального проекта, который вы будете делать, - объявляет он, открывая классный журнал. - Вместе вы выберете тему, каким-либо образом связанную с историей Англии, Уэльса, Ирландии или Шотландии, тщательно подготовитесь в течение нескольких месяцев, а потом представите свой доклад классу.

Кто-то пнул мой стул.

Я смотрю через плечо. Такер. Как этот парень всегда оказывается позади меня?

Я игнорирую его. Он снова пинает стул. Дерьмо.

- В чем твоя проблема? - шепчу я через плечо.

- Ты.

- Не мог бы ты быть поконкретней?

Он ухмыляется. Я не поддаюсь искушению повернуться и поколотить его своим огромным учебником по его голове.

Вместо этого я поступаю традиционно.

- Перестань.

- Проблемы, сестра Клара? - спрашивает мистер Эриксон.

Я раздумываю, рассказать ли, что Такер с трудом держит ноги при себе. Я могу чувствовать, как все взгляды обратились ко мне, что является последним и того, чего я хотела бы, чтобы произошло.

Не сегодня.

- Нет, я просто в восторге от проекта, - говорю я.

- Хорошо, что вы в восторге от истории, - говорит мистер Эриксон. - Но попытайся успокоиться, пока я не назначил тебе напарника, хорошо?

Только бы не Такера, молилась я, словно это настоящая молитва. Интересно, ангелы могут рассчитывать на молитвы как обычные люди.

Может, если я закрою глаза и захочу этого от всей души получить в партнеры Кристиана, это случится. Тогда нам придется проводить время вместе после школы, работая над проектом, когда Кей не сможет вмешаться, когда я смогу доказать ему, что я не сумасшедшая птичка Бозо с огромными глазами, и я, наконец, сделаю что-то правильно.

Кристиан, прошу я небеса. *Пожалуйста*, добавляю я, просто чтобы быть вежливой.

Кристиан получает в пару короля Брэди.

- Не забывай, что ты крепостной, - говорит Брэди.

- Нет, сир, - смиренно отвечает Кристиан.

- И последнее, но не по важности, я думаю, что сестра Клара и леди Анжела составят динамичный дуэт, - говорит мистер Эриксон.

- Теперь, пожалуйста, уделите пару минут своим партнерам, чтобы обговорить план работы над проектом.

Я попыталась улыбнуться, чтобы скрыть свое разочарование.

Анжела, как обычно, сидит в начале класса. Я падаю на соседний стул и подтягиваю к себе стол.

- Элвис, - говорит она, глядя на мою футболку. - Мило.

- О, спасибо. Как и твоя.

На ее рубашке копия известной картины Бутро, на которой изображены два маленьких голых ангела, из которых один - мальчик, целующий девочку в щеку.

- Это как «Il Primo Bacio», не так ли? Первый поцелуй?

- Да. Мама тащит меня в Италию каждое лето, чтобы увидеть ее семью. Я купила эту рубашку за два евро.

- Круто, - я не знаю, что можно еще сказать. Я рассматриваю ее рубашку вблизи. На картине крылья мальчика очень мелкие и белые. Маловероятно, что они в состоянии поднять его пухлое тело от земли. Девочка смотрит вниз, как будто это не ее целуют. Она выше, чем мальчик, более компакта, более зрелая. Ее крылья темно-серые.

- Так, я думаю, мы можем встретиться в понедельник в театре моей мамы «Розовая подвязка»¹⁶.

Там сейчас ничего не репетируют и есть много места для работы, - говорит Анжела.

- Звучит потрясающе, - говорю я с энтузиазмом. - Так значит в понедельник после школы?

- У меня оркестр. Он закончится около семи. Может, я могу тебя встретить в театре в половину восьмого?

- Великолепно, - говорю я. - Я буду там.

Она посмотрела на меня. Интересно, если она меня тоже называет Бозо при своих друзьях.

- Ты в порядке? - спрашивает она.

- Да, извини, - я чувствую жар на лице. У меня получается выдавить улыбку. - Это был просто один из тех дней.

Этой ночью мне приснился лесной пожар. Он был такой же как и всегда: сосны и осины, тепло, приближается огонь, Кристиан стоит ко мне спиной и смотрит на огонь. Дым в воздухе. Я иду к нему.

- Кристиан, - зову я.

Он поворачивается ко мне. Его глаза смотрят в мои. Он открывает свой рот, чтобы что-то сказать. Я знаю, то, что он собирается сказать, важно, еще один ключ, нечто, относящее к значению моей цели.

- Я тебя знаю? - спрашивает он.

- Мы вместе ходим в школу, - напоминаю я ему.

Ничего.

- Я в твоём классе по Британской истории.

Все ещё не помнит.

- Ты нес меня в медпункт в мой первый день в школе. Я упала в обморок в коридоре.

- Точно. Я помню тебя, - говорит он. - Как твоё имя?

- Клара, - у меня нет времени напоминать ему о себе. Огонь приближается. - Нам нужно идти отсюда, - говорю я, хватая его за руку. Я не знаю, что я должна делать.

Я просто знаю, что нам надо идти.

- Что?

- Я здесь, чтобы спасти тебя.

- Спасти меня? - недоверчиво говорит он.

- Да.

Он улыбается, а затем закрывает рот ладонью и смеется.

- Прости, - говорит он. - Но как ты можешь спасти меня?

- Это был сон, - говорит мама.

Она наливает мне чашку чая с малиной и садится на кухне, спокойная как никогда раньше, только немного уставшая и помятая, что понятно, так как на часах четыре часа утра и ее разбудила только что ошеломленная дочь.

- Сахар? - предлагает она.

Я качаю головой.

- Откуда ты узнала, что это был сон? - спрашиваю я.

- Потому что это похоже на те видения, которые всегда случаются у тебя перед пробуждением. Некоторые из наших снов - видения, но не твой. И потому что мне очень трудно поверить, что Кристиан не помнит твоё имя.

Я пожимаю плечами. Затем, потому что я всегда так делаю, я рассказываю ей все. Я рассказываю ей что чувствую, когда обращаюсь к Кристиану, как мы говорим несколько минут, как я никогда не знаю, что сказать.

Я рассказываю ей о Кей, и мой блестящей идеей пригласить себя за стол Кристиана на обед, и как это не сработало.

¹⁶ «Розовая подвязка» (The Pink Garter) – театр, основанный в 1959 году в Джексоне, штат Вайоминг, Паулой Джеффрис - очень богатой и эпатажной женщиной.

И я рассказываю ей о Бозо.

- Бозо? - говорит она со своей улыбкой, когда я наконец прекращаю говорить.

- Да. Хотя один парень решил назвать меня горячей Бозо, - вздыхаю я и делаю глоток чая. Он обжигает мне язык. - Я урод.

Мама игриво толкает меня

- Клара! Они называли тебя горячей.

- Хм, не совсем, - говорю я.

- Не чувствуй жалости к себе. Нам нужно думать о других.

- Других?

- Другие люди могут позвонить тебе. Так что если ты услышишь их снова, будь готова к возмездии.

- Что?

- Тыквоголовая.

- Тыквоголовая, - медленно повторяю я.

- Это было большим оскорблением, когда я была ребенком.

- Когда, в 1900?

Она наливает себе еще чаю.

- Я была тыквоголовой много раз. Они также меня называли «Маленькой сироткой Анни»¹⁷, как популярную героиню стихотворения. И Maggot¹⁸. Я ненавидела Maggot.

Это трудно для меня, представить ее ребенком и тем более, что ее дразнили. Это заставляет немного (совсем незначительно) чувствовать себя лучше из-за того, что меня называют Бозо.

- Хорошо, что еще у тебя есть?

- Давай посмотрим. Морковка. Это тоже распространено.

- Кто-то уже называет меня так, - допускаю я.

- О... Пеппи Длинный Чулок.

- О, да ладно, - смеюсь я. - Выкладывай, спичка!

И мы обе начинаем истерически смеяться, и Джеффри, появившийся в дверях, пристально на нас смотря.

- Мне жаль, - говорит мама, продолжая дико хихикать. - Мы не разбудили тебя?

- Нет. У меня борьба. - Он идет мимо нас к холодильнику, достает пакет апельсинового сока, наливает его себе в стакан и выпивает за три глотка, присаживаясь за кухонный стол, пока мы пытаемся успокоиться.

Ничего не могу с собой поделать. Я поворачиваюсь к маме.

- Являешься ли ты членом семьи Уизли? - спрашиваю я.

- Отличная мысль. Имбирный орех, - отвечает она.

- Что это такое? Но ты, у тебя безусловно воспаление.

И мы опять словно пара гиен.

- Вам вдвоем необходимо серьезно рассмотреть вопрос о сокращении кофеина. Не забудь, Клара, ты везешь меня на занятия через двенадцать минут, - говорит Джеффри.

- Понятно, брат.

Он идет вверх. Наш смех наконец-то затихает. Я потираю глаза. Мои бока болят.

- Ты как из камня, знаешь? - говорю я маме.

- Это было весело, - говорит она. - Прошло слишком много времени с тех пор, как я так смеялась.

Она замолкает.

- Что тебе нравится в Кристиане? - спрашивает она небрежно, словно это незначительно. - Я знаю, он очень горяч, и у он похож на героя, но что тебе в нем нравится? Ты никогда не рассказывала мне об этом.

Я чувствую, что краснею.

- Я не знаю, - неуклюже пожимаю плечами. - Он - большая тайна, и я это чувствую, словно это моя работа, и мне предстоит разгадать ее. Даже его футболка сегодня была как код.

Там сказано "Какой твой знак?" и под ним черный бриллиант, синий квадрат и зеленый круг. Я понятия не имею, что это может означать.

¹⁷ **Маленькая сиротка Анни** ("Little Orphant Annie") – стихотворение, написанное Джемсом Райли в 1885 году.

¹⁸ **Maggot** переводится с английского по-разному, но мы склоняемся к варианту: капризный человек, человек с причудами

- Хм, - говорит мама. - Это таинственно.

Она умчалась в свой кабинет на несколько минут и вернулась с улыбкой, неся распечатанные страницы.

Моя столетняя мать лучше всех справляется с гуглом.

- Лыжи, - торжественно объявляет она. - Символы размещаются в начале трасс для обозначения сложности склона. Черный бриллиант - трудная, синий квадрат - средняя, зеленый круг, предположительно, - легкая. Он лыжник.

- Лыжник? - говорю я. - Видишь? Я даже не знаю, кто он. Я имею в виду, знаю, что он левша, что он носит «Obsession» и что он рисует каракули в своей тетради, когда ему скучно в классе. Но я не знаю его. И он не знает меня.

- Это изменится, - говорит она.

- Изменится? Должна ли я узнать его. Или просто спасти? Я постоянно себя спрашиваю, почему? Почему он? Я имею в виду, и другие люди умирают в лесных пожарах. Может и не так уж и много, но несколько каждый год. Я уверена. Так почему же меня послали сюда, чтобы спасти его? И что если у меня не получится? Что произойдет?

- Клара, послушай меня. - Мама наклоняется вперед и берет мою руку в свою. Ее глаза больше не блестят. Такие темные, что кажутся почти фиолетовыми.

- Ты не отправишься на задание, которое тебе не по силам. Ты должна найти эту силу внутри себя и усовершенствовать ее. Ты была создана для этой цели. И Кристиан не какой-то случайный мальчик, которого ты должна спасти. Есть очень важная причина.

- Ты думаешь, что Кристиан может быть также важен как президент, или ему нужно лекарство от рака?

Она улыбнулась.

- Он очень важен, - говорит она. - Также как и ты.

Я действительно хочу верить ей.

ГЛАВА 6. ЛЫЖИ – Я ИДУ!

(Переводчик: lialilia; Редактор: [unreal])

В воскресенье мы поехали в Титон-Виледж - большой горнолыжный курорт, расположенный в нескольких милях от Джексона. Джеффри дремал на заднем сидении. Мама выглядела усталой, возможно, от слишком частой работы по ночам и избытка серьезных разговоров с дочерью ранним утром.

- Мы сворачиваем до того, как проезжаем Вилсон, правильно? – спросила она, поворачивая руль и прищуриваясь, будто солнце, проникающее через лобовое стекло, делало больно ее глазам.

- Да, на шоссе 380, направо.

- На шоссе 390, - сказал Джеффри, все еще не открывая глаз.

Мама потеряла переносицу, моргнула несколько раз и вцепилась руками в руль.

- Да что с тобой сегодня? – спросила я.

- Болит голова. Проект для работы, там все идет не так, как я планировала.

- Ты слишком много работаешь. Что за проект?

Она осторожно повернула на шоссе 390.

- Куда дальше? – спросила она.

Я сверилась с распечатанными указаниями «MapQuest»¹⁹.

- Просто едем вперед около пяти миль, пока курорт не покажется где-то слева. Мы не сможем его пропустить.

Мы ехали несколько минут, проезжая рестораны и бизнес-центры, пару помпезных ранчо. Неожиданно лыжный центр возник слева от нас, гора возвышалась за ним, изрезанная деревьями на большие белые линии, по ней подъемники направлялись на вершину. Все это выглядело просто потрясающе. Потрясающе уровня Эвереста.

Джеффри сел, чтобы лучше рассмотреть окрестности.

¹⁹ MapQuest - американский картографический сервис

- Вот и эта заколдованная гора, - его голос звучал так, будто он не может дождаться минуты, когда будет скользить вниз по склону. Он посмотрел на часы.

- Давай, мам, - сказал он. - Неужели обязательно ехать как старушка?

- Тебе нужны деньги? - проигнорировала она предыдущую реплику. - Я дала Кларе немного на занятия.

- Мне не нужны занятия. Просто хочу добраться туда хотя бы к следующему тысячелетию.

- Помолчи-ка, тупица, - сказала я. - Приедем, когда приедем. Осталась всего миля.

- Может вам лучше меня высадить, чтобы я пошел пешком. Быстрее доберусь.

- Вы, оба, помолч... - мама начала говорить, но тут наша машина заскользила по льду. Мама нажала на тормоз, и нас вынесло на тротуар с все увеличивающейся скоростью. Мама и я закричали, когда машина накренилась, съехала с дороги и врезалась в сугроб. Мы остановились на краю небольшого поля. Она сделала глубокий, судорожный вдох.

- Эй, это ведь ты говорила, что мы полюбим здешние зимы, - напомнила я ей.

- Чудесно, - сказал Джеффри саркастично. Он отстегнул ремень безопасности и открыл дверь. Машина покоилась под двумя футами снега. Он снова взглянул на часы. - Просто чудесно.

- У тебя что, важная встреча, на которую ты боишься опоздать? - спросила я.

- Не твое дело.

- О, я, кажется, поняла, - сказала я. - Ты встречаешься там с кем-то. Как ее зовут?

Мама вздохнула и дала задний ход. Машина проехала около фута, но потом колеса забуксовали. Она подала вперед и попробовала снова. Безуспешно.

Мы застряли. В сугробе. В непосредственной близости от курорта. Еще более унижительной этой ситуации уже не стать.

- Я могу выйти из машины и подтолкнуть, - сказал Джеффри.

- Просто подожди, - ответила мама. - Кто-нибудь нам поможет.

Как по заказу, в этот момент около обочины притормозил грузовик. Из него вышел парень и стал пробираться к нам через сугробы. Мама опустила стекло.

- Так, так, так... и кто же у нас здесь? - спросил он.

Мой рот приоткрылся. Это был Такер, опирающийся на наше окно, ухмыляющийся от уха до уха.

О да, все может стать еще более унижительным.

- Привет, Морковка, - сказал он. - Джеф.

Он кивнул моему брату, будто они были лучшими друзьями. Джеффри кивнул в ответ.

Мама улыбнулась Такеру.

- Не думаю, что мы раньше встречались, - сказала она. - Меня зовут Мегги Гарднер.

- Такер Эвери. - ответил он.

- Ты брат Венди.

- Да, мэм.

- Нам правда не помешает помощь, - мило проговорила она, пока я сползала вниз по сидению, желая умереть на месте.

- Конечно. Просто оставайтесь в машине.

Он пошел к своему фургону и вернулся с двумя тросами, которые быстро закрепил где-то снизу нашей машины так, будто делал это уже миллионы раз. Затем он прикрепил тросы и к грузовику, после чего осторожно отбуксировал нас обратно на дорогу. Все это заняло около пяти минут.

Мама вышла из машины. Жестом она показала мне сделать то же самое. Я смотрела на нее, как на сумасшедшую, но она настаивала.

- Ты должна сказать спасибо, - прошептала она.

- Мам...

- Сейчас же.

- Хорошо, - я вышла из машины. Такер стоял на коленях в снегу, отстегивая тросы от нашей машины. Он взглянул на меня и снова улыбнулся, продемонстрировав ямочку на левой щеке.

- В случае чего, это мой дурацкий грузовик вытащил тебя из сугроба, - сказал он.

- Спасибо тебе огромное, - сказала мама. Она со значением посмотрела на меня.

- Да, спасибо тебе, - сказала я сквозь сжатые зубы.

- Всегда пожалуйста, - сердечно ответил он, и в этот момент я поняла, что Такер может быть очаровательным, когда захочет этого.

- И передай от нас привет Венди, - сказала мама.

- Передам. Было приятно познакомиться с вами, мэм, - если бы на нем была надета ковбойская шляпа, он наверняка отсалютовал бы ею. Затем он вернулся в грузовик и, не сказав больше ни слова, уехал.

Я глядела в направлении горы, как раз туда, куда уехал Такер, и переосмысливала всю эту затею с катанием на лыжах.

Но Кристиан занимается лыжами, напомнила я себе. Так что, лыжи, - я уже иду!

- Этот Такер кажется милым молодым человеком, - сказала мама, пока мы шли обратно к машине. - Почему ты никогда не рассказывала о нем раньше?

Через пятнадцать минут я уже стою на площадке, где новички должны встретиться со своими инструкторами, и которая битком набита маленькими кричащими детьми, одетыми в защитные шлемы и очки. Я чувствую себя совершенно не в своей тарелке, словно космонавт, готовящийся впервые ступить на чужую планету. На мне взятые на прокат лыжи и ботинки, которые оставляют странное ощущение и тесны, и из-за них моя походка выглядит смешной, плюс весь возможный горнолыжный инвентарь, который мама убедила меня надеть. Защитные очки стали последней каплей, и я отказалась от шерстяной шапки и спрятала ее в карман куртки, но от шеи и ниже каждый дюйм моего тела плотно укутан. Не знаю, смогу ли передвигаться во всем этом, не говоря уже о самих лыжах. Мой инструктор, который должен был встретить меня в 9 часов, опаздывает уже на пять минут. Мне остается только наблюдать, как мой несносный братец вскакивает на лыжи, будто это ничуть не сложно, и через несколько минут прочерчивает свой путь вниз по склону, словно родился на сноуборде. Рядом с ним светловолосая девушка. Жизнь – отстой. Это, и еще мои ноги замерзли.

- Простите за опоздание, - раздался громкий голос позади меня. – Пришлось вытаскивать одних калифорнийцев из сугроба.

Этого не может быть. Судьба не настолько жестока. Я поворачиваюсь, чтобы встретить взгляд голубых глаз Такера.

- Как же им повезло, - говорю я.

Его губы дергаются, словно он старается не засмеяться. Выглядит так, будто у него хорошее настроение.

- То есть ты здесь достаешь идиотов из сугробов, а потом учишь их кататься на лыжах, - говорю я. – Ты хотя бы хорошо это делаешь?

- Вытаскиваю идиотов из сугробов? В этом я лучший.

- Ха-ха. Ты просто уморительный. Нет, я про лыжи.

- Думаю, скоро сама узнаешь.

Он начинает урок, объясняя как балансировать, в каком положении держать лыжи, как поворачивать и тормозить. Он обращается со мной, как с любым другим учеником в группе, и это здорово. Я даже чуть-чуть расслабляюсь. Все это выглядит, в конечном счете, не так уж и сложно.

А потом он говорит мне идти к тросу.

- Это просто. Держись за трос и дай ему подтянуть тебя на вершину склона. Когда доберешься туда, отпускай.

Он, по-видимому, думает, что я тупица. Я пробираюсь к краю площадки, где по снегу протянулся грязный черный кабель. Я наклоняюсь и беру его. Он дергается в моих руках, и я наклоняюсь вперед, почти падая, но каким-то чудом умудряюсь поставить свои лыжи прямо и позволяю ему тянуть меня вверх по склону. Я бросаю быстрый взгляд назад, чтобы увидеть смеется ли Такер. Но он не смеется. Он выглядит как судья на Олимпийских играх, готовый записать в свою карточку мой результат. Или как кто-то, кто собирается стать свидетелем жуткой аварии.

На вершине я отпускаю трос и пытаюсь отойти в стону, пока следующий новичок не врезался в меня. Затем несколько мгновений стою, разглядывая гору. Такер ждет внизу. Это не крутой склон, и здесь нет деревьев, в которые можно врезаться, что обнадеживает. Но за Такером лыжня продолжается,

проходит мимо подъемника, домиков, небольших магазинчиков и тянется до самой парковки. Я почти вижу себя, попавшую под машину.

- Давай! – кричит Такер. – Снег не кусается!

Он думает, что я испугалась. Ладно, я *испугалась*, но сама мысль о том, что Такер подумает, что я трусливый цыпленок, заставляет мои челюсти решительно сжаться. Я ставлю свои лыжи таким образом, чтобы они напоминали аккуратную букву V, так, как он учил меня. А затем отталкиваюсь.

Поток холодного воздуха ударяет в лицо, подхватывает мои волосы и развивает их позади меня, словно баннер. Я переношу вес на одну ногу и медленно скольжу налево. Затем пробую еще раз, на этот раз направляя себя вправо. Продолжая в том же духе, спускаюсь все ниже по холму. Некоторое время еду по прямой, чуть сбрасывая скорость, а затем пробую еще раз. Легко. Когда подъезжаю к Такеру, переношу свой вес на обе ноги и делаю букву V чуть шире, как он и учил. Останавливаюсь. Ура.

- Может мне нужно попробовать ехать по-другому, - говорю я. – Держа лыжи прямо.

Он смотрит на меня со сведенными бровями, очевидно, что его хорошее настроение внезапно улетучилось.

- Я полагаю, ты хочешь убедить меня, что это твой первый раз на лыжах? - говорит он.

Я смотрю на его хмурое лицо, пораженная. Он, конечно, не думал, что я упаду на этом детском склоне? Я оглядываюсь на других новичков. Они напоминают стаю неловких утят, старающихся хотя бы не врезаться друг в друга. Они не столько едут, сколько падают на месте.

Мне стоит соврать Такеру, сказать, что я уже каталась раньше. Это было бы низко. Но я не хочу лгать второму Эвери за неделю.

- Мне нужно попробовать еще раз?

- Да, - отвечает он. – Думаю, ты должна попробовать еще раз.

Теперь он едет прямо позади меня, и когда я почти внизу, он держится рядом. Из-за Такера я нервничаю так сильно, что пару раз почти падаю, но при мысли о том, как унизительно будет так облажаться перед ним, я держусь на ногах. Когда мы оказываемся внизу, он говорит, что нужно повторить спуск еще раз, но теперь в параллельном стиле, что нравится мне гораздо больше. Это более грациозно, и гораздо веселее.

- Я веду эти занятия уже два года, - говорит он, когда мы спускаемся со склона в пятый раз. – И ты первая, кто за целый час ни разу не упал.

- У меня хорошее чувство равновесия, - объясняю я. - Я раньше танцевала. В Калифорнии. Балет.

Он смотрит на меня, сузив глаза, словно пытается понять зачем мне врать о чем-то подобном, если только я не пытаюсь выпендриться. Или он оказался в тупике при мысли, что какая-то калифорнийская яппи может быть хороша в чем-то кроме шоппинга.

- Ну что ж... - резко говорит он. - Занятие окончено.

Он поворачивается в сторону домиков.

- И что мне теперь делать? – окликаю я его.

- Попробуй подъемник, - бросил он, и укатился.

Некоторое время я стою перед подъемником для начинающих и смотрю на людей, сажающихся в него. Это выглядит несложно. Нужно только правильно рассчитать время. Хорошо, если бы Такер не был таким придурком. Было бы неплохо получить хоть какие-то инструкции на этот счет.

Я решаю попробовать. Становлюсь в очередь. Когда она подходит, служащий пробивает дырочку в моем билете.

- Вы одна? – спрашивает он.

- Да.

- Одна! У нас здесь одиночка! – кричит он через всю очередь.

Так унизительно. Внезапно я жалею, что не надела шапку.

- Окей, - говорит работник, махая кому-то впереди рукой. Когда он жестом показывает на меня, я подхожу к линии, вычерченной на снегу, устанавливаю мои лыжи, смотрю через плечо и нервно наблюдаю за тем, как подъезжает сиденье. Оно больно ударяет меня по ногам. Я сажусь, и сиденье поднимает меня в воздух. Затем оно быстро устремляется вверх, в гору, слегка покачиваясь. Я с облегчением вздыхаю.

- Так плохо, да?

Я поворачиваюсь, чтобы увидеть рядом с кем сижу. И воздух мгновенно оставляет меня.

Я на подъемнике с Кристианом Прескоттом.

- Привет, - говорю я.

- Привет, Клара, - отвечает он.

Он помнит мое имя. Это просто мечта. Глупая, глупая мечта.

- Неплохой день для катания на лыжах, правда? – говорит он.

- Да, – сердце отбивает сумасшедший ритм в моих ушах. На подъемнике он выглядит как дома. В своей древесно-зеленой лыжной куртке и черных штанах, черной шапке с очками, поднятыми вверх, и чем-то вроде пушистого шарфа, он выглядит точно модель с постера, рекламирующего зимние виды спорта. Его глаза потрясаяще смотрятся на фоне куртки, глубокого изумрудного цвета. Он так близко, что я могу ощущать жар, исходящий от него.

- Мы виделись в «Пицца Хат» недавно, верно? – спрашивает он.

Нужно же было про это вспомнить. Жар приливает к моему лицу. Он может прямо сейчас смотреть на мои волосы и думать про себя – Бозо, клоун Бозо. Ну почему я не надела эту дурацкую шапку на мои дурацкие волосы?

- Да, может быть, - запинаясь я. – То есть я была там, и ты, может быть, видел меня. Думаю, ты видел меня, да? Я-то видела тебя.

- Тебе нужно было подойти и поздороваться.

- Может быть, нужно, – я смотрю на землю, мелькающую под нами, стараясь найти тему для разговора. На нем стильные черные лыжи, чуть изогнутые, и мало похожие на мои.

- Ты не катаешься на сноуборде? – спрашиваю я.

- Я умею, - отвечает он. – Но больше люблю лыжи. Я в команде по лыжным гонкам. Не хочешь «Jolly Rancher»²⁰?

- Что?

Он подсовывает лыжные палки под свои бедра и снимает перчатки. Затем открывает карман куртки, просовывает туда руку и достает полную горсть леденцов.

У меня неожиданно пересыхает во рту.

- Конечно, я не против одного.

- Огненный красный или вишневый?

- Огненный красный, - отвечаю я.

Он разворачивает леденец и отправляет его себе в рот. Затем берет еще один для меня. Но я даже не могу взять его в своих тяжелых перчатках.

- Секундочку, - говорит он и наклоняется ближе ко мне. Я стараюсь отбросить волосы со своего лица.

- Открывай, - говорит он, держа конфету.

Я открываю рот. Очень осторожно, он кладет леденец на мой язык. Наши глаза на мгновение встречаются. Когда я закрываю рот, он отклоняется обратно к спинке сидения.

- Спасибо, - говорю я с конфетой во рту. Я кашляю. Леденец неожиданно оказывается горячим. Я думаю о том, что нужно было попросить вишневый.

- Всегда пожалуйста, - он снова надевает перчатки.

- Так ты тренируешься каждые выходные, раз ты в команде по гонкам? – спрашиваю я.

- Я прихожу сюда по выходным, чтобы покататься просто для удовольствия, и иногда на гонки, если они проходят здесь. В течение недели я тренируюсь по ночам в «Снежном Короле».

- Вау, ты катаешься ночью?

Он засмеялся.

- Точно. У них вдоль трас установлено освещение. Мне нравится кататься по ночам, вообще-то. Не таклюдно. Тихо. Можешь видеть огни города. Это красиво.

- Звучит красиво.

Некоторое время мы оба ничего не говорим. Он осторожно постукивает свои лыжи друг об друга, заставляя снег с них осыпаться вниз, на склон под нами. Это так сюрреалистично, висеть с ним в воздухе между небом и землей, видеть его так близко, слышать его голос.

- «Снежный Король» находится непосредственно в Джексон Холе? – спрашиваю я.

- Да. Там всего пять трасс, но это хороший склон для практики. И когда мы соревнуемся в Чемпионате Штата, ребята из школы могут наблюдать за нами прямо с парковки.

²⁰ «Jolly Rancher» - бренд конфет.

Я почти готова сказать, что тоже хочу посмотреть на него на соревнованиях, но тут замечаю, что наше сидение уже почти достигло смотрового домика, расположенного на боковой поверхности горы, и люди начинают спускаться с подъемника вниз.

- О, черт...

- Что? – спрашивает Кристиан.

- Я не знаю, как спуститься с подъемника.

- Ты не...

- Это мой первый день на лыжах, - говорю я с все нарастающей паникой. Домик все ближе и ближе. – Что я должна делать?

- Приподними концы лыж чуть вверх, - быстро отвечает он. - Мы поднимемся на холм. Когда поверхность выровняется, вставай и отъезжай в сторону. Это нужно сделать довольно быстро, чтобы тебя не сбили те, кто позади нас.

- Боже... Не думаю, что все это было хорошей идеей.

- Расслабься, - говорит он. – Я помогу.

Сидение всего в нескольких секундах от смотрового домика. Каждая мышца в моем теле напряжена до предела.

- Бери палки, - инструктирует он.

Ты можешь сделать это, говорю я себе, продевая кисти рук через петли палок и крепко стискиваю их. *В тебе кровь ангелов. Сильнее, быстрее, умнее. Используй это, хоть раз.*

- Приподнимай концы лыж, - говорит Кристиан.

Я поднимаю лыжи. Мы достигаем снежной насыпи и, как он и сказал, оказываемся на уровне земли.

- Вставай! – приказывает Кристиан.

Я сражаюсь с собственными ногами. Сидение бьет меня по ногам, подталкивая вперед.

- Теперь просто отъезжай в сторону, - говорит он, уже отъехав влево. Я пытаюсь последовать за ним, упираясь палками в снег и отталкиваясь со всей силы. Слишком поздно я осознаю, что он имел в виду, что я должна отъезжать направо, тогда как он направится налево. Он поворачивается, чтобы проверить, как мои дела как раз тогда, когда я уже мчусь на него, полностью потеряв равновесие. Мои лыжи наезжают на него. Я поскользываюсь и одной рукой вцепляюсь в его плечо.

- А-а-а! – вскрикивает он, стараясь удержаться на ногах, но нет никаких шансов. Мы скользим по дорожке, а потом просто падаем.

- Мне так жаль... - говорю я. Я лежу на Кристиане, лицом вниз. Мой огненный красный «Jolly Racher» лежит в снегу, рядом с его головой. Его шапка и очки куда-то подевались. Мои лыжи слетели с ног, и палок нет. Я пытаюсь подняться с него, но ничего не выходит.

- Постой-ка, - говорит он твердо.

Я перестаю двигаться. Он обхватывает меня руками и перекачивает на другую сторону. Затем он наклоняется вниз, вынимает лыжи, которые все еще прижаты моей ногой, и скатывается с меня. Я лежу на спине в снегу, желая выкопать в нем яму и провалиться в нее до конца учебного года. Может даже навсегда. Я закрываю глаза.

- С тобой все в порядке?

Я открываю глаза. Он наклонился ко мне, приблизив свое лицо к моему. Я могу ощущать его дыхание с запахом вишневого леденца. За ним облако проплывает мимо солнца, а небо неожиданно яркое. Я внезапно понимаю, что в этот момент ощущаю все вокруг: как мое сердце гонит кровь по венам, как снег медленно тает под моим телом, как иголки на деревьях трепещут от ветра, я чувствую смесь ароматов сосен и парфюма Кристиана, и чего-то, что может быть воском для лыж, слышу грохот кресел подъемника.

И Кристиан, с копной волос, со смеющимися глазами, на расстоянии вдоха от меня.

Сейчас я не думаю о пожаре, или моем предназначении. Не думаю о том, как спасти его. Единственная моя мысль, каково это будет, поцеловать его?

- Я в порядке.

- Подожди, – он отбрасывает прядь волос с моего лица, его голая ладонь прикасается к моей щеке. – Это было весело, - говорит он. – Не делал этого уже некоторое время.

Сначала я думаю, что он имеет в виду мои волосы, но тут же понимаю, что он про падение.

- Думаю, мне надо потренироваться со спуском с этого подъемника, - говорю я.

Он помогает мне сесть.

- Может быть немного, - говорит он. – Для первого раза ты здорово держалась. Если бы я не стоял на твоём пути, ты наверняка бы спустилась с горы сама.

- Точно. То есть проблема была в тебе.

- Наверняка, - он взглянул на парня, стоящего на смотровой площадке, который говорил по телефону, возможно вызывая лыжную полицию, чтобы меня сняли с горы.

- С ней все хорошо, Джим, - крикнул Кристиан ему. Затем он находит мои лыжи и палки, которые на удачу оказались не слишком далеко.

- Ты была в шапке? – спрашивает он, найдя свою шапку и надевая ее обратно на голову, и водружает на нее очки. Я качаю головой, после чего встаю и касаюсь своих волос, которые снова освободились от резинки и крупными прядями падают на мои плечи, припорошенные снегом.

- Нет, - отвечаю я. – Я, нет, на мне не было шапки.

- Говорят, что 90% тепла выделяется через кожу головы, - говорит он.

- Постараюсь запомнить это.

Он устанавливает мои лыжи на снегу передо мной и наклоняется, чтобы помочь мне надеть их. Я держусь за его плечо, чтобы не упасть.

- Спасибо, - бормочу я, глядя на него вниз.

И снова он мой герой. А ведь предполагается, что именно я должна его спасти.

- Нет проблем, - отвечает Кристиан, поднимая глаза. Они суживаются, словно он изучает мое лицо. Снежинка падает на его щеку и тает. Его выражение меняется, как будто он неожиданно вспоминает что-то. Он быстро встает и надевает собственные лыжи.

- В том направлении лыжня для новичков, кое-что не слишком сложное, - говорит он, указывая куда-то за мою спину. – Она называется «Медвежонок Пух».

- О, круто, - определенно, мой знак- зеленый круг.

- Я бы остался помочь, но я уже опаздываю на тренировку здесь, выше на горе, - говорит он. – Как думаешь, сможешь сама спуститься вниз?

- Конечно, - быстро отвечаю я. – Я хорошо каталась на склоне для начинающих. Даже ни разу не упала сегодня. Кроме как сейчас, конечно. Как ты поднимешься еще выше в гору?

- Здесь есть еще один подъемник, внизу, - он указывает туда, где наверняка и находится другой большой подъемник, поднимающий людей на непостижимую высоту. – А потом еще один, после него.

- С ума сойти, - говорю я. – Мы можем добраться так до самой вершины.

- Я могу. Но это не для новичков.

Наш разговор определенно подходит к концу.

- Да. Что ж, спасибо еще раз, - говорю я нескладно. – За все.

- Не за что, – он уже отъезжает, направляясь в сторону следующего подъемника. – Еще увидимся, Клара, - кричит он через плечо.

Я смотрю, как он скользит вниз по склону, к подъемнику и присаживается, когда подходит сидение. Затем оно чуть качается вперед и назад, поднимаясь все выше сквозь морозный воздух. Я наблюдаю, пока зеленая куртка не скрывается из вида.

- Да, увидимся, - шепчу я.

Это большой шаг вперед, наш первый настоящий разговор. При этой мысли что-то в моей груди сжимается от эмоций, настолько сильных, что к глазам подступают слезы. Это так неловко.

Это что-то, похожее на надежду.

ГЛАВА 7. СОВМЕСТНЫЙ ПОЛЕТ

(Переводчик: [unreal]; Редактор: [unreal])

В понедельник около семи тридцати я поехала в «Розовую подвязку», чтобы встретиться с Анжелой Зербино.

Свет в театре не горел. Я постучалась, но дверь мне не открыли, достала телефон и только потом поняла, что у меня даже нет номера телефона Анжелы. Тогда я решила постучать еще раз, и на этот раз громче. Дверь открылась так быстро, что я аж подскочила. Невысокая, жилисто-тонкая женщина с длинными, темными волосами уставилась на меня. Она выглядела раздраженной.

- Мы закрыты, - сказала она.

- Я здесь, чтобы встретиться с Анжелой.

Ее брови поползли вверх.

- Ты подруга Анжелы?

- Эмм...

- Заходи, - сказала женщина, удерживая дверь открытой.

Внутри было слишком тихо. Пахло попкорном и опилками. Я огляделась вокруг. Выглядевший древним кассовый аппарат находится в верхней части буфетного стола, на котором вставлены ряды свеч. Стены были декорированы постерами с последними театральными постановками, в основном на ковбойскую тематику.

- Милое место, - произнесла я, и потом врезалась в колонну, покрытую бархатной тканью, чем заставила почти всю её рухнуть на пол. Мне удалось придержать правую часть колонны, до того как началась цепная реакция.

Меня передернуло, и я посмотрела на женщину, следившую за мной со странным, непонятым выражением лица. Она была очень похожа на Анжелу, за исключением глаз, которые у неё были темно-коричневыми, а не желтыми, и из-за глубоких морщинок, которые заставляли её выглядеть гораздо старше, чем ей было на самом деле. Она напомнила мне цыганку из старых фильмов.

- Я Клара Гарднер, - нервничая, произнесла я. - Я делаю школьный проект вместе с Анжелой.

Она кивнула. Я заметила, что она носит большой золотой крестик на шее в виде тела Иисуса.

- Ты можешь подождать ее здесь, - сказала она, - Анжела скоро будет.

Я проследовала следом за ней через арку в сам театр. Внутри было ужасно темно. Я услышала, как она отошла куда-то в сторону, а затем столб света озарил сцену.

- Выбирай любое место, - произнесла она. Как только мои глаза приспособились к темноте, я увидела, что театр наполнен круглыми столами, покрытыми белыми скатертями. Я решила не бродить по всему театру и уселась в ближайшее от меня кресло.

- Как вы думаете, когда подойдет Анжела? - наконец решилась спросить я, но женщина уже ушла.

Я ждала, наверно, минут пять, и уже начала терять терпение, когда, наконец, через боковую дверь появилась Анжела.

- Ух ты, извини, - говорит она, - оркестр закончился поздно.

- На чем ты играешь?

- На скрипке.

Я легко представила ее со скрипкой, упирающейся ей в подбородок, и играющей некоторые румынские мелодии.

- Ты здесь живешь? - спрашиваю я.

- Да. В квартире наверху.

- Только с мамой?

Она посмотрела на свои руки.

- Да, - отвечает она, - только мама и я.

- Я тоже не живу со своим отцом, - говорю я, - только с мамой и братом.

Она огляделась по сторонам, а затем задержала свой взгляд на мне в течение пары секунд.

- Почему вы переехали сюда? - спросила она, садясь в кресло, стоявшее напротив моего, и устремляя на меня взгляд своих медового цвета глаз. - Я предполагаю, что ты на самом деле не поджигала свою старую школу.

- Прости, что? - не веря своим ушам, переспросила я.

Она сочувственно посмотрела на меня.

- Об этом давно поговаривают. Получается, ты не слышала, как люди шепчутся о том, будто твоя семья была вынуждена переехать из Калифорнии из-за твоего плохого поведения?

Я бы с удовольствием над этим посмеялась, если б не была так напугана.

- Не переживай, - решила успокоить меня она, - скоро об этом забудут. Этот слух наверняка пустила Кей. Честно, я под впечатлением от того, как быстро ты успела попасть в её черный список.

- О, спасибо - произнесла я, ухмыляясь. - И, причина уж точно не в моих правонарушениях. Мы переехали из-за моей мамы. В Калифорнии у неё вечно были проблемы со здоровьем. Вообще, она очень любит горы, вот и решила, что хочет поднять нас туда, откуда можно будет увидеть воздух, которым мы дышим. Ну, ты понимаешь?

Она улыбнулась моей шутке, но это была улыбка из вежливости. Улыбка жалости.

Затем последовала долгая пауза.

- Ладно, хватит болтать ни о чем, - с беспокойством говорю я, - Давай лучше обсудим наш проект. Я думала о правлении Королевы Елизаветы. Мы могли бы рассказать о том, как быть женщиной, но не простой, а женщиной, которая в один прекрасный день стала очень властной правительницей. Проект о женском воплощении правителя.

Мне казалось, что Анжеле мог понравиться предложенный мною проект.

- Вообще, - сказала она, - у меня была другая идея.

- Давай, валяй.

- Я думаю, нам следует сделать презентацию про «Ангелов Монсе».

Я почувствовала, что задыхаюсь. Будь у меня питьевая вода, я расплескала бы её по всему столу.

- Что еще за «Ангелы Монсе»? – спросила я.

- Это история случилась во время Первой мировой войны. Была большая битва между немцами и англичанами, которые уступали первым в численности, но, не смотря на это, всё же одержали победу. После этой битвы пошли слухи о том, будто на поле боя появлялись призраки мужчин, которые и помогли англичанам победить. Таинственные мужчины стреляли в немцев из луков. Одна из версий гласит о том, что эти мужчины стояли между двумя армиями, окруженные каким-то неземным свечением.²¹

- Интересно, - подытожила я.

- Это, конечно же, была ложь. Какой-то писатель придумал эту историю. Вообще, это напоминает ранние упоминания про НЛО – сумасшедшие истории, которые придумывают снова и снова.

- Хорошо, - говорю я, переводя дыхание, - Звучит так, словно у нас есть идея презентации.

Я уже представляю выражение лица мамы после того, как сообщу ей, что собираюсь сделать проект про ангелов по Истории Британии.

- Мне кажется, это будет интересно классу, - говорит Анжела. – Необычный исторический момент, который мистер Эриксон обязательно поддержит. Я думаю, мы можем обсудить с ним это.

Мой мозг пытался придумать, как потактичнее отговорить её от этой идеи.

- Да, хорошо... Мне очень нравится период правления Елизаветы, но... - сомневалась я.

Она улыбнулась.

- Что?

- Видела бы ты свое лицо, - сказала она. – Ты по-настоящему взволнована.

- Что? Нет, я не..

Она наклонилась вперед через весь стол.

- Я хочу, чтобы мы исследовали ангелов, - произнесла она. – Но это должно быть связано с Британией, потому что мы ведь все-таки готовим проект по Истории Британии, а это, пожалуй, лучшая история об ангелах в Британии. Как думаешь, это было бы настолько же сумасшедше, будь это правдой?

Мое сердце упало в пятки.

- Ты ведь сказала, что это все ложь.

- Ну, да. Ведь это именно то, что они хотели, чтобы все думали, не так ли?

- Кто они?

- Обладатели ангельской крови, - ответила она.

²¹ Это выдуманная, но тем не менее любопытная история о появлениях ангелов, якобы спасавших от смерти французских и британских солдат во время битвы при Монсе (Бельгия) в первую мировую войну.

Между 26 — 28 августа 1914 года в начальный период войны, французские и британские войска заняли позиции вблизи Монса с намерением разгромить противостоящие им части германской армии. Реальность, однако, оказалась гораздо более жестокой. Германская артиллерия обрушилась на войска Антанты всей своей мощью, и около 15 тысяч французов и британцев погибло в самом начале сражения. Оставшимся в живых не оставалось ничего другого, как отступить, причем под продолжающимся артиллерийским обстрелом с германской стороны. Уже потом начали ходить рассказы о том, что отступающие солдаты видели какие-то призрачные видения, защищавшие их от германских снарядов.

Услышав одно из таких повествований по радио, британский журналист Артур Мэйчен написал короткий рассказ "Лучники". В нем рассказывалось, как отступающим солдатам объединенной армии привиделись лучники и другие воины в средневековых доспехах, участвовавшие в битве при Ажинкуре (недалеко от Монса) в XV веке. Этот рассказ появился в "Лондон ивнинг ньюз" 14 сентября 1914 года.

Я поднялась с кресла.

- Клара, сядь. Расслабься. – Произнесла она, а затем добавила, - Я знаю.

- Ты знаешь, что....?

- Сядь, - сказала она. По-ангельски.

Моя челюсть отвисла.

- Как ты...?

- Неужели, ты и вправду думаешь, что вы такие единственные? – спросила она сухо, смотря на свои ногти.

Я снова уселась в кресло. Думаю, это стоит расценивать как по-настоящему честное и благое откровение. Никогда, в ближайший миллион лет, я не надеялась наткнуться на другого кровного ангела в школе Джексон Хол Хай. Я была в тупике. Ангела же, с другой стороны стола, была настолько напряжена, что казалось, будто она метает молнии, только без видимых искр.

Она разглядывала меня в течение минуты, а затем вскочила на ноги.

- Пошли.

Она запрыгивает на сцену, все еще улыбаясь той улыбкой, которой может похвастаться кошка-только-что-съевшая-конарейку, и машет в мою сторону, приглашая присоединиться к ней.

Я встаю и медленно начинаю подниматься по лестнице на сцену, смотря прямо в пустой театр.

- Что?

Она снимает пальто и бросает его со сцены вперед, в темноту, после чего делает несколько шагов назад так, чтобы встать на расстоянии вытянутой руки от меня, после чего поворачивается лицом ко мне.

- Все в порядке, - говорит она.

Я начинаю переживать.

- Что ты делаешь?

- *Покажи нас*, - говорит она по-ангельски.

После чего следует яркая вспышка света, словно от фотоаппарата. Я часто моргаю, глаза слезятся. И тут я лопатками ощущаю тяжесть своих крыльев. Ангела стоит напротив меня, и её крылья полностью распахнуты позади неё.

- Значит, это правда! – взволнованно говорит она. Слезы блестят в её глазах. Она слегка хмурит брови и её крылья исчезают.

- Скажи словами, - просит она.

- *Покажи себя*, - кричу я.

Снова появляется вспышка, а затем я вижу Ангелу с распахнутыми крыльями. Она радостно хлопает в ладоши.

Я все еще ошеломлена.

- Как ты узнала? – спрашиваю я.

- Птицы помогли мне понять, - отвечает она. - Точнее то, что ты рассказала про них в классе.

Блин. Попалась на таком пустяке. Мама меня убьет.

- Птицы и меня сводят с ума, но я не знала, было ли это простым совпадением, или же было что-то еще. А потом я услышала твой успех на уроке французского, - призналась она. - Я самостоятельно занимаюсь испанским, и признаюсь, я в нем довольно хороша. К тому же, я бегло говорю по-итальянски, благодаря тому, что это язык семьи моей мамы, с которыми я провожу каждое лето в Италии. Они очень похожи: языки романтиков и еще много чего. Так что, вот моя история.

Я не могла оторвать взгляд от её крыльев. Для меня по-прежнему было шоком увидеть их еще у кого-то. Мне кажется, но это была довольно сумасшедшая картина: Ангела с её блестящими, черными волосами, прикрывающими часть лица, черная майка, серые джинсы, дырявые на коленях, подведенные черным глаза и темные губы, фиолетовый лак на ногтях и эти ослепительно белые крылья, раскинувшиеся у неё за спиной, отражающие свет прожектора, таким образом, что казалось, словно она была окружена небесным сиянием.

- Я, конечно, не знаю всей правды, но говорят, будто твой брат побил всех в школьной команде по борьбе, - сказала она.

- *Всю команду?* – Это определенно была не та версия, которую я слышала от Джеффри.

- Неужели ты не слышала об этом? Он подошел к тренеру и попросился в команду, на что тренер ответил «нет», ведь набор проводился в ноябре, и посоветовал попытать удачу в следующем году, на

что Джеффри ответил, что сможет побороть всех членов команды во всех весовых категориях: «Если я не смогу побить их, я попытаюсь в следующем году, а если смогу, вы возьмете меня в команду». Вот так эта история закрутилась. У меня была физкультура, поэтому я находилась в тот момент в спортзале, но не обращала на это внимание до того, пока он не побил половину команды в среднем весе. Практически вся школа собралась посмотреть, как он справится с чемпионом в тяжелом весе. Тоби Джеймсон. Этот парень просто монстр. Было очень удивительно наблюдать за ними. Джеффри просто опрокинул его без особых усилий, и тогда я, наконец, поняла, что он не смог бы это сделать, будучи простым человеком.

А потом я надела футболку с ангелом на Историю Британии и стала наблюдать за тем, как меняется выражение твоего лица на более задумчивое и напряженное, когда ты смотришь на неё. Я была уверена, что права на счет тебя.

- Неужели это было так очевидно?

- Для меня, да, - ответила она, - Но я даже этому рада, ведь никогда раньше я не знала никого похожего на меня.

Она рассмеялась, и прежде чем я смогла полностью осознать, что она сказала, Анжела согнула колени и, оттолкнувшись от сцены, полетела в темную часть театра, вверх, к стропилам.

- Давай со мной, - кричит она

Я смотрю ей вслед, прикидывая, сколько повреждений и переломов я получу, если попытаюсь повторить подобное.

- Я не думаю, что ваша страховка покроет ущерб от моей попытки полетать здесь.

Она с легкостью приземляется обратно на сцену.

- Я не умею летать, - сообщаю я.

- Это трудно только по началу, - говорит она. — Я провела весь прошлый год по ночам поднимаясь в горы лишь для того, чтобы прыгнув с уступа хоть на мгновение ощутить состояние полета. У меня ушли месяцы, прежде чем наконец я смогла сама взлететь.

Это была первая вещь, которую я слышала о полетах и которая помогла мне понять, что не все так плохо у меня с полетами, как я считала раньше.

- Твоя мама не учила тебя? — спросила я.

Она покачала головой с таким видом, будто считает эту идею ужасно смешной.

- Моя мама настолько человек, насколько и все вокруг. Я имею ввиду, по-твоему человек имеющий отношение к ангелам, назвал бы своего ребенка Анжелой?²²

Я подавила улыбку.

- Я думаю, ей просто не хватает воображения, - говорит она. — Но она всегда рядом со мной.

- Так значит, это все твой отец.

Выражение её лица моментально меняется.

- Да, он был ангелом.

- Ангелом? То есть, получается, что ты наполовину ангел. Ты — Демидиус.

Она кивает. Это означает, что она вдвое могущественнее меня и к тому же, она умеет летать. Да и волосы у неё нормального цвета. Черт, я переполнена завистью.

- Итак, твоя мама не человек, - говорит она, - и это значит, что ты...

- Я всего лишь Квортариус. Моя мама — Демидиус, а отец всего лишь простой человек.

Я вдруг начинаю чувствовать себя немного обнаженной, стоя на сцене с распахнутыми крыльями, поэтому я решила, что стоит их сложить и позволить им исчезнуть. Анжела делает тоже самое.

С минуту мы стоим, рассматривая друг друга.

- Ты сказала в классе, что никогда не встречала своего отца, - решила все-таки спросить я.

Её лицо было пустым.

- Конечно, нет, - ответила она, как ни в чем не бывало. — Он — Черное Крыло.

Я киваю, словно полностью понимаю, о чем она говорит, хотя на самом деле это вовсе не так. Анжела отворачивается и уходит из облака свет в один из темных углов сцены.

²² Анжéла, также Анджéла и Ёнгéла — женское личное имя греческого происхождения.. Имя Ангела образовалось как парное к мужскому имени Ангел, которое восходит к др.-греч. ἄγγελος — «вестник», «посланец»; Ἀγγελός («Ангелос»). Вариант Анжела заимствован из болгарского языка; вариант Анджела появился под воздействием английского.

- Моя мама была замужем всего один раз, и её муж умер от рака еще до того, как ей исполнилось тридцать. Он был актером, а она была всего лишь застенчивым дизайнером по костюмам. Это был его театр. У них никогда не было детей. После его смерти, она отправилась паломником в Рим. Она католичка, поэтому Рим довольно важное для неё место, плюс ко всему у неё там семья. Однажды ночью она шла домой с вечерней мессы, и неизвестный мужчина следовал за ней. Поначалу она пыталась игнорировать его, но потом у неё возникло нехорошее предчувствие по отношению к нему. Он начал идти быстрее, поэтому ей пришлось бежать. Она не остановилась до тех пор, пока не оказалась возле дома своей семьи.

Анжела села на край сцены, свесив ноги в оркестровую яму. Опустив глаза, она продолжила рассказывать историю, слегка отвернув лицо, но голос при этом оставался довольно постоянным, не дрожал.

- Она подумала, что теперь она в безопасности, - продолжила Анжела, - но в ту ночь ей приснился мужчина, стоящий возле её кровати. По её словам, его лицо было похоже на лицо статуи. Столь же бесстрастное, как у Давида Микеланджело²³, и с грустью в глазах. Она начала кричать, а потом он сказал что-то на языке, который она не смогла понять. Эти слова парализовали её: она не могла ни двинуться, не произнести ни слова. Она даже не могла проснуться.

Я села рядом с ней.

- А потом он её изнасиловал, - пробормотала она. - И она поняла, что это вовсе не было сном.

Анжела смущенно перевела взгляд вверх. Один из уголков её рта приподнялся.

- Итак, главным недостатком является то, что я не порождение любви, - говорит она. - Но достоинство куда более глобальное, ведь благодаря этому у меня есть все эти удивительные способности.

- Правильно, - говорю я, кивая. Интересно, сколько ей было лет, когда мама рассказала ей эту историю, ведь она не одна из тех, которую вы надеетесь услышать от своей мамы. Я никогда не слышала о том, что происходят подобные вещи. Ангел изнасиловал человека? Я не могу представить это. Ночь начинает брать на себя своего рода роль *Сумеречной зоны*²⁴. Я пришла работать над проектом по истории, а в итоге сижу на краю сцены с другим кровным ангелом, которая раскрывает мне всю историю своей жизни. Это просто нереально.

- Мне очень жаль, Анжела, - успокаиваю я. - Это...отстой.

Она закрывает на мгновение глаза, словно, если бы она представляла все это.

- Но, если твоя мама – человек, и ты никогда не видела своего отца, то, как ты узнала о том, что ты тоже ангел? – спросила я.

- Моя мама сказала мне. Она рассказала, что однажды ночью, за несколько дней до моего рождения, к ней явился другой ангел и рассказал все о кровных ангелах. Она думала сначала, что это был очередной бредовый сон. Но все же рассказала мне об этом, когда увидела, что кое-что из того, что она узнала, начало происходить со мной. Мне тогда было десять.

Я подумала о том, как моя мама рассказала мне об ангелах, что было всего лишь два года назад, и как тяжело мне было это переварить. Я представила, что подумала, почувствовала и сделала, если бы узнала все это будучи еще ребенком. Или, если бы она сказала мне, что её изнасиловали.

- Мне потребовалась очень много времени, чтобы узнать что-то еще, - перебила мои мысли Анжела. - Моя мама не знала ничего об ангелах, за исключением того, что написано в Библии. Она сказала, что я Нефилим, как это говорится в Бытии, и я вырасту, чтобы стать героем, каким был в свое время Самсон.

- Нет, короткие стрижки не для тебя.

Она засмеялась, проводя пальцами по своим длинным черным волосам.

- Но тебе удалось узнать о Демидиусах и Квортариусах, да и обо всем этом, - сказала я.

²³ Давид — мраморная статуя работы Микеланджело. Статуя, предназначенная для кругового обзора, изображает обнажённого Давида, сосредоточенного на предстоящей схватке с Голиафом. Юноша готовится к бою с превосходящим его по силе врагом. Он спокоен и сосредоточен, но мышцы его напряжены. Брови грозно сдвинуты, в них читается нечто устрашающее. Через левое плечо он перекинул пращу, нижний кончик которой подхватывает его правая рука. Свободная поза героя — классический пример контрапоста — уже подготавливает смертоносное движение.

²⁴ Проводится аналогия с фильмом «Сумеречная зона», где «вам предстоит путешествие в другое измерение, неподвластное нашему взору. Вы отправляетесь туда, где у воображения нет пределов. Следующая остановка - Сумеречная Зона»

- Я узнавала факты из различных источников. Вообще, порой я считаю себя историком по части ангелов.

Повисла тишина.

- Вау, - вырвалось у меня.

- Я знаю.

- Я все еще думаю, что нам следует подготовить проект про королеву Елизавету.

Она засмеялась и, повернувшись, села рядом со мной, по-индийски подтянув по себе ноги.

- Мы станем лучшими подругами, - сказала она.

И как это ни странно, я верю ей.

Я должна быть дома к десяти, в связи с чем у нас очень мало времени, чтобы поговорить, а я даже не знаю с чего начать. Вопросы возникают очень быстро. Одно ясно сразу: Анжела знает массу всего об ангелах, об их историю, способностях, именах и рангах, которые употребляются в литературе и различных религиозных источниках. Но с другой стороны, всю полноту знаний об ангелах можно получить только изнутри, а у неё не было такой возможности. Она и я сможем очень многое узнать друг от друга. Я понимаю, что все, что я сейчас узнаю от мамы, по её мнению, мне сейчас необходимо.

- Все, что знаешь, ты выяснила в Риме? – спросила я.

- Большинство из этого, - ответила Анжела. – Рим – очень хорошее место, чтобы искать информацию об ангелах, ведь у него очень длинная история. К тому же, я встретила Интэнджа в Милане в прошлом году, от которого смогла узнать больше, чем из любого другого источника.

- Подожди-ка. Кто такой Интэнджа?

- Глупышка, - сказала она, словно я должна была догадаться о том, кто это все-таки. – Это латинское название полнокровного. Буквально это означает «целый», «нетронутый», «самодостаточный сам по себе». Итак, теперь ты знаешь, кто такие Интэнджа, Димидиус и Квортариус.

- О, точно, - произнесла я, словно я знала это когда-то, но сейчас это просто вылетело у меня из головы. – Получается, ты встретила настоящего ангела?

- Да-а. Я увидела его, хотя не думаю, что должна была. Мы были в маленькой, отдаленной церквушке, и я увидела его, стоящего там и словно светящегося. Я по-ангельски сказала «Привет!». Он посмотрел на меня, а потом схватил за руку, и вдруг.. мы словно переместились куда-то, но в тоже время я чувствовала, что мы по-прежнему находимся в церкви.

- Похоже на небеса.

Она нахмурилась и пригнулась ближе ко мне, словно не была уверена, правильно ли расслышала меня.

- Что?

- Похоже, что он забрал тебя с собой на небеса.

Её зрачки расширились, а на лице отразилось понимание.

- Что ты знаешь о небесах? – спросила она.

Я смутилась.

- Да не так уж и много. Я знаю, что они существуют и находятся где-то на вершине Земли. По словам моей мамы, они словно занавес. Она была там однажды, я имею в виду, ангел брал её с собой туда.

- Тебе очень повезло с такой мамой, - произнесла Анжела с завистью во взгляде. – Я приложила немало усилий, чтобы получить имеющуюся у меня сейчас информацию, а тебе достаточно было спросить.

- Да, я могу спросить, - говорю я немного сконфужено, - но это не означает, что она с радостью отвечает на все мои вопросы.

Анжела внимательно смотрит на меня.

- А почему бы и нет?

- Я не знаю. Она говорит, что я должна дойти до всего этого сама, узнать все это на собственном опыте или как-то иначе. Ранее ты сказала, что твой отец был Черное крыло. Я понятия не имею, что это означает. Я предполагаю, что он – плохой ангел, но моя мама, конечно же, никогда не упоминала об этом.

Анжела задумалась на минуту.

- Черное крыло – это падший ангел, - наконец сказала она. – Я предполагаю, что они являются падшими с самого начала.

- С начала чего?

- Времен.

- Оу, точно. А их крылья и правда черные?

- Я думаю, да, - ответила она. – Теперь ты знаешь и о них. Белые крылья – ангел добрый, черные крылья – плохой.

С ума сойти. Я столько всего еще не знаю, и это заставляет меня чувствовать себя очень глупой. И невероятно любопытной. И испуганной.

- То есть мне нужно просто подойти и попросить их показать свои крылья?

- Ты командуешь им по-ангельски, чтобы они показали их.

- И они должны их показать? – спрашиваю я.

- А ты чувствовала, будто у тебя есть выбор, когда я продела это с тобой?

- Нет, это просто случилось.

- Это словно быстрый способ идентификации, который запрограммирован в них, - сказала она. – Полезная штука, правда?

- Откуда ты все это знаешь?

- Фэн рассказал мне. Ну, тот ангел, которого я увидела в церкви. Он предупредил меня о Черном Крыле.

Она резко остановилась, приопустив глаза.

- Что? – подсказываю я мягко. – Что он сказал?

Анжела ненадолго закрыла глаза, а затем открыла.

- Он сказал, что однажды они попытаются найти меня.

- Но зачем они захотят найти тебя?

Она взглянула вверх.

- Потому что мой отец был одним из них. И они хотят заполучить нас, - сказала она. Её золотистые глаза вдруг стали жестче. – Они собирают армию.

- Маааам! – кричу я на протяжении минуты, пока входная дверь позади меня не захлопнулась. Она бежит со стороны своего кабинета в мою сторону, и испуг не сходит с её лица.

- Что? Что это? Тебе больно?

- Почему ты не рассказала мне о назревающей войне между ангелами?

Она остановилась возле меня.

- Что?

- Анжела Зербино - кровный ангел, - говорю я, все еще пытаюсь поверить в это. – И она рассказала мне о противостоянии добрых ангелов со злыми.

- Анжела Зербино – кровный ангел?

- Димидиус. А теперь отвечай на мой вопрос.

- Хорошо, дорогая, - говорит она, выглядя сконфужено. – Я предположила, что ты знаешь.

- Как я могу знать, если ты ничего мне не рассказываешь? Ты никогда мне ничего не рассказываешь!

- О существовании добра и зла в этом мире, - начала она после долгой паузы, - я говорила тебе.

Даже сейчас я вижу, как она тщательно подбирает каждое слово, даже сейчас. Это приводит меня в бешенство.

- Да, но ты никогда не говорила мне про Черное Крыло! - восклицаю я. – Ты никогда не говорила мне, что они хотят завербовать или убить всех кровных ангелов, которых встретят.

Она вздрагивает.

- Значит, это правда.

- Да, - сказала она. – Хотя, я думаю, они больше заинтересованы в Димидиусах.

- Точно, ведь Квортариусы не обладают достаточной силой, - саркастически ответила я. – Я думаю, что меня это не коснется.

Мама все еще внимательно слушает.

- То есть, Анжела Зербино рассказала тебе, что она кровный ангел. Она рассказала тебе что-нибудь еще?

- Да. Она показала мне свои крылья и всё.

- Какого цвета они были?

- Её крылья? Белого.

- Насколько белыми? – настойчиво продолжала опрос она.

- Они были совершенны. Настолько белые, что свет резал глаза. Какое это имеет значение?

- Оттенки наших крыльев отражают состояние нашей души, - сказала она. – Белые Крылья имеют крылья белого цвета, и падшие ангелы - Черные Крылья, соответственно, черные. Для большинства из нас, для потомков ангелов, это не имеет значения, ведь наши крылья из-за смешения крови приобретают оттенки серого.

- Твои крылья всегда выглядели белее моих, - сказала я. У меня сразу же возникло желание расправить крылья, чтобы посмотреть, какой оттенок они все-таки имеют. Я уверена, что ни черта не знаю.

- Мои крылья довольно светлые, - сообщила мама, - но не как свежеснеженный снег.

- Итак, у Анжелы они белые, - произнесла я. – Я думаю, это значит, что она чистая душа.

Мама подошла к шкафу и достала стакан, после чего подошла к раковине, открыла кран и, наполнив стакан, принялась медленно пить. Спокойно.

- Черное Крыло изнасиловал её маму. – Я взглянула на маму, чтобы посмотреть на её реакцию от услышанного. Никакой реакции. – Она боится, что однажды они придут за ней. Видела бы ты её лицо, когда она рассказывала мне об этом. Испуганное. По-настоящему испуганное.

Мама поставила стакан на стол и взглянула на меня. Мне показалось, что она будто не слышала всего, что я только что ей сказала. Вообще ничего. И тогда я все поняла.

- Ты ведь уже знала про Анжелу, - сказала я. – Но как?

- У меня свои источники. К тому же она не особо старалась скрыть свои способности. Для того, кто беспокоится о Черном Крыле, она не очень осторожна. Да и раскрыть себя перед тобой – безрассудно.

Я посмотрел на неё. В этот момент я наконец поняла сколько всего моя мама мне не рассказывает.

- Ты лжешь мне, - сказала я.

Она встретила со мной взглядом. Мое обвинение заставило её вздрогнуть.

- Нет, просто есть вещи, которые...

- В Джексон Холе много кровных ангелов?

Видимо мой вопрос задел её. Она не ответила.

Я подняла свой рюкзак, который кинула в кухне на пол и направилась в свою комнату.

- Эй, - окликнула меня мама. – Я все еще разговариваю с тобой.

- Нет, это не так.

- Клара, - теперь её голос становиться более раздраженным. – Если я не рассказываю тебе что-то, то это только ради твоей же безопасности.

- Но это бессмысленно. Как незнание может защитить меня?

- Что еще Анжела рассказала тебе?

- Ничего.

Я отправилась в свою комнату. Громко хлопнув дверью, я сняла пальто и бросила его на кровать, пытаясь при этом побороть желание закричать или заплакать, точнее, сразу оба. Затем я подошла к зеркалу и вызвала свои крылья, собрав их перед собой, чтобы лучше разглядеть перья и понять какого они все-таки оттенка. Они белые, решила я, проведя по ним рукой. Не такие конечно, как свежеснеженный снег, но все еще белые. Хотя и не такие белые как у Анжелы.

Я слышу, как мама идет по коридору, останавливаясь у моей двери. Я жду стука в дверь, или хотя бы когда она просто войдет и скажет, что не хочет, чтобы я продолжала общаться с Анжелой ради моей собственной безопасности. Но она этого не делает. Она просто стоит возле двери в течение минуты, а затем я слышу, как удаляется звук её шагов.

Я жду некоторое время, чтобы убедиться, что мама благополучно ушла, а затем тайком пробираюсь по коридору в комнату Джеффри. Он сидит за столом с ноутбуком, и судя по стуку клавиш, с кем-то общается. Заметив меня, он очень быстро что-то допечатывает и оборачивается лицом ко мне. Я делаю звук музыки тише, чтобы можно было собраться с мыслями.

- Надеюсь, ты сказал ей, что сейчас вернешься? – спросила я с усмешкой. – Кстати, как её зовут? Только не стоит все это отрицать. Будет очень неловко для тебя же, если я начну расспрашивать об этом в школе.

- Кимбер, - сразу же признался он. – Её зовут Кимберли.

Выражения его лица остается нейтральным, но я уже вижу намек на румянец.

- Милое имя. Блондинка, я полагаю?

- Ты пришла сюда не для того, чтобы издеваться надо мной, верно?

- Хоть это и очень весело, но ты прав. Я хочу рассказать тебе кое-что.

Отодвинув со стула кучу грязного белья, я села. Мое дыхание перехватило на секунду. Оказывается, не так-то просто нарушать мамино правило, гласившее: «не рассказать ничего своим детям». Но я устала жить во мраке. Я устала от такой жизни, от всего этого, от своей дрянной жизни и людей в ней. В общем, мне нужно высказаться.

- Анжела Зербино – кровный ангел, - сказала я.

Он заморгал.

- Кто?

- Она молоденькая, высокая, с длинными темными волосами, похожа на Эмо, и у неё золотистые глаза. Одиночка.

Он задумчиво смотрел в потолок, словно пытаясь спроектировать образ Анжелы.

- Как ты узнала, что она кровный ангел?

- Она рассказала мне. Но ты задаешь не совсем правильный вопрос, Джеффри.

- В смысле?

- Тебе следовало бы спросить, *почему* Анжела Зербино рассказала мне о том, что она кровный ангел. И если бы ты спросил меня об этом, я бы тебе сказала, что она сделала это, потому что знала о том, что я кровный ангел.

- А? Но как она узнала, что ты ангел по крови?

- Видишь, сейчас ты задаешь верный вопрос. – Сказала я, наклоняясь вперед. – Она знала это, потому что видела, как ты одержал победу над всей командой на прошлой неделе. Она видела, как ты обыграл Тоби Джеймсона, который весит фунтов 200²⁵, не прилагая особых усилий. И она сказала себе, вот это да, такой хороший борец может быть только *ангелом*.

Его лицо побледнело. Мне это принесло каплю удовлетворения. Конечно, я умолчала о некоторых других деталях, как например, птицы и случай в классе французского, а также о том, как я паялилась на её футболку с ангелом, с легкостью попадая в её ловушку. Но ведь именно Джеффри был основой всего. Она поняла, что мы нечто большее, чем просто люди именно после того, как увидела его на матах в тот день.

- Ты рассказала маме? – Он слегка позеленел от этой мысли, потому что расскажи я об этом маме, и не было б больше борьбы, или бейсбола весной, футбола осень и всего того, о чем он еще мечтал. Вероятно, он был бы наказан до поступления в колледж.

- Нет, - ответила я, - хотя она начнет задавать правильные вопросы рано или поздно.

Хотя это странно, особенно если учесть, что она могла уже спросить об этом, но не спросила. Может быть, её источник рассказал ей и об этом тоже.

- Ты собираешься рассказать ей? – спросил он настолько тихо, что я едва расслышала его сквозь музыку. Выражение его лица было действительно жалким, и если еще несколько минут назад я была зла на него, то теперь мне было жаль его.

- Нет. Я просто хотела рассказать тебе. Не знаю зачем. Просто хотела, чтоб ты знал.

- Спасибо, - сказал он, издавая короткий смешок. – Я думаю.

- Не за что, правда, не за что.

Я встаю, чтобы уйти.

- Я чувствую себя лжецом, - признался он затем. – Все эти ленты, медали и трофеи, которые я выиграл в Калифорнии, ничего не значат. У меня такое ощущение, будто я принимаю допинг, сам того не осознавая.

Я прекрасно понимаю, о чем он говорит. Именно поэтому я бросила балет, даже не смотря на то, что очень его любила. Именно поэтому, я никогда не буду заниматься им в Джексон Холл. Я чувствовала себя врушкой, с легкостью делая то, ради чего другим девушкам приходится усердно

²⁵ Примерно 91 килограмм

работать. Было нечестно по отношению к ним, на мой взгляд, иметь такое огромное преимущество. Поэтому я просто ушла.

- Но если я сдерживаю себя, то чувствую себя подделкой, - сказал Джеффри, - что еще хуже.

- Я знаю.

- Я не буду делать этого, - сказал он. Я взглянула в его смертельно-серьезные, серые глаза. Он сглатывает, продолжая удерживать мой взгляд. - Я не буду сдерживать себя. Я не хочу претворяться тем, кем не являюсь.

- Даже если это поставит в опасность? – спрашиваю я, смотря мимо.

- Опасность? Анжела Зербино опасна?

Вот он, тот момент, когда я должна рассказать ему о Черных Крыльях. Существуют плохие ангелы, которые охотятся на нас, а может даже и хотят нас убить. Существуют оттенки серого, о которых мы даже не знали, и еще кое-что, о чем мне следует ему рассказать, но его глаза умоляли меня не лезть к нему больше со всем этим.

Мама рассказывала нам о том, что мы особенные, но не забыла ли она упомянуть, что этот «дар» вовлечет нас в противостояние ангелов, по отношению к которым у нас есть обязательства? Может, я не хочу больше принимать в этом участие. Может, я не хочу, чтобы меня заметили, не хочу летать, разговаривать на таинственном ангельском языке, спасти мир или, для начала, одного чертовски сексуального парня. Я просто хочу быть человеком.

- Будь осторожнее, хорошо? – говорю я Джеффри.

- Хорошо, - отвечает он, а затем добавляет, - Спасибо... Знаешь, иногда ты бываешь очень хорошей.

- Вспомни это в следующий раз, когда будешь вытаскивать меня из постели в пять часов утра, - сказала я устало. – И кстати, не забудь передать Кимбер привет от меня.

Затем я пошла в свою комнату и, не в состоянии уснуть, долго лежала в темноте, не переставая прокручивать в голове снова и снова всего лишь два слова – «Черное Крыло».

ГЛАВА 8. МОЙ УРОВЕНЬ – СИНИЙ КВАДРАТ

(Переводчик: lialilia; Редактор: [unreal])

Сегодня утром солнце такое яркое, что кажется, будто я стою на замерзшем облаке. Я на вершине склона, называющегося «Бескрайний». Его уровень – два синих квадрата, то есть тяжелее, чем зеленый круг, но не дотягивает до черного бриллианта. И я здесь. Долина внизу настолько белая и безмятежная, что с трудом верится, что идет уже первая неделя марта.

Я поправляю защитные очки, беру лыжные палки и чуть нагибаюсь вперед в своих ботинках, чтобы проверить прочность креплений. Все в порядке. Я бросаю свое тело вниз по склону. Холодный ветер впивается в открытые части тела, но я ухмыляюсь как безумная. Это просто чудесно, чувство наиболее близкое к полету. Я почти ощущаю свои крылья в такие моменты, но они, конечно, не видны. На одной стороне трассы установлены могулы, и я пробую проехать по ним, поднимаясь вверх и снова опускаясь вниз. При этом я ощущаю силу моих колен, ног. Я довольно хороша на могулах²⁶. И я люблю снежную пудру, из-за которой кажется, что я лечу сквозь облако, оседающую на моих коленях белым пушистым снегом и разлетающуюся позади, когда я проезжаю дальше. Мне нравится проходить трассу первой ранним утром, после снегопада, это позволяет мне прочертить собственную тропу через свежую пудру.

Я действительно полюбила лыжи. Очень жаль, ведь сезон скоро закончится.

«Бескрайний» приводит меня прямо к «Южному пути» - дороге, которая идет вдоль горы почти горизонтально. Я устанавливаю лыжи прямо и отталкиваюсь, набирая скорость, пробираясь сквозь деревья. Где-то позади поют птицы, но пение затихает, когда я проезжаю мимо. Тропа открывается на

²⁶ **Могул** — вид лыжного фристайла, состоит в катании на горных лыжах по бугристому склону (по буграм, или могулам) и выполнении прыжков на трамплинах.

Перевод «Неземной» подготовлен специально для сайта <http://fallenarchangel.ru>
еще один ухоженный склон - «Вернер», один из моих любимых, и я останавливаюсь на его краю. Люди устанавливают на склоне ворота для гигантского слалома²⁷. Сегодня будут соревнования.

Что означает, что Кристиан тоже будет здесь.

- Во сколько соревнования? – спрашиваю у одного из парней, проходящих мимо.

- Ровно в полдень, - отвечает он.

Я смотрю на часы. До одиннадцати еще несколько минут. Я должна перекусить, взять складной стул и отправиться на вершину «Вернера» смотреть гонку.

В лодже²⁸ я замечаю Такера Эвери, обедающего с девушкой. Это что-то новое. Этой зимой я почти каждые выходные провожу в Тетон Виледж (спасибо маме, которая не против платить невероятно высокие взносы клубу), и почти каждый раз я вижу Такера, примерно в полдень, после того, как он закончит свои занятия на склоне для новичков. Не то чтобы я натываюсь на него по всей горе. Он больше предпочитает кататься по непересеченной местности, вне проложенных трасс. Я еще не пробовала кататься так, для этого, как минимум, требуется напарник, так, чтобы если с одним из вас произойдет что-нибудь ужасное, другой мог прийти на помощь. Я не любительница экстрима – моя цель всего лишь уровень черного бриллианта, ничего особенного. Тетон Виледж – забавное место, со всеми этими знаками, напоминающими на каждом шагу, что *«Эта гора – то, с чем вы никогда раньше не сталкивались»* и если вы не знаете, что делать, то *«Вы можете умереть»*. На непересеченной местности указатели предупреждают, что *«Здесь начинается зона повышенного риска, с неограниченным количеством опасностей, лавин, скал и прочих скрытых препятствий. Вам придется заплатить спасательной команде»* и я думаю, что нет, спасибо. Я выбираю жизнь.

Может эта девушка и есть партнер Такера по лыжам? Я делаю несколько шагов в сторону, чтобы увидеть ее лицо. Это Ава Петерс. Она в моем классе по химии, определенно привлекательная, с большой грудью и суперсветлыми, почти белыми волосами. Ее отец – владелец рафтинг²⁹-компаний. Мне удивительно видеть Такера с одной из популярных девчонок, при том, что он определенно не из богатеньких. Но в школе я заметила, что он один из тех парней, которые могут найти общий язык с каждым. Со всеми кроме меня, если быть точной.

Глаза Авы чересчур сильно накрашены. Я спрашиваю себя, нравится ли ему это.

Он переводит взгляд на меня и ухмыляется до того, как я успеваю отвести глаза. Я ухмыляюсь в ответ, потом пытаюсь подойти к буфету. Но идти в лыжных ботинках почти невозможно.

Я стою с несколькими другими зрителями на краю «Вернера» и смотрю, как Кристиан проходит ворота, иногда задевая их своим плечом, проезжая мимо. Это грациозно, то, как он наклоняется перед воротами, его лыжи становятся на край, а его колени почти задевают снег. Его движения такие аккуратные, продуманные. Его губы сжаты, он предельно сконцентрирован.

После того, как Кристиан врывается через финишную линию, я пробираюсь к нему походкой, слегка напоминающей пингвинью, туда, где он наблюдает за спуском других участников, чтобы поздороваться.

- Ты выиграл? – спрашиваю я.

- Я всегда выиграю. Кроме тех случаев, когда проигрываю. Кажется, это как раз один из них, – он пожимает плечами, будто не беспокоится на этот счет, но по его лицу я могу сказать, что он недоволен своим выступлением.

- Для меня ты выглядел хорошо. В смысле, быстро.

- Спасибо, - говорит он. Кристиан снимает номер, закрепленный на его груди – 9. Это заставляет меня вспомнить о 99СХ, номере его машины.

- Ты тренируешься для Олимпиады?

Он покачал головой. – Я в команде по лыжам, не в клубе.

Должно быть, я выгляжу удивленной, потому что он улыбается и поясняет - Команда – это официальная сборная школы по лыжам, и она соревнуется только против других школ Вайоминга.

²⁷ **Слалом** - одиночный скоростной спуск по фигурной трассе, обозначенной попеременно воротами красного и синего цвета, с их обязательным прохождением.

²⁸ **Лоджи** - специальные места для проживания туристов, оборудованные на лоне дикой природы.

²⁹ **Рафтинг** — спортивный или туристический сплав по бурным рекам.

Лыжный клуб, куда ходят лучшие, это лыжники, у которых есть спонсоры, национальное признание и все такое.

- Ты не хочешь выигрывать золотые медали?

- Я был в клубе, некоторое время. Но для меня это немного чересчур. Слишком большое давление. Я не хочу быть профессиональным лыжником. Просто люблю кататься. Люблю гонки, – внезапно он ухмыляется. – К скорости быстро привыкаешь.

Да это так, улыбаюсь я. – А я все еще пытаюсь съехать со склона не по частям.

- Как продвигаешься?

- Лучше с каждым днем.

- Скоро будешь готова для участия в гонках.

- Да, и тогда тебе нужно будет держать ухо востро.

Он смеется. – Я уверен, что ты меня сделаешь.

- Точно.

Он оглядывается по сторонам, словно ждет, что к нам кто-то присоединится. Это заставляет меня нервничать, будто в любой момент Кей может материализоваться прямо из прозрачного воздуха и сказать мне, чтобы я отвалила от ее парня.

- Кей тоже катается на лыжах? – спрашиваю я.

Он коротко смеется. – Нет, она сидит в лодже, если вообще приезжает сюда. Она умеет кататься, но говорит, что слишком замерзает. Она ненавидит лыжный сезон, потому что во время выходных я не могу проводить с ней много времени.

- Очень жаль.

Он снова смотрит по сторонам.

- Да, - отвечает он.

- Кей в моем классе по английскому. Она почти никогда не говорит. Мне даже интересно, читает ли она вообще все эти книги.

Окей, видимо, мой язык вообще не связан с моим мозгом. Я смотрю на его лицо, чтобы понять, обидела ли его. Но он снова смеется, дольше и теплее на этот раз.

- Она устаивает занятия чести своим посещением, только чтобы было, что написать в заявлении в колледж, но книги точно не по ее части, - говорит он.

Не хочу думать о том, что может быть по ее части. Я вообще не хочу думать о Кей, но сейчас, когда мы говорим о ней, мне становится любопытно.

- Когда вы с Кей начали встречаться?

- Осенью, в десятом классе, - отвечает он. – Она - чирлидер, а я в то время был в футбольной команде, и на одной из домашних игр, она получила травму, выполняя «Либерти твист». Кажется, это так называется – обычно про это рассказывает Кей. Она упала и повредила лодыжку.

- Дай мне угадать. Ты унес ее с поля. И потом вы жили долго и счастливо?

Он отводит взгляд, смущенный. – Что-то вроде того, - отвечает он.

И между нами снова неловкая тишина, как по заказу.

- Кей кажется... - я хочу сказать «милой», но не думаю что смогу произнести такое. – Кажется, будто она серьезно в тебя влюблена.

Он ничего не говорит целую минуту, просто смотрит на склон, по которому кто-то съезжает вниз на сноуборде.

- Да, - говорит он задумчиво, будто отвечает в большей степени себе самому, чем мне. – Она хороший человек.

- Здорово, - заключаю я. Я не хочу думать о Кей как о хорошем человеке. Я чувствую себя совершенно комфортно, представляя ее в образе злобной ведьмы.

Он неловко кашляет, и я понимаю, что уставилась на него своими большими совиными глазами. Я краснею и перевожу взгляд на холм, где сноубордист пересекает финишную черту.

- Отличный спуск! – кричит Кристиан. – Отпадно!

- Спасибо, друг, - кричит в ответ сноубордист. Он снимает защитные очки. Это Шон Девидсон, сноубордист Шон, парень из «Пицца Хат», который назвал меня Бозо. Он смотрит на меня, на Кристиана и снова на меня. Я ощущаю его взгляд на себе, как луч прожектора.

- Я лучше пойду, - говорит Кристиан. – Гонка закончилась. Тренер захочет встретиться с нами в домике, посмотреть видео с выступления и типа того.

- Окей, - говорю я. – Было приятно...

Но он уже отвернулся, направляется вниз по холму, снова оставив меня в одиночку спускаться с горы.

В конце марта заклятие зимы разрушилось, и снег в долине растаял всего за два дня. Наши леса наполнились всполохами красных и бардовых полевых цветов. На соснах пробились яркие зеленые листья. Почва, которая была тихой и нетронутой всю зиму, наполнилась цветом и шумом. Мне нравилось стоять на нашем заднем дворе и слушать, как ветерок шевелит листья деревьев, заставляя их шептать что-то в едином ритме, как ручей, протекающий по границе наших земель, счастливо булькает, как поют птицы (и иногда преследуют меня), как верещат бурундуки. Воздух пах цветами и согретой солнцем сосной. Горы позади дома все еще были покрыты снегом, но весна определенно уже началась.

С весной вернулись и видения, во всей своей силе. Всю зиму покалывание в моей голове было тихим, на самом деле, видения приходили ко мне только дважды с моего первого дня в школе, когда я увидела Кристиана в коридоре. Я думала, что свыше мне дарован небольшой отпуск, но кажется, он закончился. Однажды утром я была на полпути к школе, когда неожиданно – бух! – и снова оказалась в знакомом лесу, среди деревьев и с Кристианом, стоящим передо мной.

Я позвала его по имени. Он обернулся, его глаза – зелень и золото в неверном полуденном свете.

- Это ты, - сказал он хрипло.

- Это я, - ответила я. – Я здесь.

- Клара!

Я моргнула. Первое, что я увидела, - рука Джеффри на руле «Приуса». Моя стопа все еще легко давила на газ. Машина медленно съезжала на обочину дороги.

- Прости...- выдохнула я и немедленно припарковалась. – Джеффри, мне так жаль.

- Все нормально, - прошептал он. – Снова видение, да?

- Да.

- Ты же не можешь контролировать, когда им случаться.

- Да, но не хотелось бы, чтобы они происходили тогда, когда могут убить меня. Что, если бы мы врезались? Немного слишком для видения, не так ли?

- Но ведь не врезались, - говорит он. – Я был здесь.

- Слава Богу.

Он озорно улыбнулся. – То есть это значит, что я везу нас всю оставшуюся дорогу?

Когда я рассказала маме, что видения вернулись, она снова начала говорить о том, что мне пора учиться летать, используя при этом слово «тренировки» так часто, что наш дом, казалось, превратился в лагерь для новобранцев. Всю зиму у нее было меланхоличное настроение, она проводила почти все время в своем кабинете за закрытыми дверями, пила чай, завернувшись в стеганое одеяло. Каждый раз, когда я стучалась к ней или высовывала свою голову, она награждала меня напряженным взглядом, будто не хотела, чтобы ее беспокоили. И, честно говоря, я избегала ее с момента моей первой встречи с Анжелой, когда стало ясно, что мама намеренно держала меня в неведении. Я провела множество дней в «Розовой подвязке» с Анжелой, которая маме не нравилась, но поскольку технически наши встречи были связаны с учебой (мы работали над нашим проектом по королеве Елизавете), она не могла их запретить. А выходные я проводила на лыжных склонах. Которые, как я доказывала, были связаны с Кристианом, а значит и предназначением. Так что, технически, это можно рассматривать как тренировки, верно?

Венди использовала теплую погоду, как возможность убедить меня научиться ездить верхом. Так что в итоге я обнаружила себя сидящей на спине черно-белой кобылы Сесси. Венди сказала, что Сесси – хорошая лошадь для новичка, потому что ей почти тридцать лет и она ничуть не строптивая. Неплохо, хотя я и так чувствовала себя вполне комфортно в седле, будто ездил верхом всю свою жизнь.

- Ты правда здорово справляешься, - говорила Венди, наблюдая за мной с ограды, пока я медленно объезжала на лошади вокруг пастбища. – Ты прирожденная наездница.

Сесси подняла уши. Вдали я увидела двух мужчин верхом, галопирующих перед большим красным амбаром в конце поля. Звук их смеха плыл к нам через все пастбище.

- Это папа и Такер, - сказала Венди. – Скоро будет готов ужин. Лучше завести Сесси внутрь.

Я осторожно прищипорила Сесси и направила ее к амбару.

- Привет! – поприветствовал меня мистер Эвери, когда мы подъехали ближе. – Хорошо справляешься.

- Спасибо. Я Клара.

- Я знаю, - ответил мистер Эвери. Он выглядел совсем как Такер. - Венди уже несколько месяцев безостановочно говорит о тебе, – он ухмыльнулся, что сделало его еще больше похожим на Такера.

- Папа, - пробормотала Венди. Она подошла к лошади и погладила ее морду.

- О Господи, – рассмеялся Такер. - Ты катаешься на старой Сесси.

Я пообещала себе, что сегодня буду вести себя с Такером нормально, ради блага Венди, не важно, что бы он не сказал мне. Никаких грубых ответов. Я собираюсь показать свое лучшее поведение.

- Мне она нравится, - я наклонилась вперед и погладила шею Сесси.

- На эту лошадь мы сажаем маленьких детей.

- Такер, заткнись, - говорит Венди.

- Но это правда. Она не скакала быстрее, чем улитка вот уже пять лет. Сидеть на ней все равно, что сидеть в кресле.

Что ж, мы покажем ему.

- Хорошая девочка, - говорю я Сесси, очень тихо, на ангельском. Ее уши поворачиваются, чтобы услышать мой голос. – Беги, - шепчу я.

Я удивлена, как быстро она послушалась. Через несколько секунд мы уже мчимся галопом, направляясь к дальнему краю пастбища. На мгновения весь остальной мир замедляется. Горы на заднем плане мерцают персиково-желтым светом заходящего солнца. Я наслаждаюсь холодным весенним воздухом, ласкающим мою кожу, сильной запыленной лошадей подо мной, ее ногами, вытягивающимися вперед, звуками ее вдохов и выдохов, пахнущим сеном дыханием. Это чудесно.

Затем порыв ветра бросает волосы мне в лицо, и на какое-то пугающее мгновение я ничего не вижу, и все происходит слишком быстро. Я представляю, как лошадь сбрасывает меня, и я приземляюсь лицом в кучу навоза. А Такер сгибается от смеха. Я решительно встряхиваю голову, и волосы больше не закрывают глаза. Мое дыхание прерывается. Перед нами изгородь, а Сесси не показывает никаких признаков того, что собирается остановиться.

- Ты можешь перепрыгнуть через нее? – спрашиваю я Сесси, все еще шепотом. Она ведь довольно старая лошадь.

Я чувствую, как она напрягается подо мной. Я произношу краткую молитву и наклоняюсь к ее шее. И вот мы в воздухе, чуть не задев ограду. Мы приземляемся с такой силой, что мои зубы больно клацают друг о друга. Я разворачиваю лошадь к амбару, чуть натягивая поводья, чтобы притормозить ее. Я подъезжаю к Такеру, Венди и мистеру Эвери, которые смотрят на меня, раскрыв рты.

Вот здесь и пригодиться мое лучшее поведение.

- Тпру, - я натягиваю поводья, пока Сесси не останавливается.

- Ради всего святого! – выдыхает Венди. – Что это было?

- Я не знаю, – я выдавливаю смешок. – Думаю, главным образом, это идея Сесси.

- Это было волшебство!

- Думаю, в ней еще есть немного огня, даже после стольких лет, - я триумфально смотрю на Такера. И в первый раз ему нечего ответить.

- Что-то в ней действительно есть, - говорит мистер Эвери. – Я и не знал, что наша старушка способна на такое.

- Как долго ты катаешься верхом? – спрашивает Такер.

- Это ее первый раз, правда здорово? – говорит Венди. – Она прирожденная наездница.

- Верно, - отвечает Такер, твердо встречая мой взгляд. – Прирожденная.

- Так ты еще не пригласила Джейсона Ловетта на танцы? – спрашиваю я Венди, когда через несколько минут мы отводим Сесси в амбар.
- Она немедленно становится цвета морковки. – Это танцы, - говорит она обманчиво невозмутимым голосом. – Он должен пригласить меня, разве нет?
- Все знают, что он застенчивый. Он, вероятно, поражен твоей потрясающей красотой. Так что ты должна пригласить его.
- А может быть, у него есть подружка, дома, в Калифорнии.
- Отношения на большом расстоянии. Они обречены на провал. В любом случае, ты не можешь знать наверняка. Пригласи его. Тогда и узнаешь.
- Я не знаю...
- Ну, давай. Ты ему нравишься. Он глаз с тебя не сводит на всех уроках английского. И я знаю, что тебе он нравится тоже. И вообще что ты имеешь против калифорнийцев?
- Минуту все тихо, и единственный звук – громкое дыхание лошади.
- А что происходит между тобой и моим братом? – спрашивает Венди. Абсолютно неожиданно.
- Твоим братом? Что ты имеешь в виду - происходит?
- Выглядит так, будто между вами что-то есть.
- Ты шутишь, правда? Мы терпеть друг друга не можем, ты же знаешь.
- Но он тебе нравится, разве нет?
- Моя челюсть отпадает. – Нет, мне ...- я останавливаю себя.
- Тебе нравится Кристиан Прескотт, - заканчивает она, выгибая бровь. – Да, я знаю. Но он же как божество. Ты можешь поклоняться богам, но не встречаться с ними. На таких парней ты просто смотришь издали.
- Я не знаю, что сказать. – Венди...
- Пойми, я не подталкиваю тебя к своему брату. Это для меня тоже странно, честно говоря, что моя лучшая подруга встречается с моим братом. Но хочу сказать тебе, если тебе интересно, что я отнесусь к этому нормально. Смогу принять этим. Если ты хочешь встречаться с ним...
- Но я даже не нравлюсь Такеру... - заикаюсь я.
- Ты ему нравишься.
- Ты шутишь, наверное.
- В начальной школе разве ни один мальчишка не щипал тебя за руки?
- Такер в старшей школе.
- Поверь, он все еще в начальной, - отвечает она.
- Я уставилась на нее. – То есть ты хочешь сказать, что Такер ведет себя как придурок, потому что я ему нравлюсь?
- Очень похоже.
- Не может быть.
- Я недоуменно трясую головой.
- Ты никогда не думала об этом?
- Нет!
- Хм...- говорит она. – Я не буду стоять на вашем пути и все такое.
- Мое сердце бешено бьется. Я сглатываю. – Венди, мне не нравится твой брат... Не в этом смысле. И ни в каком смысле, честно говоря. Без обид.
- Без проблем, - она привычно пожимает плечами. – Просто хочу, чтобы ты знала, что я нормально отнесусь к этому, тебе и Такеру, если вы когда-нибудь будете вместе.
- Никаких меня и Такера нет, ок? Поговори о чем-нибудь другом?
- Конечно, - отвечает она, но по ее взгляду понимаю, что она может еще многое сказать на эту тему.

ГЛАВА 9. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЕВА!

(Переводчик: Inmaneable; Редактор: [unreal])

- Можно я одену это сама? - спрашиваю я.
- Одень то, что сможешь, - отвечает Анжела, - и я помогу с остальным.

Я смотрю на платье и на все его многочисленные детали, которое висит на вешалке в раздевалке «Розовой подвески».

Оно выглядит очень сложным. Может нам с Анжелой следовало все-таки сделать проект по Монс.

- Как долго я буду носить это завтра? - говорю я, подтянув шелковые чулки и связав их лентой под коленом.

- Не долго, - отвечает Анжела. - Я помогу тебе правильно его надеть перед показом, а затем ты его будешь носить в течение всей презентации.

- Просто знай, это может убить меня. Мне, возможно, придется пожертвовать жизнью ради тебя, чтобы ты просто получила хорошую оценку за этот проект.

- Какая ты благородная, - говорит она.

У меня возникает трудность с корсетом и длинными сумасшедшими нижними юбками. Затем я беру вешалку с платьем и иду на сцену.

- Думаю, мне нужно одеть сначала корсет, а потом все остальное, - говорю я.

Она вскакивает, чтобы помочь мне. Вот одна черта Анжелы: она ничего не делает наполовину. Она затягивает шнурки.

- Не так сильно! Мне все еще нужно дышать, помнишь?

- Хватит ныть. Тебе повезло, что мы смогли найти настоящий ус для него.

К тому времени, как она одевает мне верхнее платье, я чувствую, что на мне все вещи, которые смогли найти в «Подвязке».

Анжела ходит вокруг меня и поправляет платье, чтобы быть уверенной, что все правильно. Она делает шаг назад.

- Вау, это хорошо. С макияжем и укладкой, ты будешь выглядеть так же как королева Элизабет.

- Великолепно, - говорю я без энтузиазма. - Я буду выглядеть, как бледнолицая шлюха.

- О, я забыла воротники!

Она прыгает со сцены и бежит к картонной коробке на полу. Она достает оттуда жесткий круглый воротник, который выглядит так же, как те, которые надевают на собак, чтобы они не лизали себя. И еще два для запястий.

- Никто ничего не говорил о воротниках, - говорю я, отступая назад.

Она подбегает ко мне. Ее крылья раскрываются со вспышкой и взмахивают пару раз, легко неся ее по сцене, а затем исчезают.

- Позёр.

- Не дергайся, - она делает финальную сборку на конце моего рукава. - Моя мама гений.

Как будто по команде Анна Зербино выходит из коридора с кипой столового белья. Она останавливается в проходе, когда видит меня.

- Это подходит, - говорит она, ее скучные темные глаза осматривают меня сверху вниз.

- Это великолепно, - говорю я. - Спасибо тебе за всю эту трудную работу.

Она кивает.

- Ужин готов. Лазанья.

- Хорошо, мы закончили с примеркой, - говорю я Анжеле. - Сними с меня все.

- Не так быстро, - шепчет Анжела, глядя на маму через плечо. - Мы еще не провели наше исследование.

Она так предсказуема. Всегда с исследованиями ангелов.

- Да, ладно, - шепчу я в ответ. - Лазанья.

- Мы придем, мам, - говорит Анжела. Она делает вид, что возится с моим воротником, пока ее мама не покидает театр. Как только снова мы остались одни, она говорит - Я поняла что-то хорошее, хотя.

- Что?

- Ангелы, - я имею в виду, чистокровные ангелы, - все мужчины.

Мужчины?

- Среди Интэнджа нет женщин.

- Интересно. А теперь помоги мне вылезти из этого платья.

- Но я думаю, что ангел может стать женщиной, если захочет. Я верю, что они могут изменить форму, как оборотни, - говорит она, и ее золотые глаза двигаются с волнением.

- Так что они могут стать кошками, птицами или кем-то другим.
- Да, но не более того, - говорит она. - У меня есть другая теория.
- О, пошло-поехало, - из меня вырвался стон.
- Я думаю, что все истории о таких сверхъестественных созданиях, как вампиры, веровольфы, приведения, русалки, инопланетяне, как ты их называешь, могут быть придуманы ангелами.
- Люди не знают, что они видят, но это может быть ангел в другой форме.
- У Ангелы есть некоторые дикие теории, но они всегда сыроваты, чтобы их рассматривать.
- Потрясающе, - говорю я. - А теперь пошли есть.
- Подожди, - говорит она. - Я обнаружила кое-что о твоих волосах.
- Моих волосах?
- Свечение, о котором ты мне рассказывала. - Она подошла к столу, взяла тетрадь, но потом передумала. - Это называется «Небесный волос». Римляне использовали эту фразу, чтобы описывать «ослепительные лучи света, исходящие от волос на голове, в знак небесного существа».
- Это ты нашла в интернете? - спрашиваю я с оглушающим смехом. Она кивает. Обычно Ангела подбирает крупницы информации, которую я ей даю, и превращает их в золотое дно.
- Мне жаль, что это случится со мной, - говорит она, накручивая прядь своих блестящих черных волос на палец. - Бьюсь об заклад, это ужасно.
- Это обескураживающе, окей? И тебе придется покрасить свои волосы.
- Она пожала плечами, как будто для нее это не так уж и плохо.
- Так что же у тебя есть для меня на этой неделе? - спрашивает она.
- Что насчет представления о назначении? - Это джек-пот, который я, вероятно, должна была получить еще раньше, только я не особенно хочу говорить о назначении, потому что затем я должна буду говорить о себе. Но сейчас я буквально рассказываю ей все, что я знаю. Я даже достаю дневник ангела и показываю ей свои старые заметки. В тайне я надеюсь, что она, со своей безграничной мудростью, уже все знает о назначении.
- Определение назначения, - говорит она.
- Но не тут-то было.
- Во-первых, вытащи меня из этого, - я показываю на платье.
- Она быстро двигается вокруг меня, освобождая и разъединяя всю шнуровку и ленты. После чего я пошла в раздевалку, чтобы переодеться в свою нормальную одежду.
- Когда я возвращаюсь, она сидит за столом, постукивая карандашом по своей тетрадке.
- Хорошо, - говорит она. - Расскажи мне.
- Я сажусь напротив нее.
- Каждый ангел крови имеет назначение на земле. Обычно оно приходит в виде видения.
- Она яростно строчит в свою тетрадь.
- Когда ты видишь это видение? - спрашивает она.
- Всегда по-разному, но обычно это где-то между двенадцатью и тринадцатью. Это происходит после того, как начинают проявляться способности. Я получила свое только в прошлом году.
- И ты получила только одно назначение?
- Насколько я знаю. Мама всегда говорит, что это единственная вещь, которую я должна сделать на этой земле.
- А что произойдет, если ты этого не сделаешь?
- Я не знаю, - говорю я.
- А что произойдет после его завершения? Ты продолжишь жить нормальной, счастливой жизнью?
- Я не знаю, - вновь говорю я. Оказывается я совсем не эксперт, - Мама ничего мне не рассказывает.
- А ты? - спрашивает он, продолжая писать.
- Он смотрит на меня, когда я ничего не говорю, с выражением «О, это должно быть тайной?»
- Я не знаю. Это личное.
- Хорошо, - говорит она. - Ты не должна рассказывать мне это.
- Но я хочу. Я хочу поговорить об этом с кем-то еще кроме своей мамы.
- Речь идет о Кристиане Прескотт.
- Она кладет свой карандаш с таким удивлением на лице, что я почти смеюсь.

- Кристиан Прескотт? - повторяет она, как будто я собираюсь поразить ее глупой шуткой.
- Я вижу лесной пожар, а затем Кристиана, стоящего в деревьях. Думаю, я должна спасти его.
- Вау.
- Я знаю.

Она помолчала минуту.

- Вот почему ты переехала сюда? - наконец спрашивает она.
- Да. Я увидела Кристиана в своем видении и прочитала номерной знак. Так мы узнали, что приедем сюда.

- Вау.
- Прекрати повторять это.
- Когда это должно произойти?
- Если бы я знала. Все, что я знаю, это то, что это будет когда-то во время пожароопасного сезона.

- Неудивительно, что ты так им одержима.
- Анж!
- О, да ладно. Ты пожираешь его глазами на всей истории Британии. Я думала, ты просто в восторге, так же как и остальные в школе. Я рада, что ты нашла хорошую причину.

- Хорошо, хватит разговоров об ангелах,- говорю я, вставая и направляясь к двери. Я уверена, что покраснела в этот момент. - Наша лазанья остывает.

- Но ты не спрашиваешь меня о моем назначении, - говорит она.

Я остановилась.

- Ты знаешь свое назначение?

- Ну, до сих пор я не знала свое назначение. Но снова и снова, последние три года, меня посещает один и тот же сон.

- И о чём он? Не возражаешь, если я спрошу.

Она вдруг стала серьезной.

- Нет, все в порядке, - говорит она. - Большой двор, и я быстро по нему иду, почти бегу, как будто опаздываю. Вокруг много людей с рюкзаками и чашками кофе, так что я думаю, что это кампус колледжа или что-то подобное. Время ближе к полудню. Я пробежала через множество каменных ступеней, а наверху стоит человек в сером костюме. Я кладу свою руку ему на плечо, и он поворачивается.

Она замолкает, глядя в никуда, но проигрывая это в голове.

- И? - подсказываю я.

Она неловко взглянула на меня.

- Я не знаю. Думаю, я должна оставить сообщение ему. Есть слова, есть вещи, о которых я должна рассказать, но я не могу вспомнить их.

- Они придут к тебе, когда придет время, - говорю я.

Я говорю так же, как моя мама.

Чтобы утешить Анжелу, я думаю о том, как приготовлюсь ко сну этой ночью, и это напоминает мне, что я не одна. Может быть, мне не следует чувствовать себя одинокой, потому что у меня есть мама и Джеффри, но это так, будто я единственный человек в мире, кому приходится сталкиваться с этой божественной целью. Но сейчас это не так. И Анжела, не смотря на то, что я очень хорошо ее знаю, не догадывается, что ее назначение значит намного больше, чем мое, и никакое количество исследований и теорий не помогут ей. Она просто должна ждать ответы. Зная это, мне становится лучше. Словно я не такой уж и неудачник.

- Эй, ты, - говорит мама, заглядывая в мою комнату. - Хорошо провела время с Анжелой? - Ее лицо как всегда нейтрально, когда речь заходит об Анжеле.

- Да, мы закончили проект. Завтра сдаем. Так что полагаю, мы больше не будем так много общаться, как сейчас.

- Хорошо, у нас теперь будет время для уроков полета.

- Потрясающе, - невозмутимо говорю я.

Она хмурится, - Я рада за Анжелу. - Она заходит в мою комнату и садится рядом на кровать. - Думаю, это здорово, что у тебя появился друг-ангел.

- Думаешь?

- Конечно. Будь осторожна, вот и все.

- Хорошо, потому что все знают, какой Анжела хулиган.

- Ты чувствуешь, что можешь быть рядом с Анжелой, - говорит она. - Я понимаю это. Но все ангелы разные. Не как обычные друзья. Ты никогда не знаешь, каковы их настоящие намерения.

- Не слишком ли много паранойи?

- Просто будь осторожна, - говорит она.

Она даже не знает Анжелу. Или ее назначение. Она не знает, как Анжела забавна и умна, все классные вещи, что я знаю про нее.

- Мам, - нерешительно говорю я. - Сколько времени тебе понадобилось, чтобы получить все части своего назначения? Когда ты узнала - абсолютно точно - что нужно делать?

- Я не знала. - Ее глаза на несколько секунд стали печальными, а затем выражение сменилось на защищающее и все ее тело стало жестким.

Она думает, что сказала слишком много. Она не собирается ничего больше не говорить.

Я вздохнула.

- Мам, почему ты не можешь просто рассказать мне?

- Я имею в виду, - она продолжает, не слыша моего вопроса, - что я не всегда знаю абсолютно точно. Не абсолютно. Весь процесс обычно самоочевидный.

Мы слышим взрыв музыки, когда Джеффри выходит из комнаты и топает своими огромными ногами по коридору до ванной. Когда я вновь смотрю на маму, она как обычно жизнерадостна.

- Кое-что ты должна принять на веру, - говорит она.

- Да, я знаю, - безропотно говорю я, и ком встает в горле. Я хочу задать так много вопросов, но она никогда не захочет ответить на них.

Она никогда не посвящает меня в свой тайный мир ангелов, и я не понимаю почему.

- Мне следует поспать, - говорю я. - Завтра Большая Презентация по Истории Британии.

- Все верно, - говорит она.

Она выглядит опустошенной. Фиолетовые тени под глазами. Я даже заметила несколько тонких линий в уголках глаз, которых я никогда раньше не видела.

Ей можно дать слегка за сорок, что очень хорошо, учитывая, что ей сто восемнадцать лет, но я никогда не видела ее столь изнуренной.

- Ты в порядке? - спрашиваю я, кладя свою руку на её. Кожа холодная и влажная, и это поражает меня.

- Я в порядке, - она вытягивает свою руку из-под моей. - Это была долгая неделя.

Она встает и идет к двери.

- Готова? - она тянется к выключателю.

- Да.

- Спокойной ночи, - говорит она и выключает свет.

На мгновение она задерживается в дверях, ее силуэт подсвечивает светом из коридора.

- Я люблю тебя, Клара, - говорит она. - Не забывай это, хорошо?

Мне хочется плакать. Как мы допустили такое большое расстояние между нами за столь короткий срок?

- Я тоже тебя люблю, мам.

Затем она выходит и закрывает дверь, я остаюсь в темноте одна.

- Еще один разок, - говорит Анжела. - Твои волосы такие... раздражающие!

- Я рассказывала тебе, - говорю я.

Она сбрызгивает мои волосы токсичным облаком лака для волос. Я кашляю. Когда мои глаза прекратили слезиться, я посмотрелась в зеркало.

Королева Элизабет возвращается. Она не выглядит смешно.

- Думаю, мы на самом деле могли достигнуть земли А.

- Были ли сомнения? - говорит Анжела, поправляя очки на носу. - Я занимаюсь большей частью разговоров. Ты должна просто стоять и хорошо выглядеть.

- Легко сказать, - ропчу я. - Этот наряд, должно быть, весит сто фунтов.

Она закатила глаза.

- Подожди секунду, - говорю я. - Когда ты начала носить очки? У тебя ж отличное зрение.

- Это мой костюм. Ты играешь королеву. Я играю прилежного студента. Студента, который знает все, что нужно знать про эпоху королевы Элизабет.

- Вау. Ты больна, знаешь?

- Да ладно, - говорит она. - Скоро прозвенит звонок.

Другие студенты пропускали меня, что позволило последовать за Анжелой в холл. Я пыталась улыбаться, когда на меня показывали, перешептываясь. Мы останавливаемся прямо перед дверью кабинета Британской истории.

Анжела повернулась и начинала играть с моим платьем.

- Красивые рюши, - дразнит она.

- Ты и так у меня в долгу.

- Жди здесь, - она немного нервничает. - Я позову тебя.

После того, как она заходит в класс, я остаюсь в холле, слушая и ожидая своего звездного часа. Вдруг, мое сердце забилось быстрее: я слышу, как Анжела спрашивает, а мистер Эриксон отвечает. Класс смеется, когда он что-то говорит.

Я решила понаблюдать за этим через крошечное прямоугольное окно в класс. Анжела стоит перед классом, указывая на плакат изображающий хронологию жизни королевы Элизабет, который мы состряпали на скорую руку.

Она планирует объявить меня после смерти королевы Марии. Это может произойти в любой момент, поэтому я делаю глубокий вздох и встаю так прямо, насколько позволяет мне вес платья.

Кристиан там. Я могу видеть его через окошко, сидящего в первом ряду, положив голову на руки.

У Кристиана изящный профиль.

- Так что без лишних слов, - наконец громко говорит Анжела. - Я представляю вам Ее Королевское Высочество, королеву Элизабет, первую из дома Тюдор, королеву Англии и Ирландии...

- Такер, открой дверь.

Дверь распахивается, и я вхожу, стараясь держать равновесие, как только могу. Осторожно, чтобы не спотыкнуться в таком массивном платье, я величаво прохожу перед классом и встаю рядом с Анжелой. Кажется, класс испускает коллективный вздох.

Конечно, мы не смогли полностью скопировать реальное платье с портрета Элизабет, распечатанное с Википедии. Оно инкрустировано изумрудами и рубинами и сделано из метров и метров дорогих тканей, но мама Анжелы сделала превосходную имитацию.

Платье имеет насыщенный золотистый цвет с рисунком из серебряной парчи и белую шелковую нижнюю рубашку, которая выглядывает из рукавов. Горячим клеем мы приклеили искусственный жемчуг и стекло, имитирующие драгоценные камни, по краям. Корсет утягивал меня в талии, а пышная юбка доходила до пола. Воротники на моей шее и запястьях выполнены из жесткого белого кружева и украшены искусственным жемчугом. В довершении всего мое лицо почти белое, что, как предполагается, символизирует чистоту Элизабет, с красными губами. Анжела разделила мои волосы прямым пробором посередине и свернула в сложный плетеный пучок сзади. Затем сверху возложила короноподобный головной убор, сделанный из проволоки и жемчуга, самая крошечная из которого висела посередине моего лба, и длинного куска белого бархата, который ниспадал сзади, словно вуаль невесты.

Класс смотрел на меня, словно я настоящая королева Элизабет, переместившаяся во времени. Я вдруг почувствовала себя красивой и сильной, будто по моим венам на самом деле течет королевская кровь.

Я больше не Бозо.

- Королева Мария умерла, - говорит Анжела. - Да здравствует королева Элизабет.

Теперь моя очередь. Я закрываю глаза, вдыхаю так много воздуха, сколько позволяет корсет, затем поднимаю голову и смотрю на класс, как будто теперь они мои верные подданные.

- Мои лорды! Законы природы сподвигли меня на горе по моей сестре, - говорю я лучшим британским акцентом, на который только способна. - Бремя, обрушившееся на меня, не могло не поразить меня, и, тем не менее, я создание Божье, предназначенное повиноваться Его воле, что я и буду, желая от души, делать, ведь я - Его посредник, министр Его небесной воли. И эта должность в настоящее время совершенна для меня.

Класс молчит. Я гляжу на Кристиана, который смотрит прямо на меня, как никогда раньше. Наши взгляды встречаются. Он улыбается.

Я вдруг чую запах дыма в воздухе.

Не сейчас, думаю я, как если бы я могла управлять видением. Следующая строка моей речи вылетает из головы. Я начинаю видеть очертания деревьев.

Пожалуйста, безнадежно думаю я. *Уходи*.

Не помогает. Я с Кристианом в лесу. Я смотрю в его золотистые глаза. Он так близко, так близко на этот раз, что я могу почувствовать его запах, смесь мыла и пота.

Я могла бы протянуть руку и дотронуться до него. Я хочу. Я не думаю, что когда-либо хотела чего-то так сильно в своей жизни, но чувствую зарождающееся горе во мне, такое сильное и болезненное горе, что мои глаза мгновенно наполняются слезами. Я почти забыла это горе. Я опускаю голову и вижу, что он держит меня за руку, длинные пальцы Кристиана обернуты вокруг моих. Его большой палец тянется к моим костяшкам. У меня перехватывает дыхание.

Что это значит?

Я смотрю вверх. Я снова в классе, смотрю на Кристиана. Кто-то хихикает. Мистер Эриксон выжидающе смотрит на меня. Я могу чувствовать, как волны напряжения поднимаются в Анжеле.

Она волнуется. Она хочет дать мне записки. Может быть, это не такая уж и плохая идея.

- Ваше Величество? - подсказывает мистер Эриксон.

Я вдруг вспоминаю следующую строчку.

- Мужайтесь, - быстро говорю я, не в силах оторвать взгляд от Кристиана. Он вновь улыбается мне, как будто у нас личный разговор.

- Я знаю, у меня есть тело, тело слабой женщины, - говорю я. - Но у меня есть сердце и смелость короля.

- Сюда, сюда! - говорит Анжела, ее золотые глаза вспыхивают за стеклами очков. - Да здравствует королева!

- Да здравствует королева, - повторяет мистер Эриксон, а затем и весь класс.

Я не могу удержаться от улыбки. Анжела, обрадованная, что с моей стороны все выполнено, начинает рассказывать детали правления Элизабет. Теперь мне остается просто стоять и хорошо выглядеть, как она сказала. И постараться успокоить свое сердцебиение.

- Конечно, в течение долгого времени каждый в Англии, казалось, был заинтересован в поиске правильного мужа для Элизабет, - говорит Анжела, взглянув на мистера Эриксона, будто доказывая свою точку зрения.

- Все сомневались, что она будет в состоянии сама управлять страной, но она оказалась одной из лучших и почитаемых монархов в истории. Она открыла золотой век в Англии.

- Да, но не умерла ли она девственницей? - спрашивает Такер из задней части класса.

Анжела не колеблется. Она сразу же пускает в ход свой материал о Королеве-девственнице, говоря, что Элизабет использовала образ девственницы, чтобы сделать ее статус незамужней еще более привлекательным.

Такер, стоя у задней стены, ухмыляется.

- Сэр Такер, - вдруг говорю я, прерывая Анжелу.

- Да?

- Я полагаю, правильный ответ будет, да, Ваше Величество? - говорю я надменным тоном. Я не могу дать ему издеваться надо мной перед всем классом, не так ли?

- Да, Ваше Величество, - говорит он с сарказмом.

- Будьте осторожны, сэр Такер, если не хотите оказаться в тюрьме.

Он смеется и смотрит на мистера Эриксона.

- Она не может сделать это, не так ли? Он не правитель этого класса. Это Брэди.

- Сегодня она королева, - говорит мистер Эриксон, откинувшись на спинку стула. - Я бы на твоём месте заткнулся.

- Ты можешь лишить его титула, - предлагает Брэди, не обращая внимания на то, что я захватила его трон. - Сделай его крепостным.

- Да, - говорит Кристиан. - Сделай его крепостным. Пусть побудет рабом.

Как крепостной бедный Кристиан уже был убит несколько раз в нашем классе. Кроме смерти от чумы в первый день, он умер от голода, его руки отрезали за кражу хлеба, лошадь его хозяина сбила его для удовольствия. Он похож на Кристиана V.

- Или можно совсем от него избавиться. Бросить в лондонский Тауэр. Четвертовать. Может быть, виселица. Или раскаленная клизма, - говорит мистер Эриксон, смеясь. - Вы должны восхищаться учителем, который предположил смерть от раскаленной клизмы.

- Возможно, нам надо провести голосование, - говорю я, хладнокровно смотря на Такера, вспоминая, как он хотел сжечь меня как ведьму. Сладкая месть.

- Все, кто за смерть еретика сэра Такера, поднимите руку, - быстро говорит Анжела.

Я смотрю на класс, все с поднятыми руками. Единогласно. Исключая Такера, который стоит, скрестив руки.

- Раскаленная клизма, - говорю я.

- Я отмечу, - радостно говорит мистер Эриксон.

- Теперь, когда все закончилось, - говорит Анжела, резко глядя на меня. - Позвольте рассказать вам о разгроме испанской Армады.

Я бросила торжествующий взгляд на Такера. Уголок его рта поднялся в подобии улыбки. Он кивает мне, как бы говоря, «проблемы?».

- Что это было? - шипит Анжела, когда мы сразу же пошли в туалет после занятий.

- С Такером? Я знаю! Я не могу понять его.

- Нет, где ты была в середине своей речи, оставив меня на растерзание перед всем классом.

- Извини, - говорю я. - У меня было видение. Как долго я отсутствовала?

- Около десяти секунд. Но это были очень долгие десять секунд. Я думала, что придется стукнуть тебя.

- Извини, - повторяю я. - Я все еще не могу контролировать их.

- Я знаю. Все в порядке. - Мы ворвались в женский туалет и закрылись в одной из кабинок, где Анжела расстегнула мне платье, чтобы я из него выбралась.

Она развязала корсет, и я наконец сделала глубокий вздох.

- Ты видела лесной пожар? - спрашивает она, выглядывая, чтобы убедиться, что мы одни.

- Нет, не в этот раз.

Она лукаво улыбается, протягивая мне мой свитер. - Ты видела Кристиана.

Я чувствую, как кровь приливает к щекам.

- Да, - я осторожно снимаю головной убор и предаю его Анжеле, а затем через голову снимаю рубашку.

- И как это было, смотреть на Кристиана в классе, а затем увидеть его в будущем.

- Да уж, это дико.

- Расскажи мне об этом.

Я натягиваю свои джинсы и подхожу к зеркалу, чтобы рассмотреть повреждения моих волос. - Тьфу. Мне нужен душ.

- И что случилось в будущем?

- Ничего, быстро говорю я. - Это длилось всего десять секунд, помнишь? Не было времени, чтобы что-то произошло.

Я перехожу к раковине, брызгаю на лицо, смывая белый макияж, и смотрю, как вода стекает в канализацию.

Холодная вода хорошо ощущается на моей разгоряченной коже. Анжела протягивает мне бумажное полотенце, и я стираю красную губную помаду.

Она достала из рюкзака расческу и принялась вынимать шпильки из моих волос.

- Ничего нового, да? - говорит она, ее глаза в зеркале встречаются с моими. - Нет новой части видения?

Я вздыхаю. Я могла бы сказать ей. Анжела найдет способ узнать правду так или иначе. Это было бы ничего, если бы она была не столь восприимчивой и более стойкой.

- Он... - тихо начинаю я. - Мы... держались за руки.

- Заткнись! - восклицает Анжела. - Вы, двое, ведете себя как влюбленная пара.

- Нет! - протестую я. - Я имею в виду, может быть. Я не знаю, что мы. Мы держались за руки и что? Это не обязательно что-то означает.

- О, да, - Анжела недоверчиво смотрит на меня, дергая расческу через мои, обильно сбрызнутые лаком, волосы. - Запомни это. Ты знаешь, что полностью влюбилась в него.

- Я даже не знаю его хорошо. Ауч! Полегче!

- Ну, я его знаю с детского сада, - говорит Анжела, игнорирую мои протесты о своей работе с моими волосами. - Верь мне, когда я говорю, что у Кристиана Прескотта есть все, что ему положено иметь. Он умный, забавный, красивый, и, о да, горячее, чем ад в июле.

- Звучит так, будто ты влюблена в него, - замечаю я.

- В восьмом классе, - говорит Анжела. - День рождения Авы Петерс. Мы играли в бутылочку. Моя бутылочка указала на Кристиана, так что мы пошли на заднее крыльцо, чтобы поцеловаться.

- И? - говорю я.

- И это было прекрасно. Только не было искры. Не было химии. Ничего. Это было как целовать своего брата. Не беспокойся, он весь твой.

- Эй, это видение - работа, помнишь, - говорю я. - Не свидание. И я полагаю, он весь Кей, поэтому хватит этого сумасшедшего разговора.

Она смеется, - Кей милая. И она достаточно умна, чтобы удержать его внимание. Но Кей нормальная старшеклассница, ты же ангельское существо. Ты умнее и привлекательнее во всех отношениях, чем она. Ты генетически лучше. Хорошо, кроме волос. Это плохой цвет, отвлекает людей, если хочешь. Но ты определенно горяча. Почти как Скарлетт Йохансон, только без сисек. Каждый парень в Джексон Хай знает кто ты, поверь мне, - после чего добавляет, - кроме того, Кристиан и Кей почти расстались.

- Что ты имеешь в виду? Ты что-то слышала?

- Ничего, - легкомысленно говорит она. - Это все лишь временно, ты знаешь? Такие отношения имеют определенный срок годности.

- Какие именно отношения?

Она смотрит на меня удивленно. - Физические. Или ты думаешь, что Кристиана привлекает ослепительное остроумие Кей?

- Их срок годности почти вышел. Поверь мне, - говорит она, когда я не отвечаю. Уголок ее рта приподнимается в недоброй улыбке.

Это невероятно, что ее крылья, как и мои, белые.

- Ты странная, знаешь об этом? - говорю я, качая головой. - Странная.

- Просто подожди, - говорит она, - и ты увидишь. Скоро он будет весь твой. Он - твоя судьба, в конце концов. - Она хлопает ресницами.

- О, ты думаешь, что моим назначением является заполучение парня? Это было бы очень хорошо и все потому, что я могу получить кое-какую помощь на романтическом фронте, но ты не думаешь, что мир немного больше, чем я и Кристиан и наша любовь?

- Может быть, - говорит она, и сложно понять, серьезна ли она. - Ты никогда не узнаешь этого.

После школы я ждала на стоянке Венди. Мы собирались ехать ко мне домой, чтобы готовиться к экзамену по «Джейн Остин» на занятии у Фиббса.

Оглядевшись, я замечаю, что «Аваланш» Кристиана стоит на стоянке на своем обычном месте.

Венди подходит и игриво бьет меня по руке.

- Такер рассказал мне, что сегодня ты была королевой, - сказала она.

Я отвожу свой взгляд от грузовика Кристиана.

- Да, я правила. Буквально.

- Жаль я не видела тебя в твоём костюме, - говорит она. - Ты должна была похвастаться мне. Я могла бы помочь тебе подготовиться.

- О, тебе не нужно помогать мне с материалом по истории, - отвечаю я, как будто не хочу навязываться, но по правде говоря, я просто не знаю, как сработались бы Анжела и Венди вместе.

Как странно было бы говорить о нормальных вещах, таких как школа и парни, сейчас, когда я так привыкла говорить с Анжелой об ангельских штучках?

Последние пару недель я в основном видела Венди в классе и на обеде, где я все еще сидела за столом Невидимок. Я была занята работой с Анжелой над нашим проектом большую часть времени после школы.

- Готова к «Джейн Остин»? - спрашиваю я.

- Ты знаешь, я трачу на мистера Дарси много времени, - говорит она.

- О, да, - говорю я растерянно, потому что увидела Кристиана и Кей.

Они стоят рядом с серебристым грузовиком, разговаривая. Кей улыбается ему. Она в разговоре наклоняется к нему, практически наваливаясь. Он, кажется, не возражает. Они целуются, совсем не легкий поцелуй, а долгий, затяжной поцелуй, где она обняла его за шею, а он её за талию. Затем он притягивает ее к себе, слегка приподнимая. Протягивает руку и проводит ею по щеке, заправляя за ухо прядь её волос.

Он что-то ей говорит, и она кивает в ответ. Он открывает дверцу со стороны водителя, и она забирается внутрь. Он прыгает за ней и закрывает дверь.

Я не вижу, что происходит дальше, но «Аваланш» не двигается. В любом случае они не за рулем, и не выглядят как пара, у которой истекает срок годности.

Они выглядят счастливыми.

- Ты меня не слушаешь, не так ли? - громко говорит Венди.

Я подпрыгиваю от испуга и смотрю на нее. Она чуть наклонила голову, ее голубые глаза сузились.

- Извини, - быстро говорю я. - Разве Такер не рассказал тебе, что я его сегодня казнила? Хоршо быть королевой.

Я ожидала, что она оживится, сделает несколько умных замечаний, но она просто качает головой.

- Что?

- У Кристиана есть девушка, как ты могла заметить, - говорит она. - Я предлагаю тебе забыть его. Мой рот открывает, потом закрывается, а затем вновь открывается.

- И тебе привет, грубиянка, - пробормотала я наконец.

- Это правда.

- Ты ничего об этом не знаешь, - отвечаю я.

- Ну, может быть, ведь ты даже не удосужилась со мной поговорить, - говорит она, скрестив на груди руки.

- О, я вижу, ты сейчас ревнуешь. И из-за этого грубишь.

Она резко смотрит в сторону, тем самым подтверждая, что ревнует меня в Анжеле все время, что мы провели вместе.

- Мне надоело смотреть, как ты пускаешь слюни по этому куску мяса, Кристиану Прескотту, и все.

Это был долгий день. И я выхожу из себя.

- Что это с тобой, Вен? Это моя жизнь. Почему бы хоть раз не оставить меня в покое и заняться своей?

Она смотрит на меня долгим взглядом. Ее лицо медленно краснеет, а в ее глазах блестят слезы, но она слишком упряма, чтобы проронить замечание.

Она отворачивается. Я вижу, как начинают трястись ее плечи.

- Вен...

- Забудь, - говорит она. Она поднимает рюкзак и одевает его на одно плечо. - Я думала, что я твой друг, настоящий, но только до тех пор, пока ты не обнаружила, что есть кто-то лучше.

Моя ошибка.

- Эй, Венди, ты мой друг, - говорю я, делая шаг назад, - я...

- Не обижайся, Клара, но иногда не всё о тебе.

Я смотрю на нее.

- Я собираюсь доехать до дома на автобусе, - говорит она, проходя, толкая меня.

ГЛАВА 10. УРОК ПОЛЕТА

(Переводчик: Inmanejaable; Редактор: [unreal])

Как бы я хотела в весенние каникулы дикую поездку в Майами или даже просто небольшое путешествие с друзьями, но Венди до сих пор не разговаривает со мной (эй, разве девочки могут так долго держать обиду?!) да и Анжела занята, помогая своей маме с весенней уборкой в «Розовой подвязке». Так что весенние каникулы превратятся в семь веселых дней взаперти в доме с Джеффри, который был наказан, потому что выиграл региональный чемпионат по борьбе. Две недели без телевизора, без телефона, без интернета. Думаю, это немного слишком. Джеффри был в ярости, мама капризничала, и никакое количество солнца на крыльце не уменьшило холода в доме.

Возвращение в школу стало облегчением. За обедом я ждала Анжелу, чтобы рассказать ей все. Стоило мне только взять салфетку, чтобы убрать лишний жир с куска пепперони, как Венди практически влетела в столовую. Встав в очередь за рыбой, она с нетерпением получает свою порцию, а потом несется к девушкам, сидящим за столом Невидимок, с выражением лица а-ля «не-могу-дождаться-чтобы-рассказать». Думаю, это что-то о выпускном вечере.

Откусив кусочек от пищи, я напоминаю себе, что не хочу идти на выпускной. Я лучше останусь дома с Беном и Джерри и посмотрю женское кино с мамой, которая нуждается в отдыхе.

Почему этот план так сильно меня угнетает?

- Вы никогда не догадаетесь, что произошло, - доносится до меня голос Венди, когда она садилась за стол Невидимок в нескольких метрах от меня. На мгновение наши взгляды пересеклись, и я поняла: мы обе хотим забыть эту глупую ссору и помириться, а потом она мне расскажет все её захватывающие новости.

- У тебя есть пара на выпускной? - спрашивает Эмма.

Голубые глаза Венди заискрились. Интересно, победный визг лучшего друга будет необходим в этой ситуации.

- Нет, - говорит она. - Хорошо, да. Я собираюсь с Джесоном Ловеттом, но это не моя грандиозная новость. Я получила стажировку!

- Стажировку, - безучастно повторяет Линдси.

Конечно! Стажировка в Монтане, о которой она говорила без остановки, как только узнала об этом! Единственная, где все ветеринары из штата Вашингтон. Да ладно, люди! И вы называете себя ее друзьями?

- В Западной Ветеринарной Клинике, - объясняет она.

- О, да, - неопределенно говорит Линдси. - Единственная в Бозмен³⁰?

- Да, - говорит она, немного запыхавшись. - Я бы убила за эту стажировку. Практически все ветеринары из штата Вашингтон. Да и ты знаешь, что это моя мечта.

Она взглянула на меня. Я слегка улыбнулась, а она снова отвела взгляд.

- Поздравляю! – почти в унисон говорят девушки за столом.

- Спасибо. - Она счастлива, горда и просто в восторге от своего будущего, даже без победного визга.

- Подожди, это значит, что тебя не будет здесь все лето? - нахмурившись, спрашивает Одри.

- С июня по август.

- Это потрясающе, - говорит Эмма.

- Теперь расскажи нам, что спрашивал у тебя Джейсон Ловетт.

Я уже представляю, как Венди краснеет.

- На самом деле, это я спрашивала у него.

Я наклоняюсь вперед, упираясь подбородком в ладони так, словно мне скучно и я совсем не вслушиваюсь в происходящее вокруг. Я рада за Венди. Джейсон кажется хорошим парнем, правда

³⁰ **Бозмен** (англ. Bozeman) - город, расположенный в округе Галлатин (штат Монтана, США) с населением более 28 тыс. человек. Город назван в честь Джона Бозмена (John Bozeman), основателя Бозменского тракта.

немного низковат, но с большими карими глазами и мягким тенором, который, надеюсь, с возрастом станет ниже. Но он милый. Думаю, он действительно тот, кто будет правильно относиться к Венди.

Наконец-то появилась Анжела. Бросив пакет с едой передо мной, она садится на стул. Неосознанно она косит в сторону стола Невидимок, где Венди с друзьями все еще говорят о том, как она спросила что-то у Джейсона.

- Тебе следует с ней что-то сделать, - говорит Анжела.- И неважно, что она сделала. Хотя, что все-таки произошло? Что она сделала?

- Я думаю, что она это сделала, потому что ревновала меня за то, что я проводила все свободное время с тобой, - многозначительно говорю я.

- Ну, здесь я не смогу тебе помочь. Ты знаешь, я удивительная.

- Знаю, - с улыбкой произнесла я.

- О! Говоря обо мне удивительной, я совсем забыла, что у меня есть для тебя новость. - Она наклоняется вперед, ее глаза по-прежнему светятся озорством. - Я слышала, что у Кристиана и Кей были серьезные проблемы на весенних каникулах, - прошептала она.

Я быстро оглядела кафе. Это заняло всего лишь секунду, но я нашла Кристиана, сидящего в самом конце зала. Кей в поле зрения не оказалось. Друзей по близости тоже не было. Интересно.

- Какие проблемы?

- Крупная ссора перед сотней человек на вечеринке. Есть неприятные слухи о Кристиане и девушке из лыжной команды из Шайена.

- И кто распустил этот слух?

Она улыбается, и это раздражает, потому что ты видишь все в ее глазах.

- Я говорила тебе, не так ли? Слух или нет, это было просто вопросом времени....

В это время в столовую заходит Кей Пэттерсон.

Она надела юбку, что, я уверена, нарушает школьный дресс-код, на ней больше макияжа, чем обычно, особенно вокруг глаз, а ее губы насыщенного красного оттенка. Ее взгляд сразу же устремился к Кристиану. Он, кажется, полностью поглощен своим картофелем, но я могу сказать по его позе, что он знает о её появлении в столовой. И она знает, что он это знает. В какой-то момент мне кажется, будто он сейчас разрыдается, а она демонстративно идет, покачивая бедрами, до столика спортсменов в углу. Весь кафетерий смотрит на нее. Она выбирает наугад одного парня и что-то тихо ему говорит голосом из секса по телефону. Кей пробегает пальцами по его волосам.

Затем она поворачивается и садится на колени Джеффри.

Мне кажется, в этот момент у всех упала челюсть.

Это уже вышло далеко за пределы проблемы Кристиана и Кей. Кей наклонилась вперед, к груди Джеффри, и начала что-то шептать ему на ухо, так близко, что с легкостью сможет лизнуть его. Серые глаза Джеффри слегка расширяются, очевидно, он пытается сохранить хладнокровие. Он не двигается.

Я встаю.

- Извини меня, я на минутку, - вежливо говорю я Анжеле, словно собираюсь сходить припудрить носик. Но я вижу красное. Я определенно собираюсь пойти туда и использовать свою ангельскую суперсилу, чтобы ударить Кей Паттерсон в ее изящный вздернутый нос по ряду причин. Одной из них является то, что она выбрала моего младшего братика для своей игры, но лучше никому не связываться с моим младшим братом.

- Подожди, - Анжела хватает меня за руку стальной хваткой. - Успокойся, Клара. Джеффри уже большой мальчик. Он сможет сам о себе позаботиться.

Похоже Джеффри собирается проглотить свой кадык.

- Где Кристиан? - прохрипел он.

- Я не знаю, где Кристиан, - мурлычет Кей, когда будто это ее не заботит.- А что?

Я отрываю свой взгляд от новой распушенно версии Кей. Кристиан перестает есть и начинает собирать свои вещи на поднос. Встав с места, он направился в сторону урна, смотря на Кей взглядом полным презрения, после чего направляется к выходу.

Так будет лучше для него, подумала я, когда он подходил к двери. Он вышел, и дверь громко захлопнулась за ним. Я смотрю через стекло, как он шагает по коридору к выходу, его ярость так ощутима, словно шлейф дыма в воздухе. Он вышел.

- Это твой шанс, - прошептала Анжела. - Иди за ним.

Я могла бы сказать ему что-нибудь. Но что?

- Он хочет сейчас побыть один, - говорю я Анжеле.

- Думаешь? Трусишка, - говорит она.

Я свирепо смотрю на нее.

- Не стоит, - говорю я, внезапно настолько разъярившись, что приходится говорить сквозь стиснутые зубы. - Называть. Меня. Трусишкой.

Я ухожу от Анжелы и направляюсь к Кей через весь кафетерий. Подойдя, кладу руку ей на плечо.

- Извини, - говорю я, - но что ты делаешь, как думаешь?

Кей подняла свой взгляд на меня. В ее глазах происходят какие-то расчеты. Она улыбается.

- Проблемы, Пеппи?

Пеппи. Как Пеппи Длинный Чулок. По столовой пронесся смех. Но мама была права, это не смущает меня. Я слышала это раньше.

- Вау. Оригинально. А теперь отойди от моего брата, пожалуйста.

Кто-то хватает меня за руку и нежно сжимает. Я вижу на Венди, стоящую рядом со мной.

- Это не ты, Кей, - говорит Венди.

Это правда. Настолько, насколько я хочу верить, что Кей воплощение зла, настолько же часть меня хочет увидеть ее истинное лицо. Кей не такая девушка. Это ведь так очевидно. Она словно раненое животное. И это уменьшает мое желание ударить ее.

- Я знаю, ты расстроена, Кей, но... - начинаю я.

- Ты ничего не знаешь. - Она ослабляет объятия с Джеффри и смотрит на меня своими разъяренными шоколадными глазами. В это время глаза Джеффри говорят совершенно иное: «Не надо. Ты меня смущаешь. Уходи».

- Кристиан ушел, - продолжаю я. - Он ушел. Так тогда какой смысл пускать слюни на чьего-то парня? Ты собираешься уничтожить наш аппетит или что?

Если Кей и выглядит смущенной или неопределенной, то это длится не более секунды. Она поворачивается к Джеффри.

- У тебя есть девушка? - слащаво спрашивает она.

Он смотрит на Кей с ее опасными черными глазами, а затем его взгляд перемещается на Кимбер, которая стоит в очереди за пиццей, с тех пор как все это началось. Она напоминает мне маленького эльфа с ее блондинистой "корзинкой" на голове словно швейцарская «мисс горячий шоколад», но выглядит она по-царски. Ее лицо бледное, только румянец на щеках, глаза метают молнии.

Может быть, в конце концов, не я изобью Кей.

- Да, - говорит Джеффри, его рот искривляется в подобии улыбки. - Сою девушку зовут Кимбер Лэйн.

Взгляд, которым обменялись Джеффри и Кимбер в этот момент, требует популярную дрянную музыку на заднем фоне. Ну, я так думаю. Мой брат влюблен. И я замечаю, что не только одна я так думаю.

- Тогда ладно, - говорит Кей с фальшивой легкостью. Она встает, поправляет юбку, затем поднимает голову и смеется, словно все это было игрой, словно это было забавно, но теперь ей стало скучно.

- Увидимся позже, - говорит она Джеффри и идет прочь медленным шагом в окружении своей свиты. Они покидают кафетерий, который взрывается шумом, когда ученики начинают говорить все сразу.

Венди отпускает мою руку.

- Эй, - говорю я, обращаясь к ней. - Я сожалею обо всех тех глупых вещах, что наговорила раньше.

- Я тоже.

- Ты не хочешь погулять после школы?

Она улыбается.

- Конечно, - говорит она. - С удовольствием.

Венди и я сидим в моей комнате, делая вместе домашнее задание, склонившись над книгами и не разговаривая, только переглядываясь и иногда задавая вопросы. Я, конечно, не думаю о своей

аэродинамике и трех физических теориях, которые, как предполагается, объясняют подъем. Ни о каких рангах ангелов, ни о чем, что напоминало бы мне о том, как же я хочу научиться летать в реальной жизни, и как бы иронично это сейчас не звучало, что я чертовски хороша в полетах.

Я не могу перестать думать о Кристиане. Он так и не появился на истории Британии.

- Итак, я слышала, что ты собираешься на выпускной с Джейсоном Ловеттом, - говорю я Венди, закрывая книгу. Я больше не могу оставаться в ловушке в своей собственной голове. – Это вау или что-то иное?

- Да, - говорит она со счастливой улыбкой.

- Что ты собираешься надеть?

Она прикусывает губы. Существует явная загвоздка в выборе одежды.

- У тебя еще нет платья? - спрашиваю я.

- У меня кое-что есть, - говорит она, стараясь казаться веселой. - Я одеваю это в церковь, но думаю я смогу его немного изменить.

- О, нет. Никакого платья для церкви.

Я вскакиваю и бегу к своему шкафу, где беру два праздничных платья, которые я одевала на танцы в Калифорнии, а затем возвращаюсь к Венди и протягиваю их ей.

- Просто выбери то, которое тебе больше понравится.

Венди вдруг с трудом смотрит мне в глаза.

- Но как же ты? - заикается она.

- Я не собираюсь идти.

- Не могу поверить, что тебя никто еще не пригласил.

Я пожимаю плечами.

- Почему бы тебе самой не позвать кого-нибудь? Я имею в виду, что хорошего в том, чтобы быть девушкой, если мы не можем пригласить парней на танцы? Я пригласила Джейсона.

- Нет никого, с кем мне бы хотелось пойти.

- Угу.

- Что?

- Пожалуй, я оставлю это без комментария.

- В любом случае, Джейсон Ловетт собирается быть твоим Прекрасным Принцем на выпускном, и тебе будет нужно платье Золушки. Так что выбирай.

Она уже присмотрела бледно-розовое платье, которое я держу в левой руке. Она определенно пожирает его глазами.

- Я думаю, она подойдет тебе, - говорю я, указывая на платье.

- Правда? Ты не думаешь, что я буду выглядеть смешно?

- Просто примерь.

Она вырывает его у меня из рук и бежит в ванную, чтобы надеть.

- Ты слишком высокая, - скулит она через дверь.

- Это исправят каблуки.

- Твоя грудь больше чем у меня.

- Это невозможно.

Дверь открывается. Она неуверенно стоит, ее длинные золотистые волосы рассыпались по плечам. Подол платья лежит на полу, но это можно исправить.

- Ты выглядишь потрясающе. - Я роюсь в своей шкатулке в поисках подходящего ожерелья. - Нам завтра следует сходить в «Джексон» и найти тебе подходящие серьги. Жаль, что ближайший торговый центр почти у самого Айдахо-Фолс³¹. У Клер будут лучшие вещи для выпускного. Сколько туда ехать, два часа?

- Два с половиной, - отвечает она. - Но у меня не проколоты уши.

- Думаю, я смогу найти картофель и острую иглу.

Она задыхается, прикрывая руками мочки ушей.

- А как ты развлекалась, пока я не пришла?

³¹ Айдахо-Фолс (англ. Idaho Falls) - окружной центр округа Бонневилл и самый большой город на востоке штата Айдахо, США.

- Коу-типпингом³².

Раздается резкий стук, и в дверях появляется голова моей мамы. Венди мгновенно закрывается волосами и начинает пятиться к шкафу, но мама в упор смотрит на нее.

- Что? Прихорашиваетесь! Почему меня не пригласили? - восклицает она.

- Выпускной. В следующую субботу. Я говорила тебе, помнишь?

- О, да, - говорит она. - И ты не собираешься идти, - сказала она разочарованно.

- Ты что-то хочешь, мам?

- Да, я хотела напомнить тебе, что сегодня вечером мы хотели заняться йогой.

Это мой шанс наверстать упущенное. Так волнующе.

- Может, займемся этим в другой раз. Я в некотором роде занята...

- Знаю, вам, девчонки, весело, но я должна украсть тебя на мама-дочка время.

- В любом случае, мне пора, - бормочет Венди. - Я должна закончить домашнюю работу.

- Ты выглядишь прекрасно, Венди, - говорит мама, улыбаясь ей.

- Что насчет туфель?

- Думаю, мои черные туфли подойдут.

Мама качает головой: - Никаких черных туфель с этим платьем.

- Мы собираемся завтра искать серыги в «Джексон», - говорю я. - Мы можем поискать заодно и туфли.

Венди начинает противиться этому предложению. Там нет обувных магазинов, не оцененных туристами.

- О, - говорит мама, - мы можем пропустить «Джексон» и пустить в бой тяжелую артиллерию. Как насчет поездки в Айдахо-Фолс в эти выходные?

Я не могу сказать, подслушивала ли она или же мы просто на одной волне.

- Иногда, - говорю я ей с улыбкой, - у меня складывается впечатление, что ты можешь читать мои мысли.

- У семьи Венди немного денег, ты же знаешь, - сказала я маме, когда Венди отправилась домой. Солнце уже садилось за горы. Я стояла в майке и тренировочных штанах на заднем дворе. Слегка дрожа, я пыталась обернуть шерстяной шарф вокруг шеи. - Туфли есть и в Айдахо-Фолс, так что не надо тащить нас в необычный магазин. Это смутит ее.

- Я думала о «Payless», - чопорно говорит мама. - Я думала, что провести так время хорошо для девушки. У тебя действительно нет многого с тех пор, как мы переехали сюда.

- Хорошо.

- Я так же подумала, что ты можешь приглашать и Анжелу. Есть ли у нее пара на выпускной?

Я прекращаю возню с шарфом и смотрю на нее.

- Да. Есть.

- Отлично, значит она тоже может прийти.

- Почему?

- Я хочу знать твоих друзей, Клара. Ты постоянно приводишь Венди к нам домой, но никогда - Анжелу. Так что я хочу с ней познакомиться. Думаю, время пришло.

- Да, но..

- Я знаю, что ты из-за этого переживаешь, но так не должно быть, - говорит она. - Я верю.

Это не то, из-за чего на самом деле беспокоится мама. Или может из-за этого.

- Хорошо, я спрошу ее.

- Вот и чудесно. Снимай шарф, - говорит мама.

- Холодно!

- Это может помешать.

³² **Коу-типпинг** (англ. Cow tipping) – развлечение, суть которого состоит в том, чтобы приблизиться к спящей корове и опрокинуть её на бок, при этом не разбудив. Это возможно потому, что коровы спят стоя. Из-за риска, которому подвергается корова, данное развлечение во многих штатах является преступлением.

Она права. Я снимаю шарф.

- Мы должны сделать это сейчас? Ты знаешь, я беру уроки аэродинамики в школе. Между прочем, я работаю над этим.

- Там о полете самолета. Здесь - о твоём. Тебе нужны тренировки, Клара. У тебя есть вся зима, чтобы привыкнуть к этому. Сейчас тебе нужно сосредоточиться на своей цели, чтобы быть готовой к сезону пожаров. Это будет только через несколько месяцев.

- Я знаю, - мрачно говорю я.

- Сейчас, пожалуйста.

- Хорошо.

Я разворачиваю крылья за спиной. Понадобилась некоторое время, чтобы они появились. По крайней мере, мне стало проще их вызывать, теперь не требовалось говорить слова. Я все еще думаю, что мои крылья прекрасны – мягкие, белые и идеальные, как у совы. Но в этот момент они кажутся огромными и глупыми, как дрянной пропеллер в плохом кино.

- Хорошо, разверни их, - говорит мама.

Я разворачиваю их настолько это возможно, пока их вес не начинает напрягать мои плечи.

- Чтобы оторваться от земли, ты должна стать легче.- Она продолжает говорить все это, но я и понятия не имею, как это сделать.

- Затем ты меня осыпашь пылью эльфов и скажешь думать о чем-нибудь счастливом, - ворчу я.

- Очисти свой разум.

- Готово.

- Начнем с осанки.

Я вздохнула.

- Попробуй расслабиться.

Я беспомощно смотрю на нее.

- Попробуй закрыть глаза, - говорит она. - Сделай глубокий вдох через нос и выдох через рот.

Представь, что ты становишься легче, твои кости меньше весят.

Я закрываю свои глаза.

- Это действительно как йога, - говорю я.

- Ты должна освободить себя, отпустить все, что мысленно тянет тебя вниз.

Я попыталась очистить свой разум. Вместо этого я вижу лицо Кристиана. Не из видения, когда он в окружении огня и дыма, а тот момент, когда он наклонился ко мне на горнолыжном курорте. Его темные, густые ресницы. Его глаза с вкраплениями золота. Глаза, полные тепла. Морщинки в уголках глаз, когда он улыбнулся.

Мои крылья теперь не такие уж и тяжелые.

- Хорошо, Клара, - говорит мама. - Теперь попробуй взлететь.

- Как?

- Взмахни крыльями.

Я представляю, как мои крылья ловят воздух, как и её крылья ловили тогда в Базард Руст. Я думаю о выстрелах в небо, когда ракета стремится к облакам, задевая верхушки деревьев. Это было бы замечательно, парить в небесах, не так ли? Ответить на вызов неба?

Ничто так не заводит как мысли о свободном полете.

- Это может помочь, если ты сейчас откроешь глаза, - смеясь, говорит мама.

Я открываю глаза. *Взмах*, бесшумно приказываю я крыльям.

- Я не могу, - говорю я через минуту. Я потею, не смотря на холодный воздух.

- Ты слишком много думаешь. Помни, твои крылья, словно твои руки. Ты не думаешь о том, что надо переместить руки, ты просто ими двигаешь.

Я свирепо смотрю на нее. Мои зубы разочарованно сжимаются, скрипя. А затем мои крылья двигаются вперед и назад.

- Вот и все, - говорит мама. - Ты сделала это!

Только я этого не делала. Мои ноги по-прежнему твердо стоят на земле. Мои крылья двигаются, раздувая воздух, раздувая мои волосы по всему лицу, но я не поднимаюсь.

- Я слишком тяжелая.
- Тебе нужно сделать себя легче.
- Я знаю!

Я пытаюсь вновь подумать о Кристиане, его глазах, его улыбке о чем-нибудь реальном, но вдруг я только могу представить его из своего видения, стоящего ко мне спиной. Огонь приближается.

Что делать, если я не смогу этого сделать? Я думаю. Что если все зависит от моей способности летать? Что если он умрет?

- Давай! - кричу я, напрягая все, что у меня есть. - Лети!

Я сгибаю колени, прыгаю и заставляю себя чуть-чуть оторваться от земли. У меня получилось это сделать около пяти секунд. Затем я падаю, повреждая свою лодыжку. Потеряв равновесие, я падаю на газон, представляя собой клубок из конечностей и крыльев.

Минуту я лежала на сырой траве, задыхаясь.

- Клара, - говорит мама.
- Не надо.
- Тебе больно?

Да, мне больно. Я свернула свои крылья.

- Продолжай стараться. У тебя получится, - говорит мама.
- Нет, не получится. Не сегодня. - Я поднялась на ноги и начала тщательно стирать грязь и траву с себя, избегая смотреть ей в глаза.

- Ты привыкла, что у тебя все легко получается, но сейчас тебе придется постараться.

Мне хочется, чтобы она прекратила говорить. Каждый раз, когда я хочу остановить ее, она делает такое лицо, словно ожидает чего-то большего. И это заставляет меня чувствовать себя еще большей неудачницей, простым человеком, когда я должна быть замечательной, красивой, быстрой, сильной, уверенной, способной сделать все, о чем меня попросят - как ангел. Как обычная девушка, я не представляю собой ничего великолепного. Как ангел, я просто ужасна.

- Клара... - Мама движется ко мне, раскрывая руки, словно мы собираемся обняться сейчас, и все будет хорошо. - Ты должна попробовать еще раз. Ты можешь сделать это.

- Прекрати быть "американской мамашей", хорошо? Просто оставь меня одну.

- Милая...

- Оставь меня одну! - срываюсь я на крик. Я смотрю в ее испуганные глаза.

- Все в порядке, - говорит она, а затем поворачивается и быстро идет к дому. Хлопает дверь. Я слышу голос Джеффри на кухне и ее голос, тихий и терпеливый, который что-то отвечает ему. Я тру свои горящие глаза. Хочу побежать, но мне некуда. Так что я остаюсь там, со своими ноющими шеей и плечами, жалея себя, пока не стемнело, и от нечего делать я похромала домой.

ГЛАВА 11. АЙДАХО-ФОЛС

(Переводчик: iloved; Редактор: [unreal])

Анжела появляется в нашем доме ранним субботним утром, и я с минуту смотрю на нее, стоя на крыльце, зная, что идея с «днем-в-кругу-девочек» большая ошибка. Она выглядит словно ребенок рождественским утром. Она была очень рада встретить мою маму.

- Просто держи себя в руках, хорошо? - сказала я ей прежде, чем позволить войти, - Помни, о чем мы говорили. Фанатка. Никаких разговоров об ангелах.

- Хорошо.

- Я серьезно. Никаких вопросов связанных с ангелами, вообще.

- Ты мне сказала это уже сто раз.

- Спроси ее о Пёрл-Харборе или о чем-то еще. Ей, наверное, понравится это.

Анжела закатывает глаза. Она, кажется, не может понять тот факт, что наша дружба во многом зависит от того, насколько невежественной она покажется моей маме. Если бы мама знала, что мы с Анжелой говорим обо всех этих ангельских исследованиях, вопросах и дурацких теориях после школы, то мне, наверное, никогда не разрешили бы пойти в «Розовую подвязку» снова.

- Может быть, было бы лучше, если бы ты не говорила вообще, - говорю я.

Она кладет руку себе на бедро и смотрит на меня.

- Ладно, ладно. Пошли со мной.

В кухне мама ставит огромную тарелку блинов на стол. Она улыбается.

- Привет, Анжела.

-Здравствуйте, миссис Гарднер, - говорит Анжела благоговейным тоном.

- Зови меня Мегги, - говорит мама, - Это хорошо, наконец-то встретиться с тобой лицом к лицу.

- Клара так много рассказывала мне о вас, что у меня такое ощущение, что я уже знаю вас.

- Я надеюсь хорошее.

Я бросила беглый взгляд на маму. Мы с трудом произнесли три фразы друг другу, после проваленного урока полетов. Она улыбается, не показывая зубов - ее фирменная улыбка.

- Клара не рассказывала мне много о тебе, - говорит она.

- Ох, - говорит Анжела - обо мне и нельзя многого сказать.

- Хорошо, и так блины, - говорю я, - Бьюсь об заклад, что Анжела голодна.

Мама отворачивается, чтобы достать тарелку из шкафа, и я бросаю на Анжелу предупреждающий взгляд.

- Что? - шепчет она.

Она совершенно оторопела из-за моей мамы и не сводила с неё глаз в течение всего завтрака, который прошел хорошо – странно, но хорошо – за исключением того, что после двух укусов блинов она выпаливает:

- Как высоко может летать ангел по крови? Как вы думаете, мы могли бы летать в космосе?

Мама смеётся и говорит, что это звучит здорово, но мы по-прежнему нуждаемся в кислороде.

- Нет, супермен летал на луну, - говорит Анжела.

Они улыбаются друг другу, и это не дает мне покоя. Если бы я задала этот вопрос, мама бы сказала, что она не знает, что это не важно, или просто сменила бы тему. Я знаю, что она делает: она пытается что-то выяснить об Анжеле. Она хочет знать, насколько Анжела осведомлена. Я определенно не хочу, что бы это произошло, но Анжела не останавливается.

- Что вы знаете о свечении? - спрашивает она.

- О свечении?

- Вы знаете, когда ангелы светятся небесным светом? Что это значит?

- Мы называем это славой, - отвечает мама.

- Так в чём же смысл? - спрашивает Анжела.

Мама ставит свой стакан с молоком и действует так, будто это сложный вопрос, требующий серьёзных раздумий.

- Она имеет множество применений, - говорит она, наконец.

- Бьюсь об заклад, что свечение пригодится, - говорит Анжела, – как ваш личный фонарик. И это заставляет выглядеть вас ангельски, конечно. Никто не будет в этом сомневаться, если вы будете показывать крылья и славу. Но мы не должны этого делать, верно?

- Мы никогда не раскрываем себя, - говорит мама, мгновение, глядя на меня, – хотя есть и исключения. Слава имеет странное влияние на людей.

- Какое именно?

- Это пугает их.

Я приподнимаюсь немного. Ни я, ни Анжела не знаем.

- Ох, я понимаю, - говорит Анжела, действительно воодушевившись на этот раз, - но что это за слава? Она должна быть нечто большим, чем просто свет, что бы иметь какой-то эффект, правильно?

Мама прочищает горло. Она в неудобном положении теперь, говоря вещи, о которых никогда не рассказывала мне.

- Ты всегда говорила, что мне намного легче было бы летать, если бы я смогла подключиться к славе, - мой голос становится громче, я не позволю ей сорваться с крючка. – Ты говорила, что это источник энергии.

Она делает едва заметный вздох.

- Так мы соединяемся с Богом.

Анжела и я обдумываем это.

- Как? - спрашивает Анжела. - Это как, когда молятся люди?

- Когда вы связаны со славой, вы связаны со всем. Вы можете почувствовать дыхание деревьев, можете пересчитать перья на крыле птицы, узнать будет ли дождь. Вы часть той силы, которая связывает всю жизнь.

- Вы будете нас учить, как это делать? - спрашивает Анжела.

Весь этот разговор явно выдувает ее разум. Ей не терпится достать блокнот и сделать в нем некоторые важные пометки.

- Этому нельзя научить. Вы по-прежнему должны учиться самостоятельно, понимание сути зависит от того, что делаете именно вы. Это не ваши мысли или чувства. Это само по себе.

- Ладно, это звучит жестоко.

- Мне было уже сорок, прежде чем я сумела сделать это хорошо, - сказала мама. – Некоторые ангелы по крови не могут достичь этого вообще. Хотя это может быть вызвано сильными событиями или чувствами.

- Как волосы Клары, верно? Вы сказали ей, что это вызвано эмоциями, - сказала Анжела.

Мама встала из-за стола и направилась к окну.

- О. Мой. Бог. Заткнись, - раздельно говорю я Анжеле.

- Там синий грузовик на дороге, - говорит мама в этот момент, - Венди здесь.

Я оставляю маму с Анжелой на кухне, и кидаюсь на встречу Венди, которая сама того не ведая, спасает меня от разговора про ангелов.

Ее привез Такер. Он прислонился к своему «Блубэллу» на подъездной дорожке, глядя на лес. Каким-то образом он чувствует, что ему не разрешено быть здесь, смотреть на мой ручей, слушать ручей или наслаждаться пением птиц.

- Хей, морковка, - говорит он, когда замечает меня.

Я оглядываюсь в поисках Венди и нахожу ее копающейся в грузовике.

- Замечательный день для шопинга, - добавляет он.

Я думаю, он издевается надо мной. Я не оборачиваюсь.

- Да, - говорю я.

Венди захлопывает дверь грузовика и шагает к крыльцу, в то время как Анжела выходит из дома.

- Привет, Анжела, - говорит она воодушевленно. Видимо она решила быть дружелюбной с другой моей лучшей подругой.

- Как дела?

- Замечательно, - говорит Анжела

- Я так рада поехать в Айдахо-Фолс. Я не была там вечность.

- Я тоже.

Такер не уезжал. Он посмотрел на мой лес снова. Вопреки своему здравому смыслу я сошла с крыльца и подошла к нему.

- Покупка платья для выпускного, да? - спросил он, как только я оказалась рядом с ним.

- Хм, вроде того. Венди нуждается в туфлях. Анжеле нужны аксессуары, так как платье ей сделает мама. Я думаю, что тоже поеду.

- Ты не собираешься на выпускной?

- Нет, - я смущенно смотрю в сторону дома, где Венди выглядит неловко, разговаривая с Анжелой.

- Почему нет?

Я смотрю на него взглядом, означающим «а ты как думаешь?».

- Никто не пригласил тебя?

Он смотрит на меня. Я качаю головой.

- Шокирующая правда?

- На самом деле, да.

Он потирает шею, затем смотрит на лес. На секунду у меня проскальзывает сумасшедшая мысль, что он может пригласить меня на выпускной, и мое сердце начинает беспорядочно биться в груди от ужаса при этой мысли. Потому что мне придется отвергнуть его перед Венди и Анжелой, которые делают вид, что разговаривают, но я уверена, что они наблюдают, и тогда он будет унижен, а у меня нет желания видеть Такера униженным.

- Пойди одна, – говорит он, вместо этого.- Вот что я хотел бы сделать.

Я чуть не рассмеялась от облегчения.

-Я догадывалась.

Он поворачивается и зовет Венди.

-Я должен лететь. Так что иди сюда.

- Клара собирается взять меня домой, так что мне больше не понадобятся твои услуги сегодня, Дживс³³, - говорит Венди так, будто он ее шофер.

Он кивает, берет ее за руку и тянет к боковой стороне грузовика, где говорит тихим голосом:

- Я не знаю, сколько стоит обувь на выпускной, но это может помочь.

-Такер Эвери, - говорит Венди, – Ты знаешь, я не могу принять это.

-Я ничего не знаю.

Она фыркает.

-Ты милый, но это деньги с родео. Я не могу принять их.

-Я получу больше.

Он продолжает протягивать ей деньги, тогда она говорит «нет» более уверенно.

- Ладно, хорошо, - ворчит он.

Он быстро обнимает ее и садится в грузовик, проезжает круг и останавливается, затем открывает окно, чтобы выглянуть из него.

-Удачи в Айдахо. Не провоцируй картофельных фермеров, - говорит он.

- Правильно. Потому что это было бы плохо.

-Ну и морковь...

-Да?

- Если ты все-таки пойдешь на выпускной, побереги для меня танец, хорошо?

Он уезжает прежде, чем я успеваю переварить сказанное.

- Парень, - говорит Анжела рядом со мной.

- Я думаю, что это было бы хорошо, - говорит Венди.

Я вздыхаю, взволнованно.

- Давайте просто поедем.

Вдруг Венди ахает. Она достает из кармана толстовки пятидесятидолларовую купюру.

- Это немного воняет, - говорит она, улыбаясь.

На мгновение я бросаю взгляд на платье, я влюблена в него. Если бы я собиралась на выпускной, то пошла бы в нём. Одно. Иногда ты точно знаешь, что это твое платье. Оно взывает к тебе. Это платье в греческом стиле, без бретелек, с имперской талией и небольшой полоской ткани, которая доходит до груди и ложится на одно плечо. Темно-синего цвета, немного ярче, чем цвет флота³⁴.

- Хорошо,- говорит Анжела, после того как я пялюсь на стойку в течении 5 минут.- Ты должна примерить его.

- Что? Нет. Я не иду на выпускной.

- Кого это волнует?

-Хей, Мегги, Венди! - кричит Анжела через весь магазин, чтобы услышала Венди, которая находилась в обувном магазине вместе с моей мамой и просматривала различные оформления каблучков.

- Идите, посмотрите на платье для Клары.

³³ **Реджинальд Дживс** (в некоторых переводах Дживз, англ. Reginald Jeeves) — известный персонаж П. Г. Вудхауза из его знаменитого цикла комических романов и рассказов о молодом богатом аристократе Берти Вустере и его камердинере Дживсе. Дживс в романе — это начитанный и эрудированный человек, знаток поэзии и психологии личности. Он камердинер в лучшем традиционном представлении о чопорном и тактичном английском слуге. Он неизменно выручает Берти и его друзей из всяких неприятностей. Дживс, видимо, несколько старше Берти. Берти часто называет Дживса «гением» и восторгается силой его мысли, находчивостью и познаниями в разных областях. Дживс также тщательно заботится о гардеробе Берти, о том, чтобы его одежда всегда была подобрана со вкусом и сидела на Берти безупречно. Берти же, хотя частенько полагает, что вкус изменил Дживсу, в итоге всегда признаёт, что вкус Дживса безупречен. Дживс является членом клуба для дворецких и камердинеров «Юный Ганимед». В особой книге этого клуба слуги записывают все деликатные подробности жизни своих господ в назидание тем, кто будет наниматься к ним на работу.

³⁴ Прим.: имеется в виду цвет формы офицеров морского флота.

Они всё бросили и пришли, чтобы увидеть платье и ахнули, когда увидели его. Начали настаивать, чтобы я примерила его.

- Но я не собираюсь на выпускной, - протестую я из раздевалки, стягивая рубашку через голову.

- Тебе не нужно идти с кем-то, - говорит Анжела по ту сторону двери. – Ты *можешь* пойти одна, и ты знаешь это.

- Правильно. Одна на выпускном. Так что я смогу стоять и смотреть, как все остальные танцуют. Звучит фантастически.

- Ну, мы знаем одного человека, который будет танцевать с тобой, - говорит Венди тихо.

- Он просто расстался со своей подругой, - говорит мама.

- Такер? - спрашивает Венди смущенно.

- Кристиан, - отвечает мама.

Мое сердце пропускает удар, и когда Венди и Анжела не отвечают, я открываю дверь раздевалки и высовываю голову.

- Как ты узнала, что Кристиан расстался с Кей?

Она и Анжела обмениваются взглядом. Я оставила их всего на пять минут, этим утром, а Анжела уже озвучила свою гипотезу «Кристиан и Клара – родственные души». Интересно, что мама думает об этом.

- Если бы я была Кристианом, то вы бы и близко не поймали бы меня в танце, - говорит Венди. – Это было бы, как змеиная яма для него.

Это правда. Последнюю неделю в школе Кристиан, казалось, был не слишком заметен, но я часто смотрю на него, поэтому замечаю. Он не говорил свои обычные шуточки на истории Британии. Не делал записи во время урока. И он отсутствовал два дня подряд, чего никогда не случалось. Приходить поздно - да, но Кристиан никогда не отсутствовал. Я думаю, что он очень расстроен из-за Кей.

Я надеваю платье через голову. Оно подходит, словно сшито специально для меня. Так не справедливо.

- Выходи, мы посмотрим, - распоряжается Анжела.

Я выхожу и встаю перед большим зеркалом.

- Я хочу, чтобы мои волосы не были оранжевыми, - говорю я, убирая непослушные пряди от моего лица.

- Ты должна купить его, - говорит Анжела.

- Но я не иду на выпускной, - повторяю я.

- Ты должна пойти на выпускной, только так ты сможешь надеть это платье, - говорит Венди.

- Безусловно, - соглашается Анжела.

- Ты так красива, - говорит мама, и затем, к моему полнейшему шоку, она роется в своей сумке в поисках ткани, чтобы вытереть глаза. Потом она говорит:

- Я покупаю его. Если ты не пойдешь на выпускной в этом году, то сможешь надеть его в следующем. Ты действительно прекрасна, Клара. Оно делает твои глаза этого потрясающего василькового цвета.

Нет смысла, что-то доказывать им. Так что через пятнадцать минут мы выходим из магазина, с платьем в моих руках. После мы разошлись: разделяй и властвуй, как называет это моя мама. Анжела и я останавливаемся возле отдела бижутерии, мама и Венди направились в сторону обуви, так как нет ничего на небе и на земле, что мама бы любила так, как новую обувь. Мы договорились, встретиться через час у входа в торговый центр. У меня было странное настроение. Это нелепо, что Анжела и Венди собираются пойти на бал, а единственное, что мы до сих пор купили в этой поездке – платье для меня, а я не иду. Так же раздражало то, что я не могу носить серьги, потому что обычное прокалывание ушей не работает, они заживают слишком быстро. Я знаю, что не хочу обычные серьги. Я хочу что-то свисающее и драматичное, для танца, на который я не собираюсь. Неожиданно я начинаю чувствовать тошноту и головокружение, так что мы с Анжелой останавливаемся возле «Претзел Тайм»³⁵, чтобы купить крендельки с корицей, надеясь, что немного еды в моем желудке поможет. Торговый центр был

³⁵ **Претзел Тайм** (англ. Pretzel Time) - сеть магазинов, которые специализируются на продаже самодельных кренделей, смузи и холодных напитков.

переполнен, и негде было сесть, поэтому мы ели свои крендельки, прислонившись к стене, наблюдая за потоком людей, входящих и выходящих из «Барнс & Нобль»³⁶.

- Ты сердишься на меня?

- Что? Нет.

- Ты не сказала мне и двух слов после завтрака.

- Ну, ты не должна была говорить про ангельскую материю, помнишь? Ты обещала.

- Прости, - говорит она.

- Просто настроение упало на отметку четыре из-за мамы, ладно? Ты глазела на нее, задавая все время вопросы.

- Разве я смотрела? - она краснеет.

- Ты похожа на куклу Кьюпи³⁷.

- Прости, - говорит она снова. – Она единственный демидиус, которого я когда-либо встречала. Я хочу знать какая она.

- Я сказала тебе. Она состоит из одной части тридцати-с-чем-то-летнего хиппи, одной части ангельского существа и одной части своенравной старушки.

- Я не вижу части старушки.

- Поверь мне, она есть. А ты состоишь из одной части сумасшедшего подростка, одной части ангельского существа и одной части частного детектива.

Она улыбается.

- Я стараюсь вести себя соответственно.

И тут я заметила его, человека, смотрящий на меня из дверей «GNC»³⁸. Он высокий, с темными волосами, стянутыми в хвост. Одет в потертые джинсы и коричневое замшевое пальто, которое было ему большим. Из-за проходящих мимо людей, которые кишат в торговом центре, я бы не заметила его, за исключением того, как пристально он на нас смотрел.

- Анжела, - говорю я слабо, а мой крендель тем временем падает на пол.

Волна страшной печали накрывает меня. Я должна бороться, чтобы не поддаться течению внезапно усилившихся эмоций. Мои руки сжимаются в кулаки, ногти больно впиваются в ладони. Я начинаю плакать.

- Эй, в чём дело, Клара? - говорит Анжела. – Я клянусь, я буду хорошо себя вести.

Я пытаюсь ответить. Я пытаюсь пробиться через скорбь, что бы сформировать слова. Слезы текут по моему лицу.

- Тот человек, - шепчу я.

Она следит за моим взглядом. Потом она всасывает воздух в горло и смотрит в сторону.

- Идем, - говорит она, - Давай найдем твою маму.

Она кладет свою руку мне на плечо и быстро ведёт меня по коридору. Мы врезаемся в людей, идем напролом через семьи и группы подростков. Она оглядывается назад.

- Он идет за нами?

Я не могу говорить громче, чем шепотом. Я чувствую, что изо всех сил пытаюсь сохранять свою голову в луже темной, ледяной воды, продрогшая до костей, уставая от каждого своего шага. Это слишком. Я хочу сесть, и пусть эта чернота возьмет меня.

- Я не вижу его, - говорит Анжела.

Затем, подобно ответу на молитву, мы находим мою маму. Она и Венди выходят из «Payless», обе несут сумки с покупками.

- Эй, вы обе, - говорит мама.

Но тут она замечает наши лица.

- Что произошло?

- Можем ли мы с вами поговорить минутку?

Анжела хватая руку мамы и тянет ее от Венди, которая выглядит смущенной и несколько обиженной, когда мы уходим.

³⁶ **Барнс & Нобль** (англ. Barnes & Noble) - американская компания, крупнейшая в США по продажам книг.

³⁷ **Кукла Кьюпи** (англ. Kewpie doll) - небольшая кукла, основанная на комиксах Роуз О'Нил, которая появилась в «Ladies' Home Journal» в 1909 году. Эти пупсы были очень популярны в начале XX века.

³⁸ Компания GNC создана более 65 лет назад в США и является крупнейшим мировым производителем натуральных биологически активных добавок.

- Там человек, - шепчет она, - Он смотрел на нас, и Клара просто... она просто...

- Он такой грустный,- заканчиваю я.

- Где? - требует мама.

- Позади нас, - говорит Анжел, - Я потеряла его след, но он определённо где-то там.

Мама застегивает молнию своей толстовки и натягивает капюшон, что бы покрыть голову. Она идёт к Венди и пытается улыбнуться.

- Все в порядке? - спрашивает Венди.

- Клара плохо себя чувствует, - говорит мама, - Мы должны уехать.

Это не ложь. Я едва могу переставлять ноги, когда мы быстро идем через торговый центр.

- Не оглядывайся, - шепчет мама мне на ухо, - Иди, Клара. Переставляй ноги.

Мы спешим через отдел косметики и нижнего белья, мимо отдела официальной одежды, где мы начали наш день. Через несколько мгновений мы находимся на стоянке. Когда она видит нашу машину, мама бежит на полной скорости, таща меня за собой.

- Что происходит? - спрашивает Венди, пока мы бежим.

- Садитесь в машину, - распоряжается мама, и мы забираемся в машину.

Мы буквально вылетаем с автостоянки. Когда мы уже находимся в нескольких километрах от Айдахо-Фолс, грусть начинает рассеиваться, как будто занавес поднимается. Я делаю глубокий судорожный вздох.

- Ты в порядке? - спрашивает Венди, все еще выглядя дико озадаченной.

- Мне просто нужно добраться домой.

-У нее дома есть лекарства, - вмешивается Анжела, - Это просто заболевание.

-Заболевание? - повторяет Венди.

- Э-э-э...

Мама бросает на Анжелу сердитый взгляд.

-Это редкая форма анемии, - продолжает Анжела спокойно, - Иногда это заставляет чувствовать ее себя больной и дрожащей.

Венди кивает, будто она понимает.

- Как и в тот день, когда она упала в обморок в школе.

- Именно так. Ей нужно принять ее таблетки.

- Почему ты не сказала мне? - говорит Венди.

Она смотрит на Анжелу, затем снова на меня, как бы говоря: «Почему ты рассказала Анжеле, но не рассказала мне?». Она выглядит обиженной.

- Это, как правило, не большая проблема, - говорю я, - Я чувствую себя намного лучше сейчас.

Анжела и я обмениваемся взглядами. Особенно учитывая, то, как отреагировала моя мама, мы обе знаем, что это очень, очень большая проблема. Когда мы останавливаемся возле дома через три часа, после того как отвезли Венди в «Ленивую Собаку», мама говорит нам:

- Хорошо. Поднимайтесь в ее комнату. Ждите меня там. Я ненадолго.

Анжела и я идем в дом. Еще не темно, но я хочу включить весь свет, когда мы идем в мою комнату. Мы вместе сидим на моей кровати, слушая, как мама стучит в комнату Джеффри.

- Привет, - говорит она, когда он отвечает, - Я подумала, что подброшу тебя в кино в Джексоне, так как я испортила твоей сестре весь день. Это справедливо.

После того, как они уезжают, Анжела обнимает меня и оборачивает мое одеяло вокруг нас, потому, что я не могу унять дрожь. И мы ждём. Треск от маминого автомобиля раздается на дороге примерно через час. Дверь захлопывается. Мы слушаем осторожный скрип ее ног по лестнице. Затем она стучится, очень легко.

- Входи, - говорю я хрипло.

Она улыбается, когда видит нас, прижавшихся друг к другу.

- Ты не должна была отвезить Джеффри, - говорю я, - Что если этот парень там?

- Я не хочу, что бы вы обе боялись, ладно? - говорит она, - Мы здесь в безопасности.

- Кто это был? - спрашивает Анжела.

Мама вздыхает, покорно и устало.

- Черное Крыло. Скорее всего, он был здесь только проездом.
- Падший ангел болтается в торговом центре в Айдахо-Фолс? - говорит Анжела.
- Когда я увидела его, я...

Я начинаю задыхаться, вспоминая.

- Ты почувствовала его печаль.
- Его печаль? - повторяет Анжела.

- Ангелы не обладают такой свободой воли, какой обладаете вы или я. Когда они идут против своего предназначения, это причиняет им огромную физическую и психологическую боль. Все Черные Крылья чувствуют это.

- Почему ты или Анжела не чувствуете это? - спрашиваю я.

- Некоторые из нас более чувствительны, чем другие к их присутствию, - говорит она, - Это на самом деле преимущество. Ты можешь почувствовать их приближение.

- И что мы должны делать, если видим их?

- Вы делаете то, что мы делали сегодня. Вы бежите.

- Мы не можем бороться с ними? - спрашивает Анжела, ее голос выше и пронзительней чем обычно.

Мама качает головой.

- Даже вы?

- Нет. Ангелы почти безгранично могущественны. Лучшее что вы можете делать - это бежать.

Если вам повезёт – а сегодня нам повезло – ангел посчитает, что вы не стоите его времени.

Мы все замолчали на минуту.

- Самый верный способ защиты – оставаться незамеченными, - говорит мама.

- Так почему ты не хочешь, что бы я знала о них?

Я не могу убрать нотки обвинения из своего голоса.

- Почему ты не хочешь, что бы Джеффри знал?

- Потому что твое сознание рисует их, Клара. Если знаете об их существовании, вы, скорее всего, будете обнаружены.

Она смотрит прямо на Анжелу, которая встречает ее взгляд на несколько секунд, затем она отворачивается. Её пальцы сжимают краешек моего одеяла. Анжела была той, кто рассказал мне о Черном Крыле.

- Мне жаль, - шепчет она.

- Все в порядке, - говорит мама, - Ты не знала.

Позже я залезаю в кровать с мамой.. Я хочу почувствовать себя в безопасности рядом с ней, излучающей тепло, но она холодная. Ее лицо бледное и узкое. Как же она измучилась, пытаюсь быть храброй и зная все, защищать нас. Ее ноги как глыба льда. Я кладу свои ноги на её, надеясь согреть.

- Мам, - говорю я в темноте, - Я думаю.

- Ой-ой.

- В моем видении, когда мне было так грустно, это Черное Крыло?

Тишина. Затем еще вздох.

- Когда ты говорила о печали, ты чувствовала себя так, как описала.

Мама хватается меня за талию и тянет ближе.

- Не волнуйся, Клара. Тебе не поможет беспокойство. Ты еще не знаешь своего предназначения. Ты работаешь с несколькими маленькими кусочками. Я не хочу заполнять твою голову предубеждениями, прежде чем ты увидишь все сама.

Новая дрожь проходит через меня.

ГЛАВА 12. ЗАТКНИСЬ И ТАНЦУЙ!

(Переводчик: lialilia; Редактор: [unreal])

К понедельнику все стало возвращаться в норму. Я ходила по коридорам «Джексон Хай» с теми же студентами, посещала те же самые скучные занятия (за исключением разве Истории

Великобритании, где я с удовольствием посмотрела выступление Кристиана и Бреди о Уильяме Уоллесе³⁹ и даже развлекла себя небольшой фантазией о Кристиане в килте), и вскоре Черное Крыло стал казаться просто страшным сном, и я снова почувствовала себя в безопасности.

Но я решила, что должна подойти к своей задаче с предназначением более серьезно. Я больше не стану притворяться обычной девчонкой. Я необычная. Во мне кровь ангелов. У меня есть работа, которую необходимо выполнить. Мне нужно перестать ныть, срываться, прекратить сомневаться во всем. Я просто должна сделать это.

Так что в четверг после уроков я перехватила Кристиана у его шкафчика. Я подошла прямо к нему и прикоснулась к его плечу. Небольшой импульс прошел сквозь мое тело, словно статическое электричество. Он повернулся и устремил на меня взгляд своих зеленых глаз. Он не выглядел настроенным на разговор.

- Привет, Клара, - сказал он. - Чем я могу тебе помочь?

- Я думала, что могу помочь тебе. Я заметила, что ты не был на занятиях на прошлой неделе.

- Дядя брал меня с собой в поход.

- Ты не хочешь взять мои конспекты по Истории Великобритании?

- Да, конечно, конспекты – это то, что нужно, - сказал он так, словно конспекты беспокоили его сейчас меньше всего на свете, и одновременно посмеиваясь надо мной. Он был не похож на себя самого, ни шуток, ни прежней уверенности, ни легкой небрежности походки. Под глазами его залегли тени.

Я протянула ему свою тетрадь. Как только он взял ее, группа девчонок прошла мимо, популярных девчонок, подружек Кей. Они стали перешептываться между собой и бросать на Кристиана осуждающие взгляды. Его плечи напряглись.

- Они забудут, - сказала я ему. - Сегодня ты новость с первой полосы, но пройдет неделя... Все успокоится.

- Да? Откуда ты знаешь?

- О, видишь ли... Я королева мельницы слухов. Кажется, новая история обо мне появлялась каждую неделю, с тех пор как я сюда переехала. Так всегда с новичками, я думаю. Слышал, что я якобы соблазнила тренера баскетбольной команды? Это моя любимая сплетня.

- То, что говорят обо мне, - неправда, - сказал Кристиан горячо. - Я расстался с Кей, а не что-то там еще.

- Ох. По своему опыту могу сказать, что слухи не всегда...

- Я старался сделать все правильно. Я не мог быть тем, кто ей нужен, и постарался сделать правильный выбор, - сказал он, в его глазах отражалась решительность, которая напомнила мне о том, как он выглядел в моих видениях, смесь напряженности с уязвимостью, которые непостижимым образом делали его еще сексуальнее.

- Это действительно не мое дело... - сказала я.

- Я не знал, что все получится так.

Мы стояли в коридоре, и другие студенты потоком проходили мимо. На потолке, свисая практически до головы Кристиана, красовался баннер танцев. «Мифическая любовь», было написано яркими синими буквами. Суббота, с семи вечера до полуночи. Мифическая любовь.

Мой разум неожиданно закружился со скоростью миллион миль в час, как колесо из «Колеса Фортуны»⁴⁰. А затем остановился.

- Ты хочешь пойти со мной на танцы? – выпалила я.

- Что?

- У меня нет партнера и у тебя тоже нет, так что, может быть, мы можем пойти вместе.

Он уставился на меня. Если мое сердце станет биться еще быстрее, то я просто упаду в обморок. Я стараюсь сохранять спокойствие, выглядеть так, словно все это вполне обычно, ничего особенного не происходит.

- Тебя никто не пригласил? – спрашивает он.

³⁹ Сэр Уильям Уоллес (англ. sir William Wallace; ок. 1270 — 23 августа 1305, Лондон) - шотландский рыцарь и военачальник, предводитель шотландцев в войне за независимость от Англии. Хранитель Шотландии (регент) в 1297-1298 годы. Почитается в Шотландии как патриот и народный герой.

⁴⁰ «Колеса Фортуны» (англ. Wheel of Fortune) - американское игровое шоу, созданное Мервом Гриффином. Аналогом американского «Колеса Фортуны» является наш «Поле чудес».

Ну почему все продолжают задавать этот вопрос?

- Нет.

Его глаза чуть светлеют. – Конечно, почему нет? Свидание с Королевой Елизаветой, - улыбается он.

Я ничего не могу поделать с собой и улыбаюсь в ответ. – Очевидно, все состоится в субботу, с семи и до полуночи, – я указываю на баннер. Он поворачивается и смотрит на него.

- Я даже не знаю, куда заехать за тобой, - говорит он. Я быстро протараторила свой адрес и стала объяснять, как туда доехать. Он останавливает меня, смеясь на выдохе. Он трясет головой и поворачивается к шкафчику, чтобы достать ручку. Затем берет мое запястье, и немедленно мое тело отзывается электрическим покалыванием.

- Пришли мне свой адрес на электронную почту, - говорит он. Он отгибает мои пальцы и пишет свой е-мейл прямо зелеными чернилами на моей ладони.

- Хорошо, - говорю я неожиданно тонким и дрожащим голосом. Прядь волос падает на мое лицо, и я снова запрокидываю ее за ухо.

Он закрывает ручку и перебрасывает рюкзак через плечо. – В семь?

- Хорошо, - снова говорю я. Кажется, он лишил меня дара речи простым прикосновением. Может быть, Анжела права. Может быть, то, что в моем видении мы держались за руки значит, что частью моего предназначения является заполучить этого шикарного парня в свои бойфренды. И это не так уж плохо.

- Что ж, меня взяли на поруки, - говорит он, вырывая меня из фантазий.

Его рот искривляется в полуулыбке, которой он поражает всех девушек. Внезапно он снова похож на себя, ситуация с Кей на мгновение забыта.

- Увидимся в субботу, - говорит он.

- Увидимся.

Когда он уходит, я сжимаю ладонь с написанным на ней е-мейлом в кулак. Это была гениальная идея.

Я иду на танцы с Кристианом Прескоттом.

Мама снова плачет. Я стою перед большим зеркалом в ее спальне за несколько минут до семи часов вечера в ночь танцев, и она плачет, не хнычет или что-нибудь такое, потому что это будет слишком недостойно ее, а по-настоящему плачет, слезы катятся по ее щекам. В одно мгновение она помогает мне продеть две серебристые ленты сквозь мои волосы, нечто в греческом стиле, а в следующее уже сидит на краешке своей кровати и безмолвно плачет.

- Мам... - говорю я безнадежно.

- Я просто так счастлива за тебя, - она сморкается, смущенная.

- Да уж. Счастлива, - я не могу подавить замешательство, вызванное ее поведением. – Свяжи ленты вместе, ладно? Он появится с минуты на минуту.

Она улыбается.

- Серебристый «Аваланш» появился на подъездной дорожке, - кричит Джефффри снизу. Мама встает.

- Ты оставайся здесь, - говорит она, вытирая глаза. – Для парней всегда лучше немного подождать.

Я подхожу к окну и, незамеченная, наблюдаю за тем, как Кристиан подъезжает к дому и паркуется. Он поправляет галстук и пропускает ладони через взъерошенные темные волосы перед тем, как подойти к двери. Я кидаю последний взгляд на свое отражение в зеркале. Тема «Мифическая любовь» должна навевать мысли о мифических богах и богинях. О Геркулесе, например, так что мое платье в греческом стиле подойдет идеально. Мои волосы волнами спадают вдоль спины, так что мне не пришлось бороться с ними, чтобы собрать их в какую-нибудь прическу. Скоро мне придется снова покрасить их. Уже становятся видны корни золотистого цвета.

- А вот и она, - произносит мама, когда я появляюсь на вершине лестницы. Она и Кристиан смотрят прямо на меня. Я улыбаюсь и осторожно спускаюсь вниз по ступенькам.

- Вау, - произносит Кристиан, когда я останавливаюсь перед ним. Его взгляд скользит по мне от головы до пят. – Красиво.

Я не уверена, говорит ли он о платье или обо мне. Но в любом случае, я польщена.

На нем надет блестящий черный смокинг с серебристым воротником и галстуком, белая рубашка с запонками и все, что нужно. Он выглядит буквально аппетитно. Даже мама не может оторвать от него глаз.

- Ты здорово выглядишь, - говорю я.

- Кристиан сказал мне, что живет неподалеку, - говорит мама, ее глаза сияют, ни следа прежних слез. – В трех милях к востоку отсюда, кажется так?

- Точно, - говорит он, все еще глядя на меня.

- У тебя есть братья или сестры? – спрашивает она.

- Нет, только я один.

- Нам нужно ехать, - говорю я, потому что чувствую, что мама пытается выяснить, что в конечном счете значит мое видение, и я боюсь, что это испугает его.

- Вы вместе смотрите просто потрясающе, - говорит мама. – Могу я вас сфотографировать?

- Конечно, - отвечает Кристиан.

Мама убегает в кабинет за камерой. Мы с Кристианом ждем ее в полной тишине. Он пахнет потрясающе, поразительной смесью мыла, парфюма и чего-то, присущего только ему. Феромоны, предполагаю я, но на самом деле, все это больше похоже на химию между нами.

Я улыбаюсь ему. – Спасибо за терпение. Ты знаешь, какими могут быть мамы.

Он не отвечает, и я спрашиваю себя, будет ли у нас шанс сделать шаг вперед в наших отношениях сегодня. Затем мама возвращается, и заставляет нас встать напротив двери, пока она фотографирует. Кристиан приобнимает меня, его ладонь слегка касается середины моей спины. Дрожь пронзает мое тело. Есть что-то, что происходит между нами, когда мы прикасаемся друг к другу, что я не могу объяснить, но что делает меня слабее и сильнее в одно и то же время, заставляя кровь нестись по сосудам, а воздух перемещаться из моих легких и обратно. Словно мое тело узнает его. Я не знаю, что это значит, но кажется, мне это нравится.

- О, я забыла, - говорю я после вспышки фотокамеры. – У меня есть бутоньерка.

Я устремляюсь на кухню, чтобы вытащить ее из холодильника. – Вот, - говорю я, возвращаясь назад. Я делаю шаг к Кристиану, чтобы прикрепить бутоньерку, единственную белую розу и немного зелени, к его лацкану, и тут же прокалываю свой палец булавкой.

- Ох, - произносит он, вздрагивая, словно иголка пронзила его палец, а не мой. Я поднимаю палец вверх, и на нем выступает единственная капелька крови.

Кристиан берет мою ладонь и осматривает ее. Мое дыхание сбивается. Я могу привыкнуть к этому.

- Как думаешь, переживешь это? – говорит он, смотря в мои глаза, и мне приходится закрыть их, чтобы успокоить дыхание.

- Думаю, смогу. Уже даже и кровь не идет, - я взяла у мамы платок и приложила его к кончику пальца, стараясь не запачкать платье.

- Давай попробуем еще раз, - говорю я и в этот раз подхожу ближе, наше дыхание смешивается, пока я осторожно прикрепляю бутоньерку. Это то же чувство, как когда мы вместе лежали на снегу на лыжном склоне, на расстоянии вдоха. Словно я могу наклониться и поцеловать его, даже здесь, перед мамой. Я быстро делаю шаг назад, размышляя над тем, что все сегодня пойдет или очень хорошо, или очень плохо.

- Спасибо, - говорит он, смотря вниз, на дело моих рук. – У меня для тебя тоже есть бутоньерка, но она в машине. – Он поворачивается к маме. – Было приятно познакомиться, миссис Гарднер.

- Пожалуйста, называй меня Мегги.

Он сердечно кивает.

- Возвращайся домой до полуночи, - добавляет мама. Я гляжу на нее во все глаза. Не может же она правда так сказать. Танцы даже не закончатся к полуночи.

- Можем идти? – спрашивает Кристиан прежде чем я успеваю придумать достойный аргумент для мамы. Он предлагает мне свою руку, и я сгибаю свою в локте.

- Да, можем, - отвечаю я, и мы удаляемся отсюда.

Перед дверью художественного музея в Джеконе, где проводится бал, девушкам выдают нежные лавровые венки, сделанные из серебристых, выкрашенных спреем, листьев, а парням – длинные полосы из белой ткани, которые, как предполагается, они должны надеть через плечо, поверх смокингов, на манер тог. Теперь, когда мы официально выглядим как древние греки, нам разрешается пройти в зал, где бал уже в самом разгаре.

- Сначала сфотографируемся? – говорит Кристиан. – Очередь не слишком большая.

- Конечно.

Медленная мелодия начинает звучать, как раз тогда, когда мы направляемся в зону для фотографирования. Я вижу, как Джейсон Ловетт приглашает Венди на танец. Она выглядит как настоящая принцесса в моем розовом платье. Она кивает, и в следующее мгновение они обнимают друг друга и начинают покачиваться не совсем в такт музыке. Это восхитительно. Также в углу я замечаю Такера, танцующего с рыжеволосой девушкой, которую не знаю. Он видит меня и почти начинает приветственно махать, но потом замечает Кристиана. Его взгляд перебегает с него на меня, будто он старается понять, что же произошло между нами с прошлой субботы, когда я сказала, что меня никто не пригласил на танцы.

- Так, вы двое, подходите, - говорит фотограф. Кристиан и я поднимаемся на платформу, которую здесь соорудили. Кристиан встает позади и свободно смыкает свои руки вокруг меня, будто это самая естественная вещь на свете. Я улыбаюсь. Камера вспышивает.

- Пойдем, давай танцевать, - говорит Кристиан.

Неожиданно счастливая, я следую за ним на танцпол, покрытый дымом и усыпанный белыми розами. Он берет мою руку и крутит меня, а потом ловит в свои объятия, все еще слегка сжимая мои ладони своими. Я проваливаюсь в электрическое ощущение, которое проходит сквозь меня, будто я залпом выпила чашку кофе.

- Так ты умеешь танцевать, - говорю я, пока он умело ведет нас в танце сквозь толпу.

- Чуть-чуть, - усмехается он. Он точно знает, как вести, и я расслабляюсь, позволяя ему, идти туда, куда он хочет, делая попытку смотреть ему в лицо, а не на наши ноги, движущиеся сквозь дым и розы, или на людей, которые, я чувствую, пристально наблюдают за нами.

Я наступаю на его ногу. Дважды. И я еще считала, что умею танцевать.

Я стараюсь не глазеть на него. Но время от времени меня до сих пор поражает видеть его вот так, прямо перед собой. Это напоминает историю, которую рассказывала мне мама, о скульпторе, чья статуя неожиданно ожила. Так я думаю о Кристиане сейчас. Он жив, во плоти, в том понимании, которое кажется невозможным. Словно я создала его из набросков, которые рисовала в дни, когда впервые увидела его в своем видении. Из своей мечты.

Но это не сказка, напоминаю я себе. Я здесь ради своего предназначения. Я должна понять, что сведет нас вместе в том лесу.

- Так ты говорил, что дядя брал тебя с собой в поход? Вы были недалеко от города? – спрашиваю я.

Он выглядит смущенным. – О... Это было в Титоне. Место вдали от проезжих дорог.

- То есть вы добирались туда не на машине?

- Нет, мы шли пешком.- Он по-прежнему не поддерживает выбранную мной тему разговора.

- Я спрашиваю потому, что хочу пойти в поход этим летом. И тоже хочу попробовать пешие прогулки. Спать под звездами. Мы никогда не делали ничего подобного в Калифорнии.

- Тогда вы переехали в правильное место, - отвечает он. – Написаны целые книги о чудесных местах для походов в этой местности.

Я спрашиваю себя, будем ли мы с ним в одном кемпинге, когда начнется лесной пожар.

Мы танцуем под финальные аккорды песни, затем она заканчивается, и мы отступаем друг от друга, немного неловко.

- Знаешь, чего мне захотелось прямо сейчас? – говорю я, чтобы прервать тишину. – Пунш.

Мы идем к столу с закусками и нагружаем пластиковые тарелки оливками, крекерами и сыром Фета. Я не беру много, потому что не уверена, как это отразится на моем дыхании. Мы находим пустой стол и садимся. Я замечаю Анжелу, возвращающуюся в танце с высоким светловолосым парнем, которого я пару раз видела в школьном коридоре. Тейлор Какой-то⁴¹, кажется, называла она его имя. Кроваво-красное платье, которое мама сшила для нее, выглядит потрясающе. Она подвела свои золотистые глаза

⁴¹ Намек на то, что Клара не помнит его фамилии

угольно-черным карандашом, линия приподнимается в уголках глаз, делая ее похожей на египтянку. Если этот танец и имеет отношение к мифической любви, тогда она и правда богиня. Но только та, которая принимает кровавые жертвы. Анжела ловит мой взгляд и поднимает палец вверх, а потом продолжает зазывно танцевать вокруг парня, который просто стоит, подпрыгивая под музыку.

- Ты дружишь с Анжелой? – спрашивает Кристиан.

- Ага.

- Она довольно напористая.

- Ты не первый говоришь мне это, - смеюсь я в ответ, потому что он и понятия не имеет насколько сумасшедше напористой она может быть. Он не слышал ее размышления о возможности Интэнджа читать мысли. – Я думаю, люди пугаются того, насколько она умна. Также как они оказываются под впечатлением от тебя... - я останавливаю саму себя.

- Что? Ты думаешь, люди боятся меня? Почему?

- Потому что ты такой безупречный и популярный, и ты хорош во всем, что пробуешь делать.

- Безупречный, - усмехается он, и ему хватает такта выглядеть смущенным.

- Это довольно скучно, вообще-то.

Он смеется. Затем он наклоняется через стол и берет мою руку, заставляя мои нервы воспламениться.

- Поверь мне, я не совершенство, - говорит он.

С этой точки зрения дела идут неплохо. Кристиан выглядит как модель. Он очаровательный, внимательный, чуткий. Это если не упомянуть его сексуальность. На мгновение я забываю о своем предназначении. Я просто танцую. Позволяю волшебному чувству его близости ко мне заполнить меня, пока все остальное не исчезает. Я в буквальном смысле наслаждаюсь жизнью.

До тех пор пока не появляется Кей. Конечно, она великолепна в этих лавандовых кружевах, обнимающих ее плечи и делающих акцент на тонкой талии. Ее темные волосы заколоты, кудри каскадом спадают до уровня шеи. Что-то в ее волосах ловит свет ламп и сверкает. Ее рука в белой шелковой перчатке длиной до локтя обвивается вокруг талии ее спутника, когда они входят в зал, она смеется, глядя в его лицо, будто чудесно проводит время. Она даже не смотрит в нашем направлении. Она ведет своего партнера на танцпол, где как раз началась следующая медленная мелодия.

Кристиан прижимает меня ближе. Наши тела движутся в унисон. Моя голова идеально устроилась на изгибе его плеча. Я ничего не могу поделать - просто закрываю глаза и вдыхаю его запах. И неожиданно, у меня снова видение, самое сильное из всех.

Я иду по грязной дороге через лес. Машина Кристиана припаркована на обочине. Я чувствую запах дыма. Моя голова как в тумане от него. Я начинаю отходить в сторону от дороги, глубже в лес. Я не беспокоюсь. Точно знаю, где найти его. Ноги сами несут меня в нужное место, и я даже не направляю их. Когда я вижу его, стоящего спиной ко мне в своей черной куртке, держащего руки в карманах, меня наполняет знакомая тоска. Сила этой печали такова, что мне трудно дышать. Я настолько хрупка в этот момент, словно могу разбиться на миллион осколков.

- Кристиан, - зову я.

Он поворачивается. Он смотрит на меня со смесью печали и облегчения.

- Это ты, - говорит он. Он идет в мою сторону. Позади него пламя вздымается над холмом. Оно бушует вокруг нас, но я не чувствую страха. Мы с Кристианом идем друг к другу, пока не оказываемся лицом к лицу.

- Это я, - отвечаю. – Я здесь, - наклоняюсь вперед и беру его за руку, что кажется настолько простым, будто я была с ним всю мою жизнь. Он поднимает другую руку, чтобы прикоснуться к моей щеке. Его кожа горяча, будто горит в огне, но я не отстраняюсь. Несколько мгновений мы стоим так, будто время остановилось, будто пожар не настигает нас. И потом мы внезапно оказываемся в объятиях друг друга, обнимая друг друга крепко, наши тела прижаты друг к другу, словно мы превращаемся в единое существо, и земля под нами падает.

И вот я снова на танцах, задыхаюсь в попытке сделать вдох. Я смотрю в зеленые расширенные глаза Кристиана. Мы больше не танцуем, остановились в центре танцпола и смотрим друг на друга. Мое сердце сейчас, кажется, выскочит из груди. Волна головокружения проходит сквозь меня, и я покачиваюсь, мои колени неожиданно пошатываются. Руки Кристиана поддерживают меня.

- Ты в порядке? – он быстро оглядывается по сторонам, чтобы убедиться смотрят ли на нас. И они смотрят. Через его плечо я вижу Кей, которая смотрит на меня с откровенной ненавистью во взгляде.

- Мне нужно на воздух, - я освобождаюсь из его объятий и выбегаю через дверь, ведущую на балкон, врываясь в холодный воздух. Облокотившись на стену, я закрываю глаза и стараюсь успокоить бешено бьющееся сердце.

- Клара?

Я открываю глаза. Кристиан стоит передо мной, выглядит он таким же потрясенным, как и я, его лицо бледно в свете электрических лампочек.

- Все в порядке, - говорю я, улыбаясь, чтобы доказать это. – Здесь просто немного душно.

- Я принесу тебе чего-нибудь попить, - говорит он, но никуда не уходит.

- Я в норме, – я чувствую себя глупо. Потом вспышка гнева. Я не просила ни о чем этом. И так, я улечу с Кристианом в моих руках. И что потом? Великолепный Кристиан Прескотт в будущем спасет мир, а моя роль будет сыграна. Я завершу – и принесу себя в жертву – моему предназначению.

Будто бы я массовка в чьей-то еще жизни.

- Я все-таки принесу пунш, - предлагает Кристиан.

Я покачала головой. – Это была плохая идея.

- Что?

- Ты не хочешь быть здесь со мной, - говорю я, встречая его взгляд. – Ты все еще думаешь о Кей. Он не отвечает.

- Я думала, что чувствую связь между нами, но... Я хотела понравиться тебе, по-настоящему понравиться. Так, как было... как есть у вас с Кей, у меня никогда не было такого. – К моему ужасу, на мои глаза наворачиваются слезы.

- Мне очень жаль, - произносит он, наконец, делая движение, чтобы прислониться к стене рядом со мной. Он серьезно смотрит на меня. – Ты очень нравишься мне, Клара.

Если бы он только знал, насколько это важно. Но прежде чем у меня появляется возможность ответить, дверь на балкон открывается. К нам заходит Бреди Хант.

- Объявляют короля бала, - говорит он, выжидающе глядя на Кристиана.

Кристиан явно колеблется.

- Ты должен идти, - говорю я. Бреди смотрит на меня с любопытством, прежде чем снова уйти внутрь. Кристиан подходит к двери и придерживает ее открытой для меня, но я качаю головой.

- Мне нужна еще минутка, окей? – я закрываю глаза до тех пор, пока не слышу, что дверь закрылась. Воздух неожиданно холоден. По очереди мистер Эриксон оглашает королевскую свиту⁴², которая почти полностью представлена школьными спортсменами.

- И королем бала становится... - произносит мистер Эриксон. В зале царит абсолютная тишина. - ...Кристиан Прескотт.

Я вхожу в зал как раз в тот момент, когда мисс Колберт, моя учительница французского, вручает Кристиану золотой скипетр. Кристиан мило улыбается. Он отлично справляется с всеобщим вниманием, как кинозвезда или политик. Может быть, он и станет президентом однажды. Мисс Колберт получает немного больше, чем нужно, удовольствия, прося Кристиана преклонить колено, чтобы она могла возложить корону из золотых листьев на его голову. Он благодарит ее, поднимается, чтобы помахать рукой неиствующей толпе.

Затем он отступает в сторону, пока мистер Эриксон объявляет свиту королевы вечера, и вот теперь я начинаю нервничать. Конечно, меня не назовут. Я даже не была номинирована. Я же клоун Бозо. Но каждая девушка в свите - подружка Кей. Что может значить только...

- И королевой бала становится... - говорит мистер Эриксон. - ...Кей Паттерсон.

Комната вибрирует от грома аплодисментов учеников, проголосовавших за нее. Кей восходит на сцену с бесконечной грацией и самообладанием. Она берет букет белых роз, и чуть отклоняется назад, пока мистер Эриксон снимает с нее серебристую ленту и на ее место возлагает широкую золотую.

- А сейчас, как принято, король и королева разделят совместный танец, - говорит мистер Эриксон.

На ум мне приходит вереница совсем неангельских слов.

⁴² Имеются ввиду люди, которые тоже были выбраны, но не смогли стать королем и королевой.

Кей выжидающе смотрит на Кристиана. Он смотрит вниз, словно решает что-то, но затем поднимает взгляд и снова улыбается. Когда начинает играть музыка, он подходит к Кей и берет ее за руку. Второй рукой она обнимает его за плечо. Они начинают танцевать. Все вокруг меня начинают оживленно судачить, наблюдая, как эта пара грациозно движется под музыку. Кристиан и Кей, снова вместе.

Я чувствую себя так, будто провалилась прямиком в ад.

- Привет, Морковка, - произносит голос рядом со мной.

Я вся съеживаюсь. – Не сейчас, Такер. Я не могу общаться с тобой сейчас.

- Потанцуй со мной, - просит он.

- Нет.

- Давай, ты выглядишь жалко, пока стоишь тут и смотришь, как твой партнер танцует с кем-то еще.

Я поворачиваюсь и сверкаю на него глазами. Но одно я могу точно сказать про него: он выглядит неплохо. Белая рубашка на фоне шеи подчеркивает загар. В смокинге его плечи выглядят широкими и сильными. Короткие рыжевато-коричневые волосы расчесаны и уложены. Его синие глаза мерцают в свете огней зала. Я даже чувствую запах парфюма.

- Хорошо, - соглашаюсь я.

Он предлагает руку, и я принимаю ее, затем мы направляемся к краю танцпола и я обвиваю свои руки вокруг его шеи. Он ничего не говорит, просто чуть покачивается на месте, глядя на мое лицо. Весь гнев проходит. Он делает мне одолжение, или, по крайней мере, похоже на то. Я осматриваю потолок в поисках предательского ведра со свиной кровью⁴³, которое он может на меня вылить.

- Где твоя партнерша?

- Что ж, это сложный вопрос. Зависит от того, что ты имеешь в виду.

- С кем ты сегодня пришел?

- С ней, - Такер указывает головой в сторону рыжеволосой девушки, стоящей вблизи стола с пуншем.

- И с ней, - продолжает он, глядя в сторону диджея, рядом с которым брюнетка, которую я не знаю, старшеклассница я думаю, делает заказ на песню.

- И с ней, - произносит он, наконец, и указывает на блондинку, танцующую очень близко от второго ближайшего кандидата на звание короля бала.

- Ты пришел с тремя девушками?

- Они из команды по родео, - говорит он, словно это все объясняет. – Ни у одной из них не было партнера для танцев, и я подумал, что единственный могу справиться со всеми тремя.

- Ты просто невероятный...

- А ты пришла с Кристианом Прескоттом, - говорит он. - Твоя мечта сбылась.

На мгновение все происходящее все больше напоминает ночной кошмар. Я бросаю взгляд через плечо на Кристиана и Кей. Кей, как можно было ожидать, плачет. Она прильнула к плечу Кристиана и рыдает.

Такер поворачивается, чтобы проследить за направлением моего взгляда.

Кристиан прижимает Кей еще ближе и что-то шепчет ей. Что бы это ни было, ей это не нравится. Она плачет еще сильнее.

- Господи, да я бы даже за деньги не хотел оказаться сейчас на его месте, - говорит Такер.

Я свирепо смотрю на него.

- Прости, - говорит он. - Я уже заткнулся.

- Да уж, пожалуйста.

Он улыбается, и мы заканчиваем наш танец, не говоря ни слова.

- Спасибо за танец, - произносит он.

- Спасибо за приглашение, - отвечаю я, все еще смотря на Кристиана. Его руки вокруг Кей. Ее лицо спрятано на его груди. Я не знаю, что делать. Просто стою здесь и смотрю на него. Он отстраняется от Кей и говорит ей что-то очень мягко, затем подводит ее к столу и выдвигает стул, чтобы она могла сесть. Он даже собирается принести ей пунша, но она отвергает это предложение. На

⁴³ Отсылка к первому опубликованному роману Стивена Кинга «Кэрри» (1974). Лейтмотивом всего произведения является кровь и все с ней связанное — первая менструальная кровь Кэрри, ее красное платье на балу, свиная кровь, как орудие мести Крис Хангерсен, менструальная кровь Сью Снелл в конце романа (она понимает, что не беременна).

ее лице видны высохшие дорожки от туши. Она выглядит измученной. В первое мгновение я думаю, что все это может быть уловкой, игрой, на подобии ее обычного образа соблазнительницы, но, видя ее, сгорбившуюся на этом стуле, невозможно ни поверить, что она искренне опустошена.

Кристиан подходит ко мне, заметно расстроенный.

- Мне очень жаль, - говорит он. – Я не знал, что все получится так...

- Я знаю, - отвечаю я тихо. – Все в порядке. Где партнер Кей?

Позволь ему успокоить ее, крутится в моей голове.

- Он ушел, - отвечает Кристиан.

- Он ушел, - повторяю я недоверчиво.

- Так что я подумал... - говорит Кристиан, начиная краснеть, - ...что я должен отвести Кей домой.

Я смотрю на него, ошеломленная.

- Потом я сразу же вернусь и заберу тебя, - быстро добавляет он. – Я подумал, что доставлю ее домой в целости и сохранности, а потом отвезу тебя.

- Я отвезу Клару домой, - говорит Такер, стоящий рядом с нами все это время.

- Нет, это займет всего несколько минут, - возражает Кристиан, выпрямляясь.

- Танцы закончатся через десять минут, - говорит Такер, - Хочешь, чтобы она подождала тебя на парковке?

Я чувствую себя Золушкой, сидящей посреди дороги с тыквой и парой мышей, пока Прекрасный принц⁴⁴ отправился спасать еще какую-то девчонку.

Кристиан выглядит больным из-за чувства вины.

- Иди и отвези Кей домой, - говорю я, практически давась словами. – Я поеду с Такером.

- С тобой все нормально?

- Конечно. Мне нужно быть дома к полуночи, помнишь?

- Я буду тебе очень обязан, - говорит он.

Я уверена, что вижу, как Такер закатывает глаза.

- Окей, - я смотрю на Такера, - мы можем ехать?

- Конечно.

После того, как я нахожу Венди и Анжелу и прощаюсь с ними, я жду в дверях, пока Такер обходит всех своих спутниц. Они смотрят на меня с чем-то напоминающим жалость во взгляде, и на мгновение я практически ненавижу Кристиана Прескотта. Мы едем, плотно прижатые друг к другу, в ржавом пикапе Такера, четыре девушки в выходных платьях, заполняющие собой всю кабину. Он высаживает блондинку первой, потому что она живет в Джексоне. Потом рыжую. Потом брюнетку.

- Пока, Фрай, - говорит она и выходит из машины.

Теперь в кабине только он и я. Пока мы едем к дороге Спринг Крик все тихо.

- Так... Фрай, да? – поддеваю я его через несколько минут, потому что не могу больше ехать в тишине. – Откуда такое прозвище?

- Да, - отвечает он, трясая головой, словно до сих пор сам этого не понимает. – В средней школе они называли меня Братец Так⁴⁵. А теперь просто Фрай⁴⁶. Но мои хорошие друзья зовут меня Так.

Когда мы подъезжаем к моему дому, я уже опаздываю на пятнадцать минут ко времени, установленному мамой. Я открываю дверцу, затем останавливаюсь и смотрю на него. – Ты можешь не говорить об этом... полном фиаско никому в школе?

- Они уже знают, - отвечает он. - Первое правило «Джексон Хай» – твои дела являются делами всех остальных.

Я вздыхаю.

⁴⁴ **Прекрасный принц** (англ. Prince Charming) - архетипичный образ, вымышленный герой литературного произведения, картины или фильма. Положительный герой, который приходит на помощь деве в беде, освобождая её от злодея, чудовища или наложенного на неё проклятия.

⁴⁵ **Братец Так** (англ. Friar Tuck) – состоял в отряде Робин Гуда. Братец Так, имея вид безобидного и кроткого монаха, очень часто применял различные уловки и хитрости, отвлекая внимание врагов и помогая людям Робин Гуда проскользнуть мимо людей шерифа незамеченными. Братец Так очень добрый и веселый человек, он нежно любит Мерион и заботится о ней. Так также очень храбрый человек и превосходный боец.

⁴⁶ **Фрай** (англ. Friar) – произношение первого слова в словосочетании «Friar Tuck», суть которого описана выше. Мы не уверены несет ли в данном случае это слово свою смысловую нагрузку в виде понятия «братец», поэтому оставляем его именно таким. Вы же можете заменять его словом «братец».

- Не беспокойся обо всем этом, - говорит он.
- Ага, они ведь забудут все к понедельнику, так?
- Точно, - говорит он. Я не могу понять, насмехается он надо мной или нет.
- Спасибо, что подвез, - говорю я. – Фрай.

Он усмехается, а потом ухмыляется. – Был рад помочь.

Он такой странный парень. И все страннее с каждой минутой.

- Увидимся, - говорю я и выпрыгиваю из грузовика, захлопываю за собой дверцу, и направляюсь к дому.

- Эй, Морковка, - зовет он неожиданно.

Я поворачиваюсь к нему. – Может мы станем лучше ладить, если ты не будешь меня так называть.

- Тебе же это нравится.
- Нет.
- Что ты нашла в таком парне, как Кристиан Прескотт? – спрашивает он.
- Не знаю, - отвечаю я устало. – Хочешь еще что-то?

На его щеке снова появляется ямочка. – Нет, - отвечает он.

- Тогда спокойной ночи.
- Спокойной, - говорит он, и уезжает в ночь.

Фонарь над лестницей загорается как раз тогда, когда я начинаю подниматься по ступенькам. Мама появляется в дверном проеме.

- Это ведь был не Кристиан, - говорит она.
- Потрясающая наблюдательность, мам.
- Что случилось?
- Он любит другую девушку, - отвечаю я и вытаскиваю из волос серебристую ленту.

Позже, в самый темный час ночи, мое видение превращается в кошмар. Я в лесу. За мной наблюдают. Я чувствую на себе взгляд янтарных глаз Черного Крыла. Затем он валит меня на землю. Он касается меня, его ледяные ладони высасывают все тепло из моего тела. Сосновые иглы вонзаются в мою спину. Его пальцы изгибаются рядом с пуговицей моих джинсов. Я кричу и стараюсь вырваться. Одна моя рука вцепляется в его крыло, и я вырываю целый клочок черных перьев. В моих пальцах они постепенно исчезают. Я продолжаю вырывать перья из его крыльев, каждое перо, словно частица зла, пока он внезапно не начинает растворяться облаком дыма, оставляя меня, кашляющую, задыхающуюся в грязи.

Я просыпаюсь, запутавшаяся в простынях. Кто-то стоит рядом с моей кроватью. Я делаю вдох, чтобы начать кричать снова, но рука этого человека накрывает мой рот.

- Клара, это я, - говорит Джеффри. Он убирает свою ладонь и садится на краешек моей кровати. – Я услышал, что ты кричишь. Плохой сон, да?

Мое сердце стучит так тяжело, что я слышу его подобно барабанной дробь. Я киваю.

- Хочешь, чтобы я позвал маму?
- Нет. Я в порядке.
- О чем был сон?

Он до сих пор не знает о Черном Крыле. Если я расскажу ему, сказала мама, то он станет еще более уязвимым для него. Я сглатываю.

- Бал прошел не совсем так, как я ожидала.
- Его брови сходятся вместе, и он хмурится. – У тебя был кошмар о танцах?
- Да, ночь была та еще...

Он смотрит на меня так, словно не верит моим словам, но я слишком устала для того, чтобы объяснить, что моя жизнь трещит по швам.

ГЛАВА 13. ДИНЬ-ДИНЬ

(Переводчик: Inmanejable; Редактор: [unreal])

Зазвонил мой телефон. Я вынимаю его из кармана, смотрю на экран и нажимаю «ПРОПУСТИТЬ», а затем обратно кладу в карман. На другом конце обеденного стола мама приподнимает брови.

- Снова Кристиан?

Отрезав кусочек французского тоста⁴⁷, я кладу его себе в рот, с трудом заставляя себя проглотить его. Мне кажется, что я сошла с ума, и это делает меня еще безумней, ведь обычно я люблю французские тосты.

- Может тебе следует поговорить с ним. Дай ему шанс все исправить, - говорит она.

Я кладу вилку на стол.

- Единственный возможный путь для него сделать все правильно, это построить машину времени и вернуться в ту ночь... - мой голос затих. И что? Он поворачивается спиной к Кей, в то время как она страдает? И возвращается ко мне домой? И целует меня на пороге? - Мне просто нужно какое-то время побыть в бешенстве, хорошо? Я знаю, возможно, это не самая разумная вещь, но так надо.

Телефон на кухне начинает звонить. Мы смотрим друг на друга.

- Я возьму, - говорит она, вставая со стула, чтобы снять трубку со стены.

- Алло? - говорит она. - Боюсь, она не хочет говорить с тобой.

Я сползла под стол. Мой французский тост уже остыл. Взяв тарелку, я иду на кухню, где мама, опираясь на барную стойку, стоит и кивает, слушая, что он говорит ей по телефону, словно она полностью принимает его сторону.

- Я действительно думаю, что тебе следует поговорить с ним, - произносит она, прикрывая ладонью динамик.

Выбросив свой французский тост в мусорную корзину, я споласкиваю в раковине свою тарелку и кладу ее в посудомоечную машину, а затем, вытерев руки кухонным полотенцем, протягиваю руку к телефону. Удивившись, она отдает его мне. Я подношу его к уху.

- Клара? - с надеждой говорит Кристиан.

- Послушайся совета, - говорю я в телефон и, сбросив вызов, передаю телефон маме.

Она достаточно умна, чтобы промолчать в тот момент, когда я пролетела мимо нее в свою спальню. Закрыв за собой дверь, я бросилась на кровать. Мне хотелось кричать в подушку.

Я не буду девушкой, которая позволяет парню относиться к ней как к дерьму. Я пошла на выпускной вечер с Кристианом Прескоттом. Я сказала себе, что он не должен быть волшебным. Он не должен быть романтичным. Это моя работа, не более. Но он не должен был закончиться тем, что я выбираюсь из грузовика Такера в конце вечера.

Теперь решаю я. Отныне Кристиан - это просто работа. Я пойду в лес и вытащу его оттуда, помогу там, где его поджидает опасность, и доведу до места, откуда он сможет уйти сам. Вот и все. Мне нужно быть его другом или кем-то еще в этом роде. Не держаться за руки. Не смотреть с восторгом в его глаза. В памяти всплывают трогательные картинки прошлого, и мне становится трудно дышать. Его горячая рука у моей щеки. Я закрываю глаза и проклиная тепло, заполнившее мой живот. Я проклиная это видение, не зная, что обманываю себя.

Снова раздался звонок телефона. Это Анжела. Стоит ответить.

- Ничего не говори, - выпаливаю я.

На другом конце провода повисла тишина.

- Ты там?

- Ты сказала ничего не говорить.

- Я имела в виду о последней ночи.

- Хорошо. Давай посмотрим. Моя мама решила запустить мюзикл «Оклахома!» в своем театре. Я пытаюсь отговорить ее от этого. Кто-нибудь слышал об «Оклахоме!» в Вайоминге⁴⁸?

⁴⁷ **Французские тосты** - сладкие гренки. Готовятся из пшеничного хлеба, предварительно смазываются яйцом, либо вымачиваются в молоке и посыпаются сахаром. Подаются к чаю, кофе, какао, другим напиткам, либо как самостоятельное блюдо.

⁴⁸ Ироничное замечание, построенное на том, что и Оклахома, и Вайоминг являются штатами.

- Все говорили об этом? - спрашиваю я. - После того как мы ушли?

Она замолкает на минуту, а затем быстро меняет тему:

- Сегодня была хорошая погода. Почти как летом.

- Анжела.

Она вздохнула, после чего добавила:

- Да.

Я застонала.

- Неужели они думают, что я полный придурок?

- Ну, я могу говорить только за себя, – говорит Анжела, и я практически могу услышать ее ухмылку, но начинаю улыбаться наперекор себе.- Приходи на обед, - продолжает она. - Моя мама готовит лапшу «Альфредо». Я придумаю что-нибудь, что поможет тебе лучше справиться со всем этим.

Я вздохнула от облегчения. Да благословит Бог Анжелу! Я никогда бы не смогла отвлечься от всего этого в доме, в котором постоянно звонит телефон и мама дышит в затылок.

- Когда я могу прийти?

- А как скоро ты сможешь? - отвечает она.

Анжела и я посетили двойной сеанс в кинотеатре «Титон»: фильм ужасов и боевик, полный безумного веселья, именно то, что доктор прописал. Потом мы тусовались на пустой сцене в «Розовой подвязке». Кажется, я начинаю любить это место. Оно словно наше с Анжелой тайное убежище, где никто не сможет нас найти. К тому же, у Анжелы здорово получается отвлекать меня от всех этих грустных мыслей.

- Здесь есть кое-что, что может поднять тебе настроение, - говорит она, когда мы сидим на краю сцены, болтая ногами в оркестровой яме. Встав, она вызывает свои крылья, после чего закрывает глаза. Ко мне на плечо садится муха. Я быстро от нее избавляюсь, но эти мухи в театре пугают меня. Они всегда летят на свет, опаляют свои крылья и падают. Я оглядываюсь на Анжелу. Ничего не изменилось.

- Я должна что-то увидеть? - через минуту спрашиваю я.

Она хмурится.

- Смотри внимательно.

С минуту ничего не происходило, но потом. Потом ее крылья начинают мерцать, будто воздух в жаркий летний день. Они медленно начинают изменять свою форму, сглаживаясь и трансформируясь. Анжела открывает глаза. Ее крылья похожи на огромные крылья бабочки, все еще белые, но сегментированные, усыпанные белыми чешуйками, которые вы сможете увидеть у бабочки, если посмотрите очень внимательно.

Я сижу с открытым ртом.

- Как ты это сделала?

Она улыбается.

- Я не могу менять цвет, - говорит она. - Я думала, что было б здорово иметь фиолетовые крылья, но ничего не получилось. Зато я могу заставить их выглядеть достаточно хорошо, если постараюсь.

- Что чувствуешь, когда они такие? – спросила я, наблюдая за гигантскими крыльями бабочки, движущиеся позади нее вперед и назад, что разительно отличается от движения наших оперенных крыльев. Она похожа на Динь-Динь⁴⁹.

- Более хрупкие, и я не думаю, что они будут также летать. Я даже не знаю, смогу ли летать вообще. Эти крылья - ограничение моего разума, но вообще я думаю, наши крылья могут быть всем, чем мы захотим. Мы видим оперенные крылья, потому что это типично для ангелов, но на самом деле это всего лишь инструмент. Мы сами выбираем форму.

⁴⁹ Динь-Динь, или Динь (англ. Tinker Bell, Tink) - фея из сказки Дж. Барри «Питер Пэн». Динь-Динь является, пожалуй, самой известной из всех сказочных фей.

Я смотрю на нее. Мне бы никогда не пришло бы в голову изменить форму своих крыльев.

- Вау, - говорю я, не в силах сказать больше.

- Здорово, правда?

- Что ты имеешь в виду, говоря, что они всего лишь инструмент? Они реальны для меня, - говорю я, думая о тяжести крыльев на моих лопатках, массе мышц, костей и перьев.

- Ты когда-нибудь задавалась вопросом, где наши крылья, когда их нет?

Я смотрю на неё, не моргая.

- Нет.

- Я думаю, они могут существовать между измерениями, - она очищает опилки со своих брюк. - Смотри.

Она снова закрывает свои глаза. Крылья бабочки растворяются, превращаясь в туманное облако, которое витает вокруг ее головы и плеч.

- Думаешь, у меня получится? - спрашиваю я, вставая и неловко вызывая свои крылья. Я ничего не могу сделать со своей внезапной вспышкой ревности. Она намного сильнее, чем я. Намного умнее во всем. У нее двойная доза ангельской крови.

- Я не знаю, - размышляет она. - Думаю, я могла унаследовать способность изменять вещи, хотя это имело бы смысл и в том случае, если бы все могли это делать.

Я закрываю свои глаза.

- Бабочка, - прошептала я.

Я открываю глаза. Все еще оперенные.

- Тебе нужно освободить свой разум, - говорит Анжела.

- Ты говоришь, прям как Йоода⁵⁰.

- Освободи свой разум, ты должна, - говорит она своим лучшим голосом Йоды, после чего поднимает руки над головой и тянется. Ее крылья исчезают.

- Это было невероятно круто, - говорю я ей.

- Я знаю.

В этот момент другая муха садиться прямо на мою рубашку. Я визжу, пытаюсь избавиться от нее, но слышу рядом истерический смех. Я так рада, что у меня есть такой друг как Анжела, который всегда напоминает мне о том, как здорово быть ангелом по крови, когда я чувствую себя ошибкой природы. Друг, который может заставить меня забыть о Кристиане Прескотте хотя бы на минуту.

Когда я возвращаюсь домой, то застаю Кристиана сидящим на крыльце. Свет бросает вокруг него мягкий ореол света, как прожектор на сцене. У него в руках кружка с, как я могу догадаться, малиновым чаем от моей мамы, которую он мгновенно ставит на крыльцо. При виде меня, Кристиан вскакивает на ноги. В этот момент мне искренне хочет улететь подальше отсюда.

- Мне жаль, - говорит он. - Я был тупым. Я был глупым. Я был идиотом.

Должна признать, что он действительно выглядит очаровательным, стоя там с рассеянным взглядом и говоря, как он глуп. Не справедливо.

Я вздохнула.

- Как долго ты здесь сидишь? - спросила я.

- Не долго. Около трех часов, - говорит он и показывает на кружку. - Бесплатная заправка заставила их походить на два.

Я отказываюсь улыбаться его шутке и прохожу мимо него в дом, в котором моя мама вдруг вскакивает с дивана и без слов направляется в свой офис. Вот за это я ей очень благодарна.

- Входи, - говорю я ему, когда становится ясно, что он не собирается уходить в ближайшее время.

Кристиан следует за мной на кухню.

- Хорошо, - говорю я. - Вот как обстоят дела. Мы не будем обсуждать выпускной вечер никогда, никогда вновь.

Его глаза моргают с облегчением. Я хватаю его кружку и ставлю ее рядом с раковиной, пользуясь при этом моментом, чтобы устоять.

- Давай начнем сначала, - говорю я, стоя к нему спиной.

Я думаю, было бы хорошо начать все с начала. Ни видений, ни ожиданий, ни унижений. Просто парень встречает девушку. Он и я.

⁵⁰ Йоода (англ. Yoda) - один из главных персонажей «Звёздных войн», мудрейший и самый сильный джедай своего времени.

- Хорошо.

- Я Клара, - произношу я, поворачиваясь к нему и протягивая руку.

Уголок рта поднимается, но он старается подавить улыбку.

- Я Кристиан, - бормочет он, беря меня за руку и нежно пожимая ее.

- Приятно познакомиться, Кристиан, - говорю я, словно он обычный парень. Словно, когда закрываю глаза, я не вижу его стоящего в посреди лесного пожара. Словно его прикосновения не вызывают приступ тоски и признания, струящиеся через меня.

- Взаимно.

Мы идем обратно на крыльцо. Я делаю побольше чая и приношу одеяло для него и для себя, а затем мы садимся на крыльцо смотреть на усыпанное звездами небо.

- Звезды никогда так ярко не светились в Калифорнии, - говорит он.

Я думаю также.

К тому времени, когда моя мама вышла из кабинета и вежливо (ну, и с упоением, я думаю) сообщила нам, что уже поздно, завтра нам в школу и Кристиану лучше пойти к себе домой, я знаю о нем гораздо больше. Я знаю, что он живет со своим дядей, который владеет банком в Джексон-Холл и парой бюро по продаже недвижимости в городе. О том, где его родители, он не вдавался в подробности, хотя я получила четкое представление о том, что они мертвы, причем мертвы уже в течение долгого времени. Кристиан очень привязан к своей экономке, Марте, которая рядом с ним с тех пор, как ему исполнилось десять лет. Он любит мексиканскую еду и, конечно, катание на лыжах, ну, и игру на гитаре.

- Хватит обо мне, - говорит он через некоторое время. - Давай поговорим лучше о тебе. Почему ты сюда приехала? - спрашивает он.

- О, эээ... - я ищу в своей голове отрепетированный ответ. - Моя мама. Она хотела выбраться из Калифорнии, переехать куда-то, где не так много людей, где можно подышать свежим воздухом. Она думала, что это было бы хорошо для нас.

- И это так? Я имею в виду, это хорошо для тебя?

- Вроде того. Я имею в виду, школа точно не из легких, все эти попытки подружиться, да и все подобное. - Я краснею и отвожу взгляд, интересно, он думает о прозвище Горячий Бозо, которое популярно среди его приятелей. - Но мне это нравится... Я чувствую, что мое место здесь.

- Я знаю, что это такое, - говорит он.

- Что?

Теперь его очередь выглядеть смущенным.

- Я просто имею в виду, когда я переехал сюда, мне было трудно некоторое время. Я не вписывался.

- Тебе было пять?

- Да, мне было пять лет, но даже тогда. Это странное место для переезда по многим причинам, особенно при переезде из Калифорнии. Я помню первые метели - я думал, что небо упадет.

Я смеюсь и слегка смещаюсь. Наши плечи соприкасаются. Бах! Даже через нашу одежду. Я отодвигаюсь. *Работа, Клара. Это всего лишь работа*, говорю я сама себе. *Не потеряй сейчас этого парня*. Я слегка кашляю.

- Но сейчас ты чувствуешь, словно принадлежишь этому месту, так?

Он кивает.

- Да, конечно. У меня нет сомнений в том, что я принадлежу этому месту.

Затем он рассказывает мне, что думает о предстоящей летом поездке в Нью-Йорк на какую-то там стажировку в бизнес-школе для учащихся средней классов.

- Я не в восторге при мысли об этой стажировке, но лето в Нью-Йорке звучит как приключение, - говорит он. - Я, наверное, поеду.

- На все лето? - спрашиваю я, немного опешивши. *Но как же пожар*, хочется мне сказать. *Ты не можешь уехать*.

- Мой дядя, - произносит он, но затем затихает. – Он хочет, чтобы я получил степень по бизнесу и пошел когда-нибудь работать в банк. У него есть некоторые ожидания. Ну, знаешь, вещи, которые я должен сделать, чтобы подготовиться и все такое, но, я не знаю, хочу ли я этого.

- Я понимаю, - говорю я, думая о том, что он не знает и половины. – Моя мама такая же, всегда ожидает от меня слишком многого. Она всегда говорила, что у меня есть цель в жизни, что я была рождена для чего и мне нужно выяснить что же это за цель. Совсем никакого давления, верно? Я боюсь подвести ее.

- Ну, - говорит он, обращаясь ко мне, и улыбается, заставляя мое сердце пуститься вскачь. – Похоже у нас обоих неприятности.

Оставшиеся недели в школе пролетели как в тумане. Кристиан звонил мне каждые несколько дней, и мы понемногу разговаривали. Он сидел рядом со мной в классе и постоянно шутил. Пару раз он даже обедал за моим столом, который полностью занят Невидимками. Благодаря всему этому в течение недели вся школа обсуждает, является ли происходящее между нами очередной горячей новостью. Интересно, причем тут я.

- Я же говорила, - сказала Анжела, когда я разговаривала с ней об этом. – Я никогда не ошибаюсь, Клара.

- Это утешает. Ты можешь сосредоточиться, пожалуйста? Я до сих пор ничего не знаю о пожаре. Я не знаю, потому он окажется там в тот день. Я не знаю, где это произойдет. Я подумала, что если я познакомлюсь с ним поближе, то смогу выяснить, но...

- У тебя еще есть время. Просто наслаждайся его компанией, - сказала она.

Венди, с другой стороны, едва маскирует свое неодобрение всей этой ситуации с Кристианом. Хотя ей никогда не нравилась эта идея.

- Я говорила тебе, - констатировала она чопорно. – Кристиан похож на Бога, а Боги не становятся хорошими парнями.

- Если ты попытаешься сосватать меня снова с Такером, оставь это. Хотя было очень мило с его стороны отвезти меня домой после выпускного вечера.

- Эй, я на твоей стороне. Я буду болеть за вас с Кристианом, если это то, чего тебе хочется.

- Спасибо, - говорю я.

- Даже если я думаю, что это большая ошибка.

У меня потрясающие друзья.

Я смущена поведением Кристиана, который внезапно начал очень сильно проявлять инициативу. Просто, когда я решила оставить между нами лишь профессиональные отношения, связанные с ангельскими делишками, он кажется решительно настроился на обратное, отчего моя голова идет кругом. Но он не спрашивает меня. Не прикасается ко мне. Я говорю себе, что меня не должно волновать то, что он делает или не делает.

- Серебряный «Авалаш» подъезжает к подъездной дорожке, - кричит Джеффри сверху.

- Ты что, охранник? - кричу я в ответ.

- Что-то вроде того.

- Спасибо за настороженность.

Я стою на крыльце, когда Кристиан подъезжает к дому.

- Привет, незнакомец, - говорю я.

- Привет, - он улыбается.

- Вот кого я не ожидала увидеть.

- Я хотел сказать до свидания, - говорит он. - Меня завтра отправляют в Нью-Йорк. - Он говорит это так, словно речь идет не о путешествии в Нью-Йорк, а поездке в школу-интернат.

- Да ладно, у тебя есть такая прекрасная возможность побывать в Большом яблоке. Мой папа живет в Нью-Йорке, знаешь ли, но я была там всего лишь один раз. Он все время работал, так что я провела целую неделю на диване смотря телевизор.

- Твой папа? Ты никогда не упоминала о нем раньше.

- Да, о нем мало, что можно вспомнить.

Он пожимает плечами.

- Также и с моим отцом.

Должна сказать, это довольно щекотливая тема. Интересно, мое лицо, когда я говорю об отце, выглядит нормально, хотя меня мало волнует все это.

Я стараюсь не думать.

- Это отстой. Школа закончилась всего два дня назад, а все уже разъехались, - скулю я. – Ты, Венди, Анжела, даже моя мама. Она собирается вернуться в Калифорнию из-за работы на следующей неделе. Я чувствую себя как глупая крыса, которая остается на тонущем корабле.

- Очень жаль, - говорит Кристиан. - Я напишу тебе, хорошо?

- Хорошо.

Его телефон зазвонил в кармане. Он вздохнул, но не ответил. Вместо этого он делает шаг ко мне, сокращая расстояние между нами. Все это похоже на картинки моего воображения. Словно он собирается взять меня за руку.

- Клара, - говорит он, и мое имя звучит как-то по-другому, когда его произносят его губы. - Я буду скучать.

Будешь? Думаю, да.

- «Блубелл» подъезжает, - слышится голос Джеффри из окна на втором этаже.

- Спасибо! - кричу я в ответ.

- Кто это? Твой брат? - спрашивает Кристиан.

- Да. Он, по-видимому, сторожевой пес.

- Кто такой «Блубелл»?

- Э-э... - ржавый синий грузовик Такера встает позади «Аваленш» Кристиана, и из него выходит Венди. Выражения ее лица непонятно, словно она смутилась от того, что обнаружила меня здесь с Кристианом. Она пытается улыбнуться.

- Привет, Кристиан, - говорит он.

- Привет, - отвечает он.

- Я хотела заскочить ненадолго, - говорит он. - Такер везет меня в аэропорт.

- Сегодня? Я думала, это будет по крайней мере завтра, - говорю я в смущении. Я не завернула твой подарок. Подожди здесь. – Я бегу в дом и возвращаюсь с «iPod Shuffle»⁵¹, который вручаю ей. – Я не смогла понять, что тебе может понадобиться на ветеринарной стажировке, кроме дополнительных носок, но они ведь не позволят тебе слушать музыку, когда ты работаешь, верно?

Она выглядит более шокированной, чем я предполагала. Ее улыбка все еще вымученная.

- Клара, - говорит он. – Это слишком...

- Я уже загрузила пару песен, которые тебе нравятся и нашла «Заклинателя лошадей». Я знаю, что ты практически выучила этот фильм.

Она смотрит на «iPod» в течение минуты, а затем сжимает его в руке.

- Спасибо.

- Не за что.

Такер начинает сигналить.

Венди поворачивается ко мне и говорит извиняющимся тоном:

- У меня нет времени. Мне нужно идти.

Мы обнимаемся.

- Я собираюсь очень сильно по тебе скучать, - шепчу я.

- Там есть платный телефон в магазине. Я буду звонить тебе, - говорит она.

⁵¹ **iPod shuffle** - цифровой аудио-плеер, разработан и продается компанией Apple, в качестве носителя данных использующий флеш-память. Отличается от других плееров компании отсутствием дисплея. Это самая маленькая модель iPod, которая первой стала использовать флэш-память.

- Было бы хорошо. Я чувствую себя покинутой здесь.

Такер высовывается в окно.

- Извини, сестренка, но нам пора. Мы не можем пропустить твой самолет.

- Верно, - Венди обнимает меня в последний раз, а затем садится в грузовик.

- Привет, Крис, - говорит Такер из окна машины Кристиану.

Кристиан улыбается.

- Как дела, братец Так?

Такер не выглядит особенно удивленным.

- Ты заблокировал меня, - говорит он. - Я мог бы тебя объехать, но не хочу портить их траву.

- Да, нет проблем, - Кристиан смотрит на меня. - Мне тоже уже пора.

- О, хорошо, но ты не мог бы остаться еще на минуту? - спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос не звучал умоляющим.

- Нет, мне на самом деле надо идти, - говорит он.

Он обнимает меня. Первое мгновения нам неловко, будто мы не знаем, куда деть руки, но потом знакомая магнитная сила берет верх, и наши тела идеально подходят друг к другу. Я опускаю свою голову на его плечо и закрываю глаза, которые держат деловую часть моего мозга во временной отключке.

Такер заводит двигатель. Я отступаю назад.

- Хорошо, позвони мне.

- Я вернусь в первую неделю августа, - говорит он. - И тогда мы будем больше общаться хорошо?

- Звучит как план. - Надеюсь, не случится, ну я не знаю, никаких *лесных пожаров*, прежде чем он вернется сюда. Может случиться или нет? Огня там не будет, если он там, верно? Разве можно упустить свою цель, потому что объект не хочет сотрудничать?

- Пока, Клара, - говорит Кристиан. Он кивает Такеру и идет обратно к своему «Аваланш», который просто кричит о жизни и делает «Блубелл» еще более старым и потертым. Я машу, когда оба грузовика выезжают и исчезают в лесу, оставив меня буквально в облаке пыли. Вздыхаю, и думаю о том, что прощание Кристиана казалось таким окончательным.

Через несколько дней я помогаю Анжеле собирать сумки в Италию, где она поводит каждое лето с семьей своей мамы.

- Думай об этом, как о тайм-ауте, - говорит Анжела, когда я хандрю в ее спальне.

- Тайм-аут? Знаешь, мне уже не два.

- Время для размышлений. Время, чтобы *научиться летать*, окончательно добиться триумфа и выяснить о других интересных вещах, которые ты умеешь делать.

Я вздыхаю и бросаю пару носков в ее чемодан.

- Я не люблю тебя, Анж. Я не могу делать те же вещи, что и ты.

- Ты не знаешь, что ты можешь делать, - говорит она как ни в чем ни бывало. - Ты не будешь знать, пока не попробуешь.

Я меняю тему, поднимая черную шелковую ночную сорочку, которая лежит вместе с остальными вещами.

- Что это? - спрашиваю я, глядя на нее.

Она выхватывает ткань из моих рук и кладет на дно чемодана. Ее лицо ничего не выражает.

- Есть сексуальный итальянский мальчик, о котором ты мне не рассказывала? - спрашиваю я.

Она не отвечает, но ее бледные щеки розовеют.

Я задыхаюсь.

- Все-таки *существует* сексуальный итальянский мальчик, про которого я не знаю!

- Мне надо сегодня лечь пораньше. Завтра будет долгий рейс.

- Джованни. Альберто. Марчелло, - говорю я все итальянские имена, которые я могу придумать и смотрю на ее реакцию.

- Заткнись.

- Твоя мама знает?

- Нет, - она хватает меня за руку и стаскивает с кровати. – И ты ей не скажешь, не так ли? Она будет волноваться.

- Почему я должна рассказать твоей маме? Мы ведь с ней не так близко общаемся.

Это большое дело. Обычно Анжела много говорит, когда дело доходит до мальчиков, но ничего серьезного. Но сейчас... я представляю ее с темноволосым итальянским мальчиком, рука об руку на узкой улице Рима, целующимися под арками, и сразу же начинаю ревновать.

- Только не надо, ладно, - она сжимает мою ладонь. – Обещай мне, что никому не расскажешь.

- Обещаю, - говорю я. Думаю, она слегка мелодраматична.

Она отказывается что-либо о нем говорить, закрыв свой рот сильнее, чем моллюск захлопывает свою раковину. Я помогла упаковать ей остальные вещи. Анжела вылетает завтра ранним утром из Айдахо-Фолс первым рейсом в такой безбожный час, что мне придется попрощаться с ней сегодня. В дверях театра мы крепко обнялись.

- Я буду скучать по тебе больше всего, - говорю я ей.

- Не волнуйся, - говорит она. – Я вернусь быстрее, чем ты думаешь и привезу с собой тонны новой информации для обсуждения.

- Хорошо.

- Держись, - говорит она, имитируя удары по руке. – И научись летать.

- Я научусь, - просопела я.

Это будет очень одинокое лето.

Следующим вечером я направилась после обеда в национальный парк «Гранд-Титон»⁵². Я припарковала машину около озера «Дженни»⁵³. Это маленькое тихое озеро в окружении деревьев и гор, возвышающихся над ним. Какое-то время я стою на берегу, смотря на заходящее солнце, прежде чем оно опустилось за горизонт. Я смотрю на белого пеликана скользящего над водной гладью. Он ныряет в воду и всплывает с рыбой. Это красиво.

Когда стемнело, я начала свой поход.

Невероятно тихо. Словно никого нет на свете. Я стараюсь расслабиться и дышать глубоко холодным воздухом соснового бора, позволяя ему заполнить меня. Хочу, чтобы все в моей жизни пропало, и я могла просто насладиться силой моих мышц, пока поднимаюсь. Я иду все выше и выше, за линию деревьев, ближе к небу, попутно высматривая хорошее место, чтобы остановиться. Я нахожу обрыв на склоне горы, где отпала земля. Карта называет это место «Источником Вдохновения». Думаю, это отличное место для моего эксперимента.

Я забираюсь на обрыв и смотрю вниз. Очень высоко. Я вижу, как озеро отражает луну.

- Я сделаю это, - шепчу я. Я вытягиваю руки, вызываю и выпрямляю крылья, после чего вновь смотрю вниз. Большая ошибка.

Но я собираюсь лететь, даже если это убьет меня. Я должна уметь летать. Я видела это в видении.

- Я должна стать легче, - говорю я, потирая руки. - Ничего трудного. Просто легче.

Делаю еще один глубокий вздох и думаю о пеликане, которого видела над озером, о том, как воздух просто несет его. Я расправляю крылья.

И прыгаю.

Я падаю как камень. Воздух бьет мне в лицо, выбивает кислород из легких, так что я даже не могу закричать. Деревья приближаются ко мне. Я пытаюсь подготовиться к соприкосновению с водной гладью, хотя понятие не имею, как это сделать. Эх, я действительно не продумала это до конца, но поняла это слишком поздно. Даже если падение не убьет меня, я могу приземлиться на сказы и сломать ноги, и никто не знает, что я здесь. Никто не найдет меня.

Просто прыгнуть с горы, ругаю я себя. Какая замечательная идея, Клара!

И именно тогда мои крылья материализовались и раскрылись. Мое тело дернулось вниз как у парашютиста, когда парашют наконец-то раскрывается. Я неуклюже раскачиваюсь в воздухе, пытаюсь

⁵² Гранд-Титон (англ. Grand Teton National Park) — национальный парк в США, на северо-западе штата Вайоминг. Имеет площадь около 130 000 га и включает большую часть горного хребта Титон и северную часть долины Джексон-Хол.

⁵³ Озеро «Дженни» (англ. Jenny Lake) - расположен в национальном парке Гранд-Титон в штате Вайоминг, США.

Перевод «Неземной» подготовлен специально для сайта <http://fallenarchangel.ru>
получить баланс. Мои крылья напряглись, чтобы нести мой вес, но они держат меня. Я несусь прочь от «Источника Вдохновения», подгоняемая ветром.

- Боже мой, - шепчу я. Я вдруг чувствую себя такой легкой. Меня переполняет чувство радости. Я без ума от адреналина, от этого чувства, что холодный воздух держит и даже приподнимает меня, и я не собираюсь умирать. Это лучшее чувство в моей жизни.

- Я лечу!

Конечно, я не летала много над верхушками деревьев, словно дельтаплан или чудовищно большая белка-летяга. Думаю, птицы в округе умирали со смеха, смотря, как я стараюсь не упасть. Я совсем не естественное, красивое ангельское существо, летящее в небе, но я еще не умерла, и это плюс.

Я взмахиваю своими крыльями еще раз, пытаюсь подняться выше, но вместо этого я лечу вниз к деревьям, пока мои ноги почти не коснулись верхних веток. Я стараюсь вспомнить единственную вещь, которую выучила на уроках аэродинамики, но не могу перенести любую из них на свои крылья. Полеты в реальной жизни - это не математическое уравнение. Всегда, когда я пытаюсь изменить направление, я переусердствую, теряю контроль и вижу перед глазами самые яркие моменты своей жизни, но потом вновь обретаю контроль. Лучшее, что я могу сделать сейчас, это махать крыльями, чтобы держаться в воздухе.

Я полетела к озеру. Когда я приблизилась, мое отражение было размытым и белым на фоне темного ночного неба. На мгновение я ощущаю себя пеликаном, ныряющим в воду. Я спускаюсь вниз и чувствую прохладу озера. Я танцую в свете луны и смеюсь.

Я сделаю это, говорю я себе. Я спасу его.

ГЛАВА 14. ПРЫЖОК С ДЕРЕВА

(Переводчик: lialilia; Редактор: [unreal])

20 июня – мой семнадцатый день рождения. Этим утром я просыпаюсь в совершенно пустом доме. Мама по работе уехала в Калифорнию на неделю. Джеффри был практически в самоволке все эти дни. Он только что сдал экзамен по вождению и получил дневные права (когда он узнал, что в Вайоминге пятнадцатилетние могут легально водить машину в течение дневного времени, то стал скучать по Калифорнии еще меньше, чем раньше), и с тех пор я нечасто его видела. Он был слишком занят, косясь по Джексону в своей новой машине, за которую спасибо нашему папочке. Единственный намек на то, что он все еще жив, - растущая гора немых тарелок, скапливающаяся в раковине.

На моей памяти это первый раз, когда на мой день рождения не будет вечеринки. И торта. И подарков. Мама вручила мне свой подарок перед отъездом в Калифорнию, солнечно-желтый сарафан, шелестящий вокруг моих голеней при ходьбе. Мне понравилось платье, но теперь, когда я стою в своей спальне и смотрю на него, висящее на вешалке, на такое милое, идеальное для вечеринки на день рождения или для вечернего выхода платье, я мгновенно чувствую себя подавленной. Я спускаюсь вниз и усаживаюсь за кухонным столом, поедая «Cheerios»⁵⁴, чувствуя себя еще более уныло оттого, что в доме нет бананов, которые я могла бы порезать в свои хлопья, и поворачиваюсь к маленькому кухонному телевизору, чтобы посмотреть новости.

Журналистка рассказывает о том, насколько сухим был этот сезон в Джексоне. Выпало только две трети обычной нормы снега, говорит она, и весенних стоков было недостаточно. Резервуар не наполнился. Она стоит у озера и указывает на низкий уровень воды. Можно четко увидеть до какого уровня вода доходит обычно, в этом месте цвет скал становится светлее.

- В этом году засуха может не повлиять на нас так сильно, как обычно, - говорит она, уставившись в камеру серьезными глазами. - Но с течением лета земля будет становиться суше и суше. Вероятно, пожары начнутся раньше обычного и будут более разрушительными.

Прошлой ночью я снова пробовала летать, на этот раз, держа в руках спортивную сумку. Я не смогла найти более подходящий эквивалент человеку. Я положила в сумку несколько банок супа и пару

⁵⁴ «Cheerios» - бренд готовых завтраков, принадлежащий компании «General Mills», который появился 1 Мая 1941 г. и первоначально, до 1945 года, назывался «CheeriOats». Американский аналог готовых завтраков «Nestlé».

галлонов⁵⁵ воды, а также одеяла и набивочный материал, вытащила ее на задний двор и попыталась взлететь со всем этим. Но безуспешно, а ведь это всего лишь половина веса Кристиана, может и меньше. И я даже под страхом смерти не могу оторваться от земли с этим. Все мои усилия, направленные на то, чтобы почувствовать себя легкой, такой, чтобы мои крылья могли поднять меня, оказались бесполезными, когда я попробовала поднять что-то тяжелое. Я слишком слабая.

Сейчас, когда я смотрю телевизор, по которому крутят ролики с предыдущими пожарами в этом районе, моя кожа покалывает, будто журналист обращается напрямую ко мне. И я поняла намек. *Нужно стараться лучше. Пожары скоро начнутся. Ты должна быть готова.*

Я провожу все утро, крася ногти на ногах и смотря телевизор. Мне нужно выйти погулять, говорю я себе, но я не могу придумать место, посещение которого не заставило бы меня чувствовать себя еще более одинокой.

Около полудня раздается стук во входную дверь. Я совсем не ожидала увидеть Такера Эвери на своем пороге, но это он и держит коробку из-под обуви у себя под мышкой. Солнце падает прямо на него.

Я открываю дверь:

- Привет.

- Привет, - он сжимает губы, чтобы сдержать улыбку. – Только проснулась?

И тут я понимаю, что на мне надета почти галлюциногенного розового цвета клетчатая пижама с надписью «Принцесса» поперек левой груди. Эта пижама – не моя идея, но она теплая и уютная. Я делаю шаг назад, за дверной проем.

- Чем я могу тебе помочь?

Он достает коробку.

– Венди хотела, чтобы я передал тебе это, - говорит Такер. – Сегодня.

Я осторожно принимаю коробку из его рук.

– Здесь же не змея, правда?

– Скоро узнаешь. – Ухмыляется он.

Я иду вглубь дома, но Такер все еще стоит на своем месте. Я смотрю на него с тревогой. Он чего-то ждет.

- Что, тебе нужны чаевые? - спрашиваю я.

- Конечно.

- У меня совсем нет наличных. Хочешь войти?

- Думал, ты уже никогда не предложишь.

Я жестом приглашаю его следовать за мной. - Подожди здесь. - Я ставлю обувную коробку на кухонный стол и быстро поднимаюсь вверх, чтобы надеть джинсы и желто-синюю фланелевую рубашку, после бросаю взгляд на себя в зеркало, и мгновенно заледеневаю. Мои рыжие волосы напоминают крысиное гнездо. Я забегаю в ванну и пытаюсь расчесать спутанные пряди, затем заплетаю волосы в длинную косу. Наношу чуть-чуть румян. Немного блеска для губ, и вот я вновь вполне презентабельна.

Когда я снова спускаюсь вниз, то нахожу Такера сидящим в гостиной на диване, с ногами в ботинках на нашем кофейном столике. Он смотрит в окно, где ветер треплет большую осину, и дерево представляет собой вихрь движений, каждый лист трепещет жизнью. Я люблю это дерево. Смотреть на него, восхищаться им, расслабляться, глядя на него. Мне хочется поместить Такера в маленькую безопасную коробку, где я смогу предсказать, чего он хочет, но он отказывается оставаться в ней.

- Милое дерево, - говорит он.

А у парня есть неожиданная мною глубина.

- Открывай, - говорит он, не глядя ни на меня, ни на обувную коробку на столе. Я беру коробку и поднимаю крышку. Внутри, завернутая в белую оберточную бумагу, пара ботинок для ходьбы фирмы «Vasque»⁵⁶. Они очевидно поношенные, чуть истертые по краям и на подошвах, хотя очень чистые и ухоженные. Это дорогие ботинки. Я спрашиваю себя, один ли у нас с Венди размер ноги, даже не смотря на то, что я гораздо выше, чем она. Мне интересно, как она смогла позволить себе такие шикарные ботинки, и почему, ради всего святого, она решила отдать их мне сейчас.

- Там есть записка, - говорит Такер.

⁵⁵ Галлон - мера объема, примерно равная 4,55 литрам.

⁵⁶ «Vasque» – американский производитель качественной туристической обуви.

Внутри одного из ботинок лежит карточка размером три на пять с наклонными каракулями Венди на передней и задней сторонах. Я начинаю читать.

Дорогая Клара, мне так жаль, что я не смогла быть с тобой в твой день рождения. Пока ты читаешь это, я, вероятно, убираю лошадиный навоз или хуже того, так что не слишком жалея себя! Эти ботинки – не твой подарок на день рождения. Я даю тебе их на время, так что береги их. Твой подарок – Такер. И пока ты не сделала это безумное выражение лица, послушай меня. Последний раз, когда мы разговаривали, твой голос звучал очень одиноко, и ты редко гуляла. Я отказываюсь разрешить тебе слоняться без дела по дому, когда вокруг тебя самая прекрасная природа на свете. Никто в мире не знает эти края лучше, чем Такер. Он лучший гид в этом районе, которого тебе когда-либо посчастливится встретить. И это действительно самый лучший подарок, который я могу тебе сделать. Крепко обнимаю! С любовью, Венди.

Я поднимаю глаза. Такер до сих пор смотрит на дерево. Я не знаю, что сказать.

- Она еще просила меня спеть тебе поздравительную песенку, будто я один из этих поющих разносчиков, - он смотрит на меня через плечо, уголок его рта приподнимается. – Я сказал ей, куда она может засунуть эту идею.

- Здесь написано...

- Я знаю.

Он вздыхает, будто ему предстоит крайне неприятная работенка, и встает, осматривает меня от кончиков пальцев до макушки, словно не уверен, что я готова к тому, что он для меня запланировал, что бы это ни было.

- Что? – спрашиваю я резко.

- Все хорошо. Но тебе следует подняться наверх и одеть костюм.

- Костюм? – это кажется уж совсем невероятным.

- Купальный костюм, - поясняет он.

- Мы собираемся плавать? – спрашиваю я, все еще неуверенная на счет всей этой идеи с Такером, не смотря на то, какими были намерения Венди. Я бросаю на него взгляд. Многие девчонки были бы в восторге от Такера Эвери в качестве подарка на день рождения, понимаю я, с его дождливыми синими глазами и золотистой загорелой кожей, и волосами, с ямочкой на его левой щеке. Перед моими глазами возникает убийственный образ Такера, одетого в большой подарочный бант и все.

С днем рождения, Клара.

Мои щеки становятся неожиданно горячими.

Такер не отвечает на мой вопрос про плавание. Могу предположить, что сюрприз является одной из частей этого опыта. Он снова указывает на второй этаж. Я улыбаюсь и бегу наверх, агонизируя в попытке выбрать, какой из моих калифорнийских бикини будет наименее унизителен в данной ситуации. Я останавливаюсь на купальнике глубокого сапфирового цвета, состоящего из двух частей, только потому, что из всех других он прикрывает наибольшую поверхность кожи. Затем я торопливо набрасываю джинсы и фланелевую рубашку, хватаю полотенце из бельевого шкафа и спускаюсь вниз, чтобы встретить Такера. Он говорит, чтобы я надела новые ботинки.

После того, как я оделась соответственно пожеланиям Такера, он провожает меня до своего грузовика и открывает для меня дверцу, прежде чем обойти его и сесть самому. Мы едем по грязной дороге прочь от моего дома в полной тишине. Мне жарко в моей фланелевой рубашке. Сегодня полноценный летний день, небо совершенно безоблачное и синее, и хотя здесь и не так жарко, как в Калифорнии, в такую погоду лучше ходить в шортах. Мне интересно, будет ли наша поездка длинной.

- В этой штучке есть кондиционер? – моя рубашка уже начинает прилипать к спине.

Такер переключается на следующую скорость. Затем перегибается через меня и открывает окно с моей стороны.

- Я и сама могла бы это сделать, - говорю я, уверенная в том, что он сделал это только для того, чтобы поддеть меня. Он улыбается, его улыбка легкая и расслабленная, и она каким-то образом заставляет меня почувствовать себя легче.

- Это окно может быть очень коварным, - вот все, что он говорит.

Я высовываю руку из окна и позволяю холодному горному воздуху течь сквозь пальцы. Такер начинает тихо насвистывать, мелодию, в которой я со временем узнаю «Danny Boy», песню, которую Венди пела на Весеннем Конкурсе Хоров. Его насвистывание звучит приятно, полностью попадает в мелодию.

Мы поворачиваем на шоссе перед школой.

- Куда мы направляемся? – спрашиваю я его.

- Хобек⁵⁷. – я слышала, как это слово упоминалось в школе, и видела его на дорожных знаках вдоль шоссе. Здесь есть каньон Хобек, тропа Хобек, если я ничего не путаю, и железнодорожная станция Хобек. Куда из перечисленного мы направляемся, я сказать не могу. Мы проезжаем школу, едем вниз по шоссе около получаса, и вот дома исчезают и вокруг снова только горы и лес. Неожиданно мы оказываемся в крошечном, лишь с одним дорожным знаком городишке Хобек. Дорога разделяется надвое в виде буквы Y прямо перед центральным магазином города. Такер направляет машину налево, и затем мы едем вдоль гор, а справа от нас течет быстрая река с зеленой водой.

- Это река Снейк⁵⁸? – спрашиваю я. Окно все еще опущено, и воздух бьет по мне, когда грузовик набирает скорость. Я засовываю руку обратно в салон.

- Нет, - отвечает он. – Это Хобек.

Я чувствую запах реки и низких сосен, преподающих к земле на стороне холма, и шалфея, тянущегося по другой стороне дороги.

- Мне нравится запах шалфея, - говорю я, делая глубокий вдох.

Такер фыркает. – Шалфей – истребитель. Он распространяется по земле со скоростью пожара, выпивает всю воду, впитывает все полезное из почвы, пока все остальное не погибает. Это милое маленькое растение, могу признать, но оно серое и в нем обожают прятаться клещи. Ты когда-нибудь видела клеща? – он бросает на меня взгляд.

На моем лице, видимо, отражается ужас, потому что он неожиданно закашливается и тихо добавляет, - Но шалфей действительно пахнет приятно.

Затем он съезжает с дороги на небольшую травянистую полянку.

- Мы на месте, - говорит он, поворачиваясь ко мне.

Мы паркуемся рядом с побитым бревенчатым забором, на котором висит большой оранжевый знак «Частная собственность. Будем стрелять в нарушителей». Такер поднимает бровь, будто проверяет, осмелюсь ли я на это. Он проскальзывает через зазор в ограде и подает мне руку. Я принимаю ее. Такер протаскивает меня через изгородь. Как только мы оказываемся на другой стороне, холм начинает спускаться вниз, к реке под крутым углом. Банки из-под пива разбросаны в кустах шалфея. Такер продолжает держать меня за руку и начинает спускаться по тропе, ведущей к огромному дереву, у самой кромки воды. Я неожиданно благодарна за крепость ботинок.

У кромки воды он оставляет свое полотенце у основания большого дерева и начинает стаскивать свою одежду. Я отворачиваюсь и начинаю медленно расстегивать пуговицы своей фланелевой рубашки. Мой купальник классный, убеждаю я себя. Я вовсе не скромница. Я делаю глубокий вдох и стягиваю с себя рубашку, а затем быстро снимаю джинсы и ботинки. И поворачиваюсь к Такеру. К моему облегчению, он смотрит на реку, хотя и может оценивать мою фигуру периферическим зрением, как мне кажется. Его красно-черные плавки длиной до колена. Все его тело золотисто-коричневое. Я быстро отвожу от него взгляд и сваливаю свою одежду и полотенце кучей рядом с него.

- И что теперь? – спрашиваю я.

- Теперь мы забираемся на дерево.

Я смотрю на ветви, которые слабо покачиваются на ветру. Несколько досок прибиты к стволу дерева наподобие ступенек лестницы. На одной из самых больших ветвей, которая простирается далеко над водой, кто-то закрепил длинный черный канат.

И, кажется, мы собираемся прыгнуть с этого каната прямо в реку.

Я снова оглядываю реку, и она кажется невероятно далекой и быстрой.

- Думаю, ты решил убить меня в мой день рождения, - поддеваю я его, надеясь, что он не заметит вспышки страха в моих глазах. Потомки ангелов умеют плавать. Мы нуждаемся в кислороде так же, как и обычные люди, хотя и можем, полагаю, задерживать дыхание дольше.

Ямочка на его щеке появляется снова.

⁵⁷ **Хобек** (англ. Hoback, Wyoming) - статистически обособленная местность, расположенная в округе Титон (штат Вайоминг, США).

⁵⁸ **Снейк** (англ. Snake River) - река на северо-западе США, крупнейший приток реки Колумбия. Её длина составляет около 1735 км. Берёт начало на западе штата Вайоминг, на территории национального парка Йеллоустон, и протекает через плато Снейк-Ривер, каньон Хеллс и холмистую местность Палус. Впадает в реку Колумбия на востоке штата Вашингтон. Бассейн реки Снейк охватывает части территории шести штатов США и представляет собой главным образом горы, разделённые равнинами.

- Почему бы мне не начать первым?

И без лишних слов он начинает забираться на дерево, его ладони и ступни находят дорогу наверх так легко, будто он проделывал это уже тысячу раз, что в некоторой степени успокаивает. Когда он достигает верхних веток, мне уже сложно даже разглядеть его, я замечаю только тень его загорелых ног то тут, то там или всполох его волос на фоне листвы и солнца, а потом перестаю видеть его вовсе. Но канат вдруг вздрагивает.

- Поднимайся сюда, - зовет Такер. - Это комната для двоих.

Я начинаю неуклюже забираться наверх. Умудряюсь при этом содрать кожу на колене и получаю занозу в ладонь, но не жалуясь. Последнее, чего мне хотелось бы, чтобы Такер Эвери подумал, что я малявка. Вдруг ладонь Такера появляется перед моим лицом, я хватаю ее, и он подтягивает меня на верхние ветки.

Отсюда мы можем видеть реку далеко вперед. Я ищу участки, на которых течение выравнивается или затихает, но их просто нет. Передо мной Такер обхватывает канат, который выглядит эластичным, как канат для банджи-джампинга⁵⁹. Он поворачивает лицо к солнцу и на минуту закрывает глаза.

- Они называют это террасой - говорит он.

- Это, в смысле, где мы стоим? Площадку на вершине дерева?

- Ага, - он открывает глаза. Я стою достаточно близко, чтобы увидеть, как его зрачки сокращаются от солнечного света.

- Отсюда, видимо, и знак частная собственность, - говорю я, поворачиваясь, чтобы осмотреть дорогу внизу.

- Думаю, владелец сейчас живет в Калифорнии, - говорит Такер, гримасничая.

- Ура нам, но мне не хочется, чтобы меня пристрелили в семнадцатый день рождения.

- Нет. - Такер еще раз проверяет веревку. Его колени чуть сгибаются. - Ты просто промокнешь, - говорит он и спрыгивает с дерева.

Канат стремительно летит к воде под углом. Такер отпускает его и вскрикивает, обрушиваясь в воду. Канат по инерции летит в обратном направлении, и я нагибаюсь вперед и хватаю его, все еще глядя вниз, где голова Такера высовывается из воды. Он поворачивается ко мне и машет рукой, пока течение относит его вниз по реке.

- Давай! - кричит он. - Тебе понравится!

Я делаю глубокий вдох, сжимаю канат крепче в своих ладонях и прыгаю.

Невероятно, какова разница между падением и полетом, а я уже успела повидать немало и того, и другого. Канат кренится к реке и вытягивается под тяжестью моего тела. Я сжимаю зубы, пытаюсь не вызвать крылья, но желание полететь так сильно. А потом я кричу и отпускаю веревку, потому что знаю, что если не сделаю этого, то она снова отнесет меня к дереву, и я врежусь в него.

Вода такая холодная, что из меня разом вышибает весь дух. Я вынырываю на поверхность и кашляю. Около минуты я не знаю, что делать. Я хорошая пловчиха, но не идеальная. Большей частью я плавала в бассейнах и на пляжах тихоокеанского побережья. Ничто не могло подготовить меня к тому, что река захватит меня и начнет швырять из стороны в сторону. Я снова набираю полный рот воды. На вкус она, как смесь грязи и льда, и чего-то еще, что мне не удастся идентифицировать, чего-то минерального. Я всплываю, отплываваясь, а затем начинаю двигаться к берегу, пока река не унесла меня вниз по течению, где никто меня никогда не разыщет. Я не вижу Такера. Паника нарастает в моем горле. Перед моими глазами возникает репортаж в новостях, печальные лица мамы, Анжелы, Венди, когда она осознает, что все это было ее виной.

Чья-то рука обвивается вокруг моего запястья. Я оборачиваюсь и почти сталкиваюсь головой с Такером. Его захват становится еще крепче, и он тянет меня за собой к берегу. Он сильный пловец. Все эти накачанные мускулы на руках, кажется, действительно помогают. А я не могу сделать ничего лучше, чем повиснуть на его плечах и направлять ноги в правильном направлении. И вот мы уже стараемся отдышаться на берегу. Я падаю на спину и смотрю на проплывающее пушистое облако.

- Что ж, - говорит Такер. - А ты смелая.

⁵⁹ Банджи-джампинг (англ. bungee jumping) — широко распространённый в мире аттракцион, часто называемый в России «тарзанка», хотя и имеющий с русской тарзанкой мало общего. На этом аттракционе участников привязывают к длинному резиновому канату, на котором они совершают прыжок вниз.

Я бросаю на него взгляд. С его волос стекает вода, падает на его шею, а потом я снова возвращаюсь к его глазам, которые выглядят невероятно синими и наполнены смехом. Мне хочется прибить его.

- Это было глупо. Мы оба могли утонуть.

- Неа, - отвечает он. – Река сейчас не настолько быстрая. Я видел ее гораздо хуже.

Я сажусь и разглядываю реку вплоть до дерева, которое выглядит сейчас, будто находится на расстоянии полумили.

- Полагаю, следующий шаг - снова забраться на дерево.

Такер посмеивается над раздражением в моем голосе. – Ага.

- Босиком.

- Здесь много песка, все не так плохо. Ты замерзла? - спрашивает он, и перед моими глазами на мгновение вспыхивает сцена, в которой он с удовольствием обнимает меня, если мне действительно холодно. Но я не замерзла, не сейчас, когда ярко светит солнце и вода почти испаряется с моей кожи. Просто немного влажно и зябко. Я стараюсь не думать о том, что Такер так близко, с его обнаженной грудью, пышущий жаром, в то время как я сижу здесь, одетая лишь в два кусочка ткани, и с животом, покрытым гусиным кожей..

Я встаю и начинаю идти к берегу. Такер подскакивает и идет рядом со мной.

- Прости, - говорит он. – Наверное, я должен был предупредить тебя, что река такая быстрая.

- Наверное, - соглашаюсь я, но я устала обижаться на Такера, когда, между прочим, именно он пришел мне на помощь на танцах. Я забыла об этом. И он сейчас здесь. – Все нормально.

- Хочешь попробовать еще раз? - спрашивает он, ямочка снова появляется, когда он улыбается мне. – Во второй раз это гораздо проще.

- Ты действительно хочешь меня убить, - я недоверчиво трясую головой. – Ты сумасшедший.

- Я работаю в рафтинг-компании⁶⁰ «Крейзи Ривер» все лето. Я в этой реке пять дней в неделю, а иногда и чаще.

Так что он был достаточно уверен, что в случае чего сможет вытащить меня из реки, не смотря на то, насколько плохая я пловчиха, но что если бы я ушла в воду до самого дна?

- Такер! – кричит кто-то сверху по течению. – Как вода?

На дереве сейчас по меньшей мере четыре или пять человек, двое других уже прыгают в воду. Никто из них не демонстрирует ни тени неуверенности в том, что сможет не добраться до берега. И именно это заставляет меня снова забраться на дерево. На этот раз я кричу, когда падаю, так, как делал Такер, и устремляюсь к берегу как только оказываюсь в воде. Когда я прыгаю в четвертый раз, мне уже не страшно. Я чувствую себя непобедимой. И в этом, понимаю я, и есть вся прелесть таких мест, как это.

- Ты Клара Гарднер, правильно? – спрашивает девушка, ожидающая своей очереди, чтобы подняться на дерево. Я киваю. Она представляется Авой Петерс, хотя мы и в одном классе по химии. Именно с ней я однажды видела Такера на лыжном склоне.

- В субботу у меня дома будет вечеринка, так что приходи, если хочешь, - говорит она мне. Будто я неожиданно стала членом ее клуба.

- Ох, - отвечаю я, ошеломленная. – Я приду. Спасибо.

Я посылаю Такеру благодарную улыбку, и он кивает с таким видом, будто приподнимает свою шляпу. И в первый раз я чувствую, что мы, может быть, станем друзьями.

Такер ведет меня пообедать в «Бубба». Даже в этой обычной кафешке-барбекю происходящее ощущается почти как настоящее свидание, и я чувствую себя немного напряженно, но когда приносят еду, и она оказывается потрясающе вкусной, я мгновенно расслабляюсь и набрасываюсь на нее, как волк. Я не ела ничего, кроме чашки хлопьев сегодня утром, и не могу вспомнить, была ли когда-нибудь еще так голодна. Такер наблюдает за мной, пока я вгрызаюсь в куриное крылышко, словно никогда не ела ничего вкуснее. Соус непередаваемо хорош. После того, как я справляюсь с четвертью цыпленка, фасолью и картофельным салатом, я поднимаю на него взгляд. Я почти уверена, что он скажет что-нибудь едкое насчет того, как я умяла свой обед. Я даже формулирую свой будущий ответ, что-нибудь, чтобы обратить внимание на то, что моим костям не помешает немного дополнительного мяса.

⁶⁰ Рафтинг-компании организуют спортивные или туристические сплавы по водотокам.

- Закажи ванильный пирог домашнего приготовления, - говорит он без тени осуждения. Он, наоборот, даже смотрит на меня с долей восхищения в глазах. — Они подают его с кусочком лимона, и когда ты съедаешь пирог, а потом кусаешь лимон, это на вкус как лимонное безе.

- Почему просто не заказать лимонное безе?

- Поверь мне, - отвечает он, и я обнаруживаю, что действительно доверяю ему.

- Хорошо, - я машу официанту, чтобы заказать пирог, который оказывается божественным.

- Вау, я так наелась, - говорю я. — Ты сможешь катить меня домой.

В течение минуты никто из нас не произносит ни слова, и моя фраза словно висит в воздухе между нами.

- Спасибо за сегодняшний день, - произношу я, наконец, обнаруживая, что с трудом могу встретиться с ним взглядом.

- Хороший день рождения?

- Да. Еще спасибо, что не растрепал в ресторане о моем дне рождения, чтобы они пришли и спели мне.

- Венди сказала, что ты возненавидишь это.

Я спрашиваю себя, как много из сегодняшнего дня было организовано Венди.

- Что ты делаешь завтра? — спрашивает Такер.

- Хм-м?

- У меня завтра выходной, и если хочешь, я могу показать тебе Йеллоустон⁶¹.

- Я там никогда не была.

- Я знаю.

Да он просто подарок, который не перестает себя дарить. Но Йеллоустон звучит гораздо лучше, чем просидеть весь день дома, переключая телевизор с канала на канал, беспокоясь о Джеффри и пытаюсь поднять сумку, соизмеримую по весу с Кристианом в воздух.

- Я с удовольствием посмотрю гейзер «Old Faithful»⁶², - соглашаюсь я.

- Окей, - он выглядит поразительно довольным собой. — Начнем оттуда.

ГЛАВА 15. НА ПРОГУЛКУ С ТАКЕРОМ

(Переводчик: lialilia; Редактор: [unreal])

Наша поход в Йеллоустон был омрачен лишь тем, что я случайно заговорила на корейском с туристкой, потерявшей собственного пятилетнего сына. Я помогла ей объясниться с рейнджером⁶³, и они нашли ребенка. Счастливая история, правда? Только если не учитывать ту часть, когда Такер смотрел на меня как на мутанта, пока я неубедительно объясняла, что у меня есть друг из Кореи в Калифорнии и что мне хорошо даются языки. Я не думала, что увижу его еще раз после этого случая, учитывая, что мой подарок Венди на мой день рождения уже точно можно было считать использованным. Но в субботу раздается стук дверь, и вот Такер снова здесь, и уже через час я обнаруживаю себя в большой надувной лодке с группой туристов, чувствую себя необъятной в ярком оранжевом спасательном жилете, который мы обязательно должны надеть. Я вижу как сильные, загорелые руки Такера сгибаются, когда он налегает на весло. Мы достигаем первого участка порогов. Лодка накрывается, вода разбрызгивается повсюду, и люди кричат, будто мы на американских горках. Такер ухмыляется мне. Я ухмыляюсь в ответ.

Той ночью он берет меня на вечеринку в дом Авы Петерс, и не отходит от меня в течение всего вечера, представляя людям, которые меня не знают. Я в восторге от того, как то, что я с ним, меняет все для меня в социальном плане. Когда я иду по коридорам «Джексон Хай», другие студенты смотрят на

⁶¹ **Национальный парк Йеллоустон** (англ. Yellowstone National Park) - международный биосферный заповедник, объект Всемирного Наследия ЮНЕСКО, первый в мире национальный парк (основан 1 марта 1872 года). Находится в США, на территории штатов Вайоминг, Монтана и Айдахо. Парк знаменит многочисленными гейзерами и другими геотермическими объектами, богатой живой природой, живописными ландшафтами.

⁶² **Гейзер «Old Faithful»** находится в Национальном парке Йеллоустон. Этот гейзер очень популярен у посетителей парка, так как он извергается чаще других гейзеров.

⁶³ **Рейнджер** — полицейский

меня с осторожным безразличием, не враждебно, но будто я нарушила границы их частной собственности. Даже внимание Кристиана в эти последние недели не изменило ничего и не заставило людей говорить *со мной*, а не *обо мне*. Но сейчас, когда рядом со мной Такер, другие ученики действительно общаются со мной. И их улыбки неожиданно искренние. Легко заметить, что все они, не смотря на то, к какой компании принадлежат или сколько денег зарабатывают их родители, искренне любят Такера. Парни кричат «Фрай!» и бьются с ним кулаками или делают этот их удар плечом. Девушки обнимают его и мурлычут на ухо свои приветствия, а потом смотрят на меня с любопытством, но достаточно дружелюбно.

Когда Такер уходит на кухню, чтобы принести мне напиток, Ава Петерс хватается меня за руку.

- Давно вы с Такером встречаетесь? – спрашивает она с хитрой улыбкой.

- Мы просто друзья, - отвечаю я, заикаясь.

- О... - она слегка хмурится. – Прости, я думала...

- Что ты думала? – спрашивает Такер, неожиданно появляясь рядом со мной с красными пластиковыми стаканчиками в обеих руках.

- Думала, что вы двое – пара, - отвечает Ава.

- Мы просто друзья, - говорит он, а затем бросает на меня быстрый взгляд и протягивает один из стаканчиков.

- Что это?

- Ром и кола. Надеюсь, тебе нравится кокосовый ром.

Я никогда не пробовала ром. И текилу, и водку, и виски, и ничего кроме крошечного глоточка вина на званых обедах время от времени. Моя мама жила во времена сухого закона⁶⁴. Но сейчас она в тысяче миль отсюда, вероятно, спит в своем номере в отеле «Маунтин-Вью», совершенно не подозревая, что ее дочь находится на вечеринке и уже в двух шагах от того, чтобы попробовать свой первый спиртной напиток.

Но то о чем она не узнает, не повредит ей. Ваше здоровье!

Я делаю глоток из стакана. И не чувствую ни малейшего привкуса кокоса или алкоголя. На вкус это старая добрая «Кока-кола».

- Очень вкусно, спасибо, - говорю я.

- Хорошая вечеринка, Ава, - говорит Такер.

- Спасибо, - отвечает она безмятежно. – Я рада, что ты здесь. Ты тоже, Клара. Здорово, наконец-то, познакомиться с тобой.

- Да, - отвечаю я. – Здорово, когда тебя знают.

Такер настолько отличается от Кристиана, размышляю я по пути домой. Он популярен, но совсем в другом смысле, не потому что богат (что уж точно не про него, не смотря на все его подработки, у него даже нет мобильного телефона) и не из-за привлекательной внешности (что, безусловно, про него, хотя его внешность больше сексуально-грубоватая, в то время как у Кристиана – сексуально-задумчивая). Кристиан популярен потому, как всегда говорит Венди, что он нечто вроде божества. Красивый, совершенный и немного отстраненный. Созданный для поклонения. Такер же популярен, потому что у него есть свои способы заставить людей чувствовать себя лучше.

- О чем ты думаешь? – спрашивает он, потому что я ничего не говорю уже какое-то время.

- Ты не такой, как я думала раньше.

Он продолжает смотреть на дорогу, но на его худой щеке появляется ямочка. – И что ты обо мне думала?

- Что ты грубая деревенщина.

- Господи, я что много грубил? – говорит он, смеясь.

- Будто сам не знаешь. Ты хотел, чтобы я так о тебе думала.

⁶⁴ **Сухой закон** был введен в США восемнадцатой поправкой Конституции США 17 декабря 1919 года. Потребление алкоголя официально запрещено не было, однако были запрещены его производство, продажа и транспортировка. В результате на производстве и импорте алкоголя нажились гангстерские группировки. Сухой закон был отменён двадцать первой поправкой 5 декабря 1933 года.

Он не отвечает. Я думаю, не сказала ли лишнего. Я никогда не могу держать язык за зубами в его присутствии.

- Ты тоже не такая, как я о тебе думал, - говорит он.

- Ты думал, что я испорченная девица из Калифорнии.

- Я до сих пор думаю, что ты испорченная девица из Калифорнии. – Я бью его в плечо. – Ай! Вот видишь?

- И какая я? – спрашиваю я, стараясь не показать своей нервозности. Это потрясающе, как неожиданно много для меня значит то, что он обо мне думает. Я смотрю в окно, выставив руку наружу, пока мы проезжаем мимо деревьев возле моего дома. Прикосновение воздуха летней ночи к моему лицу теплое и шелковистое. Полная луна над моей головой проливает на лес мечтательный свет. Слышен треск сверчков. Прохладный, напоенный ароматами сосны ветерок колышет листья деревьев. Идеальная ночь.

- Ну давай, почему я не такая? – снова спрашиваю я Такера.

- Это сложно объяснить, - он потирает шею. – В тебе гораздо больше, чем видно на первый взгляд.

- Хм-м. Как загадочно, - сказала я, отчаянно стараясь сохранить легкость в голосе.

- Да уж, ты как айсберг.

- Ха, спасибо. Думаю, проблема в том, что ты постоянно недооцениваешь меня.

Мы подъезжаем к моему дому, который кажется темным и пустым, и мне хочется остаться в машине. Я не готова к тому, что эта ночь закончится.

- Неа, - отвечает он. Он паркует машину и, поворачиваясь ко мне, смотрит на меня мрачным взглядом. – Я не удивлюсь, даже если окажется, что ты можешь долететь до луны.

Я судорожно вдыхаю.

- Не хочешь пособирать со мной завтра чернику? – спрашивает он.

- Чернику?

- Ее продают в городе по пятьдесят баксов за галлон⁶⁵. Я знаю место, где растет, наверное, сотня кустов. Я был там пару раз за лето. Еще не сезон, но некоторые ягоды уже должны были поспеть, потому что лето было жарким. Это хорошие деньги.

- Хорошо, - отвечаю я, удивляя саму себя. – Я иду.

Он выпрыгивает из машины и обходит ее, чтобы открыть для меня дверцу. Затем протягивает руку и помогает мне выбраться из грузовика.

- Спасибо, - бормочу я.

- Спокойной ночи, Морковка.

- Спокойной, Так.

Он прислоняется к машине и ждет, пока я зайду в дом. Я щелкаю выключателем светильника на крыльце и наблюдаю за ним из невидимого снаружи уголка гостиной, пока проржавевший фургон не скрывается среди деревьев. Затем я бегу вверх, в мою спальню и наблюдаю за светом фар, пока он медленно движется вниз по нашей дороге к основной магистрали.

Я смотрю на себя в большое зеркало на двери моего шкафа. Девушку, смотрящую на меня оттуда, швыряла из стороны в сторону река, и ее волосы, высохнув, завились в свободно ниспадающие вокруг лица волны. Она начинает загорать, хотя потомки ангелов не сгорают на солнце и заработать загар им не так просто. И завтра она окажется на склоне горы, охотясь за черникой с настоящим ковбоем родео.

- Что ты делаешь? – спрашиваю я девушку в зеркале. Она не отвечает. Она смотрит на меня яркими глазами, словно знает что-то, неведомое мне.

Я полностью оторвалась от окружающего мира. Анжела постоянно шлет мне е-мейлы, рассказывает о Риме и говорит, используя свой вариант секретного кода, что нашла потрясающий материал про ангелов. Она пишет об этом примерно так: «Сейчас на улице темно, но я скоро зажгу свет», что должно означать, что она нашла хорошую информацию о Черном Крыле. Когда она пишет

⁶⁵ Галлон - мера объема, примерно равная 4,55 литрам.

«Здесь так жарко, что мне постоянно приходится менять одежду», то я понимаю, что она тренируется менять форму крыльев. Она не рассказывает многого. Ничего о таинственном возлюбленном из Италии, но ее письма лучатся счастьем. Словно она очень хорошо проводит время.

Я также иногда получаю весточки от Венди, когда она может добраться до платного телефона. Ее голос звучит устало, но удовлетворенно, она проводит свои дни с лошадьми, учится у лучших преподавателей. Она не упоминает Такера, или то время, которое мы провели вместе в последние дни, но я подозреваю, что ей все про это известно.

Когда я получаю сообщение от Кристиана, то понимаю, что уже давно не думала о нем. Я была так занята, проводя время с Такером. У меня даже не было видений за последнее время. За эти недели я почти забыла, что являюсь ангелом, и просто позволила себе быть обыкновенной девушкой, проводящей совершенное в своем нормальности лето. Что замечательно само по себе, но заставляет меня чувствовать себя виноватой, потому что я должна, как предполагается, сконцентрироваться на предназначении.

В его сообщении говорится:

Ты когда-нибудь была в месте, которое могла бы полюбить всем сердцем, но все твои мысли были о возвращении домой?

Загадочно. И как обычно, когда дело касается Кристиана, я не знаю, что ответить.

Я слышу, как к дому подъезжает машина, а потом звук открывающейся двери гаража. Мама вернулась. Я быстро пробегаюсь по дому, чтобы убедиться, что все в порядке, посуда помыта, стиральная машина загружена, а Джеффри у себя наверху, все еще в состоянии комы после обильного завтрака. Все в порядке в доме Гарднеров. Когда она входит, везя за собой огромный чемодан, я сижу за кухонным столом с двумя высокими стаканами с охлажденным чаем.

- Добро пожаловать домой, - говорю я счастливо.

Она бросает чемодан и распахивает объятия. Я вскакиваю со своего стула и, не задумываясь, кидаюсь в ее руки. Она крепко обнимает меня, и это заставляет меня снова почувствовать себя маленьким ребенком. В безопасности. Будто все правильно. Словно ничто не было на своем месте без нее.

Она отходит назад и осматривает меня с ног до головы. — Ты выглядишь старше, - говорит она. — Семнадцатилетие тебе к лицу.

- Я чувствую себя старше, и сильнее, хотя не знаю почему.

- Я знаю. Ты должна становиться сильнее с каждым днем, теперь, когда ты приближаешься к исполнению своего предназначения. Твоя сила растет.

За этим следует неловкая тишина. И какие же у меня силы, на самом-то деле?

- Я могу летать теперь, - неожиданно вырывается у меня. Прошло две недели и сотня падений и царапин с «Источника Вдохновения», но я наконец-то разобралась, в чем дело. Я думаю, что она должна знать об этом. Я приподнимаю ногу и показываю ссадину на голени, которую получила, пролетев слишком близко к верхушке сосны.

- Клара! — восклицает она, и старается выглядеть довольной, но я могу сказать, что она огорчена, что не была здесь со мной, словно я ребенок, сделавший свой первый шаг, а она пропустила это.

- Мне легче делать это, когда ты не смотришь, - объясняю я. — Меньше давления, или вроде того.

- Что ж, я знала, что у тебя получится.

- Я в восторге от платья, которое ты мне подарила, - говорю я в попытке изменить тему разговора. — Может нам сходить поужинать вечером, и я тогда надену его?

- Звучит как план, - она отпускает меня, берет свой чемодан и тащит его по холлу, направляясь к своей спальне. Я иду следом.

- Как дела на работе? — спрашиваю я, пока она укладывает чемодан на кровать, открывает верхний ящик своего шкафа, и начинает укладывать нижнее белье и носки внутрь. Мне остается только покачать головой при взгляде на то, насколько она аккуратная, все ее белье сложено, распределено по цвету и уложено в идеальные маленькие ряды. Кажется невозможным, что мы родственники, она и я. - Разобралась со всеми проблемами?

- Да. Все стало лучше, в любом случае. Мне, правда, нужно было выбраться отсюда. — Она подошла к следующему ящику. — Но мне жаль, что я пропустила твой день рождения.

- Ничего страшного.

- Что ты делала?

Почему-то я не решаюсь рассказать ей о Такере и нашем прыжке с дерева, и том времени, которое провела с ним на этой неделе в походах, собирая чернику, о рафтинге, о том, что говорила по-корейски с посторонними людьми в его присутствии. Может, я боюсь того, что она посчитает Такера тем, чем в глубине души я признаю, он и является, - отвлекающим фактором. Она скажет, что я должна снова начать работать над миссией «Спасение Кристиана». Потом мне придется сказать ей, что даже если я чувствую, что стала гораздо сильнее сейчас, даже если я наконец-то могу летать, я не могу оторвать нагруженную сумку от земли. И она наградит меня тем самым взглядом и произнесет ту речь о легкости и силе, и том, что я способна сделать это только если смогу сконцентрироваться. Но я просто не хочу всего этого. Не сейчас, по крайней мере. Но кое-что я должна рассказать.

- Венди одолжила мне своего брата и пару спортивных ботинок, и он взял меня туда, где все ребята прыгают в реку Хобек, - сказала я на одном дыхании.

Мама смотрит на меня подозрительно.

- Венди *одолжила* тебе своего брата?

- Такера. Ты видела его, когда мы съехали с дороги зимой, помнишь?

- Мальчик, который привез тебя домой после танцев, - говорит она задумчиво.

- Да, это он. И спасибо, что вспомнила про *это*.

Около минуты никто из нас не говорит ни слова.

- Я купила тебе кое-что, - проговорила она, наконец. – Подарок.

Она открывает отделение чемодана и достает что-то, сделанное из темно-фиолетовой ткани. Это куртка, потрепанный вельветовый куртка, в точности того же цвета, что и мамина фиалка на кухонном подоконнике. Она скроет рыжий цвет моих волос и подчеркнет голубизну глаз. Она идеальна.

- Я знаю, что у тебя есть твоя парка⁶⁶, - говорит мама, – но я подумала, что ты можешь носить что-нибудь поярче. И в любом случае, в Вайоминге никогда не может быть слишком много курток.

- Спасибо, мне очень нравится.

Я наклоняюсь вперед, чтобы взять у нее куртку. И в мгновение, когда мои пальцы касаются мягкой, бархатистой ткани, я оказываюсь в видении, посреди леса.

Я спотыкаюсь и падаю, царапая кожу на правой ладони. У меня не было видений уже несколько недель, с танцев, когда я увидела себя, улетающую из пламени с Кристианом в руках. Сейчас видение не похоже на предыдущее, когда я шла к нему по склону холма. Но Кристиан все же здесь, дожидается меня, и когда я вижу его, то зову по имени, и он оборачивается, и я бегу к нему. Я скучала по нему, понимаю я, хотя и не могу разобраться, чувствую ли это сейчас или в будущем. С ним я ощущаю себя целостной. То, как он смотрит на меня, словно нуждается во мне. Только мне и ни в ком другом.

Я беру его ладонь. Скорбь также здесь, смешанная со всем остальным – эйфорией и страхом, решимостью и даже частицей старого доброго желания. Я ощущаю все это, но над всеми чувствами преобладает скорбь. Словно я потеряла самое дорогое в мире. Я склоняю голову и смотрю туда, где наши руки соединяются, рука Кристиана созданная так совершенно, словно рука хирурга. Ногти аккуратно подстрижены, кожа гладкая и почти горячая при прикосновении. Его большой палец гладит тыльную сторону моей ладони, рождая во мне дрожь. И потом я понимаю.

На мне надета фиолетовая куртка.

Я пришла в себя, и обнаружила маму, сидящей рядом со мной на кровати, с рукой, обвивающей мои плечи. Она сочувствующе улыбается, ее глаза обеспокоены.

- Прости, - говорю я.

- Не глупи, - отвечает она. – Я понимаю, каково это.

Иногда я забываю, что когда-то и у мамы было предназначение. Это было, вероятно, около ста лет назад, ведь она в то время была одного со мной возраста. Что (я быстро считаю про себя) приходится, примерно, на период с 1907 по 1914. Что значит, что дамы носили длинные белые платья, а мужчины высокие шляпы и густые, щетинистые усы, а также были конные повозки, корсеты и Лео ДиКаприо вскоре выиграет билет на Титаник. Я пытаюсь представить маму в то время, содрогающуюся от силы своих видений и лежащую в темноте, пытаюсь собрать куски головоломки воедино, понять в чем дело и что она должна сделать.

- С тобой все в порядке? – спрашивает она.

⁶⁶ Парка - это куртка удлиненного типа, часто прикрывающая верхнюю часть бедер. За ней закрепилось и другое название – «аляска».

- Я надену эту куртку, - отвечаю я дрожащим голосом. Она лежит на полу рядом с кроватью. Должно быть, выскользнула из моих рук, когда ко мне пришло видение.

- Хорошо, - отвечает мама. – Думаю, тебе пойдет.

- Нет. В видении. Там я была одета в эту куртку.

Ее глаза чуть расширяются.

- Время подходит, - она аккуратно заправляет прядь волос за мое ухо. – Все проясняется. Это случится в этом году, в этот сезон пожаров, я уверена.

То есть уже через несколько недель. Всего недель.

- Что, если я не готова?

Она улыбается понимающе. Ее глаза снова мерцают тем странным внутренним светом. Она поднимает руки и вытягивает их над головой, зевая. Она выглядит гораздо лучше. Не такой усталой. Не такой измученной и разочарованной во всем. Она выглядит как раньше, словно готова подпрыгнуть и начать тренировать меня заново, будто она взволнована на счет моего предназначение и решительно настроена помочь мне добиться успеха с ним.

- Ты будешь готова, - отвечает она.

- Откуда ты знаешь?

- Просто знаю, - отвечает она уверенно.

Следующим утром я тихонько пробираюсь вниз и быстро съедаю чашку хлопьев, стоя прямо посреди кухни, ожидая, когда послышится знакомый гул машины Такера на подъездной дорожке. Мама пугает меня, появившись в тот момент, когда я наливаю стакан апельсинового сока.

- Ты сегодня рано проснулась, - она осматривает новую, «лесную» версию меня в спортивных ботинках, водонепроницаемых шортах, спортивной рубашке-поло и рюкзаком через плечо. Уверена, что выгляжу словно сошла с рекламы «Eddie Bauer»⁶⁷. – Куда ты собираешься?

- На рыбалку, - отвечаю я, быстро проглатывая сок.

Ее брови поднимаются. Я никогда не ходила на рыбалку. Максимум мариновала лосось к обеду.

- С кем?

- С ребятами из школы, - отвечаю я, внутренне морщась. Не совсем неправда, уверяю я себя. Такер действительно парень из моей школы.

Она склоняет голову на одну сторону.

- А что это за запах? – спрашивает она, морща нос.

- Спрей для отпугивания насекомых, - москиты никогда не беспокоили меня, но съедали Такера живьем, если он забывал про спрей. Так что я пользовалась им из солидарности. – Все ребята пользуются им, - объясняю я маме. – Они говорят, что москит - национальная птица Вайоминга.

- Ну, теперь ты точно вписываешься в их компанию.

- Вообще-то, у меня и раньше были друзья, - замечаю чуть слишком свирепо.

- Естественно. Но эти новые, я полагаю. И другие.

- Неа.

Она смеется.

- Неа?

Я краснею.

- Хорошо, я стала говорить как ребята в школе, - объясняю я. – Ты часто это слышишь и начинаешь соответствовать. Джеффри делает то же самое. Он считает, что я до сих пор говорю слишком быстро, чтобы поверить, что я из Вайоминга.

- Это неплохо, - говорит она. – Вписаться в кампанию.

- Лучше, чем когда о тебе болтают на каждом углу, - говорю я нервно. Я только что заметила ржавый синий фургон, петляющий среди деревьев по пути к нашему дому.

- Должна бежать, мам, - я быстро обнимаю ее. И вот я уже за дверью, спускаюсь по подъездной дорожке, вскакиваю в машину Такера, пока та еще движется. Он вскрикивает и ударяет по тормозам.

⁶⁷ «Eddie Bauer» - американской фирме, производящая верхнюю одежду, коллекции для мужчин и женщин, а также принадлежности для альпинизма мирового класса.

- Давай, едем, - я посылаю ему невинную улыбку. Его глаза суживаются.

- Что с тобой такое?

- Ничего.

Он хмурится. Он всегда может сказать, когда я лгу. Это раздражает, что мне есть так много что скрывать от него. Я вздыхаю.

- Мама вернулась, - признаюсь я.

- И ты не хочешь, чтобы она видела тебя со мной? – спрашивает он обиженно. Я бросаю взгляд через плечо, из окна фургона, и четко вижу мамино лицо за окном. Я машу ей рукой и затем снова поворачиваюсь к Такеру.

- Нет, глупый, - говорю я. – Я просто хочу поскорее научиться ловить рыбу.

Он все еще не верит мне, но разрешает уйти от темы. Он приподнимает свою шляпу «Stetson»⁶⁸ и салютует маме сквозь стекло. Ее голова сразу же исчезает из-за окна. Я расслабляюсь. Не то чтобы я не хочу, чтобы мама видела меня с Такером. Я просто не хочу дать ей возможность задавать ему вопросы. Или спрашивать меня о том, что, по-моему, я с ним делаю. Потому что я понятия не имею, что я делаю с Такером Эвери.

- Рыбалка – это легко, - говорит Такер через два часа, после того как продемонстрировал мне все элементы этого процесса с безопасного расстояния от воды, на траве вдоль реки Снейк. – Ты просто должна думать, как рыба.

- Точно. Думать, как рыба.

- Не смейся, - предупреждает он. – Посмотри на реку. Что ты видишь?

- Воду. Камни и ветки, и глину.

- Смотри внимательнее. Река – это особый мир, где переплетены движение и затишье, глубина и мелководье, свет и тень. Если ты посмотришь на реку как на ландшафт, в котором рыба обитает, будет легче поймать ее.

- Хорошо сказано. Ты что у нас ковбой-поэт?

Он краснеет, что я нахожу совершенно очаровательным.

- Просто наблюдай, - бормочет он.

Я всматриваюсь вглубь реки. Она действительно выглядит как кусочек рая. Здесь золотистые пылинки света скользят сквозь воздух, глубокие тени ложатся вдоль берега, осины и тополи колышутся на ветру. И над всем этим – сверкающая река. Она живая, торопящаяся и бурлящая, ее изумрудная глубина полна тайн. И, вероятно, полна чудесной, вкусной рыбы.

- Давай сделаем это, - я поднимаю удочку. – Я клянусь, что думаю как рыба.

Он фыркает и закатывает глаза.

- Ну хорошо, рыбка, - он указывает на реку. – Вон там песчаная отмель, где ты можешь встать.

- Позволь мне уточнить, правильно ли я тебя поняла. Ты хочешь, чтобы я стояла на отмели посреди реки?

- Ага, - отвечает он. – Будет немного холодно, но думаю, с этим ты справишься. У меня нет ни одних резиновых сапог твоего размера.

- Это одна из твоих уловок, чтобы спасти меня? – я поднимаю голову и щурюсь от солнца. – Потому что не надейся, что я забыла наши прыжки с дерева.

- Неа, - отвечает он, усмехаясь.

- Ладно, - я делаю шаг в воду, морщась от холода, затем еще и еще, пока она не доходит мне до колена. Я становлюсь на краю узкой отмели, на которую указывал Такер, пытаюсь занять устойчивое положение на гладких камнях под моими ногами. Вода холодная, и течение у моих голых ног сильное. Я распрямляю плечи и регулирую положение рук с удочкой, как он показывал мне раньше, жду, пока он проберется ко мне, и мысленно повторяю его советы.

⁶⁸ «Stetson» - американская фирма, выпускающая ковбойские шляпы, различные другие головные уборы и аксессуары. Самым популярный в Америке мужской головной убор - «стетсон» - своим существованием обязан фирме «Stetson».

- Это одна из моих любимых наживок, - говорит он. Его руки движутся быстро, грациозно, укрепляя на леску кусочек пуха и крючок, которые, видимо, в воде должны выглядеть как насекомое. - Бабочка-поденка⁶⁹.

- Мило, - отвечаю я, хотя и понятия не имею, о чем он говорит. Мне это напоминает обыкновенную моль. Для рыбы, вероятно, это выглядит как потрясающее угощение.

- Все готово, - он отпускает леску. - Теперь сделай это так же, как мы пробовали на берегу. Два взмаха назад на два часа, один - вперед, на десять⁷⁰. Когда сделаешь взмах вперед, расслабь руки, чтобы остаться примерно на девяти.

- Два и десять, - повторяю я. Я поднимаю удочку и делаю взмах назад, туда, где, я надеюсь и есть два часа, а затем направляю ее вперед.

- Мягче, - наставляет Такер. - Постарайся попасть около того бревна, чтобы рыба подумала, что это славный сочный жук.

- Точно, думать как рыба, - произношу я с неприличным хихиканьем. Я стараюсь. Десять и два, десять и два, раз за разом, леска вращается вокруг меня снова и снова. Мне кажется, что я все поняла, но проходит десять минут, а ни одна рыба не обращает ни малейшего внимания на мою бабочку-поденку.

- Не думаю, что смогла обмануть их.

- Твоя леска слишком натянута и поэтому наживка дрожит. Постарайся не двигаться, как стеклоочистители машины, - говорит Такер. - Тебе нужно замереть, когда делаешь взмах назад. Ты забываешь сделать паузу.

- Прости.

Я могу ощутить, как он смотрит на меня, и это откровенно нарушает мою концентрацию.

Рыбалка не мой конек, осознаю я. Я не провалилась только потому, что не высовывалась - я просто тихая неудачница.

- Это весело, - говорю я. - Спасибо, что взял меня с собой.

- Да, это мое самое любимое занятие. Ты не поверишь, каких рыб мне удалось поймать в этой реке: ручьевую форель, радужную форель, лосося Кларка, кумжу. Настоящий лосось Кларка встречается все реже, вообще-то, они вырождаются из-за радужной форели.

- Ты бросаешь их обратно? - спрашиваю я.

- В основном. Так они вырастают и становятся более крупными и умными рыбами. Таких приятнее потом поймать. Я всегда отпускаю лосося Кларка. Но если поймаю радужную форель, то отношу ее домой. Мама готовит обед из рыбы, просто поджаривает ее в масле с солью и перцем, иногда добавляет немного кайенского перца, и они почти тают во рту.

- Звучит бесподобно.

- Что ж, может, однажды ты поймаешь такого.

- Может быть.

- Завтра у меня выходной, - говорит он. - Хочешь встретиться со мной на заре и понаблюдать за восходом солнца с лучшей точки обозрения в Титоне? Это, в каком-то смысле, особенный день для меня.

- Конечно, хочу. - Должна признать, что среди всех возможных отвлекающих факторов, Такер - вне конкуренции. Он продолжает предлагать мне разные вещи, а я продолжаю говорить «да». - Никогда не думала, что лето закончится так быстро. А я считала, что оно будет тянуться бесконечно. Оу, я, кажется, вижу рыбу!

- Подожди, - выдыхает Такер. - Сейчас просто сделай оборот удочкой.

Он ступает ко мне в тот же самый момент, когда я направляю удочку назад. Крючок зацепляется за его ковбойскую шляпу и сбивает ее с его головы. Он чертыхается сквозь зубы, пытается поймать ее, но промахивается.

- Упс! Прости, мне так жаль! - Я ловлю леску, чтобы освободить шляпу от крючка. Я передаю ее Такеру, стараясь не хихикнуть. Он немного сердито смотрит на меня и выхватывает ее из моих рук. Мы оба смеемся.

⁶⁹Прим. переводчика: имеется в виду имитация насекомого, искусственная наживка для рыбы.

⁷⁰Прим. переводчика: объясняет направление взмаха на примере часовых стрелок.

- Думаю, мне повезло, что это была шляпа, а не мое ухо? – говорит он. – Постой спокойно хотя бы минуту, окей?

Он пробирается в воду и подходит, чтобы стать позади меня, так неожиданно близко, что я могу ощутить его запах: крем от загара, печенья «Огео»⁷¹ по какой-то неведомой причине, смесь репеллента от насекомых и запаха речной воды, и мускусный привкус парфюма. Я улыбаюсь, неожиданно встревоженная. Он делает шаг вперед и берет прядь моих волос своими пальцами.

- Твои волосы ведь не рыжие, правда? – спрашивает он, и дыхание замерзает в моих легких.

- О чем это ты? – давлуюсь я. Когда сомневаешься, научилась я у мамы, отвечай вопросом на вопрос.

Он качает головой. – Твои брови. Они похожи по цвету на темное золото.

- Ты сейчас пялишься на мои брови?

- Я смотрю на тебя. Почему ты постоянно пытаешься скрыть, насколько ты красивая?

Кажется, он смотрит вглубь меня, словно видит меня такой, какая я есть на самом деле. И на мгновение я хочу рассказать ему правду. Безумие, я знаю. Глупо. Неправильно. Я пытаюсь сделать шаг назад, но моя стопа соскальзывает, и я почти опрокидываюсь в реку, но он успевает поймать меня.

- Упс, - произносит он, обвивая меня обеими руками, чтобы удерживать меня. Он притягивает меня ближе к себе, удерживая против течения. Вода обтекает нас, холодная и беспощадная, дергающая и тянущая нас, пока мы стоим здесь в течение нескольких долгих секунд, стараясь восстановить равновесие.

- Ты держишься на ногах? – спрашивает он, его губы оказываются вблизи от моего уха. Я чуть поворачиваю голову и теперь могу рассмотреть ямочку на его щеке с действительно близкого расстояния. Пульс сильно выделяется на его шее. Его тело такое теплое рядом с моей спиной. Его руки накрывают мои над удочкой.

- Да, - выдыхаю я. – Я в порядке.

Что я здесь делаю? Думаю я полусознательно. Это не просто отвлечение. Не знаю, что это такое. Я должна...

Не знаю, что я должна сделать. Мой мозг неожиданно ушел на отдых.

Он прочищает горло. – На этот раз не трогай шляпу.

Мы вместе поднимаем удочку, закидываем ее назад, затем вперед, руки Такера направляют мои.

- Похоже на движения молотка, - говорит он. - Медленно назад, делаешь паузу, и потом... - он направляет удочку вперед так, что он описывает линию над нашими головами и аккуратно приземляется в воду. - ... быстрое движение вперед. Как на бейсбольном поле. – Сумрачный свет деликатно подсвечивает поверхность воды и наживка колеблется одно мгновение прежде чем повернуться и поплыть по ней. Сейчас она действительно напоминает насекомое, и я удивляюсь, как она играет в воде. Вскоре, однако, леска придает наживке неестественное положение и приходится забрасывать ее заново.

Мы пробуем еще несколько раз, назад и вперед, Такер задает ритм движению моих рук. Это действует гипнотически, *медленно назад, пауза, вперед*, снова и снова. Я расслабляюсь рядом с Такером, почти полностью опередившись на него, пока мы забрасываем леску и ждем, когда на нее отреагирует рыба.

- Готова попробовать сама? – спрашивает он через некоторое время. Есть соблазн сказать нет, но я не могу придумать ни одной достойной причины. Я киваю. Он отпускает мои руки и отодвигается от меня, обратно к берегу, где он оставил свою удочку.

- Ты думаешь, что я красивая?

- Нам лучше перестать говорить, - говорит он немного хрипло. – Распугаем всю рыбу.

- Хорошо, хорошо, - я кусаю губу, а потом улыбаюсь.

Некоторое время мы рыбачим в тишине, единственный шум производит река и колышущиеся деревья. Такер ловит и отпускает трех рыб. Он показывает мне лосося Кларка, с алыми пятнышками около жабр. Я же, напротив, не получила ничего, кроме откусанной наживки, прежде чем мне пришлось выйти из холодной воды. Я села на берегу и попыталась вернуть чувствительность своим ногам. Придется признать – из меня никудышная рыбацка.

⁷¹ «Oreo» - две хрустящие печеньки, скрепленные сливочным кремом. «Огео» стало такой же частью традиционного американского воспитания, как Coca-Cola или хот-доги.

Я знаю, что это прозвучит странно, но это к лучшему. Мне понравилось в первый раз не преуспеть в чем-то. Мне понравилось наблюдать, как ловит рыбу Такер, то, как его глаза сканируют свет и тени, и течение, то, как он забрасывает леску в воду совершенным, грациозным движением. Словно он говорит с рекой. Это так умиротворяющее.

И Такер считает, что я красивая.

Позже я тащу старую добрую спортивную сумку на задний двор и пробую то же самое еще раз. Вернись к реальности, напоминаю я себе. Помни об обязанностях. Мама сидит за компьютером в своем кабинете и пьет чай, так, как обычно делает, пытаясь избавиться от стресса. Она дома всего один день и уже снова выглядит уставшей.

Я расправляю руки и крылья. Закрываю глаза. *Легкость*, наставляю я себя. *Будь легкой. Стань частью ночи, деревьев, ветра.* Я стараюсь представить лицо Кристиана, но внезапно оказывается, что оно стало нечетким для меня. Я пробую вызвать в воображении взгляд его глаз, всполох зеленого и золотого, но не могу сделать и этого.

Вместо этого перед мысленным взором появляются изображения Такера. Его губы, мазок алого, когда мы наклоняемся, наполняя пустые стаканчики из-под мороженого черникой на горном склоне. Его хриплый смех. Его руки на моей талии, когда он старается удержать меня от падения на реке, прижимая меня ближе. Его глаза, такие голубые и теплые, словно притягивающие меня.

- Черт, - прошептала я.

Я открываю глаза. Я стала настолько легкой, что только кончики пальцев моих ног касаются земли. Я плыву по воздуху.

Нет, думаю я. Это неправильно. Это Кристиан должен заставлять меня чувствовать себя так. Я здесь ради Кристиана Прескотта. Черт!

Мысли тянут меня вниз, и я снова оседаю на землю. Но не могу выкинуть из головы Такера. Я снова и снова прокручиваю в голове те моменты, которые мы с ним разделили.

- Что ты нашла в таком парне, как Кристиан Прескотт? – спросил он той ночью, когда привез меня с танцев. Но на самом деле он словно говорил мне: *«Почему ты не замечаешь меня?»*, громко и отчетливо, но я была слишком слепа, чтобы заметить.

Я узнаю это чувство.

Возьми себя в руки, говорю я себе. *Лети уже, наконец-то.*

Я плотнее обхватываю спортивную сумку. Поднимаю крылья и расправляю их по направлению к небу. Я отталкиваюсь, задействуя все свои мышцы, всю силу, которую набрала за месяцы и месяцы тренировок. Мое тело продвигается на несколько футов, и я пытаюсь удержать сумку.

Я отталкиваюсь выше, достигая самой линии верхушек деревьев. Я могу почти коснуться осколка месяца. Я лечу, но сумка лишает меня баланса. Я наклоняюсь на одну сторону, сильно взмахивая крыльями, и отпускаю сумку. Мои руки, кажется, готовы выскочить из суставов. И затем я падаю, врезаясь в сосну на границе нашего участка, чертыхаясь по пути вниз.

Джефффри стоит у раковины на кухне, когда я вваливаюсь через заднюю дверь, исцарапанная, покрытая синяками и готовая расплакаться.

- Хорошо выглядишь, - говорит он, ухмыляясь.

- Заткнись.

Он смеется. – Я тоже не могу этого сделать.

- Не можешь сделать чего?

- Не могу нести груз, когда лечу. Это лишает меня баланса.

Я не знаю, чувствовать ли себя лучше от того, что у Джефффри это тоже не получается, или расстроиться из-за того, что он очевидно наблюдал за мной.

- Ты пробовал?

- Много раз. – Он делает шаг вперед и вынимает сосновую шишку из моих волос. Его взгляд дружелюбный, сочувствующий. Из всех, кого я знаю, Джефффри единственный, кто может по-настоящему понять через что прохожу, ведь он проходит через то же самое. Или, по крайней мере, будет проходить, когда получит свое предназначение.

- Ты... - я колеблюсь. Я смотрю за него, на холл перед маминым кабинетом. Он оглядывается назад, а затем снова смотрит на меня с любопытством.

- Что?

- Ты хочешь попробовать сделать это вместе?

Минуту он смотрит на меня. – Конечно, - наконец-то отвечает он. – Давай сделаем это.

На заднем дворе так темно, что я не могу разглядеть ничего за пределами лужайки.

- Было бы гораздо проще сделать это днем, - говорю я. – Я начинаю ненавидеть эти ночные тренировки.

- Почему не тренироваться днем?

- Хм-м... Потому что люди могут нас увидеть?

Он озорно улыбается. – Кому какое дело?

- Что ты имеешь в виду?

- Люди не видят тебя. Не то чтобы они смотрят вверх.

- Что? Это безумие, - отвечаю я, качая головой.

- Это правда. Если они вообще заметят тебя, то подумают что ты большая птица или типа того.

Пеликан.

- Ни за что. – Но я моментально возвращаюсь к тому дню, когда летала над озером «Дженни», и мое отражение представляло собой лишь полосу белого цвета, как бывает у птиц.

- Это не проблема. Мама делает так постоянно.

- Она что?

- Она летает почти каждое утро. Когда встает солнце.

- Как я могла не заметить этого?

Он пожимает плечами. – Я просто встаю раньше.

- Не могу поверить, что не знала об этом!

- Так что мы можем летать днем. Проблема решена. Но сейчас давай забудем про это, ок? У меня есть еще дела.

- Конечно, *есть*. Ладно. Смотри. *Покажитесь!* – кричу я.

Его крылья немедленно появляются.

- Что это было? – выдыхает он.

- Трюк, которому я научилась у Анжелы.

Его крылья светло-серого цвета, на несколько оттенков темнее моих. Вероятно, беспокоиться не о чем. Мама говорила, что у всех нас крылья различных оттенков серого. И его выглядят не столько темными, сколько... грязными.

- Окей, предупреди меня в следующий раз, хорошо? – Джеффри чуть прижимает свои крылья, делает их меньше, и поворачивается ко мне спиной, пока идет вдоль края лужайки, где я оставила спортивную сумку. Если он разделит со мной половину ее веса, то она окажется совсем нетяжелой.

- Один, - говорит он.

- Подожди, в каком направлении мы полетим?

- Туда, – он кивает головой в северном направлении нашего участка, где растут более тонкие деревья.

- Хороший план.

- Два.

- На какую высоту?

- Мы разберемся по ходу, - говорит он раздраженным голосом.

- Знаешь, твой голос становится похожим на папин. Не думаю, что мне это нравится.

- Три! – произносит он, и затем сгибает колени и распахивает крылья, поднимается вперед, пока я изо всех сил стараюсь не отстать от него.

У меня нет времени думать. Мы поднимаемся выше и выше, и выше, подстраивая взмахи наших крыльев под один ритм, держа спортивную сумку между нами, немного ненадежно, но вполне справляясь. Через десять секунд мы достигаем верхушек деревьев. А затем направляемся на север. Я оборачиваюсь на Джеффри, и он посылает мне самодовольную улыбку, словно всегда знал, что это будет несложно. Я в некоторой степени в шоке от того, насколько легко это оказалось. Мы могли бы поднять вдвое больший вес. Мои мысли разгоняются оттого, что это может значить. Если я не могу поднять Кристиана одна, значит ли это, что я могу позвать на помощь? Против правил ли это?

- Джеффри, может быть это как раз то.

- Что то? – спрашивает он отстраненно, пытаясь поднять сумку чуть выше, чтобы удобнее ее перехватить.

- Твое предназначение. Может быть, нам предстоит сделать это вместе.

Он отпускает сумку. Сумка тотчас тянет меня вниз, и мне приходится отпустить ее. Мы наблюдаем, как она сваливается в кусты среди деревьев.

- Это не мое предназначение, - говорит он ровным голосом. Его серые глаза становятся холодными и отстраненными.

- В чем дело?

- Ничего, касающегося тебя, Клара.

То же самое, что сказала мне Венди. Словно удар в живот.

- Прости, - пробормотала я. – Думаю, я слишком обрадовалась идее получить помощь. Мне трудно сделать все самой.

- Мы должны сделать это одни, - он разворачивается в воздухе, направляясь назад, к нашему двору. – Просто так положено.

Я смотрю на него долгое время, затем приземляюсь, чтобы подобрать сумку. Одна из бутылок, которые я положила внутрь, лопнула, и вода тонкой струйкой вытекала на сухую землю.

ГЛАВА 16. МЕДВЕЖИЙ РЕПЕЛЛЕНТ⁷²

(Переводчик: lialilia; Редактор: [unreal])

Следующим утром мой телефон зазвонил в возмутительно ранний час. Нежась под одеялом, я вздыхаю, на ощупь отыскиваю телефон на тумбочке и жизнерадостно отвечаю:

- Что?

- О здорово. Ты уже проснулась. – Такер.

- Сколько сейчас времени?

- Пять.

- Я сейчас убью тебя.

- Я уже еду к тебе, - говорит он. – Буду через полчаса. Я подумал, что нужно позвонить тебе, чтобы ты причесала волосы и успела накраситься.

- Думаешь, я стану краситься, чтобы пойти с тобой в горы?

- Вот это мне и нравится в тебе, Морковка. Ты не суетишься попусту.

Я отключаю телефон, скидываю одеяло и минуту лежу, глядя в потолок. Снаружи непроглядная тьма. Он приснился мне, понимаю я, хотя и не могу вспомнить детали. Что-то о большом красном амбаре на ранчо «Лейзи Дог». Зевнув, я заставляю себя встать и пойти одеваться.

Я решаю пропустить душ, ведь шум может разбудить маму, поэтому просто плещу холодную воду себе в лицо и наношу немного увлажняющего крема. Мне не нужен макияж. Недавно моя кожа начала светиться, еще один признак того, что все начинает изменяться, начинает усиливаться, как и предсказывала мама. Я наношу тушь и немного блеска для губ, затем обращаю внимание на непокорные волны, каскадом ниспадающие мне на спину, в которых замечаю древесный сок, прилипший к пряди, как доказательство вчерашнего ночного полета. Следующие несколько минут я трачу на то, чтобы избавиться от сока, и когда наконец-то убираю его вместе с немаленьким куском собственных волос, то слышу шум шин по гравию подъездной дороги снаружи.

Я осторожно проскальзываю вниз. Джеффри был прав. Мамы нет в ее комнате. Я оставляю ей записку на кухонном столе: «Мам, ушла посмотреть восход солнца с друзьями. Скоро вернусь. Телефон со мной. К.» и вот я уже на улице.

На этот раз я нервничаю, но Такер ведет себя так, словно ничего не изменилось, настолько нормально, что я спрашиваю себя, ни привиделось ли мне все то напряжение между нами вчера. Мы как обычно подшучиваем друг над другом, и в итоге я расслабляюсь. Его улыбка заразительна. Ямочка на его щеке видна всю дорогу. Такер ведет достаточно быстро, чтобы мне пришлось хвататься за ручку над

⁷² **Репеллент** (от лат. repellens - отталкивающий, отвращающий) - природное или синтетическое химическое вещество, применяемое в бытовых целях для отпугивания **членистоногих**.

дверью, когда он срезает углы. Он выезжает на проселочную дорогу, чтобы добраться до Гранд-Титона, минуя главные ворота, и затем мы набираем скорость, направляясь вниз по пустому шоссе.

- Так какой сегодня день? – спрашиваю я.

- Хм-м?

- Ты говорил, что сегодня особенный день.

- О. Мы еще поговорим об этом.

Мы приезжаем к озеру Джексон. Он паркуется и выскакивает из фургона, я же жду пока он обойдет машину и откроет мне дверь. Я уже привыкла к его «да, мэм»-манерам настолько, что начала находить их милыми.

Он проверяет часы.

- Нам нужно подниматься поскорее, - говорит он. – Рассвет через двадцать шесть минут.

Мне приходится нагнуться, чтобы завязать шнурки на своих ботинках, после чего мы начинаем наше восхождение. Я слеую за ним с парковки, вверх, в сторону леса.

- Так какие предметы ты выберешь в следующем семестре? – спрашивает он через плечо, пока мы поднимаемся вверх по холму на противоположной от озера стороне.

- Как обычно, - отвечаю я. – Продвинутая математика, английский, правоведение, французский, физика, сам знаешь.

- Физика, да?

- Ну, мой отец – профессор в области физики.

- Без шуток? Где?

- Университет Нью-Йорка.

Он присвистывает. – Не близко отсюда. Когда твои родители развелись?

- Почему ты вдруг стал таким болтливым? – спрашиваю я немного свирепо. Что-то в идее рассказать ему о моей личной истории заставляет меня чувствовать себя некомфортно. Словно начав говорить, уже не смогу остановиться. Я разболтаю все: мама – ангел наполовину, я – на четверть, мои видения, моя сила, мое предназначение, Кристиан, и что потом? Он расскажет мне о загоне для родео?

Он останавливается и поворачивается ко мне лицом. В его глазах пляшут озорные смешинки.

- Мы должны говорить из-за медведей, - говорит он тихим голосом, передразнивая.

- Медведи?

- Нужно шуметь, чтобы не испугать гризли.

- Думаю, мы не хотим этого.

Он снова идет по тропе.

- Так расскажи мне о том, что случилось с твоим дедушкой, когда твоя семья лишилась ранчо, - быстро произношу я, пока у него нет возможности снова вернуться к обсуждению моей семьи. Он не нарушает шаг, но я практически чувствую, как он напрягся. Вот мы и поменялись местами. – Венди говорила, что из-за этого ты так ненавидишь калифорнийцев. Что случилось?

- Я не ненавижу калифорнийцев, это очевидно.

- Что ж, это радует.

- Это длинная история, - говорит он. – а нам надо побыстрее подниматься.

- Окей. Прости... Я не хотела...

- Все нормально, Морковка. Я расскажу тебе об этом когда-нибудь, но не сейчас.

Потом он начинает насвистывать, и мы перестаем говорить, что, кажется, устраивает нас обоих, что бы там ни было с медведями.

После еще нескольких минут тяжелого подъема мы достигаем пика небольшой вершины. Небо купается в смешении серого и бледно-желтого, с вкраплением ярко-розовых облаков, расположившихся там, где горы Титон встречаются с небом. Чистое бордовое величие гор, стоящих на краю горизонта подобно королям. Под ними озеро Джексон, такое прозрачное, что я вижу две идеальных пары гор и неба, в совершенстве отраженных в воде.

Такер проверяет свои часы. – Шестидесят секунд. Мы как раз вовремя.

Я не могу отвести взгляд от гор. Я никогда не видела чего-либо столь прекрасного. Я чувствую, что связана с ними так, как никогда не была связана ни с чем раньше. Словно я могу ощутить их присутствие. Простой взгляд на зазубренные пики заставляет умиротворение нахлынуть на меня, подобно волнам озера, лежащего под нами. У Анжелы есть теория о том, что потомков ангелов привлекают горы, потому что граница между небом и землей здесь тоньше, также как и воздух более тонкий. Я не знаю точно, так ли это на самом деле, знаю только, что один взгляд на них наполняет меня тоской по полету, желанием увидеть землю сверху.

- Вон там, - Такер поворачивается в противоположном направлении, где вдалеке над долиной восходит солнце. Мы абсолютно одни. Солнце встает только для нас. Когда оно достигает пиков гор, Такер аккуратно берет меня за плечи и разворачивает в сторону Титона, где сейчас озеро расцветает миллионом золотых искорок.

- Ох, - выдыхаю я.

- Заставляет поверить в Бога, правда?

Я бросаю на него взгляд, удивленная. Я никогда раньше не слышала, чтобы он говорил о Боге, хотя и знала от Венди, что семья Эвери посещает церковь почти каждое воскресенье. Я никогда не считала его религиозным человеком.

- Да, - соглашаюсь я.

- Их название значит «грудь», ты знаешь, - уголок его рта приподнимается в игривом улыбке. — Гранд-Титон значит «большая грудь».

- Мило, Такер, - усмехаюсь я. — Я в курсе. Третий семестр изучения французского, помнишь? Подозреваю, что французские первооткрыватели не видели женщину очень долгое время.

- Я думаю, что они просто хотели хорошенько посмеяться.

Долгое время мы стоим плечом к плечу и наблюдаем, как свет падает на горы и танцует на них в полной тишине. Поднимается легкий ветерок и бросает мои волосы в сторону, где они оказываются на плече у Такера. Он смотрит на меня и сглатывает. Кажется, что он готов сказать что-то важное. Мое сердце подскакивает к самому горлу.

- Я думаю, что ты... - начинает он.

Мы оба слышим шум в кустах позади нас в один и тот же момент. Мы поворачиваемся.

На тропу выбирается медведь. Я мгновенно понимаю, что это гризли. Его огромные плечи сверкают в лучах восходящего солнца, когда он останавливается и смотрит на нас. Позади него из-за кустов выбираются два детеныша.

Это плохо.

- Не беги, - предупреждает Такер. Это не вариант. Мои стопы примерзли к земле. Периферическим зрением я вижу, как Такер стягивает рюкзак со своего плеча. Медведь наклоняет голову и издает рычащий звук.

- Не беги, - снова говорит Такер, на этот раз громче. Я слышу, как он нащупывает что-то в рюкзаке. Может что-то, чем сможет ударить медведя. Медведь смотрит прямо на него. Его плечи напрягаются, когда он собирается сделать рывок.

- Нет, - шепчу я на ангельском, протягивая руку так, словно могу удержать его одной лишь силой своего желания. — Нет.

Медведица останавливается. Ее взгляд возвращается к моему лицу, ее глаза светло-коричневые, абсолютно лишены всяких чувств и сознания. Настоящее животное, которое сосредоточенно смотрит на мою руку, а затем поднимается на задние ноги, рыча.

- Мы не причиним тебе вреда, - произношу я на ангельском, стараясь говорить тихо. Я не знаю, как это будет звучать для Такера. Я не знаю, поймет ли меня медведь. У меня нет времени на размышления, но я могу попытаться.

Медведица издает звук, похожий на полулай-полурык. Я смотрю в ее глаза.

- Уходи отсюда, - говорю я твердо. Я чувствую странную силу, проходящую сквозь меня, оставляющую меня с легкой пустотой в голове. Когда я смотрю на свою протянутую руку, то вижу слабое сияние исходящее из-под моей кожи.

Животное встает на четыре лапы. Она снова наклоняет голову и рычит на своих детенышей.

- Иди, - шепчу я.

И она уходит. Разворачивается и снова исчезает в кустах, а детеныши следуют за ней. Она исчезает также быстро, как и появилась.

Мои колени подгибаются. Такер подхватывает меня. Около минуты он прижимает меня к себе, одна рука на моей спине, поддерживая меня, другая на моей шее. Он прижимает мою голову к своей груди. Его сердце отчаянно бьется, дыхание вырывается паническими выдохами.

- О Господи, - выдыхает он.

В одной из его ладоней есть что-то. Я отодвигаюсь, чтобы рассмотреть это. Это длинный серебристый баллон, похожий на огнетушитель, только меньше и легче.

- Медвежий репеллент, - говорит Такер. Его лицо бледно, глаза расширены от тревоги.

- Оу. Так ты мог со всем этим справиться.

- Я старался рассчитать направление, в котором его нужно распылить, - говорит он с мрачным смехом. - Не знаю, успел бы сделать это вовремя.

- Все наша вина, - я соскользнула вниз, сев на землю рядом с его ногами. - Мы перестали разговаривать.

- Точно.

Я не знаю, что он слышал, что подумал.

- Я хочу пить, - говорю я, стараясь отвоевать для себя немного времени, чтобы придумать отговорку.

Такер засовывает баллон в свой рюкзак и достает бутылку воды, открывает ее и наклоняется ко мне. Он подносит бутылку к моим губам, выражение его лица все еще напряженное от пережитого ужаса, его движение настолько отрывисты, что вода выплескивается мне на подбородок.

- Ты предупреждал меня о медведях, - запинаясь я, отпив несколько глотков воды. - Нам повезло.

- Ага. - Он поворачивается и смотрит на тропу в том направлении, куда ушла медведица, затем снова на меня. В его глазах читается вопрос, на который я не могу ответить. - Итак, нам очень повезло.

Мы не говорим об этом, а просто спускаемся вниз и уезжаем в Джексон. Позже этим утром мы возвращаемся в дом Такера за его лодкой и проводим день на реке Снейк, рыбака. Такер поймал несколько рыб и бросил их обратно. Ему удалось поймать радужную форель, и ее мы решили оставить на обед вместе с рыбой, которую он поймал вчера. И до момента, когда мы оказываемся на кухне в доме Эвери, где Такер учит меня разделывать рыбу, он не вспоминает о медведе.

- Что ты сегодня сделала с медведем? - спрашивает он, когда я стою у кухонной раковины, стараясь сделать точный разрез на животе рыбы, так, как он учил меня.

- Это так грубо, - жалуюсь я.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, его выражение напряженное, как и всегда, когда я стараюсь ускользнуть от темы. Я не знаю, что сказать. Какие у меня варианты? Рассказать правду, что против единственного правила, которое рассказала мне мама о потомках ангелов: *Не говори людям - они не поверят тебе и даже если поверят, не смогут справиться с этим.* И вариант два: придумать какую-нибудь невообразимую ложь.

- Я спела медведю, - попыталась я.

- Ты говорила с ним.

- Я просто напевала ему, - говорю я медленно. - И все.

- Я не такой уж глупый, знаешь, - отвечает он.

- Я знаю. Так...

Нож соскальзывает. Я чувствую, как он скользит ниже моего большого пальца, проходит через кожу и мышцы. И мгновенно выступает кровь. Инстинктивно я прижимаю пальцы к порезу.

- Окей, чья это была гениальная идея дать мне в руки нож?

- Рана нехорошая. Вот, - Такер разжимает мои пальцы, чтобы прижать к ране кухонное полотенце. - Прижми его, - приказывает он, отпуская, и бросается вон из комнаты. Мгновение я прижимаю полотенце, как он сказал, но кровотечение уже остановилось. Я чувствую себя странно, снова с легкой пустотой в голове. Я прислоняюсь к столу, голова кружится. Моя рука начинает пульсировать, затем вспышка жара, подобная прикосновению крошечного язычка пламени, пронзает

меня от локтя до кончиков пальцев. Выдыхаю. Я могу почувствовать, что порез затянулся, ткани соединились воедино.

Мама была права. Моя сила растет.

Через мгновение странное чувство исчезает. Я убираю полотенце и рассматриваю руку. Но сейчас на ней виден только небольшой порез, чуть больше, чем ссадина. Кажется, что заживление уже завершилось. Я аккуратно сжимаю и разжимаю пальцы.

Такер появляется с тубиком антибактериальной мази и достаточным количеством бинтов, чтобы перевязать небольшую армию. Он сваливает все это на стол и быстро подходит ко мне. Я снова накрываю полотенцем свою ладонь и прижимаю ее к груди, готовая защищаться.

- Со мной все в порядке, - говорю я быстро.

- Дай мне посмотреть, - приказывает он, протягивая руку.

- Нет, все, правда, нормально. Там только ссадина.

- Это глубокий порез. Нужно забинтовать его.

Я медленно опускаю руку. Он аккуратно берет ее и поворачивает ладонью с порезом вверх, после чего убирает полотенце.

- Видишь? Просто небольшая поверхностная царапина.

Он сосредоточенно вглядывается в мою ладонь. Я задержала дыхание, говоря себе расслабиться. Просто води себя как обычно, так, как говорила мама. Я смогу объяснить все это. Я должна все это объяснить.

- Ты собираешься прочесть будущее по моей руке? – говорю я со слабой улыбкой.

Его губы изгибаются. – Я был уверен, что придется накладывать швы.

- Нет. Ложная тревога.

Он садится, чтобы перевязать мою рану. Он очищает ее водой, наносит немного мази, затем аккуратно накладывает повязку. Мне становится легче, когда повязка скрывает порез, и Такер наконец-то не может больше смотреть на него.

- Спасибо, - говорю я ему.

- Что с тобой происходит, Клара? – его взгляд, когда он смотрит на меня, напряженный и обвиняющий, полный обиды, из-за чего у меня перехватывает дыхание.

- Что... что ты имеешь в виду? – заикаюсь я.

- Я думаю... - начинает он. - Я не знаю, что я думаю... Я только... Ты просто...

И после он не произносит ни слова.

Наступает самая большая и нелепая тишина за всю историю. Я смотрю на него, неожиданно обессиленная всей той ложью, которую сказала ему. Он мой друг, а я вру ему каждый день. Он заслуживает лучшего. Я хотела бы рассказать ему все, больше чем хотела чего-либо в своей жизни. Хочу стоять перед ним и быть настоящей собой, сказать ему все. Но это против правил, и это не те правила, которые можно запросто нарушить. Я не знаю, какими будут последствия моего признания.

- Я - это просто я, - тихо говорю я.

Он усмехается. Берет полотенце и рассматривает его, моя поразительно красная кровь впиталась в белый ворс в его середине. – Я хотя бы узнал, что у тебя может идти кровь, - говорит он. – Это уже что-то, я думаю. Значит, ты не полностью неуязвима, правда?

- Хорошо, - возражаю я так саркастично, как только могу. – Ты что, думаешь, что я что-то вроде супергероев? Уязвима только для криптонита⁷³?

- Я не знаю, что думаю, - он заставляет себя отвести взгляд от полотенца и снова взглянуть на меня. – Ты не... нормальная, Клара. Ты стараешься притвориться нормальной, но это не так. Ты говорила с гризли, и он послушался тебя. Птицы следуют за тобой как в диснеевском мультике, ты не замечала? И когда вы вернулись из «Айдахо Фолз», Венди решила, что ты скрываешься от кого-то или чего-то. Ты хороша во всем, что пробуешь делать. Ты управляла лошастью, будто родилась в седле, твое катание на лыжах было идеальным, хотя это был твой первый день на склоне, ты бегло говоришь на французском и корейском, и Бог знает что еще. Вчера я заметил, что твои брови светятся на солнце. И есть что-то в том, как ты двигаешься, что-то поразительно грациозное, почти нечеловеческое. Словно ты... что-то иное.

⁷³ В комиксах о Супермене, **криптонит** - это зеленое, блестящее вещество с планеты Криптон и оказавшееся на Земле после ужасного взрыва. Оно опасно для супергероя тем, что вызывает у него аллергию.

Сильная дрожь проходит по всему моему телу от головы до пят. Ему и правда удалось сложить все факты воедино. Он просто не знает, о чем все это говорит.

- И не может быть никакого рационального объяснения всему этому, - говорю я.

- Беря во внимание твоего брата, лучшее, что мне приходит в голову это то, что твоя семья является частью какого-то секретного эксперимента правительства, что-то вроде генетически превосходящих остальное человечество суперлюдей, умеющих общаться с животными, - говорит он. – И ты в бегах.

Я фыркаю. Это было бы смешным, если бы правда не оказалась еще более странной. – Говоришь, как сумасшедший, ты в курсе?

Еще одна тишина, достойная описания в книге. Потом он вздыхает.

- Я знаю. Это безумно. Я чувствую, что... - он останавливает себя. Неожиданно он выглядит настолько несчастным, что мое сердце отзывается болью.

Ненавижу свою жизнь.

- Все нормально, Так, - говорю я мягко. – Сегодня был просто сумасшедший день.

Я наклоняюсь, чтобы коснуться его плеча, но он качает головой. Он, кажется, готов сказать что-то еще, когда дверь открывается и заходят мистер и миссис Эвери, громко разговаривая друг с другом, потому что знают, что прерывают нас. Мистер Эвери замечает кучу бинтов и мазь на столе.

- Ого. Произошел несчастный случай?

- Я порезалась, - быстро говорю я, избегая взгляда Такера. – Такер учил меня очищать рыбу, и я была неосторожна. Сейчас все нормально.

- Хорошо, - отвечает мистер Эвери.

- Хорошая рыба, - мистер Эвери всматривается в раковину, где я оставила форель. – Ты поймала ее сегодня?

- Такер поймал, вчера. Сегодня он поймал вон ту, - я указываю на открытый холодильник. Мистер Эвери рассматривает ее и одобрительно присвистывает.

- Сегодня будет хороший ужин.

- Ты уверен, что хочешь рыбу на ужин в свой день рождения? – спрашивает миссис Эвери.

– Я могу приготовить что-нибудь другое.

- Сегодня его день рождения!? – выдыхаю я.

- Разве он не рассказал тебе? – смеется мистер Эвери. – Семнадцать лет. Он почти мужчина.

- Спасибо, пап, - ворчит Такер.

- Не за что, сын.

- Я бы принесла тебе что-нибудь в подарок, - говорю я мягко.

- Ты уже сделала подарок. Подарила мне жизнь сегодня. Угадайте, что случилось? – обращается он к своим родителям, громче, чем обычно. – Сегодня мы столкнулись с медведицей и двумя ее детенышами на хребте над озером Колтер, и Клара спела, чтобы прогнать их.

Мистер и миссис Эвери смотрят на меня, ошеломленные.

- Ты спела им? – повторяет мистер Эвери.

- Ее пение настолько плохое, - говорит Такер, и все они смеются. Они думают, что он шутит. Я слабо улыбаюсь.

- Да, - соглашаюсь я. – Мое пение настолько плохое.

После того, как мистер и миссис Эвери поджаривают рыбу к ужину, на столе появляются торт, мороженое, и несколько подарков. Большинство подарков для лошади Такера, победителя родео, которого зовут Мидас, что, я считаю, достаточно забавное имя для лошади. Мистер Эвери рассказывает, как Такер и Мидас вместе могут отбить одну корову из целого стада.

- Большинство лошадей, которые участвуют в соревнованиях, тренируются профессионалами и стоят гораздо больше сорока тысяч, - говорит он. – Но не Мидас. Такер сам вырастил его и тренировал с жеребенка.

- Я впечатлена.

Такер выглядит встревоженным. Он потирает шею, жест, который как я знаю, означает, что он чувствует себя крайне некомфортно от того, в какое русло пошел разговор.

- Я хотела бы увидеть твои соревнования, - говорю я. – Могу поспорить, там есть на что посмотреть.

- Ты можешь посмотреть в этом году, - отвечает мистер Эвери.

- Я знаю! – восклицаю я. Я прижимаю подбородок к своим ладоням, ложась на кухонный стол, и ухмыляюсь Такеру. Я знаю, что только ухудшаю ситуацию, поддевая его. Но может быть, если я буду вести себя как обычная девчонка, все вернется к тому, как было раньше.

- Давай сходим в амбар и покажем Мидасу его новую уздечку, - говорит Такер.

С этими словами он быстро выводит меня из дома в безопасную тишину амбара. Лошадь подходит к передней части своего стойла в тот самый момент, когда мы заходим внутрь, направляет уши вперед, выжидая. Он красив, гнедой масти с блестящей шерстью, с большими понимающими коричневыми глазами. Такер гладит его под подбородком, а затем надевает на него новую уздечку, подаренную родителями.

- Ты должен был сказать, что сегодня твой день рождения, - говорю я.

- Я собирался, но потом нас чуть не съел гризли.

- Хорошо, а что на счет Венди? – спрашиваю я.

- Что на счет Венди?

- Это и ее день рождения. Я худший друг во всем мире. Я должна была подарить ей что-нибудь. Вы уже обменялись подарками?

- Пока нет, - он поворачивается ко мне. – Но она подарила мне идеальный подарок.

То, как он смотрит на меня, заставляет меня ощутить бабочек в моем животе. – И что же?

- Тебя.

Я не знаю, что сказать. Это лето прошло совсем не так, как я планировала. Я не должна была стоять посреди амбара с голубоглазым ковбоем, который смотрит на меня так, словно собирается поцеловать. Я не должна хотеть, чтобы он поцеловал меня.

- Что мы делаем? – спрашиваю я.

- Морковка...

- Не называй меня так, - говорю я дрожащим голосом. – Это не я.

- Что ты имеешь в виду?

- Час назад ты считал, что я какое-то чудовище.

Он тревожно проводит рукой по своим волосам и смотрит мне прямо в глаза.

- Я не думаю, что ты чудовище. Я думаю... Я думаю, что ты волшебная или вроде того. Считал, что ты слишком совершенна, чтобы быть настоящей.

Я так хочу показать ему все, взлететь на вершину сеновала и улыбнуться ему оттуда, рассказать ему все. Хочу, чтобы он узнал настоящую меня.

- Я знаю, что наговорил глупостей сегодня, но ты мне нравишься, Клара, - говорит он. – Ты действительно мне нравишься.

Это возможно первый раз, когда он называет меня по имени.

Он видит сомнение в моих глазах. – Все нормально. Ты не должна ничего отвечать. Я просто хочу, чтобы ты знала.

- Нет, - говорю я. Он отвлекает меня от предназначения. У меня есть обязанности. Я здесь не для него. – Так, я не могу. Я должна...

Выражение его лица омрачается.

- Скажи мне, что это не из-за Кристиана Прескотта, - говорит он.

Я чувствую вспышку гнева от того, каким снисходительным тоном он произносит это, будто я глупая влюбленная девчонка.

- Ты не знаешь всего обо мне, - отвечаю я, стараясь сдержать свою злость.

- Иди сюда, - его голос такой теплый и хриплый, что посылает дрожь вдоль моего позвоночника.

- Нет.

- Я не думаю, что ты действительно хочешь быть с Кристианом Прескоттом, - говорит он.

- Будто ты знаешь, чего я хочу.

- Я знаю. Я знаю тебя. Он не твой тип.

Я беспомощно смотрю вниз, на свои руки, боясь взглянуть на него. – О, и я предположу, мой тип – это ты?

- Я думаю, да, - говорит он, преодолевает дистанцию между нами и заключает мое лицо в свои ладони, прежде чем я успеваю даже подумать, как остановить его.

- Так, пожалуйста, - прошу я дрожащим голосом.

- Я нравлюсь тебе, Клара, - говорит он. – Я знаю это.

Если бы я только могла рассмеяться над его словами. Рассмеяться и оттолкнуть, сказать насколько глупым и неправым он был.

- Скажи мне, что это не так, - шепчет он так близко, что его дыхание касается моего лица. Я поднимаю на него взгляд и вижу в его глазах манящий жар. Я не могу думать. Его губы слишком близко к моим, и его руки притягивают меня ближе.

- Так, - выдыхаю я, и он целует меня.

Меня целовали раньше, но никогда так. Он целует меня с удивительной нежностью, так не похожей на все его насмешки. Все еще держа мое лицо своими ладонями, он мягко прижимает свои губы к моим, медленно, словно старается запомнить это ощущение. Мои глаза закрыты. Моя голова кружится от его запаха, зелени, солнечного света и мускуса его парфюма. Он целует меня снова, чуть более крепко, и затем отстраняется, чтобы взглянуть на мое лицо.

Я так не хочу, чтобы это заканчивалось. Все остальные мысли словно растворяются. Я открываю глаза.

- Еще, - шепчу я.

Уголок его рта приподнимается, и теперь я целую его. Не так мягко на этот раз. Его руки оставляют мое лицо и притягивают меня ближе к себе за талию. Тихий стон срывается с его губ, и этот звук окончательно сводит меня с ума. Я теряю голову. Обвиваю руками его шею и целую со всей своей страстью. Я чувствую, как его сердце сильно бьется, также как и мое, как его дыхание учащается, а руки плотнее смыкаются вокруг меня.

И затем я могу чувствовать то, что чувствует он. Он так долго ждал этого момента. Ему нравится ощущать меня в своих объятиях. Ему нравится запах моих волос. Ему нравится, как я смотрю на него сейчас, покрасневшая и ожидающая от него большего. Он обожает цвет моих губ, а вкус моих поцелуев заставляет его колени подогнуться, но он не хочет показаться слабым передо мной. Так что он отстраняется, и его дыхание вырывается частыми выдохами. Он отпускает меня из своих рук.

Я открываю глаза.

- Что-то не так?

Он не может говорить. Его лицо стало бледным, что видно даже под золотистым загаром. И потом я понимаю, что здесь стало слишком светло, слишком ярко для сумрачной темноты амбара, и этот свет исходит от меня, распространяясь волнами.

Это мое сияние. Такер смотрит на меня, шокированный. Я могу *ощутить* его шок. Во всем этом свете он может увидеть все, сияние распространяется из-под моей одежды так, что я могла с таким же успехом стоять перед ним обнаженной. Я с трудом вдыхаю. Часть меня болезненно переворачивается от выражения ужаса в его глазах, и от этого взгляда на него сияние исчезает. Присутствие Такера в моем сознании блекнет так же, как темнеет в амбаре, и сейчас мы стоим в нескольких шагах друг от друга.

- Мне так жаль, - говорю я. Цвет медленно возвращается к его лицу.

- Я не знаю, что это... - начинает он, но останавливает сам себя.

- Прости, я не хотела...

- *Что* ты такое?

Я вздрагиваю.

- Я Клара, - мое имя, по крайней мере, не изменилось. Я делаю шаг к нему, протягивая руку, чтобы прикоснуться к его лицу, но он отступает, а затем хватается мою ладонь, которую я порезала на кухне, и сдергивает повязку.

Рана полностью зажила. Здесь нет даже шрама. Мы оба смотрим на мою ладонь. Затем рука Такера безвольно падает.

- Я знал это, - говорит он.

Меня переполняет странная смесь страха и облегчения. Уже не нужно ничего придумывать. Я должна буду рассказать ему. – Так...

- Что ты такое? – настаивает он снова и делает еще несколько шагов назад.

- Это сложно.

- Нет, - он неожиданно качает головой. Его лицо до сих пор бледное, с таким зеленоватым оттенком, словно его сейчас стошнит. Он продолжает отступать от меня, и затем он уже у дверей амбара, поворачивается и бежит к дому.

Все, что я могу, это смотреть, как он уходит. Я не чувствую связи с самой собой, дрожа от ужаса случившегося. Меня некому подвезти домой. И Такер сейчас может искать ружье в доме, после того, что случилось. Так что я убегаю. Я натыкаюсь на деревья в задней части ранчо, благодарная, что они скрывают меня от посторонних взглядов. Начинает темнеть. Когда я оказываюсь в лесу, крылья появляются сами, мне даже не нужно их вызывать. Я лечу, не обращая ни на что внимания, практически теряюсь, пока интуитивно не нахожу дорогу домой. Промокаю от полета в облаках и дрожу так сильно, что мои зубы стучат друг о друга. Почти ослепшая от слез и напуганная я возвращаюсь домой.

Я плачу всю дорогу до дома, плачу и плачу. И кажется, слезы не остановятся никогда.

Через несколько часов мама обнаруживает меня в моей комнате, рыдающей в подушку. Я все в царапинах и ссадинах и заплакана, но, увидев меня, она произносит: «Что случилось с твоими волосами?»

- Что? – я отчаянно пытаюсь собраться и решить, что мне придется рассказать ей из всей моей истории с Такером.

- Они снова стали натурального оттенка. Рыжина совсем пропала.

- Ох. Я светила. Свечение, наверное, и стерло рыжий цвет.

- Ты вызвала свечение? – спрашивает она, ее голубые глаза расширены от удивления.

- Да.

- О, моя милая. Неудивительно, что ты так расстроена. Это такой неприятный опыт.

Она не знает даже половины.

- Отдохни сейчас, - она целует меня в щеку. – Ты можешь рассказать мне обо всем утром.

Когда она уходит, я отправляю е-мэйл Анжеле: *Необходима срочная помощь*, пишу я, с трудом заставляя свои пальцы и голову работать совместно, чтобы набрать простое сообщение. *Позвони как можно скорее.*

Здесь мне не с кем поговорить. Некому рассказать. И я уже скучаю по нему.

Мне необходимо услышать его голос, и я набираю номер Такера. Он отвечает после первого же гудка. В течение минуты никто из нас не произносит ни слова.

- Оставь меня в покое, - говорит он и отсоединяется.

ГЛАВА 17. ЗОВИ МЕНЯ ПРОСТО АНГЕЛ

(Переводчик: iloved; Редактор: [unreal])

Прошло три дня. Три мучительных дня, в течение которых я не звонила ему и даже не пыталась увидеться. Постоянно говорю себе, что так будет лучше, но, по правде говоря, это не так. С тех пор, как раскрыла свою сущность перед человеком, я даже представить себе не могу, какое наказание мне грозит, если вдруг кто-нибудь когда-нибудь узнает об этом. А может, это и к лучшему, что Такер отверг меня? Значит, он знает, что во мне есть что-то странное. Может ли он это доказать? Нет. Кто-нибудь поверит ему? Скорее всего, нет. Кажется невероятным, что он еще никому не рассказал, хотя, даже если Такер это и сделал, я же могу все отрицать. Мы могли бы вернуться к тому, что было раньше: он подтрунивает над моим характером, а я делаю вид, что понятия не имею, о чем он говорит. Черт, я очень плохая лгунья, даже когда пытаюсь обмануть саму себя. Мне хотелось бы, чтобы Анжела позвонила мне, и я смогла бы спросить у нее, что мне делать дальше.

Ночью, точнее каждую ночь, в течение этих трёх дней, я вижу сны о нем, словно мне днем не достаточно плохо. Я постоянно возвращаюсь в тот момент, когда проникла в его сознание и почувствовала то, что чувствовал он, когда поцеловал меня. Мне открыта его любовь ко мне, и тот миг, когда я понимаю, что его любовь переходит в страх, просто убивает меня.

На третье утро я просыпаюсь в слезах. Слезы текут по моему лицу, и когда я смотрю вверх, на потолок, углубляясь в своих страданиях, мне в голову приходит мысль: он любит меня. В его голове, в каждой его мысли, в каждом действии жила любовь. Любовь снаружи и внутри, безумная, иррациональная (и, конечно, немного распутная) любовь. Такер любит меня, и именно это привело его в

ужас так же, как и в тот момент, когда он увидел меня светящуюся, словно рождественская елка. Он не знает, кто я, но он меня любит. Я сажусь. Может, мне следовало была догадаться об этом уже давно. Я не должна была считывать его чувства, чтобы узнать это. Но... когда я почувствовала, что в нем зародилась любовь, я не знала, что нахожусь в его голове, не заметила, что эти чувства были вовсе не мои. А почему? Легко. Это все я, человеческая часть моей ангельской сущности.. Я люблю Такера Эвери. Честно. И именно поэтому я сейчас жду его в рафтинг-компании «Крейзи Ривер», за пределами его рабочего места, словно я одна из тех жутко настырных, бывших девушек, ожидающих, когда он выйдет, чтобы застать его врасплох своей любовью. Только он не выходит. Я жду уже больше часа. Обычно он появляется в это время, но сейчас там нет никого кроме блондинки, которая, как я полагаю, является секретаршей.

- Я могу вам помочь? – спрашивает она.

- Я так не думаю.

Она колеблется, не зная как воспринимать мой ответ.

- Вас ждет кто-то?

- Такер.

Она улыбается. Ей нравится Такер. Всем в здравом уме нравится Такер.

- Он по-прежнему на реке, - говорит она, - Его плот опрокинулся. Ничего серьезного, но из-за этого все они прибудут немного позже. Ты хочешь, чтобы я сообщила ему, что ты здесь?

- Нет, - говорю я быстро, - Я подожду.

Каждую пару минут я смотрю на часы, и каждый раз, когда мимо проезжает грузовик, я задерживаю дыхание. Несколько раз мне казалось, что все это плохая идея, и мне лучше уйти, но я не могу заставить себя сесть в машину. Во всяком случае, мне нужно хотя бы увидеть его. Наконец, большой красный грузовик с открытым прицепом, загруженным плотами, въезжает на стоянку. Такер сидит на пассажирском сиденье, разговаривая со взрослым парнем, возглавлявшим рафтинг, которого я встречала и раньше. Такер тогда называл его Мерфи, хотя я до сих пор точно не знаю имя это или фамилия. Он рассказал о правилах поведения на плоту, которые прозвал «законами Мерфи», и повел нас вниз по реке.

Прямо сейчас Такер не видит меня. Он улыбается, как делает это обычно, когда рассказывает изюминку шутки, - криво, слегка показывая зубы и ямочки. Я слабею, увидев эту улыбку, вспоминая времена, когда она была направлена мне. Мерфи смеется, после чего они оба выскакивают из грузовика и, обойдя вокруг, возвращаются к прицепу, чтобы начать разгружать плоты. Я встаю. Мое сердце бьется так быстро, что мне кажется, будто оно вот-вот выскочит из моей груди. Мерфи отошел открыть огромные двери гаража, а затем, возвращаясь обратно к грузовику, заметил меня, стоящую неподалеку. Остановившись как вкопанный, он пристально смотрит на меня. Такер в это время усердно вытаскивает плоты из прицепа, ни о чем не подозревая.

- Так, - медленно говорит Мерфи, - Я думаю, что эта девушка пришла к тебе.

Такер стоит неподвижно где-то в течение минуты, словно его заморозили. Затем мышцы на его спине напрягаются, он выпрямляется и поворачивается, чтобы взглянуть на меня. Черета эмоций сменяется на его лице: удивление, смятение, гнев, боль. В итоге, он останавливается на гневе. Его глаза похолодели. Челюсть сжата. Я слабею под его взглядом.

- Вам нужна минутка? – спрашивает Мерфи.

- Нет,- тихо говорит Такер, словно пытаюсь разбить мне сердце, хотя оно уже валяется разбитым на куски у моих ног, - Давай закончим это.

Я стою, приспав к месту, пока Такер и Мерфи переносят плоты из трейлера в гараж, расположенный сбоку от офиса. Затем они проверяют их и спасательные жилеты, сверяясь с каким-то списком, и закрывают гараж.

- Увидимся, - говорит Мерфи, после чего запрыгивает в джип и получает чертыханье от Такера.

Такер и я стоим на стоянке, глядя друг на друга. Я до сих пор не могу сформулировать слова. Все, что я хотела сказать, вылетело у меня из головы, как только увидела его. Он невероятно красивый: его волосы все ещё влажные от воды, и глаза такие голубые. Я чувствую, как слезы наворачиваются на глаза, и пытаюсь сморгнуть их. Такер вздыхает.

- Что ты хочешь, Клара?

Мое имя прозвучало странно, когда он его произносил. Я больше не Морковка. Мои волосы снова светлые. Он, вероятно, может сказать, что я не такая, какой хочу казаться.

- Мне жаль, что я солгала тебе, - говорю я, наконец, - Ты не знаешь, как сильно я хотела сказать тебе правду.

- Так почему не сказала?

- Потому, что это против правил.

- Какие правила? Какая правда?

- Я тебе все расскажу сейчас, если ты выслушаешь.

- Почему? – резко спрашивает он, - Зачем ты говоришь мне это сейчас, если это против правил?

- Потому, что я люблю тебя.

Вот. Я сказала это. Не могу поверить, что действительно сказала это. Люди кругом бросают эти слова так небрежно. Меня всегда передёргивает, когда я слышу, как ребята говорят это в школьных коридорах. «Я люблю тебя, детка». «Я люблю тебя тоже». Здесь они все в шестнадцать лет уверенны, что нашли настоящую любовь. Я всегда думала, что это сильное чувство, а не маленькая перспектива. Ну, вот и я говорю, что люблю. Такер сглатывает. Гнев исчезает из его глаз, но я все еще вижу тени страха.

- Мы можем пойти куда-нибудь? – спрашиваю я, - Пойдем куда-нибудь в лес, и я покажу тебе.

Конечно же, он колеблется. Я вижу что-то похожее на страх на его лице: а что если я пришелец, пытающийся заманить его в уединенное место, туда, где я смогу высосать из него мозги? Или вампир, жадный до его крови?

- Я не сделаю тебе больно. Не бойся.

Его глаза вспыхивают гневом, когда я практически называю его цыпленком.

- Ладно.

Его челюсть сжимается.

- Но я поведу.

- Конечно.

Такер едет где-то час, через Айдахо-Фолс выше в горы, направляясь к водохранилищу «Полисэйдс». Молчание между нами становится настолько ужасным, что мне хочется закашлять. Мы оба пытаемся взглянуть друг на друга, и при этом не быть замеченным другим. В любое другое время это было бы смешно и нелепо. Он поворачивает вниз по грунтовой дороге, которая отмечена как частная собственность, и проезжает мимо деревянных домов, срубленных деревьев, а потом вверх по склону, пока мы не доезжаем до большой ограды. Такер выскакивает из машины и возится с ключами, открывая ржавый металлический замок, который закрывал ворота, после чего садится обратно в грузовик и проезжает. Когда мы достигаем пустой широкой поляны он паркует грузовик и, наконец, смотрит на меня.

- Где мы?- спрашиваю я.

- Моя земля.

- Твоя?

- Мой дедушка собирался строить дом здесь, но заболел раком. Он оставил эту землю мне. Здесь около восьми гектаров. Это место, куда я смогу прийти, если вдруг понадобится похоронить мертвое тело или что-то еще.

Я смотрю на него.

- Так расскажи мне, - говорит он.

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь не заикаться на его глазах, устремленных прямо на меня. Я хочу рассказать ему. Всегда хотела, просто точно не знаю, как это сделать.

- Я даже не знаю, с чего начать.

- Как насчет того, чтобы начать с той части, что ты какое-то сверхъестественное существо из света.

У меня перехватывает дыхание.

- Ты считаешь, что я сделана из света?

- Это то, что я видел.

Я вижу страх в нем, в том, как он отводит глаза и слегка отодвигается, чтобы увеличить расстояние между нами.

- Я не думаю, что я сделана из света. То, что ты видел, называется «Слава». Мне трудно это объяснить. Это способ общения, благодаря которому мы общаемся.

- Способ общения? Ты пытались общаться со мной?

- Не намеренно, - говорю я, краснея, - Я не хотела, чтобы это случилось. На самом деле, я никогда не делала этого раньше. Мама сказала, что иногда сильные эмоции могут спровоцировать это, - бормочу я, - мне очень жаль. Я не хотела пугать тебя. Слава, как правило, имеет воздействие на людей.

- И ты не человек, - говорит он решительно.

- В основном я человек.

Такер прислоняется спиной к двери грузовика и разочарованно вздыхает.

- Это что шутка, Клара? Это какой-то трюк?

- Я - Нефилим, - произношу я. - Обычно, мы не используем этот термин, потому, что он означает «упал» на иврите, а мы не хотим думать о себе, как о падших. Ты знаешь, что именно так мы называемся в Библии. Мы предпочитаем термин «ангел по крови» или «кровный ангел».

- Ангел по крови, - повторяет он.

- Моя мама наполовину ангел. Ее отец был ангелом, а мать была человеком. И это делает меня ангелом на четверть, поскольку мой папа обычный человек.

Слова вылетают из меня очень быстро, чтобы не было времени передумать. Такер смотрит на меня так, будто я обзавелась дополнительной головой.

- И так, ты в какой-то степени ангел.

Он говорит именно так, как это делала я, когда моя мама впервые рассказала мне эту новость. Например, он составил список всех психиатрических учреждений в области.

- Да. Давай выйдем из грузовика.

Его глаза расширились, чуть-чуть.

- Почему?

- Потому что ты не поверишь мне, пока я не покажу тебе.

- Что это значит? Ты будешь делать тот свет еще раз?

- Нет, я не буду делать этого снова.

Я положила свою руку на его, пытаюсь успокоить. Мое прикосновение, кажется, имеет противоположный эффект. Такер быстро отстраняется, открывает дверь, и выпрыгивает из грузовика, чтобы оказаться подальше от меня. Я тоже выхожу, иду в центр и смотрю на него..

- Теперь, не бойся, - прошу я ему.

- Правильно. Потому что ты хочешь показать мне, что ты ангел.

- Ангел отчасти.

Я призываю свои крылья и поворачиваюсь немного, чтобы показать их ему. Я не вытягивала их и не летала, как это делала моя мама, чтобы доказать это мне. Я думаю, что увидеть их, сложенными за спиной ему будет достаточно.

- Вот дерьмо.

Он делает шаг назад.

- Я знаю.

- Это не шутка, не какая-то игра воображения или магический трюк. У тебя действительно есть крылья.

- Да.

Я медленно иду к нему, дабы не спугнуть, а потом поворачиваюсь спиной к нему, чтобы он мог видеть их полностью. Он поднимает руку, как будто хочет коснуться перьев. Мое сердце чувствует, как он останавливается, ждет. Никто другой никогда не трогал мои крылья, и я хочу узнать, что он почувствует. Мне хотелось бы, чтобы он дотронулся до моих крыльев, но он отводит руку назад.

- Ты можешь летать? - спрашивает он сдавленным голосом.

- Да, но в основном я нормальная девушка.

Я знаю, что Такер не верит в это. Неужели он никогда больше не будет относиться ко мне, как к нормальной девушке? Это одна из причин, почему я люблю Такера. Он заставляет меня чувствовать себя нормальной, не неприметной дурнушкой, а просто самой собой, без всех этих ангельских шуточек. Я почти начинаю плакать, думая о том, что могу потерять.

- Что еще? Что еще ты можешь делать?

- Не много, на самом деле. Я только на четверть ангел. Я даже не знаю, что могут делать наполовину ангелы. Я могу говорить на любом языке. Я думаю, что это удобно для ангелов, когда они доставляют сообщения.

- Так вот почему ты поняла корейнку и разговаривала с медведем гризли?

- Да,- говорю я, смотря вниз, на свои ноги.

Я слишком боюсь увидеть его лицо и узнать, что все кончено. Поцелуй был три дня назад, но он ощущается так, будто был в жизни другого человека. Другая девочка стояла в сарае, впервые целуя Такера. Другая девушка, которую он любит. Не меня. Не жалкую, униженную меня. Я начинаю плакать.

- Прости,- выдавливаю я.

Он молчит. Слезы закапали с моего подбородка. Он выпускает медленный, глубокий вдох.

- Не плачь, - говорит он, - Это нечестно.

Я смеюсь и плачу одновременно.

- Все в порядке, - шепчет он.

Его пальцы скользят по слезам на моих щеках.

- Не плачь.

Потом он обнимает меня. И крылья. Все.

Я обвиваю свои руки вокруг его шеи и прячу свое лицо на его груди, вдыхая речной запах, до сих пор сохранившийся на нем. Где-то в лесу каркает ворона. Черный дрозд отвечает...

Потом мы целуемся, и все исчезает, кроме Такера.

- Ладно, подожди, - говорит он через минуту, отстраняясь.

Я моргаю, глядя на него в оцепенении. Пожалуйста, пожалуйста – думаю я, - пусть это не будет та часть, где он меняет свое решение.

- Это нормально, целовать тебя? – спрашивает он.

-Что?

- Я не получу удар молнии?

Я смеюсь и наклоняюсь, слегка прижимая свои губы к его. Его руки на моей талии сжимаются.

- Никаких молний, - говорю я.

Он улыбается. Я провожу пальцем по всей длине его ямочки. Он берет прядь моих волос, ту что выбилась из «конского хвоста», и проверяет ее на солнце.

- Не рыжий, - говорю я, пожимая плечами.

- Я всегда чувствовал, что с твоими волосами что-то произошло.

- Получается, ты думал, что мучаешь меня, называя морковкой?

- И еще я думал, что никогда не видел человека, настолько красивого, как ты.

Он опускает голову и неловко трет шею, краснея.

- Ты настоящий Ромео, - говорю я, тоже слегка краснея. Пытаясь скрыть это, я дразню его, но ничего не выходит, а все потому, что Такер снова обнимает меня и проводит руками по мои крыльям.

Его прикосновение нежное, легкое, но оно посылает волну радости прямо в мой живот, да настолько сильную, что мои колени дрожат и слабеют. Я опираюсь на него, прижимаюсь щекой к его плечу, пытаюсь сохранить воздух, входящий и выходящий из моих легких, пока он гладил мои крылья медленно, вверх и вниз, по всей длине.

- Значит, ты ангел, вот и все, - бормочет он.

Я целую его в плечо.

- Ангел на часть.

- Скажи что-нибудь на ангельском языке.

-Что я должна сказать?

- Что-то простое, - говорит он, - Что-то правдивое.

- Я люблю тебя, - шепчу я автоматически, шокируя себя еще раз.

Слова по-ангельски подобны шепоту ветра и звезд. Они звучат, словно тихая и чистая музыка. Его руки сжимаются вокруг меня. Я смотрю ему в лицо.

- Что ты сказала? – спрашивает Такер, но его глаза говорят мне, что он услышал меня громко и ясно.

-О, ты знаешь. Я просто, вроде как люблю тебя.

-Хм.

Он целует уголок моего рта и убирает прядь волос от моего лица.

- Я тоже очень, очень люблю тебя.

Так что я влюбилась. Это сумасшествие. Я забываю поесть, вечно витаю в облаках, разговариваю по телефону всю ночь напролет и отказываюсь поваляться подольше каждое утро, в надежде увидеть его. Вот такая вот любовь. Летние дни пролетают мимо, и каждый день я нахожу что-то еще, что люблю в нем. Он чувствует, что никто другой не знает его так, как я. Я знаю, что он не поклонник кантри-музыки, но это часть Запада, поэтому он терпит ее. Такер признается, что внутренне сжимается от страха, каждый раз, когда слышит звон гитарных струн. Он любит «Читос». Вообще Такер считает, что величайшей трагедией мира настанет тогда, когда все съедят, и дикое пространство будет заполнено квартирами и ранчо. Он любит и одновременно ненавидит «Ленивую собаку» по этой причине. Такер постоянно мечтает о том, чтобы вернуться назад во времени, в те дни, когда он возле забора гонял маленьких собачек по всей территории, как настоящий ковбой. Он хороший человек, уважаемый. Такер никогда не ругается. Он добрый. Задумчивый. Любит дарить мне дикие цветы, чтобы я вплетала их в свои волосы, благодаря чему я потом чувствую их запах весь день. Такер не делает большой проблемы из того, что мы разные. На самом деле, он никогда не поднимает все эти ангельские темы, хотя иногда я вижу, что он смотрит на меня с каким-то любопытством в глазах. Мне нравится, когда ему иногда становится неловко от всех этих сладких штучек между нами, тогда его голос становится немного грубоватым, и он щекочет или целует меня. Ребят, да мы постоянно целовались.. Такое ощущение, что мы чемпионы в этом! Такер никогда не заходит слишком далеко, хотя иногда мне очень хочется этого. Он целует меня, целует меня до тех пор, пока не закружится голова, и мое тело не станет легким и тяжелым одновременно, целует меня, пока я не начинаю снимать одежду, чтобы быть ближе с ним. Затем он постанывает, хватая меня за запястья и уходит от меня, делая несколько глубоких вдохов и выдохов в течение нескольких минут. Мне кажется, что он считает, что дефлорация⁷⁴ с ангелом может означать вечность в горящем аду.

- А как насчет церкви? – спрашивает он меня однажды ночью, после того как отходит, задыхаясь.

Это было в первую неделю августа. Мы лежим на одеяле, словно на кровати, в его пикапе, наблюдая за буйством ярких звезд над нашими головами. Он целует тыльную сторону моей ладони, а потом переплетает свои пальцы с моими. На секунду я забываю вопрос.

- Что?

Он смеется.

- Церковь. Почему твоя семья не ходит в церковь?

Еще одна вещь, которую я люблю в Такере так это то, что он непоколебимо честный и откровенный. Я смотрю на звезды.

- Я не знаю. Мама брала нас в церковь каждое воскресенье, когда мы были детьми, но, когда мы стали старше, перестала.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

- Но вы знаете, что Бог существует. Я имею в виду, что ты кровный ангел и у тебя есть доказательства, правильно?

Какие доказательства у меня действительно есть? Крылья. Знание языков. Слава. Все это работает благодаря Богу, во всяком случае, так мне сказали. Ну, Бог кажется наиболее вероятным объяснением.

- Ну, у нас есть Слава, - говорю я, - Так мы общаемся с Богом, но я совсем немного знаю об этом. Я это почувствовала только один раз.

- На что это похоже?

- Это здорово. Я не могу описать это. Это было так, будто я могла чувствовать все, что чувствовал ты, как бьется сердце, как кровь течет в твоих жилах, дыхание, будто мы были единым целым, и мы вместе чувствовали эту невероятную... радость. Разве ты не чувствуешь то же самое?

- Я так не думаю, - признается он, отводя глаза, - Я был просто безумно счастлив, поцеловав тебя. И тогда ты засияла. Ты сияла так ярко, что я не мог на тебя смотреть.

- Прости.

- Я не, - говорит он, - Я рад, что это случилось. Потому что тогда я узнал, кто ты на самом деле.

- О, да? И кто я?

- Действительно, действительно божественная, избалованная калифорнийская цыпочка.

⁷⁴ Дефлорация - нарушение целостности девственной плевы. Как правило, дефлорация совершается при первом половом сношении, однако девственная плева может растянуться и остаться неповрежденной после одного или нескольких половых актов.

- Заткнись.

- Это круто, однако. Моя девушка – ангел.

- Я не ангел. Я не живу на небесах, не играю на арфе и не веду задушевных бесед со Всевышним.

- Нет? У тебя нет большого Рождественского ужина с Богом?

- Нет, - говорю я, смеясь, - У нас есть свои традиции, но мы на самом деле не против пообщаться с Богом. Мама говорит, что каждый ангел по крови встречается с Богом, в конечном счете, но только после того, как наше предназначение на Земле будет выполнено. Лицом к лицу. Я не могу себе этого представить, но это то, что она говорит.

- Да, но это же для всех, не так ли? Для людей тоже?

- Что?

- Все мы, якобы, можем встретиться с Богом. Когда мы умираем.

Я смотрю на него. Я никогда не думала об этом раньше. Я предполагала, что эта встреча будет своего рода предоставлением итогов нашего предназначения. Эта идея всегда ужасала меня.

- Верно, - говорю я медленно, - Все мы можем встретить Бога когда-нибудь.

- Поэтому, возможно, я должен продолжать ходить в церковь.

- Церковь не может навредить.

Я глажу его рукой по щеке, ощущая намеки на щетину под ладонью. Мне хочется сказать что-то глубокое, о том, как я благодарна, что он может принять меня такой, какая я есть, мои крылья и все такое, но я знаю, что, обличенное в слова, это прозвучит плохо. Потом думаю о церкви, о том, как мама, Джеффри и я сидим на скамьях в церкви, когда я была еще маленькой, поем и молимся вместе со всеми. Вспоминаю, как мы попадаем под цветные блики от витража с ангелами, а потом снова возвращаюсь в реальность. Мы едем по грунтовой дороге в «Блубэлл», пока я пытаюсь держать себя в руках. Такер передвигается ближе ко мне, а потом кладет руку на мое колено. От его прикосновения через все мое тело мгновенно пробегает дрожь.

- Хулиган.

Я хватаю нарушителя за руку и держу. Его большой палец пробегается по моим костяшкам, заставляя мое сердце биться быстрее.

- Я клянусь, иногда ты говоришь странные вещи, - произносит он.

- Это от моей мамы, которой более ста лет. Язык – прекрасная вещь, - объясняю я, - Я понимаю и слышу каждое слово. Это дает мне удивительный словарный запас.

- Потрясающе, - дразнит он.

- Отлично, на самом деле. Эй, ты говорил со своей сестрой в последнее время?

- Да, пару ночей назад, - говорит он.

- Ты рассказал ей о нас?

Он хмурится.

- А не должен?

Я улыбаюсь.

- Ты можешь сообщить ей, но я думаю, что она уже знает. Я разговаривала с ней вчера, и она вела себя так странно.

- Значит, ты так и не сказала ей.

- Нет, я подумала, что это странно, ну то, что я встречаюсь с ее братом. Мне кажется, что лучше тебе.

- Я сказал ей, - признает он, - Я не могу хранить секреты от Венди. Я пытался. Не работает.

- Но... - колеблюсь я, - Ты не рассказал ей о.....ну, ты же знаешь.

Он посылает мне фальшиво недоумевающий взгляд.

- Что?! Есть что-то еще о тебе, что я должен знать?

- Зови меня просто ангел утром, - пою я.

Он смеется.

- Конечно, я ничего ей не говорил. Я не знаю, как сказать ей что-то подобное, - после чего добавляет, - Но будет тяжело, когда она вернется.

Я смотрю в окно. Грузовик проезжает мимо скрученных, шероховатых сосен по обе стороны от дороги, осины здесь и там начинают менять цвета. Здесь жарко, даже по стандартам Вайоминга. Воздух

сухой и пахнет пылью. Потом все начинает выглядеть очень знакомым. Словно дежавю⁷⁵. Моя рука сжимает руку Такера.

- Останови грузовик, - говорю я, задыхаясь.

- Что?

- Просто останови.

Такер жмет по тормозам, поднимая облако пыли вокруг нас. Я выпрыгиваю из грузовика еще до того, как он останавливается. Когда пыль оседает, я стою посреди дороги, медленно вращаясь по кругу. Затем иду, словно в тумане, к обочине дороги, прохожу мимо тени большого серебристого пикапа в моем видении, и ведомая ногами, углубляюсь в лес. Я еле слышу, как Такер зовет меня, но я продолжаю идти. Не знаю, могла бы я остановиться, даже если бы попыталась. Я иду, отталкиваясь от деревьев. Один раз я даже поскользываюсь и падаю на одно колено прямо на иглы, рассыпанные по земле, но даже несмотря на это я продолжаю идти всё глубже в лес, даже не потрудившись отряхнуться. И затем я останавливаюсь. Это здесь. На маленькой поляне. Возле хребта. Воздух полон дыма. Небо золотисто-оранжевого цвета. Кристиан одет в черную шерстяную куртку, руки засунуты в карманы, бедра слегка сдвинуты в сторону. Он стоит совершенно неподвижно, глядя вверх, на вершины хребта. О Боже, - думаю я, когда вижу языки пламени. Я шагаю к нему. Все так сухо. Облизывая свои губы, я смотрю на свои дрожащие руки. Это все равно, что оставить свою жизнь позади. Мне так грустно, что я могу заплакать.

- Кристиан, - хрипло говорю я.

Он поворачивается. Я не знаю, как прочесть выражение его лица. Его густые, хорошо очерченные брови сведены вместе.

- Это ты, - говорит он.

- Это я... я...

Он подходит ко мне. Я иду навстречу ему. Через минуту-другую мы оба останавливаемся на расстоянии вытянутой руки и смотрим друг на друга. Я чувствую, что нахожусь под воздействием наркотиков или чего-то еще. Мне хочется прикоснуться к нему так сильно, что, кажется, я почувствую боль, если не сделаю этого. Протягиваю руку и его пальцы переплетаются с моими. Его кожа горит, словно в лихорадке. Я закрываю глаза на секунду переполненная ощущений. Понимание взрывом проносится через меня. Мы принадлежим друг другу. Я открываю глаза. Кристиан подходит еще ближе. Его взгляд на моем лице ощущается как прикосновение. Он смотрит на мои губы, потом глаза, затем снова на губы. Он поднимает руку, чтобы коснуться моей щеки. Я плачу. Понимаю это, и слезы текут по моим щекам.

- Это действительно ты, - шепчет он.

Затем, его руки обвиваются вокруг меня, и огонь обрушивается на нас. Быстро передвигаясь по земле, будто чудовище, преследующее нас, из ноздрей которого выходят клубы густого белого дыма. Раздается предупреждающий треск и грохот. Я пытаюсь вызвать крылья, собрать все свои силы и унести нас в небо. Только я не лечу, а вместо этого опускаюсь на землю, на лесную поляну, хватая руками пустоту, потому что Кристиана здесь уже не было. И тогда все становится черным. Я смутно осознаю, что меня несут. Даже не успев открыть глаза, я знаю, что это Такер несет меня. Я могу узнать его запах где угодно. Моя голова откинулась назад, на его плечо. Мои руки свободно свисают. У меня было видение. Снова. Это видение было таким, будто все происходило прямо сейчас. На сей раз это гораздо больше, чем просто видеть это. Я была там, и, видимо, потеряла сознание. Опять. Я пытаюсь приподняться немного, вернуть подвижность моим рукам и ногам, но в ту минуту, как начинаю двигаться, я кашляю. Словно я вдохнула дым. Такер сразу останавливается.

- О, слава Богу, - говорит он, - Ты в порядке.

Я не была в этом уверена. Ладно, кажется, это я зря. Я кашляю и кашляю, наконец, могу четко увидеть Такера. Взглянула в его озабоченные глаза, я попыталась улыбнуться. И кашель начинается незамедлительно.

-Я в порядке, - говорю я.

Кха, кха, кха.

- Держись. Мы почти на месте.

⁷⁵ **Дежавю** - психическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации, видел что-то подобное раньше.

Такер снова начинает идти, и через пару минут мы возвращаемся в грузовик. Он открывает заднюю дверь и расстилает большое, знакомое мне, одеяло. Все одной рукой, так как второй он поддерживает меня. Такер нежно кладет меня на эту постель в грузовике, а затем ложится рядом.

- Спасибо, - говорю я отрывисто, - Ты мой герой.

Преуменьшение. По крайней мере, кашель перестал.

- Что случилось?

Я смотрю вверх, на небо. Большие пушистые облака медленно передвигаются над нами. Крошечная дрожь проходит через меня. Такер наблюдает за всем этим.

- Ты можешь рассказать мне.

- Я знаю.

Я смотрю на него. Его детские голубые глаза наполнены такой любовью и заботой, что у меня встает ком в горле.

- С тобой все в порядке? Тебе нужен доктор?

- Нет, я просто потеряла сознание.

Он ждет. Я делаю глубокий вдох.

- У меня было видение, - начинаю я.

Ну, а потом рассказ получается сам собой.

- Где мы? – спрашиваю я, когда наконец заканчиваю свой рассказ.

Мы оба сидим сейчас: Такер, прислонившись спиной к кабине, пытаюсь осмыслить все это. Я не могу сказать, чувствует ли он бешенство от того, что Кристиан присутствует во всем этом, или испытывает облегчение, что моя одержимость Кристианом Прескоттом была по уважительной причине. Он ни чего не говорит в течение минут десяти.

- О чем ты думаешь? – спрашиваю я, когда уже не могу выносить это молчание.

- Я думаю, что это потрясающе.

Опять это слово.

- Это как священный долг, который ты должна выполнить.

- Верно.

Конечно, я рассказала Такеру версию, не включающую в себя те моменты, где Кристиан держал меня за руку и нежно прикоснулся к моей щеке, и то, как мы оба, Кристиан и я, были совершенно поглощенный друг другом в тот момент. Я не знаю, что и думать об этих вещах.

- Так, где же мы? – снова спрашиваю я.

- Мы хорошие, я думаю. Не так ли?

- Нет, я имею в виду, где мы? Буквально?

- Ох. Мы вышли на дорогу, называемую «Фокс Крик»⁷⁶.

Дорога «Фокс Крик». Такое простое, скромное название для того места, где могут разрушиться судьбы. Теперь я знаю, где это. И кто это, и что. Все, что мне осталось выяснить – это когда. И почему.

ГЛАВА 18. МОЯ ПРЕДНАЗНАЧЕННАЯ ЖИЗНЬ

(Переводчик: Наталья Цветаева; Редактор: [unreal])

Мы с Такером сидим в лодке на середине озера Джексон, когда Анжела наконец-то перезванивает.

- Ладно, что случилось? – спрашивает она. Я слышу колокола, звонящие на заднем плане. – Пожар уже произошел?

- Нет.

- Но между вами с Кристианом уже что-то есть?

- Нет, - нервно отвечаю я, запинаясь. – Он не...я не...его нет в городе.- Я смотрю на Такера. Он поднимает брови и спрашивает:

⁷⁶ «Фокс Крик» - в переводе с англ. «Лисий Ручей»

- Кто это?

Я слегка покачиваю головой.

- Так что за срочность? – нетерпеливо спрашивает она.

- Я послала тебе сообщение несколько недель назад. Ты что, его только получила?

- У меня некоторое время не было интернета, – словно защищаясь, произносит она. – Я немного выпала из происходящего. Так у тебя все хорошо? Кризис миновал?

- Да, – говорю я, все еще глядя на Такера. – Все нормально.

- А что случилось?

- Надо возвращаться? – спрашивает Такер. Я трясую головой и улыбаюсь, показывая ему тем самым, что все просто отлично, как я и сказала.

- Давай, я тебе потом перезвоню? – предлагаю я Анжеле.

- Нет, ты не перезвонишь мне потом! Кто это был?

- Такер, – отвечаю я с напускной небрежностью. Он пересекает лодку и опускается на сиденье рядом со мной, хитро улыбаясь, от чего у меня перехватывает дыхание и сердце начинает биться быстрее.

- Такер Эвери, – уточняет она.

- Да.

- А Венди тоже с вами?

- Нет, Венди все еще в Монтане.

Такер берет мою свободную руку и начинает по очереди целовать каждый палец. Я дрожу и пытаюсь вырвать руку, но он не отпускает.

- Значит, только Такер.

- Правильно. – Я подавляю смехок, когда Такер прикусывает мне палец.

- Что ты делаешь с Такером Эвери?

- Ловлю рыбу.

Мы провели полдня, медленно нарезая круги по озеру, целуясь, брызгая друг в друга водой, поедая виноград, брецели⁷⁷ и сендвичи с индейкой, снова целуясь, обнимаясь, щекоча друг друга, смеясь, ну да, опять целуясь, но в промежутках мы определенно ловили рыбу. Я точно помню, что сегодня зачем-то держала удочку.

- Нет, – громко говорит Анжела.

- Что?

- Что ты делаешь с Такером Эвери? – с нажимом повторяет она.

Иногда она слишком умна, и это ей вредит. Я сажусь и отодвигаюсь от Такера.

- Сейчас, правда, не самый подходящий момент. Я тебе перезвоню.

Она отказывается ждать.

- Ты все забросила, да? – говорит она. – Ты перестала концентрироваться, в то время как ты должна быть особенно внимательна, готовить себя. Не могу поверить, что ты сейчас путаешься с Такером Эвери. А как же Кристиан? Как же судьба, Клара?

- Ничего я не бросала. – Я встаю и аккуратно иду к другой стороне лодки. – Я все еще могу сделать то, что должна.

- Ну конечно. Звучит так, будто у тебя все под контролем.

- Отвяжись. Ты вообще ничего не знаешь.

- А мама твоя знает?

Когда я не отвечаю, она издает короткий горький смехок.

- Зашибись, – говорит она. – Круто.

- Это моя жизнь.

- Да, так и есть. И ты полностью ее рушишь.

Я бросаю трубку. Затем поворачиваюсь и встречаюсь с полными непонимания голубыми глазами Такера.

- Что это было? – мягко спрашивает он.

Он не знает, что в Анжеле тоже течет ангельская кровь, и я не могу об этом рассказать, это не мой секрет.

Он хмурится:

⁷⁷ Брецель (нем. *Brezel*) – крендель, широко распространённый в южной Германии, диаметром около 10-15 см.

- Думаю, нам надо вернуться. Мы пробыли здесь уже достаточно долго.

- Еще нет, - возражаю я.

У нас над головой сгущаются грозовые тучи. Такер поднимет на них глаза.

- Нам, правда, надо уйти с озера. Начинается сезон дождей, когда гроза может разразиться совершенно внезапно. Они длятся всего-то минут двадцать, но могут быть просто чудовищными. Нужно идти.

- Нет. — Я хватаю его за руку и тяну к краю лодки, заставляя его сесть, и сворачиваюсь вокруг него, размещая его руки вокруг себя и окунаясь в их надежное тепло, в его знакомый, уютный запах. Я прижимаюсь губами к его пульсу, бьющемуся на шее.

- Клара...

Я прикладываю палец к его губам.

— Не сейчас, - шепчу я. — Давай просто побудем здесь подольше.

Когда телефон звонит в следующий раз, я ем филе поросенка с фенхелем и яблоками, одно из маминых наиболее впечатляющих блюд. Это, конечно, вкусно, но я думаю не о еде. Я даже думаю не об Анжеле. Прошло два дня с того телефонного разговора на озере и я делаю все, чтобы забыть о нем. Кроме того, я полностью поглощена мечтами о Такере. Последние пару дней он работал на реке, чтобы иметь возможность оплатить своей девушке праздничный ужин в честь первого месяца отношений, как он выразился. Мы вместе уже целый месяц, просто с ума сойти. Каждый раз, когда он называет меня своей девушкой, я все еще покрываюсь мурашками. Такер собирается отвести меня на танцы, научить танцевать тустеп⁷⁸ и все остальное.

- Не хочешь взять трубку? — выгибая бровь, спрашивает мама с другого конца стола. Джеффри тоже пристально на меня смотрит. Я пытаюсь собраться со своими лихорадочно бегающими мыслями. Я достаю телефон из кармана и смотрю на него. Неизвестный номер. Любопытство берет верх, и я нажимаю на кнопку приема.

- Алле, - говорю я.

- Привет, незнакомка, - отвечает знакомый голос.

Кристиан.

Я чуть не выронила телефон.

- Ой, привет. Я не узнала твой номер. Ну как ты там? Как лето проходит? Как Нью-Йорк? — я задаю слишком много вопросов.

- Было скучно, но я теперь вернулся.

- Уже?

- Ну, уже август. Знаешь, нам скоро придется идти в школу. Вообще-то я планировал появиться там в этом году. Выпускной и все такое.

- Точно, - говорю я и пытаюсь рассмеяться.

- Ну, как я уже сказал, я вернулся, и я думал о тебе все лето. Прошу тебя поужинать со мной завтра вечером. В общем, свидание, если быть точным, - он говорит это делано беспечным тоном, но в нем так много серьезных полутонов, что мне кажется, будто из комнаты исчез весь воздух. Я поднимаю глаза и вижу, что мама и Джеффри смотрят на меня. Он ожидает, что я скажу да, да, я с удовольствием поужинаю с тобой, когда ты за мной заедешь, жду-не дождусь..., но я не говорю ничего из этого. Что я могу ответить? Прости, кажется, раньше я сходила по тебе с ума, но это было раньше. Теперь у меня есть парень? Ты упустил свой шанс?

- Ты еще там? — спрашивает он.

- Да, конечно. Прости.

- Итак...

- Я не могу завтра, - быстро и тихо говорю я, но знаю, что мама все слышит. У нее отличный слух.

- Ааа, - Кристиан кажется удивленным. — Ну, не страшно. Как насчет субботы?

- Не знаю. Я тебе потом перезвоню, - совсем струсив, говорю я.

- Конечно, - говорит Кристиан, делая вид, что это не важно, но мы все знаем, и он, и мама, и Джеффри, и я, что это очень важно. — У тебя есть мой номер. — Затем он быстро прощается и кладет

⁷⁸ Прим. пер.: парный бальный танец; был популярен в 20-е годы 20 века

трубку. Я закрываю телефон. Минута проходит в неловком молчании. У мамы и Джеффри на лице почти одно и то же выражение: как будто я окончательно рехнулась.

- Почему ты отказалась? – спрашивает мама. Вопрос на миллион, единственный, на который я не хочу отвечать.

- Я не отказалась. Просто завтра я не могу.

- Почему?

- У меня уже есть планы. Знаешь, у меня есть своя жизнь.

Она выглядит разозленной:

– Да, и что же может быть важнее в твоей жизни, чем Кристиан?

- У меня свидание с Такером. – Все это время я говорила ей, что гуляю с ребятами из школы, и она мне верила. У нее не было причин не верить. Она была слишком загружена работой, чтобы быть внимательнее.

- Так отмени, - говорит она.

Я трясую головой и отвечаю: - Нет. – Чтобы показать, что она недооценивает меня. Я смотрю на нее: - У меня свидание с Такером.

- Ты что, шутишь? – глухо спрашивает Джеффри. Я знаю, это не потому, что ему не нравится Такер, а потому, что это просто невероятно для членов моей семьи, что я интересуюсь кем-то, кроме Кристиана. В конце концов, это из-за него мы приехали сюда.

- Нет. Такер мой парень. – Я люблю его, хочется мне сказать, но я знаю, что это будет уже чересчур. Мама кладет вилку на стол.

- Прости, что не сказала раньше, - неловко говорю я. – Я думала...не знаю, о чем я думала. Я имею в виду, я все равно спасу Кристиана, как в видении.

Только вот не как в видении, думаю я, держась за руки, прижимаясь щекой к щеке и прочая чепуха, но я спасу его. Я так решила.

- Я практикуюсь в полетах. Я становлюсь сильнее. Думаю, что смогу поднять его.

- Откуда ты знаешь, что твое предназначение именно спасти Кристиана?

- Потому что в видении я лечу с ним от пожара. Это называется спасти, так ведь?

- И это все?

Я отвожу взгляд от ее понимающих глаз. Мы принадлежим друг другу. Эта мысль занозой засела у меня в мозгу с тех пор, как я видела более позднюю версию своего видения. Я прокручивала его в голове снова и снова, пытаясь найти что-то, чтобы убедить себя, что я неправильно его истолковала. Я не хочу влюбляться в Кристиана Прескотта. Больше нет.

- Не знаю, но я буду там. Я спасу его.

- Это не просто очередной шаг, который тебе предстоит сделать, Клара, - тихо говорит мама. – Это твое предназначение на земле. Время пришло. В Титон Кантри вчера был пожар. Здесь это может случиться в любую минуту. Тебе нужно сконцентрироваться. Ты больше не можешь себе позволить рассеивать свое внимание. Мы сейчас говорим о твоей жизни.

- Да, - говорю я, резко поднимая подбородок. – Это моя жизнь.

В последнее время я говорю это слишком часто.

Ее лицо бледнеет, глаза становятся застывшими и безразличными. Однажды утром, когда мы еще были детьми, Джеффри нашел гремучую змею, впавшую в спячку от холода, свернувшуюся в патио⁷⁹ на нашем заднем дворе. Мама ушла в гараж и вернулась с садовой тяпкой. Она приказала нам отойти назад, а затем подняла тяпку и одним резким движением отрубила змее голову. Тогда у нее на лице было такое же выражение, застывшее и решительное. Это пугает меня.

- Mam, все нормально, - начинаю я.

- Нет, не нормально, - очень медленно говорит она. – Ты наказана.

Этим вечером был первый раз, когда я сбежала из дома. На самом деле, это так просто, открыть окно, шагнуть наружу, балансируя на краю крыши около минуты, прежде чем распахнуть крылья и исчезнуть. Но я всегда была послушной девочкой. Я подчинялась матери и никогда не сходила с правильной тропинки пред собой. От этого простого акта неповиновения на сердце становится так тяжело, что кажется, будто я даже не смогу взлететь.

Я приземляюсь напротив окна Такера. Он откинулся в кровати с книжкой комиксов «Люди Икс», что заставляет меня улыбнуться. Его волосы короче, чем были вчера. Наверное, он подстригся в честь

⁷⁹ Прим.пер.: открытый внутренний двор

нашего юбилея. Я слегка стучу по стеклу. Такер поднимает глаза и улыбается, потому что рад меня видеть, а мое сердце переворачивается в груди. Я рада, что не стала полу-ангелом вестником. Ненавижу приносить плохие известия.

Такер прячет комиксы под подушку и идет к окну. Ему приходится приложить усилия, чтобы открыть его, потому что воздух между оконными рамами горячий и тяжелый. Он пробегает взглядом по моим крыльям, и я вижу, как он пытается справиться с инстинктивным страхом, который чувствует каждый раз, когда сталкивается с доказательством того, что все в жизни не так просто, как кажется. Затем он высовывается из окна и берет меня за руку. Я убираю крылья и пытаюсь улыбнуться.

Он втягивает меня в свою спальню.

– Привет. Что случилось? Ты выглядишь...расстроенной.

Он подводит меня к кровати, и я сажусь. Такер подтягивает стул и садится напротив меня. Его взгляд обеспокоенный, но уверенный, словно он думает, что сможет справиться со всем, что я ему скажу. Он со мной; вот, что говорят его глаза.

– Ты в порядке? – спрашивает он.

– Да. Вроде того.

Мне ничего не остается, кроме как сказать ему правду. – Я не должна быть здесь. Я наказана.

Он кажется озадаченным. – Надолго?

– Не знаю, - говорю я жалко. – Мама не уточнила. Думаю, на неопределенный срок.

– Но за что? Что ты такого сделала?

– Ну...- как мне объяснить ему, что это из-за того, что я отказалась встречаться с Кристианом Прескоттом? Что мама наказывает меня, потому что я не сказала ей, что я с Такером. Конечно, я не скрывала этого. Я просто не сказала ей, потому что ожидала, что ей не понравится эта идея, но не так же сильно.

Должно быть, мое лицо выдало меня, потому что Такер спросил:

– Это из-за меня? Я ей не нравлюсь, да?

Ненавижу боль, которая проскальзывает в его голосе. Ненавижу смотреть на него и видеть это выражение на его мужественном лице. Это не честно. Большинство матерей мечтают, чтобы их дочери встречались с такими парнями, как Такер. Он знает, что такое уважение, он вежливый, даже немного с рыцарскими замашками. Плюс ко всему, он не курит, не пьет, и у него нет дурацких тату или пирсинга. Он просто золото. Но мою маму ничего из этого не интересует. После того, как она меня наказала, мама сказала, что будь я обычной девушкой, она бы не имела ничего против того, что я встречаюсь с Такером Эвери. Но я *не* обычная девушка.

– Это имеет отношение к Кристиану? – спрашивает он.

– В некотором роде, - вздыхаю я.

– И в каком же?

– Я должна сосредоточиться на Кристиане. Мама думает, что ты отвлекаешь меня от него. Поэтому я наказана. – Я знаю, что он заслуживает лучшего объяснения, но мне не хочется больше об этом говорить. Не хочу чувствовать себя, словно обманщица, хотя ничего из этого не было моим выбором, и именно в таком свете он меня сейчас видит. Некоторое время он хранит молчание.

– Что ты об этом думаешь? – наконец спрашивает он.

Я медлю. Я не знаю ни одной истории о полу-ангелах, которые не выполнили своего предназначения. Я вообще не знаю историй о полу-ангелах, точка. Все, что я знаю, что в случае провала они истощаются и умирают. Мама ни разу не представляла мне другой исход. У нее это всегда звучало неизбежно. Для этого я была создана.

– Не знаю, что думать, - признаюсь я.

Это неправильный ответ. Такер с силой выдыхает.

– Звучит так, как будто нам надо начать встречаться с другими людьми. Как минимум, тебе.

– Что?

Он отворачивается.

– Ты меня бросаешь? – я уставилась на него, волны ужаса проходят через меня, как землетрясение. Он вздыхает, пробегает пальцами по своим укороченным волосам, затем снова смотрит мне в глаза.

– Да, думаю так.

Я встаю.

– Такер, нет. Я все разужаю. Я все как-нибудь улажу.

- Твоя мама не знает, да?

- Ты о чем?

- Она не знает, что я в курсе. О тебе. О полу-ангелах и все такое.

Я вздыхаю и качаю головой.

- И если она узнает, у тебя будет еще больше неприятностей.

- Мне все равно.

- Мне не все равно. – Он начинает расхаживать вперед – назад. – Я не хочу быть тем, кто внесет хаос в твою жизнь. Я не буду стоять на твоём пути и на пути твоей судьбы.

- Пожалуйста, не надо.

- Все будет хорошо, - говорит он, кажется, больше самому себе, чем мне. – Может, когда все закончится, после пожара, когда ты спасешь его, все станет таким же, как и прежде.

- Ну да, - слабо соглашаюсь я. Пройдет всего пара недель, месяц, максимум два, до того, как закончится сезон пожаров, я сделаю все, что от меня требуется и смогу вернуться к Такеру, и уже ничего не будет стоять между нами. Только я не верю в это. Я не могу. Что-то внутри меня говорит, что если я пойду в лес с Кристианом, то уже никогда не смогу вернуться к Такеру. Тогда все будет кончено, окончательно.

Такер больше не встречается со мной глазами.

– Ты молода, - говорит он. – У нас есть еще много времени, чтобы влюбиться.

Два дня я лежу в кровати, в мире пропали краски, у еды пропал вкус. Знаю, это кажется глупым. Такер всего лишь парень. Люди расходятся, и это правда жизни. Наверное, я должна чувствовать себя лучше от того, что он не хотел меня бросать, а просто пытался поступать правильно. Не сказал ли Кристиан то же самое, когда расстался с Кей? Я просто стараюсь поступать правильно. Я не тот, кто ей нужен. Но мне нужен Такер. Я скучаю по нему.

Утром третьего дня звенит дверной звонок, чего почти никогда не случается, и первое, что приходит мне в голову, что это может быть Такер, что он передумал, что мы сможем еще все уладить. Я слышу, как Джеффри бежит вниз, чтобы открыть. Я подсказываю с кровати и бегу в ванную, чтобы распутать волосы и смыть слезы с лица. Я набрасываю какую-то одежду, смотрю на себя в зеркало, и переодеваюсь в фланелевую рубашку, которая больше всего нравится Такеру, в ту, которая по его словам, делает мои глаза похожими на два глубоких океана. Та, которая была на мне в день, когда мы прыгали с дерева. Но хотя моя рука и дотягивается до дверной ручки, хотя я и делаю шаг в холл, я знаю, что это не Такер. Глубоко внутри я знаю, что Такер не из тех людей, что меняют свое мнение. Это Анжела. Она, улыбаясь, рассказывает Джеффри об Италии. Анжела выглядит усталой, но довольной. Они оба поворачиваются, когда я медленно спускаюсь по лестнице. Не могу решить, рада ли я ее видеть после нашего последнего разговора. Ее улыбка меркнет, когда она смотрит на меня.

- Ух ты, - она выдыхает так, будто она шокирована тем, что так плохо вообще можно выглядеть.

- Я забыла, что ты должна была вернуться на этой неделе, - говорю я с нижней ступеньки.

- Ах, ну да, рада тебя снова видеть. – Уголок ее рта приподнимается. Она подходит ко мне и стягивает меня с лестницы. Затем она берет прядь моих волос и держит их на свету, что просачивается через окна.

- Ух ты, - снова говорит она. – Это гораздо лучше, чем оранжевый, Кей. Ты изменилась. Твоя кожа мерцает. – Она прикладывает ладонь к моему лбу, как будто я больной ребенок. – И теплая. Что с тобой случилось?

Я не знаю, как ей ответить. Я не видела того, что видит она, когда смотрелась в зеркало в своей комнате. Все, что я действительно видела – это мое разбитое сердце.

- Думаю, мое предназначение приближается. Мама говорит, я становлюсь сильнее.

- С ума сойти. – Я не понимаю неприкрытую зависть в ее глазах. Мне непривычно, что она мне завидует; обычно все наоборот. – Ты прекрасна, - говорит Анжела.

- Она права, - внезапно говорит Джеффри. – Ты и правда похожа на ангела.

Но мне не важно, то я красива. Я ужасна. Слезы катятся по моим щекам.

- О, Кей... - Анжела обвивает меня одной рукой и сжимает.

- Только не говори «я же тебе говорила», ладно?

- Как долго она в таком состоянии? – спрашивает она у Джеффри.

- Пару дней. Мама заставила ее порвать с Такером.

Не совсем правда, но я не поправляю его.

- Все будет хорошо, - говорит Анжела. – Давай тебя помоем, потому что даже с мерцающей кожей и всем остальным, ты немного запустила себя, Кей...и давай устроим небольшой девичник, и все будет хорошо, вот увидишь. – Она отстраняется и смотрит на меня своим взглядом восторженного исследователя полу-ангелов. – У меня есть потрясающая история для тебя.

Я решаю, что все-таки рада, что она здесь.

Когда мама возвращается домой, она обнаруживает нас с Анжелой в гостиной, Анжелу, покрывающую мне ногти насыщенно-розовым лаком и меня, недавно вышедшую из душа.

Они обмениваются взглядами, мамин говорит без слов, как она рада, что я наконец-то покинула свою комнату, а взгляд Анжелы – что у нее все под контролем. Признаю, мне, правда, лучше, но не потому что Анжела – абсолютно успокаивающий человек, а потому что я ненавижу казаться ей слабой. Она всегда такая сильная, уверенная в себе, сосредоточенная. Когда мы вместе, это похоже на игру правда или задание, и прямо сейчас, у нас задание, и она выбрала, чтобы я прекратила хандрить и стала как прежде. Мое время, быть подростком с разбитым сердцем, вышло. Пора двигаться дальше.

- Сегодня прекрасный день, - говорит мама. – Девочки, не хотите сходить на пикник? Я сделаю вам сандвичи.

- Не могу. Я наказана.

Я все еще злюсь на маму. Из-за нее я потеряла Такера, и все еще отказываюсь верить, что другого выхода не было. По сути, она имеет отношение ко всему этому: мое предназначение, моя несчастная любовь, мое теперешнее ужасное состояние, не упоминая то, что я понятия не имею, как должна сделать то, что нужно. Именно она вечно говорит мне об этой божественной обязанности и необходимости ее выполнения. Это она решила переехать в Вайоминг. Именно мама утверждала и обнадеживала меня, что на все есть причины, и эти ее глупые правила, и то, что она держит меня в неведении. Все. Ее. Вина. Потому что это не ее вина, а Бога, но я как-то не готова ссориться со Всевышним.

Анжела бросает на меня взгляд, полный неодобрения, затем поворачивается к маме и улыбается. – Было бы чудесно пойти на пикник, миссис Гарднер. Нам определенно нужно побыть на свежем воздухе.

Анжела, по ее словам, хочет устроить пикник, найти какой-нибудь специальный столик в горах или на озеро «Дженни», но я не могу. Это заставляет меня думать о Такере.

Просто пребывание на свежем воздухе вселяет в меня тоску по Такеру. Я отгоняю от себя идею больше никогда не выходить на улицу. Итак, мы идем в «Подвязку». Возвышение установлено для «Оклахомы!» и оформлено рядами искусственной кукурузы, разбитым авто, деревьями, кустами, желтым фермерским домом и синим небом на заднем плане. Анжела раскладывает наше одеяло в центре возвышения, мы садимся на него и едим наш ланч.

- Я изучала Черные крылья, - говорит она, откусывая большой кусок от зеленого яблока.

- Это безопасно? Учитывая то, что мама рассказывала про сознание и все такое?

Она пожимает плечами:

- Я не думаю, что стала более-сознательной-из-всех, чем раньше. Я просто знаю больше.

Она достает новый блокнот, один из многих, оформленный в черно-белой гамме, его страницы с обеих сторон покрыты тем, что ей удалось узнать про ангелов. Обычно Анжела пишет с завитушками, располагая буквы очень близко друг к другу, но ее записи в блокноте всегда со множеством помарок, будто сделаны на бегу, как будто ее рука не успевала за мыслями. Она перелистывает страницы. Я думаю о своей собственной тетради, которую начинала с такой страстью и решительностью в первую неделю, когда у меня появились видения. Вот уже несколько месяцев я не трогала ее. Мне становится по-настоящему стыдно.

- Вот, - говорит она. – Они называются Местиферы, иными словами – Скорбящие. Ту старую книгу, в которой они упомянуты, я нашла в библиотеке во Флоренции. Это переводится как «Печальные демоны».

- Демоны? Но они же должны быть ангелами.

- Демоны и есть ангелы, - объясняет Анжела. – Это скорее различия из сферы искусства. Художники всегда изображали ангелов с прекрасными белыми птичьими крыльями, так же крылья должны быть и у падших ангелов, но им казалось недостаточно просто надеть их черными перьями. Они изображали их с крыльями, как у летучих мышей, а затем это повлекло за собой рога, хвост и вилы, которые люди знают сейчас.

- Но человек, которого мы видели в торговом центре, выглядел совершенно обычно.

- Как я уже сказала, думаю, они могут выглядеть так, как захотят. Мне кажется, так они дают понять, что происходит что-то важное, правильно? Как, например, если ты вдруг разрываешься, это будет плохим знаком.

- Эта скорбь в моем видении, мама сказала, это мог быть Черное Крыло.

Лицо Анжелы выражает сочувствие.

- Ты теперь видишь больше в видениях?

Я киваю. Они являются мне каждый день на протяжении последних недель. Они длятся всего несколько минут, вспышками, никакой целостности. Не больше, чем я уже знаю: «Аваланш», лес, прогулка, пожар, Кристиан, слова, что мы говорим друг другу, прикосновение, объятья, полет. Я стараюсь это игнорировать.

- Мама постоянно говорит, что я должна тренироваться, но как? Я уже хорошо летаю. Я могу поднимать тяжести; я становлюсь сильнее, но мне нужно укреплять не мускулы, так ведь? Так как мне тренироваться? Что я должна делать?

Около минуты она обдумывает мой вопрос, затем говорит:

- Тебе надо тренировать свой разум, как тогда сказала твоя мама, ты должна отстраняться от оболочки, проникать в самую суть, концентрироваться. Мы можем делать это вместе. – Она улыбается. – Я помогу тебе. Время пришло, Кей. Я знаю, что с Такером все плохо, но ты больше не можешь ничего изменить. Ты же это понимаешь?

- Да.

- Так за дело, - говорит она, хлопая и подпрыгивая, будто мы собираемся начать в ту же секунду.

- Не будем терять время. Давай тренироваться.

Она, как всегда, права. Время пришло.

ГЛАВА 19. ВЕЛЬВЕТОВАЯ КУРТКА

(Переводчик: Наталья Цветаева; Редактор: [unreal])

Мы тренируемся. Каждое утро я встаю с рассветом и стараюсь не думать о Такере. Я принимаю душ, расчесываю волосы, чищу зубы и стараюсь не думать о нем. Спускаюсь вниз по лестнице и делаю себе фруктовый коктейль – Анжела перевела нас на диету из сырой пищи; она говорит, та чище и лучше для мозга. Я справляюсь с этим, даже добавила в рацион водоросли, которые почему-то напоминают мне о Такере, о том, как мы ловили рыбу. И целовались. Я заглушаю эти мысли. После завтрака я медитирую на переднем крыльце, что является скорее тщетной попыткой не думать о Такере. Потом иду в дом и провожу некоторое время в интернете. Смотрю прогноз погоды, направление и силу ветра и, самое важное, уровень опасности пожаров. В эти последние августовские дни он постоянно отмечен красным или желтым. Все неотвратимей.

В желтые дни я летаю с мешком вокруг крайних деревьев, тренируя свои крылья, каждый раз добавляя веса и стараясь не представлять Такера в моих руках. Иногда присоединяется Анжела, и мы летим рядом, выписывая фигуры в воздухе. Если я сильно стараюсь, если принуждаю себя достаточно долго, мне удастся выбросить Такера из головы на несколько часов, а иногда у меня случаются видения, и какое-то время я вообще не думаю о нем.

Анжела заставила меня записывать мои видения. У нее есть специальные таблицы. В те дни, когда Анжела не зависает у меня, помогая, она обычно звонит в районе обеда, и я могу слышать музыку из «Оклахомы!» на заднем плане, пока она допрашивает меня про видения. Анжела даже дала мне маленький блокнот, который я храню в заднем кармане джинс, и, если приходит видение, я должна все

бросить (когда у меня видения, я и так все бросаю) и записать его. Время. Место. Продолжительность. Каждую мелочь, которую смогу вспомнить. Каждую деталь.

И только благодаря этому я начала замечать изменения. Сначала мне кажется, что видение всегда одинаковое, раз за разом, но когда я начинаю его записывать, я понимаю, что каждый день в нем появляется что-то другое. Суть все та же: я в лесу, огонь подступает, я нахожу Кристиана, и мы улетаем. Каждый раз на мне надета фиолетовая куртка. Каждый раз на Кристиане черная флисовая кофта. Все это кажется постоянным, неизменным. Но иногда я поднимаюсь на холм под другим углом или нахожу Кристиана стоящим несколько шагов правее или левее того места, где он стоял за день до этого, или мы говорим наши «Это ты», «Да, это я» по-другому или в ином порядке. И печаль, которую я замечая, изменяется. Иногда я сразу чувствую его боль, в другой же раз не чувствую ничего до тех пор, пока не вижу Кристиана, но затем она накрывает меня, словно разрушительная волна. Порой я плачу, а иногда меня влечет к Кристиану и притяжение между нами перекрывает скорбь. Сегодня мы улетаем в одну сторону, завтра в другую.

Не знаю, как все это объяснить. Ангела думает, вариации могут быть небольшими альтернативными версиями будущего, и каждая основана на выборе, который я однажды сделаю. И сколько же таких выборов мне предстоит сделать? Игрок я в этом сценарии или марионетка? Думаю, в конце это не будет иметь значения. Это то, что есть. Это моя судьба.

В красные дни, когда пожар наиболее вероятен, я летаю вокруг гор неподалеку от дороги Фокс Крик, разведывая и ища следы дыма. Опираясь на направление из моих видений, мы с Анжелой выяснили, что пожар, скорее всего, начнется в горах, охватит Мертвый Каньон и закончится, достигнув дорог Фокс Крик. Поэтому я патрулирую территорию радиусом двадцать пять миль. Я летаю, не боясь, что люди меня увидят. Даже с жалостью к самой себе, в подавленном настроении, это все равно здорово. Я быстро полюбила летать при дневном свете, когда я вижу под собой землю, такую тихую и нетронутую человеком.

Я и правда как птица, видящая свою тень на земле. Я хочу быть птицей. Не хочу думать о Такере.

- Мне жаль, что ты сейчас так несчастна, - сказала мама однажды вечером, когда я бездумно щелкала пультом по каналам. Мои плечи сгорблены печалью. Мое сердце болит. Больше недели я не ела нормальной пищи. Этим утром Ангела решила, что было бы интересно поэкспериментировать и поджечь мой палец спичкой, чтобы проверить, горю ли я. Оказалось горю. И, несмотря на то, что я делаю все, чего она хочет, маленький послушный актер - иронизируя, спасибо Анжеле, благослови ее Господь, но мы с мамой все еще в ссоре. Я не могу ее простить. Точно не знаю, за какую именно часть, но за что-то.

- Видишь эту штуку? Это как крошечный блендер. Ты можешь измельчить чеснок или сделать маргариту, и все это за супер цену в сорок девять девяносто девять, - говорю я, не глядя на нее.

- Частично это моя вина.

Это привлекает мое внимание. Я уменьшаю громкость.

- Как?

- Я запустила тебя этим летом. Позволила тебе быть самой по себе.

- А, ну так это твоя вина, потому что если б ты была внимательнее, то в первую очередь остановила бы меня от свидания с Такером. Убила бы эти отвратительные эмоции в зародыше.

- Да, - сказала она, намеренно не замечая сарказм.

- Спокойной ночи, мам, - говорю я, снова делая телевизор громче. Я включаю новости. Прогноз погоды. Жарко и сухо. Дует горячий ветер. Погода для пожаров. Бури, как в конце недели, когда один удар молнии может заставить гореть все вокруг. Веселые впереди времена.

- Клара, - медленно говорит мама, очевидно не закончив свою исповедь.

- Я все поняла, - отвечаю я резко. - Тебе плохо. А мне надо поспать на случай, если завтра придется исполнять свое предназначение.

Я выключаю телевизор и бросаю пульт на диван, затем встаю и прохожу мимо нее к лестнице.

- Мне жаль, детка, - говорит она так тихо, что я не знаю, хотела ли она, чтобы я это услышала. - Ты даже не представляешь, как мне жаль.

Я останавливаюсь на середине лестницы и оборачиваюсь.

- Тогда расскажи мне, - говорю я. - Расскажи мне свою историю.

- Что тебе рассказать?

- Все. Все, что ты знаешь. Начиная с твоего предназначения. Тебе не кажется, что было бы мило, если бы мы сели за чашкой чая и поговорили о своих предназначениях?

- Я не могу, - отвечает она. Ее глаза темнеют, зрачки расширяются, словно мои слова причиняют ей физическую боль, а потом выражение ее лица становится пустым, как будто она закрывает дверь между нами. В груди становится тесно, частично потому, что меня приводит в бешенство то, как быстро она отгораживается от меня, но еще и потому что это показывает, что она так старается держать меня в неведении, просто не веря, что я смогу выдержать правду.

А это должно значить, что правда ужасна.

Или так, или, не смотря на все ее поддерживающие материнские разговоры, у нее нет ко мне совсем никакого доверия.

Следующий день отмечен красным. Этим утром я стою в прихожей, пытаюсь решить, надевать или не надевать фиолетовую куртку. Если я ее не одену, начнется ли пожар все равно? Может ли это быть настолько просто? Неужели вся моя судьба может зависеть от простого выбора одежды?

Я решаю не проверять. По этой же причине я не пытаюсь избежать пожара. Я хочу, чтобы это закончилось. Кроме того, наверху в облаках будет холодно. Я надеваю куртку и выхожу на улицу.

Я уже пролетела половину пути, когда меня захлестывает волна печали. Это необычная печаль. Это не из-за Такера, Кристиана или родителей. Это не жалость к себе или подростковое недомогание. Это настоящее чистое горе, будто кто-то, кого я любила, неожиданно умер. Оно проносится в моей голове до тех пор, пока не застилает мое зрение. Оно душит меня. Я ничего не вижу. Моя легкость исчезает. Я начинаю падать, хватаясь за воздух. Я такая тяжелая, что обрушиваюсь, словно камень. К счастью, я упала на дерево, а не шлепнулась на камни и погибла. Вместо этого я под углом ударились о верхние ветки. Мои правые рука и крыло зацепились за ветки. Раздался хруст, сопровождаемый сильнейшей болью в плече, которую я когда-либо испытывала. Я кричу, когда земля стремительно приближается. По пути вниз я закрываю лицо уцелевшей рукой, защищаясь от царапин и хлестких ударов. Когда до земли остается около двадцати футов, мои крылья застревают в ветках, и я остаюсь висеть.

Я знаю, что здесь Черное Крыло. Даже в панике и страдая от боли, я в состоянии прийти к этому небольшому заключению. Это единственное, что может иметь смысл. Это значит, что мне пора убираться отсюда, причем быстро. Я закусываю губу и пытаюсь освободиться от веток. Мои крылья серьезно запутались, и я почти уверена, что правое сломано. У меня уходит минута, чтобы вспомнить, что я могу втянуть их, и я падаю все оставшееся расстояние до земли.

Я больно ударяюсь о землю и вновь дико кричу. Боль в плече после столкновения с землей так сильна, что я близка к потере сознания. Я не могу наполнить легкие воздухом. Не могу ясно думать. Моя голова затуманена печалью. Она становится все хуже, усиливается с каждой секундой до тех пор, пока мне не начинает казаться, что сердце просто взорвется от боли.

Это значит, он приближается. Я отчаянно пытаюсь сесть и понимаю, что не могу пошевелить рукой. Она свисает с моего плеча под странным углом. Никогда раньше я ничего себе не ломала. Где же моя потрясающая способность исцеляться, когда она мне так нужна? Я осторожно встаю на ноги. Чувствую, что половина лица влажная. Я поднимаю руку, чтобы прикоснуться к щеке и обнаруживаю на пальцах кровь.

Не важно, думаю я. Надо идти. Немедленно.

Каждое мое движение отдается в плече, посылая шоковые волны боли через все тело. В этот момент я чувствую, что действительно могу умереть. Без надежды, без света, без молитвы у меня на губах. Мне так плохо. Мне хочется просто лечь и сдаться ему.

Нет, говорю я себе. Ты чувствуешь Черное Крыло. Продолжай идти. Переставляй одну ногу за другой. Уходи отсюда.

Я бреду вперед, пошатываясь, еще пять футов и прислоняюсь к дереву, тяжело дыша, собираясь с силами. Затем я слышу позади мужской голос, летящий в мою сторону сквозь деревья, словно его несет ветер. Это точно не человек.

- Здравствуй, маленькая птичка, - говорит он.

Я замираю.

- Серьезное было падение. Ты в порядке?

ГЛАВА 20. АДСКАЯ БОЛЬ

(Переводчик: Inmaneable; Редактор: [unreal])

Очень, очень медленно я оборачиваюсь. Человек стоит на расстоянии десяти футов, с любопытством разглядывая меня.

Он безумно привлекательный. Не могу поверить, что не заметила это в тот день в торговом центре. Думаю, все полнокровные ангелы должны быть потрясающе великолепными, но почему-то до сих пор я не осознавала, что они на самом деле такие. Если есть склад для идеальных мужчин, то этот парень прибыл прямиком оттуда.

Он не такой, каким кажется: не молод, но и не стар, его кожа без самого мельчайшего порока или недостатка, а волосы угольно-черные и блестящие. Но я прекрасно знаю, что он старый. Ему лет не меньше, чем камням, что находятся под ногами. В нем до сих пор чувствуется сверхъестественное. Я каждым своим нервом чувствую грусть, которую он не показывает на своем лице. Его губы даже слегка искривлены в то, что, как предполагается, должно быть симпатичной улыбкой. Если б я не знала его хорошо, то подумала, что у него добрый голос, и он искренне хочет помочь мне. Словно он не какой-то большой плохой ангел, который может меня убить одним своим мизинцем, а всего лишь просто заинтересованный прохожий.

Я не могу убежать. Мне некуда бежать. Я не могу улететь. Горе забирает всю мою легкость, словно тень, закрывшая солнце. Я, вероятно, умру. Мне хочется кричать на свою мать. Я стараюсь напомнить себе через отчаяние Черного Крыла, которое тяжестью давит на меня, словно мокрое одеяло, что на другой стороне тонкой вуали есть небо и этот человек, самозванец, может убить мое тело, но он не может коснуться моей души.

Я не знала, что до сих пор искренне верила. Мысль о вере мгновенно делает меня смелее. Я стараюсь не думать о Такере, Джеффри и всех других людях. Я все оставлю позади, если этот парень убьет меня сейчас. Я изо всех сил пытаюсь стоять прямо и смотреть ему в глаза.

- Кто ты? - требовательно спрашиваю я.

Он приподнимает бровь.

- А ты смелая, - в ответ твердит он, делая шаг ко мне. Когда этот парень движется, все вокруг него становится каким-то размытым, но это сразу же исчезает, стоит ему остановиться. Чем больше я смотрю на него, тем меньше он мне кажется человеком, словно тело стоящего передо мной всего лишь костюм, который он надел сегодня утром, а внизу, под ним, есть какие-то другие существа, пульсирующие от горя и ярости, еле сдерживающие себя от разрушения. Он делает еще один шаг ко мне.

Я отступаю на шаг назад. Он разразился крошечным, мягким смешком, но этот шум вызывает страх, заставив меня содрогнуться с ног до головы.

- Я Сэм, - говорит он с легким акцентом, но я не могу определить каким. Он говорит низким, ритмичным голосом, пытаюсь успокоить меня.

Думаю, это довольно смешное имя для существа с холодной темной силой, исходящей от него волнами, в своем роде анти-славы. Я чуть не рассмеялась. Не знаю, то ли из-за страшной боли от моего плеча, то ли от веса эмоционального багажа, но я чувствую, что теряю чувство реальности. Я уже раскалываюсь, хотя пытка еще не началась. Я стараюсь заглушить крик, когда мое тело не может справиться с этим, и это приносит облегчение.

- Кто *ты*? - спрашивает он многозначительно.

- Клара.

- Клара, - повторяет он, словно дегустирует мое имя на языке и ему это нравится. - Думаю, оно тебе соответствует. На каком ты уровне?

На этот раз практика мамы держать меня в неведении относительно окупается. Я понятия не имею, о чем это он. Думаю, выгляжу я также невежественно, как и чувствую.

- Кто твои родители? - спрашивает он.

Я кусаю губы, пока не чувствую привкуса крови. Чувствую странное давление в голове, словно оно подталкивает в мой мозг информацию, которую он хочет получить. Это будет смертельно для всех, если он все-таки узнает правду. Я вижу лицо мамы, а затем отчаянно пытаюсь думать о чем-нибудь другом. Что-нибудь еще.

Иди с полярными медведями, говорю я себе. Белые медведи на Северном полюсе. Маленькие полярные медведи бегут по снегу за своими мамами. Белые медведи пьют кока-колу.

Он смотрит на меня.

Белые медведи проламывают лед, чтобы добраться до детенышей тюленей. Длинные, острые зубы. Белые медведи с розовой мордой и лапами.

- Я могу заставить тебя рассказать, - говорит ангел, - но будет приятней, если ты это сделаешь добровольно.

Белые медведи голодают до смерти. Белые медведи купаются и плавают, ищут сушу. Белые медведи тонут, их тела покачиваются в воде. Их мертвые глаза потускнели. Бедные мертвые медведи.

Он делает еще один медленный преднамеренный шаг ко мне. Я беспомощно наблюдаю. Мое тело не отвечает на срочный призыв бежать.

- Кто твои родители? – терпеливо спрашивает он.

Я вне белых медведей. Давление в голове усиливается. Я закрываю глаза.

- Мой отец человек. Мама – Димидиус, - быстро говорю я, надеясь, что это удовлетворит его.

Моя голова светлеет. Я открываю глаза.

- Ты сильна при такой слабой крови, - говорит он.

Я пожимаю плечами, в душе радуясь тому, что он больше не пытается захватить мой мозг. Где-то глубоко внутри я знаю, что он попытается еще раз. Он получит имена. Место, где мы живем.

Все. Мне хочется каким-нибудь образом предупредить маму.

Затем я вспоминаю про свой телефон.

- Я ничего не стою для тебя. Почему бы тебе не отпустить меня? - В то время как я это говорю, моя рука скользит в карман пиджака. Хорошо, что мой телефон в левом кармане, потому что я не могу воспользоваться своей правой рукой. Нахожу кнопку "два" и нажимаю на нее, проклиная про себя звуковой сигнал, который издал телефон. Он начинает звонить. Я молюсь, чтобы Черное Крыло не оказалось достаточно близко, чтобы услышать это. Я зажимаю пальцы, закрывая динамик.

- Я просто хочу поговорить с тобой, - мягко произносит он. Он говорит, прям как моя мама, звуча вполне нормально и современно в один момент, но уже в следующий - старомодно, словно он сошел прямо со страниц викторианского романа.

- Алло? - говорит моя мама.

- Не бойся, - говорит он, приближаясь. - Я даже не мечтаю причинить тебе боль.

- Клара? - быстро говорит моя мама. - Это ты?

Я должна передать сообщение через нее. Не чтобы она пришла спасти меня - потому что я знаю, что это не выход - не чтобы она боролась с ангелом и победила его, а чтобы она спасла себя.

- Я просто хочу выбраться отсюда, - говорю я так громко и чисто, как только могу, не привлекая внимания ангела. - Убраться отсюда и никогда больше не возвращаться.

Он делает еще один шаг ко мне, и вдруг я внутри радиуса его темной славы. Онемение испаряется. Я чувствую на себе всю тяжесть печали и боль, настолько глубокую, что это поражает меня, как если бы меня ударили палкой в грудь.

Что мама говорила? Что ангелы были созданы, чтобы угодить Богу и, когда они идут против этого, он заставляет их чувствовать всю эту эмоциональную и физическую боль?

У этого парня серьезные боли. Это не хорошо.

- Твое плечо вывихнуто, - говорит он. - Стой.

Его холодные, твердые пальцы оборачиваются вокруг моего запястья, и, прежде, чем я успела осознать все остальное, раздается громкий хруст, и я кричу, кричу, пока мой голос не сел. Меня окутывает серая дымка, и я, находясь в полубморочном состоянии, начинаю падать на траву. Руки ангела обвиваются вокруг меня, и он тянет меня к своей груди, спасая от падения.

- Сейчас, - говорит он, поправляя мои волосы.

И в этот момент я позволила серости забрать меня.

Когда я медленно прихожу в себя, то осознаю две вещи. Во-первых, боль в моей руке почти полностью исчезла. И, во-вторых, я обнимаю Черное Крыло. Мое лицо прямо напротив его груди. Его тело чувствуется недвижимым и тяжелым, словно статуя.

Он ко мне прикасается, чувствуя мою кожу. Одна его рука поглаживает меня по затылку, в то время как другая покоится на моей спине. Под моей рубашкой. Его пальцы холодны, как у трупа. По моей коже побежали мурашки.

Хуже всего то, что я могу чувствовать его разум, и это похоже на то, будто я плаваю в ледяном бассейне его сознания. Его интерес ко мне растет, и я чувствую это. Он думает, что я прекрасный ребенок, жаль только, что у меня такая разбавленная кровь. Я напоминаю ему о ком-то. Я пахну приятно для него, лавандовым шампунем и кровью, что заставляет его думать об облаках. Добре. Этот ангел может чувствовать добро, источаемое мной, и он хочет чувствовать его. Он хочет меня. И он возьмет меня. Стоило ему подумать это, как похоть яростно начала пытаться пробраться наружу. Как это просто.

Я напряглась в его объятиях.

- Не бойся, - снова произнес он.

- Нет, - я кладу руки на его каменную грудь и толкаю изо всех сил. Он даже не шелохнулся.

Он реагирует, прижимая меня к скалистой земле.

Я бью в него кулаками, но это бесполезно. Я кричу. Мое сознание набирает обороты. Я буду кусать его и царапать. Конечно, я проиграю, но если он собирается причинить мне боль, я буду стараться делать тоже самое, даже если у меня ничего и не получится.

- Это бесполезно, птичка.

Его губы прикоснулись к моей шее. Я чувствую его мысли. Он совершенно одинок, отрезан и никогда не сможет вернуться назад.

Я кричу ему в ухо. Он делает вздох сожаления и зажимает одной рукой мне рот, а другой собирает мои запястья и тянет руки вверх над головой, прижав меня еще сильнее к земле. Его пальцы, словно холодный металл, прикасаются к моей плоти.

Он на вкус, словно пепел.

Мои смелые мысли о небесах исчезают в реальности этого момента.

- Стоп, - звучит командный голос.

Черное Крыло убирает руку с моего рта. Затем он встает одним быстрым движением и берет меня на руки, словно я тряпичная кукла.

Кто-то стоит там. Женщина с длинными рыжими волосами. Моя мама.

- Привет, Мег, - говорит он, как будто она присоединилась к нему на полдник.

Она стоит под деревьями на расстоянии около десяти метров, ноги на ширине плеч, словно готовится к действию. Ее выражение лица настолько сильное, что она выглядит будто другой человек. Я никогда не видела у нее таких глаз, как сейчас: синие, как самая горячая часть пламени, и сфокусированные на лице Черного Крыла.

- Мне было интересно, что стало с тобой, - говорит он. Внезапно ангел начинает выглядеть моложе, даже по-мальчишьи. - Я думал, что видел тебя не так давно. В торговом центре, везде.

- Привет, Самджиза, - говорит она.

- Я полагаю, она твое дитя, - произносит он, оглядывая меня с ног до головы. Я все еще чувствую его в своей голове.

Его желание исчезли, стоило ему увидеть мою маму. Он думает, что она по-настоящему красива.

Это она! Вот кого я напоминаю ему. Ее сладкий дух. Ее мужество. Как и у её отца.

- Ты меня удивляешь, Мег, - говорит он дружеским тоном. - Я никогда не принял бы тебя за мать. Даже в конце жизни.

- Убери теперь от нее руки, Сэм, - говорит она устало, словно он раздражает ее.

Его хватка еще сильнее усиливается.

- Не надо так неуважительно.

- Она ангел всего лишь на четверть, она не стоит твоего времени. Она немного больше, чем простой человек.

Ее глаза на секунду встречаются с моими. У нее есть план.

- Нет, - говорит Сэм напряженно. - Я хочу ее. Или бы ты хотела, чтоб на её месте была ты?

- Иди к черту, - огрызнулась моя мама.

Его гнев разрастался, я чувствовала это, хотя выражение его лица не изменилось.

- Все в порядке, - говорит он.

Это хорошая новость для меня.

- Ты забыла, кто я, Маргарет. - Совершенно невозмутимо отреагировал он на ее дерзость, и даже, как мне показалось, был слегка очарован этим. Этот ангел был таким терпеливым, и гордился этим. Он знает, что она боится, и ждет, чтобы увидеть появляющиеся трещины в ее спокойствии.

- Нет, - мягко ответила моя мама. - Ты забыл, кто я, Смотритель.

Я чувствую, как страх резко прошел через него, но он точно испугался не моей мамы, а кого-то другого. Двух людей. Я смутно вижу их у него в голове, стоящими на расстоянии. Двое мужчин с белоснежными крыльями. Один с ярко-красными волосами и пылающими голубыми глазами. Другой, блондин с золотистой кожей, свирепый, хотя я и не могу понять особенности его лица. Этот второй держит огненный меч.

- Кто они? - прошептала я, прежде чем смогла остановиться.

Сэм взглянул на меня, нахмурившись.

- Что ты сказала?

Он вновь исследует мой разум, давя на мое сознание, и вдруг как будто дверь между нашими мыслями закрывается. Его рука падает далеко от меня, словно я обожгла ее. Теперь он больше не касается меня. Его мысли исчезли. Гнев и печаль разрываются пополам. Я чувствую, что снова могу двигаться. Могу дышать. Могу бежать.

Но я больше не думаю об этом. Наступив ногой на его ступню - не то, чтобы это причинило ему какую-нибудь боль, но все же - бегу вперед, прямо в направлении моей мамы, которая протягивает мне руку, и я хватаюсь за нее. Мама обхватывает меня за спину, притягивая к себе, но не отпускает при этом мою руку.

Черное Крыло издает звук, похожий на рычание, который заставляет волосы на моей руке встать дыбом. Сложно понять выражение его лица.

Этот ангел уничтожит нас.

Он раскрывает свои крылья, и облака над нами потрескивают от энергии. Мама сжимает мою руку.

«Закрой глаза», - приказывает она, не говоря ни слова. Я не знаю, что потрясает меня больше, что она может говорить в моей голове или что она ждет от меня, что я закрою глаза в такой момент. Она не ожидает, что я послушаюсь.

Яркий свет взрывается вокруг нас. Везде, где лучи касаются поверхности, намек на цвет и тепло. Красота.

Черное Крыло мгновенно отступает, прикрывая глаза. Его лицо корчится от боли. На этот раз его выражение лица отражает то, что он на самом деле чувствует. Такое ощущение, будто его съедают изнутри.

«Не смотри на него. Закрой глаза», - снова приказывает мама.

Я закрыла глаза.

«Хорошая девочка», - снова слышится голос мамы в моей голове. Теперь раскрой свои крылья.

«Я не могу. Одно из них сломано».

«Это не будет иметь значения».

Я призываю свои крылья. Вспышка боли настолько сильная, что я задыхаюсь, и уже почти открываю глаза, как все это прекращается. Высокая температура иссушает мои крылья, горящие мускулы, сухожилия и кости, а затем, сконцентрировавшись на моей ладони, боль исчезает, причем не только в моих крыльях. Царапины на руках и лице, синяки, боль в плече. Все это ушло. Я полностью исцелена. Тем не менее, мне страшно, но я исцелилась. Мне снова тепло.

«Мы все еще в аду?» - спрашиваю я маму.

«Да. Я не могу вернуть нас на землю сама. Я не такая сильная. Мне нужна твоя помощь».

«Что мне делать?»

«Подумай о земле. Подумай о зеленых и растущих вещах, таких как цветы, деревья, трава под ногами. Подумай о том, что ты любишь».

Я представляю осину перед нашим окном, шуршащую на ветру, дрожащую тысячами маленьких зеленых волн, и полупрозрачные листья, движущихся вместе, словно в танце. Я вспоминаю папу. Как он вырезал старые кредитные карты в виде бритвы для меня, и как мы вместе брились по утрам в воскресенье, когда я возила пластик по своему лицу, подражая ему. Встреча с его теплыми серыми глазами в запотевшем зеркале. Я думаю о запахе кедра и сосны в нашем доме, который мгновенно

поражает вас, когда вы входите в дверь. Печально известный мамин кофейный пирог. Коричневый сахар плавится на моем языке. Такер.

Я так близко к нему, что мы дышим одним воздухом. Такер.

Земля под нами дрожит, но мама держит меня крепко.

«Идеально. Теперь открой глаза, - говорит она. - Но не отпускай моей руки».

Мои глаза слезятся от яркого света. Мы снова на земле, стоим почти там же, где были раньше, и нас окружает ореол, словно небесное силовое поле. Я улыбаюсь. Такое чувство, что прошел уже не один час, хотя я знаю, что это длилось всего лишь несколько минут. Так приятно снова видеть цвета. Словно я только что проснулась от кошмара и все возвращается к тому, как должно быть.

- Вы не выиграли, и вы это знаете, - говорит холодный, знакомый голос.

Моя улыбка исчезает. Сэм все еще там, стоит спиной, вне досягаемости ореола, но смотрит на нас с прохладой.

- Вы не сможете сдерживать это вечно, - говорит он.

- Мы можем удерживать его достаточно долго, - говорит мама.

Этот ответ заставляет его нервничать. Его глаза быстро сканируют небо.

- Я не должен касаться тебя. - Он протягивает нам руку, ладонью вверх.

«Будь готова к полету», - говорит мама у меня в голове.

Дым поднимается вверх от рук Черного Крыла, а затем они вспыхивают небольшим пламенем. Он смотрит на маму.

Ее хватка усиливается, когда она поворачивает руку и перемещает огонь с его пальцев на лесную подстилку. Он быстро разгорается в сухих ветках, двигаясь от кустов до ствола ближайшего дерева. Сэм стоит в середине пожара полностью нетронутый, в то время как большие клубы дыма формируются вокруг него. Я знаю, нам так не повезет. Затем он делает шаг вперед из-за внезапно возникшей стены дыма и смотрит на мою мать.

- Я всегда думал, что ты самая красивая из всех Нефилимов, - говорит он.

- Это ирония, потому что я всегда думала, что ты самый уродливый из всех ангелов.

Это хорошая ирония. Думаю, Черное Крыло не имеет такого чувства юмора.

Никто из нас не ожидал, что поток пламени вырвется из его рук. Огневой удар был направлен в мамину в грудь, из-за чего мгновенно поджигает ей волосы. Ореол вокруг нас мигает. Второй ореол исчезает, и ангел подошел прямо к нам, обернув руку вокруг горла мамы. Он приподнимает ее в воздух, отчего ее ноги беспомощно болтаются. Ее крылья бьются. Я стараюсь вытащить свою руку из ее руки, чтобы бороться с ним, но она держится за меня очень крепко. Я кричу и бью в него свободной рукой, дергаю за руку, но все это бесполезно.

- Нет более счастливой мысли, - говорит он, смотря ей в глаза с печалью. Я же переполнена его горем. Ему жаль убивать ее. Я вижу ее его глазами, помню об ее коротких волосах, о том, как она курила сигарету и ухмылялась ему. Он хранил ее образ в своем уме в течение почти ста лет. Этот ангел искренне считает, что любит ее. Он любит ее, но, даже не смотря на это, собирается задушить ее.

Ее губы синеют. Я кричу все громче и громче.

«Тихо», - снова звучит ее голос в моей голове, удивительно сильный для кого-то, кто выглядит, словно она умирает прямо у меня на глазах. Крик замирает в горле. Мои уши оглушаются эхом. Мне больно глотать.

«Мама, я люблю тебя».

«Я хочу, чтобы ты сейчас думала о Такере».

«Мама, мне так жаль».

«Сейчас!» - настаивает она. Ее ноги становятся слабее, а крылья опускаются к спине.

«Закрой глаза и думай о Такере СЕЙЧАС!»

Я закрываю глаза и стараюсь сосредоточить свое внимание на Такере, но все, о чем я могу думать, так это о том, как рука матери обмякнет в моей, и никто не спасет нас.

«Думай о хороших воспоминаниях», - она шепчет мне на ум. - «Вспомни момент, когда ты его любила.»

И я просто так делаю.

- Что сказала рыба, когда попала в бетонную стену? - спрашивает он меня. Мы сидим на берегу ручья, и он привязывает муху на мою удочку, одетый в ковбойскую шляпу и красную, в стиле лесоруба, фланелевую рубашку. Так очаровательно.

- Что? - говорю я, желая смеяться, а ведь он даже не рассказал мне концовку.

Он усмехается. Невероятно, насколько он великолепный. И Такер мой. Он меня любит, и я его люблю. Прекрасно, не так ли это?

- Черт! - сказал он.

Я громко смеюсь, вспоминая это. Я позволяю себе наполниться радостью, которую чувствовала в тот момент. Также я чувствовала себя в тот день в сарае, целуя его, держа его близко к себе, будучи рядом с ним и каждым живым существом на Земле.

Вдруг я понимаю, чего хочет моя мама. Она нуждается во мне, чтобы закончить ореол. Я должна стереть все остальное, но оставить ту часть себя, которая связывает все вокруг со мной, ту часть, которая питается от моей любви. Вот он - ключ, понимаю я. Вот она, та недостающая часть ореола. Поэтому я засветилась в тот день с Такером в сарае. Это не что иное, как любовь. Любовь. *Любовь.*

"Да, - говорит мама в моей голове. - Да, это она".

Я открываю глаза, и моим глазам требуется всего минута, чтобы приспособиться к интенсивному свету, который выходит из меня, окружает от меня. Я загорелась, словно факел. Свет рябит и искрится от меня, словно бенгальский огонь на четвертое июля.

Черное Крыло вздрагивает. Я все еще держу его за руку, и там, где я прикасаюсь, у него начинает осыпаться кожа, словно исчезает та фальшивая часть его сущности, которую он надел на себя. Человеческий образ исчезает, высвобождая существо, скрывающееся под ним.

Тепло исходит от моих пальцев.

- Нет, - шепчет он в недоумении.

Ангел отпускает мою мать, и она падает лицом вниз на землю. Я высвобождаю вторую руку и хватаю ангела за ухо, чего он совсем не ожидает. Он тянется назад, но я легко удерживаю его. Вся его великая сила испарилась. Я хватаюсь за ухо сильнее, и он воет от боли. Туманный дым льется с него, будто с сухого льда. Ангел испаряется.

Его ухо остается в моей руке.

Я так потрясена, что почти потеряла свой ореол. Выбросив ухо, я замечаю, как оно рассыпается на мельчайшие частицы в момент удара о землю, после чего снова тянусь к ангелу, думая, что могла бы поймать на этот раз его за шею. Но он слишком далеко. Кожа на руке, где я его схватила, растворяется также, как и зола во время дождя. Нет, как пыль. Как пыль рассеивается на ветру.

- Отпусти, - говорит он.

- Иди к черту, отвечаю я, отталкивая его от нас. Ангел отступает назад.

Рябь в воздухе, сопровождаемая холодным порывом ветра, и он исчез.

Мама кашляет. Я падаю на колени и медленно переворачиваю ее. Она открывает глаза и смотрит на меня, открывает рот, но не может издать ни звука.

- О, мама, - вздыхаю я, разглядывая синяки на ее горле.

Ореол начинает исчезать.

Мама тянется к моей руке, и я беру ее.

«Не позволяй этому произойти вновь, - говорит она в моей голове. - Держись за меня».

Я наклоняюсь над ней, окружив ее своим светом. Мне видно, как раны на голове и шее исчезают. Волосы, которые были сожжены, отрастают снова.

Она вздыхает, словно пловец, выбравшийся на воздух.

- О, слава Богу. - Я чувствую себя вялой от облегчения.

Она садится и смотрит постоянно через мое плечо на что-то позади меня.

- Мы должны убираться отсюда, - говорит она.

Я поворачиваюсь. Огонь Черного Крыла превратился в реальный лесной пожар, дикий и неуправляемый, съедающий все на своем пути, включая и нас, если мы задержимся здесь.

Я смотрю на маму. Она медленно поднялась на ноги, двигаясь осторожно, напоминая мне из-за этого старого человека, вылезающего из инвалидной коляски.

- Ты в порядке?

- Я слаба, но я могу лететь. Полетели.

Мы поднимаемся вместе, держась за руки. Когда мы взлетаем достаточно высоко, я вижу, какой большой пожар разгорелся. Ветер усиливается. Это раздувает в огонь, и он моментально становится в два раза больше, нежели был минуту назад. Стена пламени неуклонно движется вниз с горы в Мертвый Каньон.

Я узнаю этот пожар. Я узнаю его где угодно.

- Давай, - говорит мама.

Мы двигаемся в сторону дома. Когда мы летим, я стараюсь сфокусировать свое истощенное сознание на том, что это огонь из моего видения, и теперь, после всего, что мы пережили, я смогу улететь, чтобы спасти Кристиана. Забавно, что видение никогда не упоминало Черное Крыло.

Или ада. Или что-либо еще, что могло бы быть полезным.

- Дорогая, остановись, - зовет меня мама. – Мне нужно передохнуть.

Мы спускаемся к краю небольшого озера. Мама садится на поваленное дерево, задыхаясь от напряжения, возникшего из-за того, как далеко и быстро летели. Она бледна. Что делать, если Черное Крыло причинил ей такую боль, которую ореол просто не в силах исцелить, думаю я. Что, если она умирает?

Вдруг я вспоминаю про свой телефон. Я достаю его из кармана и начинаю набирать 9-1-1.

- Не надо, - говорит мама. - Я буду в порядке. Мне просто нужно отдохнуть. Ты должна пойти к трассе Фокс Крик.

- Но тебе же больно.

- Я сказала, что я в порядке. Идем.

- Сначала, я отвезу тебя домой.

- На это нет времени, - подталкивает она меня от себя. - Мы и так уже потеряли много времени. Иди к Кристиану.

- Мам...

- Иди к Кристиану, - повторяет она. – Сейчас же.

ГЛАВА 21. ДЫМ ЗАСТИЛАЕТ ГЛАЗА

(Переводчик: Наталья Цветаева; Редактор: [unreal])

Я направляюсь к дороге Фокс Крик. Я так измотана всем произошедшим, что просто лечу, и, кажется, мои крылья сами знают путь. Я опускаюсь на дорогу в том месте, на котором обычно начинаются мои видения, и осматриваюсь. Не видно ни серебристого «Аваланша», припаркованного на обочине, ни оранжевого неба, ни огня. Все выглядит совершенно нормальным. Даже умиротворенным. Поют птицы, мягко шелестят листья осин и кажется, что в мире все правильно. Слишком рано. Я знаю, что с другой стороны гор огонь уже движется в эту сторону. Он будет здесь. Все, что мне остается – это ждать. Я уйду с дороги, сажусь напротив дерева и пытаюсь сосредоточиться. Невозможно. Что, думаю я, здесь делать Кристиану? Что может заставить его уйти так далеко от дороги Фокс Крик? Мне сложно представить его в резиновых сапогах, забрасывающим леску в ручей. Это не кажется правильным. Ничего из этого не кажется правильным, думаю я. В моем видении я не сижу здесь и не жду, пока он появится. Кристиан оказывается здесь первым. Я спускаюсь, когда его грузовик уже припаркован и иду в лес, а он уже там. Он смотрит на пожар, когда тот приближается.

Я смотрю на часы. Стрелки не движутся. Они остановились в 11:42. Я вышла из дома около девяти утра, возможно, ударила свою сумку около десяти тридцати, итак, в 11:42...

В 11:42 я была в аду. И я понятия не имею, который сейчас час. Надо было остаться с мамой. У меня было время. Я могла отвезти ее домой или в больницу. Почему она настаивала, чтобы я ушла? Почему она захотела остаться в одиночестве? Мое сердце сжимается от страха от того, что, возможно, она ранена гораздо сильнее, чем захотела мне это показать, и не могла долго скрывать это, поэтому и заставила меня уйти. Я представляю ее лежащей на берегу озера. Вода плещется у ее ног. Она умирает. Умирает в полном одиночестве.

Хватит, ругаю я себя. Если ты снова начнешь плакать, то не сможешь остановиться. У тебя все еще есть задание.

Все эти месяцы видений, преследующих меня снова, снова и снова. Все эти месяцы попыток понять их смысл. И вот теперь, наконец-то, я здесь и все еще не знаю, что мне делать и для чего. Я не могу избавиться от чувства, что уже делаю что-то неправильно. Что мне нужно было пойти на то свидание с Кристианом, возможно, тогда случилось бы что-то важное, то привело бы его сегодня сюда. Возможно, я уже потерпела неудачу. В это легко поверить. Я опираюсь головой о ствол дерева, и в этот момент звонит телефон. Я не узнаю этот номер.

- Алло?

- Клара? – говорит знакомый взволнованный голос.

- Венди?

Я пытаюсь собрать все воедино. Вытираю с лица остатки слез. Кажется ужасно странным, иметь нормальный разговор после всего, что произошло.

- Ты дома?

- Нет, - говорит она. – Я прилетаю в пятницу, но я звоню по поводу Такера. Он не с тобой?

Боль прокалывает меня насквозь. Такер.

- Нет, - отвечаю я грубовато. – Мы расстались. Я не видела его неделю.

- Моя мама сказала то же самое, - говорит Венди. – Наверное, я надеялась, что вы снова сошлись или что-то в этом роде, и он провел с тобой весь выходной.

Я осматриваюсь. Воздух становится тяжелее. Я определенно чувствую запах дыма. Огонь приближается.

- Мама позвонила мне, когда увидела новости. Мои родители в Шайенне⁸⁰ на аукционе и они не знают, где он.

- Какие новости?

- Ты не знаешь? Пожары!

Итак, пожар в новостях. Естественно.

- И что говорят? Насколько он большой?

- Что? – удивленно спрашивает она. – Какой из них?

- Что?

- Там два пожара. Один достаточно близко и движется быстро вдоль Мертвого Каньона, а второй через Айдахо, рядом с Полисайдс.

Холодный сковывающий ужас обрушивается на меня.

- Два пожара, - ошеломленно повторяю я.

- Я звонила домой, но Такера там не было. Я думаю, он может гулять в лесу. Он любит рыбачить в конце Мертвого Каньона или Полисайдс. Я надеялась, что ты с ним и у тебя с собой телефон.

- Мне жаль.

- Просто у меня плохое предчувствие. – Голос звучит так, будто она сейчас расплачется.

У меня тоже плохое предчувствие. Очень-очень плохое.

- Ты уверена, что его нет дома?

- Он может быть в сарае, - говорит она. – Телефон там не слышно. Я оставила ему миллион сообщений. Ты не могла бы поехать туда и проверить?

Сейчас у меня нет выбора. Я не могу уйти отсюда, не теперь, когда пожар так близко, не зная, как скоро он придет.

- Не могу, - беспомощно говорю я. – Не сейчас.

Минуту мы молчим.

- Мне правда жаль, Венди. Я попытаюсь найти его как только смогу, ладно?

- Ладно, - говорит она. – Спасибо.

Она кладет трубку. Минуту я просто стою и смотрю на телефон. Мысли проносятся в голове. Просто чтобы убедиться, я звоню домой Такеру и схожу с ума от беспокойства, пока звонит телефон. Когда включается автоответчик, я кладу трубку.

Сколько времени займет полет отсюда к ранчо «Ленивая Собака»? Десять минут? Пятнадцать? Это не честно. Я начинаю ходить взад-вперед. Моя интуиция говорит мне, что что-то здесь не так. Такер пропал. Он в беде, а я просто стою тут, ожидая пока случится непонятно что. Я полечу. Я полечу так быстро, как смогу, а затем сразу же вернусь.

⁸⁰ **Шайенн** (англ. Cheyenne) - город на северо-западе США, столица и крупнейший город штата Вайоминг.

Я вызываю свои крылья и еще минуту стою посреди дороги, все еще пытаюсь решиться. Никто не говорил, что ничем не придется пожертвовать. Ты принадлежишь этому месту, этому моменту.

Не могу думать. Я обнаруживаю себя в воздухе, летящей к дому Такера так быстро, как только могут мои крылья. Все хорошо, говорю я себе. У тебя есть время. Ты просто найдешь его, и сразу вернешься. Затем я приказываю себе заткнуться и сконцентрироваться на том, чтобы быстрее передвигаться по воздуху, стараясь не думать о том, что все это значит: Такер и Кристиан, и выбор, который я делаю.

Путь до ранчо «Ленивая Собака» занимает всего несколько минут. Я кричу имя Такера еще до того, как опускаюсь на землю. Его грузовика нет на подъездной дорожке. Я смотрю на то место, где он обычно паркуется, пятно масла на грязи, вырванные сорняки и маленькие дикие цветы, и у меня внутри все переворачивается. Его здесь нет. Я бегу в сарай. Все выглядит нормально, все приведено в порядок, стойла вычищены, снаряжение для верховой езды поблескивает на колышках. Но Мидаса тоже нет, доходит до меня. Коня Такера нет, нет уздечки, которую ему подарили на день рождения, и нет седла, которое он обычно берет для дальних прогулок. Снова вернувшись на улицу, я вижу, что прицеп для перевозки лошадей тоже исчез.

Он уехал. Верхом. Вне зоны доступа телефона, радио и новостей. Небо становится знакомого золотисто-оранжевого цвета. Огонь приближается. Я должна вернуться к дороге Фокс Крик. Я знаю, что он настал, момент истины. Я должна была прилететь сюда, проверить, здесь ли Такер, но на этом все. Когда я вернусь к дороге, серебристый грузовик уже будет там. Кристиан будет стоять там, в ожидании меня. Я спасу его. Внезапно я оказываюсь в видении. Я стою на краю дороги, глядя на «Аваланш» Кристиана, я готова идти к нему. Мои руки, прижатые к бокам, сжаты в кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони, потому что я знаю. Такер в ловушке. Я так отчетливо вижу его в мыслях, прижавшегося к шее Мидаса, оглядывающегося по сторонам в поиске пути наружу из гигантского пожара, окружившего его, в поисках меня. Он шепчет мое имя. Он сглатывает и опускает голову. Он поворачивается к коню и нежно гладит его. Я вижу его лицо, когда он смиряется с собственной смертью. Всего через несколько ударов сердца, огонь настигнет его. А я в милях от него, делаю первые шаги в сторону Кристиана. Я так нереально далеко. Теперь я все понимаю. Горе в видении не принадлежит Черному Крылу. Это мое горе, которое обрушивается на меня с такой силой, что кажется, будто кто-то бьет меня в грудь бейсбольной битой. Мои глаза наполняются горячими, горькими слезами.

Такер должен умереть. Это моя проверка.

Рыдая, я поворачиваюсь к ранчо «Ленивая собака». Я смотрю вверх на небо, на востоке собираются грозовые тучи. Кусочек ада разверзся на земле.

Ты не простая девочка, Клара.

- Это не честно, - яростно шепчу я. – Ты же должен любить меня.

- *Что сказала рыба, ударившись о бетонную стену?*

- *Что?*

- *Черт!*

Я люблю его. Он мой, а я его. Такер спас меня сегодня. Любовь к нему спасла меня. Я не могу оставить его умирать. И не буду.

- Черт возьми, Такер! – Я бросаюсь в воздух и несусь в сторону Айдахо. Интуиция подсказывает мне, что он в Полисайдс, на своей земле. В любом случае, это точка отсчета. Я лечу к Полисайдс и в этот момент вижу второй пожар. Он огромен. Он выжег все вплоть до линии озера, и теперь он прокладывает себе путь вверх по склону, не стелясь по земле, а устремляясь вверх, по деревьям. По высоте пламя достигает не меньше ста футов, оно извивается, трещит и рвется в небо. Это настоящий ад. Я не раздумываю. Я лечу к нему. Земля Такера спрятана где-то за теми деревьями. Пожар каким-то образом создает свой ветер, сильный непрерывный поток воздуха, которому мне приходится сопротивляться, чтобы лететь в нужном направлении. Здесь так много дыма, что тяжело понять, куда двигаться дальше. Я снижаюсь, пытаюсь оказаться под дымом, чтобы различать дорогу. Я ничего не вижу. Просто лечу, надеясь, что мое ангельское чутье будет меня вести.

- Такер! – зову я.

Мое крыло ударяется о торчащую ветку, я теряю равновесие и кубарем лечу к земле. В последний момент мне удается выровняться, толчком приземляясь на землю, но у меня получается все-таки остаться на ногах. Думаю, я близко. Я была на земле Такера раз пять этом летом, и я узнаю

очертания гор. Затем дым на мгновение рассеивается, и я вижу дорогу, вьющуюся змейкой наверх. Слишком тяжело пытаться лететь, так много препятствий, поэтому я поспешно устремляюсь к дороге.

- Такер!

Может, он не здесь, думаю я. Мои легкие наполняются дымом, и я начинаю кашлять. Глаза слезятся. Может, ты ошиблась. Может, ты все это делаешь, а он в это время у «Буббы», решил пораньше пообедать. Это первый раз, когда я начинаю серьезно сомневаться, но быстро гоню это от себя. Он близко, он просто не слышит меня. Я не знаю как, но я знаю, что я найду его здесь, и когда дорога сворачивает, и я подхожу к поляне на окраине его земли, я не удивлена, увидев его припаркованный грузовик с прикрепленным к нему прицепом.

- Такер! – снова кричу я осипшим голосом. – Такер, где ты?

Ответа нет. Я дико осматриваюсь, ища подсказки, куда он мог пойти. У края поляны – следы, очень слабые, но определенно следы. Я могу различить отпечатки подковы, оставленные в пыли. Я смотрю вниз на дорогу. Огонь уже поглотил дорогу у подножья горы. Я слышу его приближение, треск горящих веток, характерные хлопки и щелчки. Животные спасаются от него, кролики, белки и даже змеи, все убегают. Дым надвигается на меня, земля под ногами напоминает неразвернутый ковер. Нужно найти его. Сейчас же.

Теперь, когда я вначале пожара, я могу видеть гораздо лучше, но все равно не идеально. Здесь слишком много дыма. Я скольжу над тропой, выкрикивая его имя и прорываясь вперед сквозь деревья.

- Такер! – снова и снова зову я.

- Клара!

Наконец я вижу его, скачущим мне навстречу на Мидасе так быстро, как только может идти конь на этой холмистой местности. Я опускаюсь на тропу, и в то же мгновение он соскальзывает со спины коня. Мы бежим друг к другу через дым. Такер спотыкается, но продолжает бежать. И вот мы в объятиях друг друга. Такер прижимает меня к себе вместе с крыльями, его губы на уровне моего уха.

- Я люблю тебя, - говорит он, запыхавшись. – Я думал, что уже не смогу тебе это сказать. – Он отворачивается и сильно кашляет.

- Нам надо уходить, - говорю я, отстраняясь.

- Я знаю. Огонь заблокировал дорогу. Я пытался найти дорогу через горы, но Мидас не смог подняться.

- Нам придется лететь.

Он пристально смотрит на меня, в его голубых глазах непонимание.

- Подожди, - говорит он. – Но Мидас...

- Так, нам придется оставить его.

- Нет, я не могу.

- Мы должны. Мы должны идти. Сейчас.

- Я не могу оставить своего коня.

Я знаю, каково ему. Самое дорогое, что у него есть. Все родео, скачки, моменты, когда это животное кажется его лучшим в мире другом. Но выбора нет.

- Тогда мы все здесь умрем, - говорю я, глядя ему в глаза. – Я не смогу поднять его, но смогу поднять тебя.

Внезапно Такер отворачивается от меня и бежит к Мидасу. На минуту мне кажется, что он хочет убежать и попытаться выбраться вместе с конем. Затем он снимает с коня уздечку и бросает ее на землю.

Поднимается ветер, словно горы вздыхают. Огонь движется быстро от ветки к ветке, и деревья вокруг нас загорятся в любую минуту.

- Так, пошли! – ору я.

- Иди! – кричит он Мидасу. – Выберись отсюда!

Он ударяет коня по крупу. Мидас издает звук, похожий на крик и стремительно скачет к горам. Я бегу к Такеру и крепко обхватываю его посередине, под руками.

Пожалуйста, молю я, хотя и знаю, что у меня нет права просить. Дай мне сил.

На мгновение я напрягаю все мускулы тела, руки, ноги, крылья. Я тянусь к небу всем, что у меня есть. Мы отталкиваемся одним усилием воли, поднимаясь вверх, сквозь деревья, сквозь дым, оставляя землю под нами все дальше. Он крепко держит меня и прижимает лицо к моей шее. Мое сердце

разрывается от любви к нему. Тело покалывает от нового вида энергии. Я поднимаю Такера без усилий, более грациозно, чем я демонстрировала в воздухе ранее. Это просто. Будто тебя несет ветер. Такер резко вдыхает. Несколько секунд мы видим Мидаса, бегущего вдоль подножья гор, и я чувствую горечь Такера из-за потери его прекрасного коня. Поднявшись выше, мы можем увидеть пламя, движущееся вперед. Вряд ли Мидас сможет выбраться. Все выглядит плохо. Под нами земля Такера, небольшая поляна, где я впервые показала ему свои крылья, уже поглощена огнем. «Блубелл» горит, посылая в воздух густые, черные клубы дыма.

Я разворачиваюсь в воздухе, и мы летим прочь от гор, к открытому пространству, где я могу лететь ровнее и воздух чище. Три пожарные машины, завывая сиренами, несутся по дороге в сторону пожара.

- Осторожно! – кричит Такер.

Вертолет пронесется мимо нас к пожару, так близко, что мы ощущаем силу, с которой его лопасти режут воздух. Он заливает огонь водой, затем поворачивает назад к озеру. Такер дрожит в моих руках. Я прижимаю его к себе еще крепче и направляюсь к ближайшему месту, которое точно будет безопасным.

Когда я опускаюсь на своем заднем дворе, я отпускаю Такера, и мы оба спотыкаемся и падаем на газон. Такер в траве перекачивается на спину, закрывает глаза рукой и издает громкий стон. Меня переполняет такое облегчение, что мне хочется смеяться. Все, что волнует меня в этот момент – это то, что он в безопасности. Он жив.

- Твои крылья, - говорит он

Через плечо я смотрю на свое отражение в окне нашего дома, и вижу оглянувшуюся девушку, светящуюся и зависающую над тротуаром. И вдруг я замечаю в ней часть такого же существа, как и позади Черного Крыла Ее глаза затуманены печалью. Ее крылья, полураскрытые за спиной, темные, серые. Это видно даже в нечетком отражении стекла.

- Что это значит? – спрашивает Такер.

- Мне пора.

Как раз в этот момент моя мама вылезает из «Приуса».

- Что произошло? – спрашивает она. – Я слышала по радио, что пожар только что миновал дорогу Фокс Крик. Где...

Затем она видит Такера, стоящего на коленях на траве. Ее улыбка увядает. Она смотрит на меня расширенными голубыми глазами.

- Где Кристиан? – спрашивает она.

Я не могу смотреть ей в глаза. Пожар был у дороги Фокс Крик, сказала она. Она быстро подходит ко мне, хватая за крыло, поворачивая меня так, чтобы взглянуть на черные перья.

- Клара, что ты натворила?

- Я должна была спасти Такера. Он бы умер.

В этот момент она выглядит такой хрупкой, измученной, сломанной и потерянной. В ее глазах безнадежность. Она закрывает их на мгновение, затем открывает.

- Теперь тебе надо найти его, - говорит она. – Я присмотрю за Такером. Иди!

Затем она целует меня в лоб, словно прощаясь навсегда, и поворачивается к дому.

ГЛАВА 22. ПАДАЛ ДОЖДЬ

(Переводчик: Наталья Цветаева; Редактор: [unreal])

Я опоздала, но я знала, что так оно и будет. Пожар уже прошел здесь. Я приземляюсь. Место, где я обычно нахожусь в начале видения, выжжено до черноты. Не осталось ничего живого. Деревья превратились в чернеющие столбы. Серебристый «Аваланш» припаркован на обочине, над ним, обугленным и истерзанным огнем, все еще клубится дым. Я бегу вверх по холму, туда, где он обычно стоит в моих видениях. Его там нет. Ветер поднимает и бросает мне в лицо горячий пепел. Лес выглядит как частичка ада, территория та же, что я видела, но сожженная. Здесь не осталось ничего красивого и доброго. Ни цвета, ни отблеска надежды. Его здесь нет. Тяжесть этого обрушивается на

меня. Это мое задание, и я его провалила. Все это время я думала только о Такере. Я спасла его, потому что не хотела жить на земле, на которой нет его. Не хотела этой боли. Я слишком эгоистична. А теперь Кристиан пропал. Он, наверное, очень важен, как сказала моя мама. Для него был план, что-то большее, чем Такер, я или что-либо еще. Что-то, для чего он был предназначен. А теперь его нет.

- Кристиан! – кричу я, мой крик повторяется эхом, отражаясь от почерневших стволов деревьев. Без ответа.

Некоторое время я ищу его тело. Я спрашиваю себя, мог ли от него остаться лишь пепел, если огонь был таким неистовым. Я возвращаюсь к грузовику. Ключи все еще в замке зажигания. Это единственный его след. Я потрясенно брожу по лесу, ищу его. Солнце садится, огненно-красный шар скрывается за горами. Темнеет. Грозовые тучи, двигавшиеся с востока, проливаются дождем, будто кто-то открыл кран. Спустя несколько минут я промокаю до нитки. Дрожащая. Одинокая. Я не могу пойти домой. Не думаю, что смогу выдержать разочарование на мамином лице. Не думаю, что смогу жить с этим. Я иду, мокрая и замерзшая, мокрые волосы бьют по лицу и шее. Я взбираюсь на гребень горы, глядя на пожар, бушующий на расстоянии, языки пламени, лижущие оранжевое небо. В каком-то роде это прекрасно. Зарево. Танец дыма. А потом начинается гроза, черные тучи грохочут, короткие вспышки молний появляются то тут, то там. Прохладный дождь на моем лице смывает сажу. Так всегда, думаю я. Красота и смерть. Что-то шевелится в кустах позади меня. Я оборачиваюсь. Кристиан выходит из-за деревьев.

Время забавная штука. Иногда оно тянется бесконечно. Как урок французского. Или когда ждешь, пока начнет клевать. А иногда время ускоряется, дни пролетают мимо. Я помню, как это было в первом классе. Я стояла в центре игровой площадки для младшеклассников, рядом с турниками, и мимо пробежала компания третьеклассников. Они казались мне огромными. Иногда, давно-давно, я думала о том моменте, когда и я буду в третьем классе. Это было больше десяти лет назад, но кажется, будто десять минут. Я просто была там. Время летит, так ведь говорят? Мое лето с Такером. Первый раз, когда у меня было видение до этого момента. А иногда время действительно просто останавливается. Мы с Кристианом смотрим друг на друга, как зачарованные, как будто один из нас исчезнет, если другой шелохнется.

- О, Клара, слава Богу, - шепчет он. – Я думал, ты мертва.

- Ты думал, я...

Он тянется, чтобы дотронуться до моей руки. Внезапно у меня кружится голова. Уставшая. Ужасно растерянная. Я покачнулась. Он хватает меня за плечи, помогая удержаться. Я закрываю глаза. Он реален. Он жив.

- Ты промокла, - замечает он. Он снимает черную флисовую куртку и набрасывает мне на плечи.

- Почему ты здесь? – шепчу я.

- Я думал, что должен спасти тебя от огня.

Я так пристально смотрю на него, что он пугается.

- Извини, - говорит он. – Глупо было это говорить. Я имел в виду...

- Кристиан...

- Я просто рад, что ты жива. Надо отвести тебя в тепло, пока ты не простыла или что-то в этом роде.

- Стой, - говорю я, вцепившись в его руку. – Пожалуйста.

- Знаю, что это кажется бессмыслицей...

- Это не так, - утверждаю я. – Кроме части, в которой ты должен спасти меня.

- Что?

- Это я должна была тебя спасать.

- Что? Теперь я в замешательстве, - говорит он.

- Если только... - я делаю пару шагов назад. Он начинает идти за мной, но я поднимаю дрожащую руку.

- Не бойся, - бормочет он. – Я не причиню зла. Я никогда бы не причинил тебе зла.

- *Покажись*, - шепчу я.

Яркая вспышка света. Когда мои глаза привыкают, я вижу Кристиана, стоящего под сгоревшими деревьями. Он покашливает и смотрит себе под ноги, словно ему стыдно. За его плечами – большие пятнистые крылья, слоновая кость с черными вкраплениями, как будто кто-то брызнул на них краской. Он осторожно взмахивает ими, а потом прячет их в спину.

- Но как ты...

- В твоём видении мы встретились там внизу? – спрашиваю я, указывая вниз, в сторону дороги Фокс Крик. – Ты говоришь «Это ты», а я «Да, это я» и потом мы улетаем?

- Откуда ты знаешь?

Я вызываю свои крылья. Я знаю, что перья теперь темные и что это будет для него значить, но он заслуживает знать правду. Его глаза расширяются. Он издает вздох, как обычно, когда над чем-то смеется.

- У тебя ангельская кровь.

- Мои видения начались в ноябре, - выпалила я. – Поэтому мы переехали сюда. Я должна была найти тебя.

Он потрясенно смотрит на меня.

- Но это моя вина, - говорит он через секунду. – Я приехал не вовремя. Я не ожидал, что здесь будет два пожара. Я не знал, в каком искать.

Он мельком взглянул на меня.

- Сначала я не знал, что это ты. Из-за волос. Я не узнал тебя с рыжими волосами. Глупо, я знаю. Я знал, что ты чем-то отличаешься, всегда чувствовал – в моем видении ты блондинка. И какое-то время все, что я видел, это что я слышу, как кто-то позади меня поднимается вверх, но видение заканчивалось, прежде чем я оборачивался. Я не видел твоего лица до выпускного.

- Это не твоя вина, Кристиан. Это все я. Я не пришла, чтобы встретиться с тобой. Я не спасла тебя.

В тишине выгоревшего леса мой голос звучит громко и пронзительно. Я закрываю руками глаза, заставляя себя не плакать.

- Но меня не пришлось спасать, - мягко говорит он. – Может, мы должны были спасти друг друга.

Интересно, от чего?

Я опускаю руки, чтобы увидеть, как он идет ко мне, протягивая руку. Мы больше не в видении, но я все еще нахожу его прекрасным, даже мокрого от дождя и перепачканного пеплом. Он берет мои руки в свои.

- Ты жив, - выдавливаю я, трясая головой. Он сжимает мои руки, затем притягивает к себе, чтобы обнять.

- Да, это хорошие новости и для меня тоже.

Он медленно проводит рукой вниз по моим крыльям, от чего дрожь пробегает по моему телу. Он отстраняется, поднимает руку перед собой, разглядывая ее. Его ладонь черная. Я пристально смотрю на нее.

- У тебя крылья в саже, - произносит он со смехом.

Я хватаю его за руку, пробегаю по ней пальцами и обнаруживаю на них смесь дождя и сажи. Он вытирает руку о джинсы.

- Что будем теперь делать? – спрашиваю я.

- Давай просто импровизировать.

Он смотрит мне в глаза, затем вниз на губы. Я опять вздрагиваю. Он облизывает губы, затем снова смотрит мне в глаза. Вопросительно. Это могло бы быть моим вторым шансом. Если никого из нас не надо спасать. Что тогда, если не это? Все выглядит так, будто нас отправили на своего рода свидание, организованное небом. Нам не нужен пожар. Мы можем переиграть видение здесь и сейчас.

- Это всегда была ты, - он так близко, что я могу чувствовать его дыхание на своем лице.

Я тону. Мне ужасно хочется, чтобы он меня поцеловал. Мне хочется все сделать правильно. Чтобы моя мама гордилась мной. Сделать, что должна. Любить Кристиана, если это то, для чего я нужна. Кристиан наклоняется ко мне.

- Нет, - шепчу я, не в силах сделать голос хоть немного громче. Я отстраняюсь. Мое сердце больше не принадлежит мне. Оно принадлежит Такеру. Я не могу притворяться, что это не так. – Я не могу.

Он немедленно отступает.

- Хорошо. – Он прочищает горло.

Я делаю глубокий вдох, надеясь, что в голове прояснится. Дождь наконец-то закончился. Опустилась ночь. Мы оба промокли насквозь, продрогли и смущены. Я все еще держу его за руку. Я переплетаю свои пальцы с его.

- Я люблю Такера Эвери, - говорю я просто.

Он выглядит удивленным, как будто его никогда не посещала мысль о том, что я могу быть занята.

- Ох, прости.

- Все нормально. Пожалуйста, не извиняйся. В любом случае, разве ты все еще не влюблен в Кей?

Его адамово яблоко дергается, когда он сглатывает.

– Я чувствую себя глупо. Как будто все это какая-то шутка. Я больше не знаю, что и думать.

- Я тоже.

Я отпускаю его руку, расправляю крылья и ловлю воздух, взлетая с вершины хребта вверх, над сгоревшим лесом. Около минуты Кристиан смотрит на меня, а затем сам поднимается в воздух. Видеть его парящим в воздухе на великолепных пестрых крыльях, заставляет бежать мурашки по позвоночнику и вызывает волну смущения в мой и без того уже потрясенный мозг.

У тебя большие неприятности, Клара, говорит мое сердце.

- Давай, - говорю я, когда мы последние секунды парим над дорогой Фокс Крик. – Пошли со мной.

Мы долго стоим на улице, перед парадной дверью. Уже темно. Горит фонарь на крыльце. Мотылек бьется о стекло снова и снова в своеобразном ритме. Я складываю крылья и заставляю их исчезнуть. Поворачиваюсь к Кристиану. Мы уже без крыльев, но он выглядит так, будто ему хочется сейчас улететь и никогда не возвращаться. Притвориться, что ничего этого не произошло. Что не было пожара. Что мы не знаем того, что знаем, и что все не так ужасно запутано.

- Все хорошо. – Не знаю, говорю ли я это себе или ему.

Это мой дом, великолепный, уединенный деревянный дом, в который я влюбилась одиннадцать месяцев назад, но теперь я здесь чужая. Так много изменилось за прошедшие несколько часов. Мой разум переполнен всем, что я сегодня видела, что пережила: битва со злыми ангелами, лесные пожары, и последствия того, что я совершила. Кристиан жив, он стоит здесь, выглядя таким же нервным, как и я, перепачканный в саже, но прекрасный, и он представляет собой намного больше, чем я ожидала. Как ни крути, а я провалила свое задание. Не знаю, что теперь будет. Я знаю только то, что мне придется с этим столкнуться.

Я слышу шум позади нас, мы резко оборачиваемся и всматриваемся в сгущающуюся тьму. Кто-то летит нам на встречу между деревьями. Я не знаю, предупрежден ли Кристиан о существовании Черного Крыла, но инстинктивно мы беремся за руки, словно это наше последнее мгновение на земле.

Оказалось, что это Джеффри. Он приземляется на край газона, с расширенными глазами, как будто за ним кто-то гнался. Его рюкзак перекинут через плечо, он поддерживает его одной рукой, чтобы тот не мешал крыльям. Он поворачивается, чтобы посмотреть на подъездную дорожку. В то мгновение, когда он поворачивается ко мне спиной, все, что я вижу – это его крылья. Перья почти черные, цвета свинца.

- Это твой брат? – спрашивает Кристиан.

Джеффри слышит его и поворачивается так, будто готов к драке. Когда он обнаруживает нас на крыльце, он поднимает руку, чтобы прикрыть глаза от света лампы, и прищуривается, чтобы опознать нас.

- Клара? – зовет он. Это напоминает мне время, когда он был еще маленьким. Он боялся темноты.

- Это я, - я отвечаю. – С тобой все хорошо?

Он делает несколько шагов в круг света. Его лицо вспышка белого в темноте. Он пахнет сгоревшим лесом.

- Кристиан? – спрашивает он.

- Собственной персоной, - отвечает Кристиан.

- Ты сделала это. Ты спасла Кристиана, - говорит Джеффри. В его голосе звучит облегчение.

Я не могу отвести взгляд от его потемневших крыльев. – Джеффри, где ты был?

Он взлетает над крышей, приземляясь точно перед широко открытым окном своей спальни.

- Тебя искал, - в напряженной тишине говорит он, прежде чем нырнуть внутрь. – Не говори маме.

Я поднимаю глаза к беззвездному небу.

- Давай зайдём внутрь, пока ещё чего-нибудь не случилось, – говорю я Кристиану.

- Подожди. – Он поднимает руку, словно собирается прикоснуться к моему лицу. Я вздрагиваю, и он тоже вздрагивает. Его рука останавливается в нескольких дюймах от моей щеки, в почти такой же позе, как это было сотни раз в моих видениях. Мы оба это знаем.

- Прости, - говорит он. – У тебя грязь. – Он медлит, как будто тщательно взвешивая свое решение, и его пальцы слегка касаются моей кожи. Он мягко проводит большим пальцем по моей щеке, оттирая пятнышко грязи. – Все. Чисто.

- Спасибо, - робко говорю я.

В этот момент дверь открывается, Такер стоит по другую сторону, пристально глядя на нас, сначала на меня, его взгляд скользит по мне, осматривая с головы до пят, чтобы убедиться, что я цела, затем на Кристиана и его руку, которую он все еще держит около моего лица. Я вижу, как выражение его лица переходит от любви и беспокойства к чему-то мрачному, к покорной решимости, которую я видела, когда он порвал со мной. Я отшатываюсь от Кристиана.

- Такер, - говорю я. – Рада, что ты еще здесь.

Я бросаюсь в его объятия. Он крепко обнимает меня.

- Я не мог уйти, - говорит он.

- Знаю.

- Я имею в виду буквально. Мне не на чем ухаться.

- А где мама?

- Она спит на диване. Кажется, она в порядке, просто устала. Она не очень хотела со мной разговаривать.

Кристиан неловко прочищает горло.

- Мне пора, - говорит он.

Я колеблюсь. Я хотела привести его домой и посидеть вместе с ним и мамой, рассказать его часть истории, попытаться выяснить, что все это значит. Теперь это кажется невозможным.

- Поговорим позже, - говорит он.

Я киваю.

Он быстро поворачивается и спускается с крыльца.

- Как ты доберешься до дома? – спрашивает Такер.

Мгновение Кристиан смотрит мне в глаза.

- Я позвоню дяде, - медленно отвечает он. – Я пойду к дороге, чтобы встретиться с ним. Я живу недалеко.

- Хорошо, - говорит Такер, очевидно смущенный.

- Увидимся позже, - говорит он, поворачивается к нам спиной и убегает в темноту.

Я тяну Такера в дом прежде, чем он увидит, как Кристиан улетает.

- Итак, ты и с ним улетила от пожара, да? – спрашивает он после того, как я закрываю дверь.

- Это долгая история и я пока многого не понимаю, да и кое-что пока не хочу рассказывать.

- Но все закончилось? То есть пожар закончился? Ты выполнила свое предназначение?

Слова кажутся ножами, вонзающимися в меня.

- Да. Все закончилось.

И это правда. Пожар закончился. Мои видения закончились. Так почему у меня такое чувство, что я снова его обманываю?

- Спасибо, что спасла меня сегодня, - говорит Такер.

- Ничего не могла с этим поделать, - говорю я, пытаюсь пошутить, но никто из нас не улыбается. Так же никто из нас не говорит «я тебя люблю», но мы оба хотим. Вместо этого я предлагаю отвезти его домой.

- Мы полетим? – нерешительно спрашивает он.

- Я думала взять машину.

- Ладно.

Он наклоняется и пытается оставить быстрый джентльменский поцелуй у меня на губах. Но я не даю ему отстраниться. Я хватаю его за футболку и держу, обрушивая свои губы на его, пытаюсь вложить в этот поцелуй всю себя, все, что я чувствую, все, чего до сих пор боюсь, всю свою любовь,

такую сильную, что она причиняет боль. Он стонет и запускает руки в мои волосы, активно отвечает на поцелуй, ведя меня назад, пока моя спина не упирается в стену. Меня трясет, но я не знаю, моя ли это дрожь или его. Я знаю только то, что не хочу, чтобы он снова ушел.

Позади нас мама прочищает горло. Такер, тяжело дыша, отступает от меня. Я смотрю в его глаза и улыбаюсь.

- Привет, мам, - говорю я. – Как дела?

- Я в порядке, Клара, - отвечает она. – Как ты?

- Хорошо. – Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее. – Я как раз собиралась отвезти Такера домой.

- Отлично, - говорит она. – Но потом сразу домой.

Подвезя Такера и вернувшись домой, я иду в душ. Я стою под струями воды и включаю настолько горячую воду, сколько могу вытерпеть. Вода бежит по моим волосам, стекает вниз по лицу, и только тогда я позволяю прийти слезам, они льются, пока в груди не исчезает тяжесть. Затем я вызываю крылья и аккуратно смываю с них копоть. Серая вода стекает к моим ступням. Я отмываю перья, и они становятся светлее, хотя все равно не такими белыми, как были когда-то. Я задаюсь вопросом, станут ли они снова яркими и красивыми. Когда горячая вода заканчивается, я заворачиваюсь в полотенце и долго расчесываю волосы. Я не могу смотреть на себя в зеркало. Я ложусь в постель. Я измотана, но не могу заснуть. Наконец, я сдаюсь и спускаюсь вниз. Я открываю холодильник и рассматриваю его внутренности, прежде чем решаю, что я не голодна. Я пытаюсь смотреть телевизор, но ничего не привлекает мое внимание, а свет от мерцающего экрана бросает тени на стену, которые пугают меня, даже несмотря на то, что я знаю, здесь никого нет. Думаю, меня пугает темнота.

Я иду к маминной комнате. Я думала, что она будет расспрашивать меня, когда я отвезу Такера, но она была уже в постели и опять спала. Я просто смотрю, как она спит, мне хочется быть ближе к ней, но не хочется ее беспокоить. На нее падает полоска света от открытой двери. Она кажется такой хрупкой, такой маленькой, свернувшись на боку посреди кровати и закинув одну руку за голову. Я приближаюсь к кровати и касаюсь ее плеча, ее кожа холодная. Она хмурится.

- Уходи, - говорит она. Я огорченно отступаю от нее. Она злится из-за того, что сегодня произошло? Что я выбрала Такера?

- *Пожалуйста*, - говорит она. Я не могу понять, говорит ли она вслух или только в моей голове. Она разговаривает не со мной, доходит до меня. Ей снится сон. Когда я снова прикасаюсь к ней, мне передаются ее чувства: гнев, страх. Я вспоминаю, как она выглядела в воспоминаниях Черного Крыла, ее вид, который он хранил так долго: короткие темные волосы, яркая помада и дымящаяся сигарета, то, как она смотрела на него с легкой понимающей усмешкой. Тогда она еще не боялась, по крайней мере, не его. Вообще ничего. Для меня она незнакомка, более молодая версия моей мамы. Я гадаю, узнаю ли я ее когда-нибудь, сможет ли она теперь, когда с моим заданием покончено, раскрыть мне свои секреты.

Мама вздыхает. Я натягиваю плед, чтобы укрыть ее, убираю прядь волос с ее лица, а затем тихо выхожу из комнаты. Я иду на кухню, но все еще могу чувствовать ее сон, словно я настроилась на его волну. Это что-то новое, думаю я, способность чувствовать то, что чувствуют другие, как я чувствовала Такера, когда он целовал меня, как я чувствовала Черное Крыло, когда прикоснулась к нему. Я прикоснулась к маме своим сознанием и теперь могу найти ее, почувствовать ее. Это поражает и пугает одновременно.

Я поднимаюсь к комнате Джеффри и чувствую его. Он спит и в его сне тоже страх и что-то похожее на стыд. Тревога. Я начинаю волноваться за него. Я не знаю, где он был во время пожара, что он такого сделал, что теперь не дает ему покоя.

Я иду к раковине за стаканом воды и медленно выпиваю его. Еще пахнет дымом, запах пожара все еще держится в воздухе. Это наталкивает меня на мысль о Кристиане. Три мили на восток, говорил он. Три мили – это не так уж и далеко. Я представляю себя парящей над землей, как будто я пролетаю над корнями, деревьями и травой, протягивая линию между мной и домом Кристиана, как веревку между двух консервных банок, мой собственный импровизированный телефон. Я хочу знать, что он чувствует. И у меня получается. Я нахожу его. Каким-то образом я знаю, что это именно он, а не кто-то другой. Он не спит. Он тоже думает обо мне. Думает о том моменте, когда он стирал пепел с моей щеки, ощущение моей кожи под его пальцами, то, как я смотрела на него. Он растерян, измучен и удручен. Он не знает, что еще от него ожидают. Я понимаю это. Мы ни о чем этом не просили; мы родились с этим.

А теперь мы должны слепо служить, следовать правилам, которые не понимаем, позволить чему-то большему руководить нашей жизнью и указывать нам, кого любить и о чем мечтать.

В конце, когда мы с Кристианом летели вместе, под нами не было огня. Не было пламени, преследовавшего нас, мы не спасали друг друга. Мы не любили друг друга. Вместо этого, мы изменились. Мы поняли, что были частичками чего-то большего. Я не знаю, потеряла ли я милость, или для меня есть какой-нибудь небесный план Б. Может, это и не важно.

Одно я знаю точно, пути назад уже нет.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

ПЕРЕВОД ВТОРОЙ КНИГИ СЕРИИ «НЕЗЕМНАЯ» - «СВЯТАЯ»
ЧИТАЙТЕ НА НАШЕМ САЙТЕ WWW.FALLENARCHANGEL.RU

**Материал предоставлен в ознакомительных целях и не преследует коммерческой выгоды.
Сразу после прочтения удалите данный файл с жесткого диска вашего компьютера.**